

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра китайской филологии
КИТАЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МИНСКЕ

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ,
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы
международной научной конференции

Минск, 17–18 мая 2019 г.

МИНСК
БГУ
2019

УДК 811.581(082)+811.161.1(082)+821.581.09(082)
ББК 81.711я43+81.411.2я43+83.3(5)я43
К45

Редакционная коллегия:
Н. Н. Хмельницкий (отв. ред.), А. М. Букатая, Го Цзиньлун,
В. В. Жуковец, С. А. Володько

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента *Н. Н. Хмельницкого*

Рецензенты:
доктор педагогических наук, профессор *Н. Н. Нижнёва*;
кандидат филологических наук, доцент *С. Е. Олейник*

Китайско-белорусские языковые, литературные и культур-
К45 **ные связи: история и современность : материалы междунар. науч.**
конф., Минск, 17–18 мая 2019 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.:
Н. Н. Хмельницкий (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред.
Н. Н. Хмельницкого. – Минск : БГУ, 2019. – 367 с.
ISBN 978-985-566-795-8.

Рассматриваются история и современное состояние китайско-белорусских языковых и литературных связей, актуальные проблемы преподавания китайского языка и литературы в Беларуси, межкультурной коммуникации, а также современное состояние переводоведения двух стран.

Для студентов-филологов, преподавателей-китаеведов и всех, кто интересуется вопросами белорусско-китайского культурного и образовательного диалога.

УДК 811.581(082)+811.161.1(082)+821.581.09(082)
ББК 81.711я43+81.411.2я43+83.3(5)я43

ISBN 978-985-566-795-8

© БГУ, 2019

КИТАЙ-БЕЛАРУСЬ: ОТ ДИАЛОГА К СОТРУДНИЧЕСТВУ

17–18 мая 2019 г. кафедра китайской филологии при поддержке Китайского культурного центра в Минске организовала и провела Международную научную конференцию «Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность», в которой приняли участие более 50 ученых, преподавателей, аспирантов и студентов из Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

На пленарном заседании, которое состоялось в Китайском культурном центре, с приветственным словом к участникам мероприятия обратились заместитель проректора по научной работе БГУ В. П. Кутавичюс, отметивший важность китайского вектора образования и научно-исследовательского сотрудничества БГУ с университетами и учреждениями КНР; декан И. С. Ровдо, который рассказал о специфике подготовки китайских и белорусских студентов на филологическом факультете; первый секретарь отдела культуры Посольства КНР в РБ Чжан Хунвей подчеркнул важность проводимого научного форума, а также заинтересованность китайской стороны в эффективном развитии партнёрских отношений в сфере культуры и книгоиздательства; директор Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ, который подчеркнул необходимость интеграции усилий в изучении китайско-белорусских языковых, литературных и культурных связей; директор института языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси И. Л. Капылов рассказал о достижениях академической лингвистики в области исследования китайско-белорусских языковых связей; директор Института литературоведения имени Янки Купалы НАН Беларуси И. В. Саверченко подчеркнул важное значение художественных переводов в социокультурном пространстве Беларуси и Китая.

Дальнейшая работа научной конференции была продолжена в трёх секциях («Китайско-белорусские языковые связи: история и современность», «Китайско-белорусские литературные связи: теория и практика», «Китайско-белорусский культурный и образовательный диалог»), выступления участников на которых были посвящены истории и перспективам диалога языков, литератур, национальных традиций, культур, актуальным проблемам преподавания китайского языка и литературы в Беларуси и белорусского языка – в Китае, межкультурной коммуникации, современному состоянию переводоведения двух стран.

Организаторы Международной научной конференции «Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность» и редколлегия издания выражают слова искренней благодарности всем участникам этого форума, которые любезно предоставили материалы для публикации в данном сборнике. Статьи печатаются в авторской редакции.

Н.Н.Хмельницкий

КИТАЙСКО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ, БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ ДУША И СЕРДЦЕ

Аксёничкова-Бирюкова А. А.

*Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, Angelaleks99@mail.ru*

Понятие о душе – одно из значимых в культуре всех народов. Согласно Толковому словарю В. И. Даля: «Душа – бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и др. Душа есть бесплотное тело духа...» [1].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дано такое толкование слова «душа»:

- «1. Внутренний, психический мир человека, его сознание.
2. Свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами.
3. В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке.
4. перен. Вдохновитель чего-нибудь, главное лицо.
5. О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях).
6. В царской России крепостной крестьянин» [2, с. 183].

В «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» «душа»:

«1. Понятие, которое выражает исторически изменяющиеся взгляды на психику человека. // В идеалистической философии – нематериальная основа жизни человека, носитель психических процессов. // В религиозных представлениях – бессмертная нематериальная первооснова в человеке, которая отличает его от животных.

2. Совокупность характерных черт, присущих личности; человек с теми или иными свойствами.

3. разг. Человек.

4. перен. Вдохновитель, организатор чего-либо.

5. разг. Дружеское фамильярное обращение к кому-либо.

б. То же, что и дух» [3].

Согласно китайской трактовке души, человек представляет собой сочетание двух субстанций: небесной 魂 хунь и земной 魄 по, сосредоточенных в его душе. Таким образом, компоненту «душа» в русском и белорусском языках соответствуют китайские компоненты 魂 хунь и 魄 по. Следовательно, в китайских фразеологизмах существует противопоставление двух душ: «высокой» 魂 хунь и «низкой» 魄 по. «На Небе вместе с дыханием человек приобретает душу 魂 хунь, обладающую крыльями и умеющую летать. Хунь 魂 путешествует по Небу, оберегает человека, она способна испытывать всевозможные чувства» [4, с. 133]. На Земле же вместе с телом человек обретает душу 魄 по, которую небо может отнять у него. Хунь может вернуться к телу, и тогда произойдет воссоединение души с телом: 借尸还魂 jiè shī huán hún (при помощи трупа вернуть душу) в значении ‘перевоплотиться’.

Китайские фразеологизмы, содержащие компоненты хунь и по, передают чувства страха, растерянности, душевного беспокойства: 魂飞走了, 魄模糊了 hún fēi zǒule, pò móhúle (хунь улетела и по расплылось) в значении ‘страх’, ‘испуг’; 魂失去了, 魄失去了 hún shīqule, pò shīqule (хунь погибла и по потерялось) в значении ‘полная растерянность’; 失魂落魄 shīhúnluòpò (потерять хунь и уронить по) – ‘иметь растерянный, перепуганный вид’.

Однако есть выражения со значением ‘успокоить’: (успокоить хунь и по) 冷静魂魄 lěngjìng hún pò или же имеющие значение ‘сильно увлечься чем-то прелестным’: 迷魂夺魄 mí hún duó pò (закружить хунь и отнять по). Также известны фразеологизмы с компонентом по, обозначающие как яркие положительные впечатления и эмоции: 触摸魄, 击中了心脏 chù mō pò, jí zhòng le xīn zàng (тронуть по и поразить сердце), так и смерть: 天空带着某人魄 tiānkōng dài zhe mǒu rén pò (небо отняло чье-то по).

В русских и белорусских фразеологизмах выступает только один компонент «душа», противопоставленный телу: *не виноват ни душой ни телом; вынуть душу; цела з душою разлучыць; душой і целам*. При этом обращается внимание на несовместимость вечной души и тленного тела: *душа прохладу любит, а плоть пар; грешное тело и душу съело*. Подчеркивается и то, что красота телесная и душевная не всегда совпадают. Приоритет при этом отдается красоте души: *лицом бел, а душою черен*.

Многие фразеологизмы с данным компонентом построены, основываясь на религиозных представлениях людей о душе как о Божьем

даре, связанном с моментом рождения или смерти: *вдохнуть душу* – в значении ‘оживить, возродить’, *отдавать Богу душу* – в значении ‘умирать’; *аццац Богу душу*; *адпусціць душу на пакаянне*. Таким образом, считается, что теряя душу, человек умирает. Кроме того, содержится большое количество фразеологизмов с компонентом «душа», содержащих предостережение не совершать плохих поступков: *не криви душой* – *кривобок на тот свет уйдешь*; *грешное дело ест душу*.

Во фразеологизмах русского языка компонент «душа» часто противопоставлен деньгам: *хоть мошна пуста, да душа чиста*; *богатому душа дешевле гроша*.

Душа в сознании русского и белорусского народа – самое дорогое, что есть у человека, высшая ценность: *душа всего дороже*; *душа всему мера*. Она является личным достоянием каждого человека и оберегается им от посягательств, отсюда эквивалентные фразеологизмы в русском и белорусском языках: *лезть в душу*; *лезці ў душу* в значении ‘распрашивать человека о его проблемах, когда он не хочет говорить’; *растоптать душу*; *плевать в душу*; *напляваць у душу* в значении ‘обидеть самое дорогое для человека’.

С этим понятием связаны фразеологизмы, имеющие значение ‘быть откровенным’: *распахивать душу*; *выворачивать душу наизнанку*; *адкрыць душу*; *душа наросхрыст (душа нараспашку)*. В то же время в выражениях указывается на невозможность полностью понять чужую душу: *чужая душа – потемки*; *у душу не ўлезеш*.

Кроме того, следует отметить, что как у русских, белорусов, так и у китайцев основным местом нахождения души считается сердце. В связи с этим существует большое количество фразеологизмов, в которых компоненты «душа» и «сердце» взаимозаменяемы.

Устойчивые выражения с компонентом «сердце» широко известны и активно используются в речи носителей русского, белорусского и китайского языков. В русском языке он выражается лексемой «сердце», в белорусском – «сэрца». В китайском языке для обозначения слова «сердце» используется иероглиф «心». В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой зафиксированы следующие значения слова «сердце»:

«1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости);

2. перен. Этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений;

3. перен. Важнейшее место чего-нибудь, средоточие;

4. Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного» [2, с. 712].

В «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» «сэрца»:

«1. Центральный орган кровообращения, который имеет вид мускульного мешка;

2. перен. Этот орган как символ переживаний, настроений, чувств; сердечности, искренности, отзывчивости; символ любовной склонности, любовных чувств;

3. перен. Душевный мир человека, его переживания, чувства;

4. перен. Гнев, злость;

5. Центр, самая важная часть чего-либо;

6. Внутренняя центральная часть стебля (ствола) растения, сердцевина» [3].

В китайском языке словом сердце 心脏 xīnzàng также обозначается «орган, отвечающий за циркуляцию крови в органах человека и высших животных». Переносные значения этого слова: «центральный, узловой, главный момент» – 中心, 中央 zhōngxīn, zhōngyāng и «то, что относится к органу мысли и идеи, чувства» – 心理, 心旷神怡, 人心惶惶 xīn lǐ, xīn kuàng shén yí, rén xīn huáng huáng [5].

Таким образом, анализ семантической структуры лексемы «сердце» показывает, что для русского и белорусского языка «сердце» в некоторых значениях тождественно «душе», являясь ее вместилищем, а также символизирует чувства и переживания. В китайском языке «сердце» также место нахождения «души», но в большей степени оно соотносится с такими понятиями, как «мысль» и «чувство». Сердце – это текущее состояние души. В сердце локализуется мыслительная деятельность человека, его психика, чувства, воля, характер и нравственность.

Проанализируем фразеологизмы русского, белорусского и китайского языков, содержащие данный компонент.

Зачастую в русском языке слово «сердце» воплощает любовь и связанные с этим всевозможные переживания. Устойчивые выражения, передающие радостные эмоции, весьма частотны и характерны для трех культур: *находить путь (дорогу) к сердцу, знайсці дарогу к сэрцу* в значении ‘добиваться, вызывать чье-либо расположение, любовь’, *покорять сердце* – ‘внушать любовь к себе, заставляя полюбить себя’, *отдавать сердце* – ‘любить кого-нибудь’ либо *открыть свое сердце* – ‘в полной мере выразить свои чувства’; *к сэрцу прыпасці (лечь к сердцу)* в значении ‘полюбить’. В китайском языке присутствуют следующие соответствия: 心心相印 xīnxīnxiāngyìn (любить друг друга), 一见倾心 yī

jìàn qīngxīn (полюбить с первого взгляда). Выражения, передающие печаль неразделенной любви, встречаются реже, причем как в русском, так и в белорусском языках данные словосочетания эквивалентны: *разбить сердце; сэрца кроіць (сердце разбивать)*. В китайском языке фразеологизмов на данную тему найдено не было.

Для русской культуры характерны выражения, в которых компонент «сердце» ассоциируется с замужеством: *предлагать руку и сердце* – ‘предлагать выйти замуж за кого-либо’, *отдавать руку и сердце* – ‘соглашаться стать женой кого-либо’. В китайской культуре выражений подобной тематики с компонентом «сердце» найдено не было.

Фразеологизмы со значением качественной оценки человека имеют эквиваленты в русском, белорусском и китайском языках, они характеризуют такие понятия как «добро» и «зло». В русском, языке компонент «сердце» используется для описания доброты, отзывчивости человека: *иметь золотое сердце* – ‘быть добрым и благородным человеком’, *златое сэрца, 心地善良 xīndì shànliáng доброе сердце*. Выражения, характеризующие негативные черты характера, такие как жестокость, присутствуют в трех языках. В русском: *без сердца, каменное сердце* в значении ‘быть бессердечным, бесчувственным’. В белорусском: *не мець сэрца (не иметь сердца)*. В китайском языке данным фразеологизмам соответствуют словосочетания: 铁石心 tiěshí xīn (*железное сердце*), 心狠手辣 xīnhěnhǒulà (*жестокосердный и беспощадный человек*); 黑心 hēixīn (*коварное сердце – черное сердце*).

Интерес представляет наличие в культуре русского и белорусского народов фразеологизмов со значением характеристики психоэмоционального состояния человека. В некоторых из них может присутствовать как компонент «сердце», так и компонент «душа» как ‘внутренний, психический мир человека, его сознание’, т. к. сердце мыслится вместилищем души. В китайском языке во фразеологизмах с подобным значением используется иероглиф 心. В китайской культуре также считается, что душа сосредоточена в сердце, Как и у русских, у китайцев сердце считается основным местом нахождения души. Например, *душа (сердце) болит, душа в пятки ушла*, а в китайском: 痛心入骨 (*сердечная боль входит внутрь кости*) – ‘испытывать сильную душевную боль’, однако эти понятия не синонимичны полностью, как в некоторых значениях в русском и белорусском языках. В китайской традиции «сердце» более соотносится с понятием «ум».

Сердце в национальной культуре трех стран связано с внутренним состоянием человека, отражая противоположные чувства и переживания.

Выражения с компонентами «сердце / душа» в русском и белорусском языках позволяют передать душевный покой: *отлегло от сердца, камень с сердца (души) свалился; быцам камень з сэрца (душы) спаў (будто камень с сердца (души) упал); ощущение радости: сердце (душа) радуется; сэрца (душа) спявае (сердце (душа) поет)*. В китайском языке подобным выражениям соответствуют фразеологизмы: 心情舒畅 xīnqíng shūchàng (*сердце радуется*); 心安理得 xīn'ānlǐdé (*со спокойным сердцем*); 心平气和 xīnpíngqìhé (*на сердце спокойно*).

Фразеологизмы с данными компонентами могут описывать душевную боль и страдания человека: *сердце (душа) болит, ад кромешный на сердце (в душе); сердце (душа) разрывается, сердце кровью обливается; кривею сэрца абягае (сердце кровью обливается); 万箭穿心 wàn jiàn chuān xīn (десять тысяч стрел в сердце) – в значении 'сердце кровью обливается'; 痛心入骨 tòngxīn rùgǔ (сердечная боль входит внутрь кости) в значении 'испытывать сильную душевную боль'; 锥心泣血 zhuī xīn qì xuè (сердце плачет кровью); 伤心难过 shāngxīn nánguò (сердце болит)*.

Фразеологизмы с компонентами «сердце / душа» в двух языках помогают выразить сильный страх или испуг: *сердце падает, сердце замирает, сердце (душа) в пятки ушла, сэрца (душа) апала*. В китайском языке им соответствуют словосочетания: 心有余悸 xīnyǒuyújì (*сердце часто бьется*) в значении 'не оправиться от испуга'; 心惊肉跳 xīnjīngròutiào (*сердечный приступ*) – 'в страхе не находить себе места'.

В языках трех народов присутствуют фразеологизмы с компонентом «сердце», обозначающие искренность и честность человека. Русское: *всем сердцем (всей душой), от чистого сердца, от всего сердца (от всей души)*; белорусское: *ад усяго сэрца, (ад усей душы)*, в значении 'искренне'. Соответствия данным выражениям имеются в китайском языке: 赤胆忠心 chīdǎnzhōngxīn (*преданное сердце*) – 'верой и правдой'. Особенностью китайской картины мира является то, что сердце (душа) выступает как учитель: 师心自用 shīxīnzìyòng (*относиться к своему сердцу, как к своему учителю*).

Фразеологизмы русского языка с компонентом «сердце» могут выражать гнев, обиду: *сердце берёт* – 'кто-либо сердится, гневается на кого-либо; *держат сердце* – 'переживать, долго помнить что-либо; в сердцах – 'в порыве гнева'.

В русском и белорусском языках есть выражения: *растерзать сердце, ужалить в самое сердце* – 'неожиданно причинить вред, неприятность кому-либо'; *сэрца ад'ядаць (съесть сердце), сэрца гнаіць* – в значении 'отравлять жизнь', характеризующие негативное

действие, совершаемое кем-то по отношению к другому лицу; *вынимать душу* – в значении ‘истязать нравственно, мучить’. В китайском языке выражений подобной тематики найдено не было.

В русском языке компонент «сердце» может использоваться для обозначения отсутствия желания что-то делать: *скрепя сердце, сердце не лежит*. В китайском языке компонент «сердце» служит также для обозначения мыслей и мнения, например: 回心转意 *huíxīnzhuǎnyì* (*изменить свое мнение*).

Таким образом, русские, белорусские и китайские устойчивые выражения с компонентами «душа» и «сердце» имеют как сходство, так и различие, обусловленные особенностями менталитета, национальных традиций и культуры наших народов.

Библиографические ссылки

1. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс] / Словарь Даля. – Режим доступа : <http://vdahl.ru> – Дата доступа : 12.05.2019.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.
3. Булыка А. М. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : [каля 8300 слоў]. – 2-е выд. – Мінск : Попурри, 2008. – 519 с.
4. 吕叔湘, 丁树声, 《现代汉语词典》, 商务印书馆, 2005. 1759页. Люй Шусян, Дин Шушэн. Современный китайский словарь. – Пекин : Коммерция, 2005. – 1759 с.
5. Пэн Бо «新编成语谚语俗语歇后语手» Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://twirpx.comfile/478391/> – Дата доступа : 12.05.2019.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аксёничков-Бирюков С. Ю.

*Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, arhares333@gmail.com*

Соматические фразеологизмы – это фразеологизмы, содержащие компоненты, которые обозначают названия наружных частей тела (голова, рука, глаза); а также элементы сердечно-сосудистой, нервной и других систем (сердце, кровь, печень, мозг). Данная категория фразеологизмов обладает наибольшей коммуникативной значимостью и

высокой продуктивностью. С помощью соматических фразеологизмов люди могут передавать определенные понятия, описывать пространство, время, выражать различные эмоции и чувства. В их основе находится наблюдение людей за собой, особенностями своего поведения и общения.

В русском и китайском языках соматические фразеологические единицы возникли независимо друг от друга, они имеют разные типы образно-мотивационных основ. Однако следует отметить, что, несмотря на своеобразие языков и национальную специфику, данные фразеологизмы имеют много общего. Проанализируем фразеологизмы русского и китайского языков, содержащие компоненты-соматизмы. Для этого воспользуемся словарями В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» [1] и Пэн Бо «新编成语谚语俗语歇后语手册» («Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок») [2].

Соматизмы представляют собой наиболее древнюю часть лексики как русского, так и китайского языков. В обоих языках наиболее часто встречаются соматические фразеологизмы с компонентами «голова», «глаз», «рука» и «сердце». Характерно, что в китайском языке частотными также являются фразеологизмы с компонентами, обозначающими внутренние органы человека, например: кишка (cháng 肠), печень (gān 肝), желчный пузырь (dǎn 胆); 直肠子 zhíchángzi – *прямая кишка* – в значении ‘прямой, искренний человек’.

В китайском языке есть отдельные номинации частей тела для женщин, мужчин и детей. Например, при обозначении частей тела женщины используются такие слова, как 四肢 (sìzhī) – конечности, 脸 (liǎn) – лицо, 喉结 (hóujié) – кадык, 关节 (guānjié) – локтевой сустав. При обозначении частей тела мужчины употребляют 腰部 (yāobù) – поясница, талия, 肩膀 (jiānbǎng) – плечо, 手指甲 (shǒu zhǐjiǎ) – ноготь. При обозначении частей тела у детей используют такие слова, как 胳肢窝 (gā zhī wō) – подмышка, 胳膊 (gēbó) – рука, 胳膊肘儿 (gēbó zhǒu er) – локоть.

Голова является важнейшим органом тела человека и во фразеологизмах обоих языков она часто выступает как символ жизни: *сложить голову, давать голову свою порукой, 项上人头 xiàng shàng réntóu* – *жизнь человека*.

В русском языке фразеологизмы с компонентом «голова» связаны с такими понятиями, как «ум», «память». Они могут иметь как положительную, так и отрицательную оценку: *светлая голова, хорошо голова варит, голова на плечах имеется, голова мякиной набита, без головы, дырявая голова*.

Фразеологизмы с компонентом «голова» в русском и китайском языках выражают также эмоциональное состояние человека: *кровь ударила в голову* – ‘ярость’, *хвататься за голову* – ‘переживать’, *задирать голову* – ‘гордиться’, 垂头丧气 *chuítóusàngqì* – *повесить голову и пасть духом* – в значении ‘удрученный’.

Как в русских, так и в китайских фразеологизмах голова является единицей счета людей: *одна голова хорошо, а две лучше; одна мудрая голова сто голов кормит; сто голов – сто умов*; 齐头并进 *qítóubìngjìn* – *идти рука об руку*, 抛头颅, 洒热血 *pāo tóulú, sǎ rèxuè* – *сложить свою голову и пролить алую кровь*. В обоих языках голова может символизировать покорность: *склонить голову*; 俯首听命 *fǔshǒu tīngmìng* – *склонить голову*.

Русские фразеологизмы с компонентом «голова» служат для характеристики характера человека: *сорвиголова, бесталанная голова, отпетая голова*.

В китайских фразеологизмах голова может символизировать начальника: 顶头上司 *dǐngtóu shàngsī* – *главный начальник*, 群龙无首 *qúnlóngwúshǒu* – *у группы драконов нет головы* – в значении ‘остаться без главаря’.

Глаза также считаются важнейшим органом человека. Фразеологизмы с компонентом «глаз» характеризуют такие понятия, как «зрение»: *верный глаз*; «наблюдение»: *во все глаза; не сводить глаз*; 目不转睛 *mùbùzhuǎnjīng* – *уставиться глазами* – в значении ‘сосредоточенно’; 目不暇接 *mùbùxiájiē* – *глаза разбежались* – в значении ‘сложно сосредоточиться’; 目不交睫 *mù bù jiāo jié* – *не смыкать глаз*.

Кроме того, фразеологизмы с компонентом «глаз» могут выражать различные психологические состояния человека: *глаза слипаются* – ‘хочется спать’; *в глазах темнеет* – ‘становится плохо’; *сделать большие глаза* – ‘удивляться’; *проглядеть все глаза* – ‘ожидать’; 目瞪口呆 *mù deng kou dai* – *глаза открываются от испуга, удивления и сильно открывается рот* – в значении ‘ошеломленный’; 头昏眼花 *tóu hūn yǎnhuā* – *кружится голова, темнеет в глазах*.

В китайском и в русском языках глаза непосредственно связаны с душой: *глаза – зеркало души*; 伤心惨目 *shāngxīn cǎn mù* – *душа болит*. В русских фразеологизмах, в отличие от китайских, слово «глаз» имеет значения: ‘дурной взгляд’, ‘сглаз’ – *худой глаз*.

Широко известны в русском и китайском языках фразеологизмы с компонентом «сердце». В обоих языках данные фразеологизмы

описывают характер людей: *золотое сердце, каменное сердце*, 铁石心 tiěshí xīn – железное сердце, 心狠手辣 xīnhěnhǒulà – жестокосердный человек. Кроме того, они характеризуют различные чувства и переживания людей, такие как беспокойство: *сердце ноет, сердце рвется пополам, сердце не на своем месте*, 万箭穿心 wàn jiàn chuān xīn – десять тысяч стрел в сердце; 锥心泣血 zhuī xīn qì xuè – сердце плачет кровью; страх: *сердце заходится, сердце замирает*; 心有余悸 xīnyǒuyùjì – сердце часто бьется; спокойствие: *отлегло от сердца, камень с сердца свалился*, 心安理得 xīn'ānlǐdé – хорошее самочувствие.

Часто сердце олицетворяет собой любовь, соединяющую в себе самые разнообразные переживания: *находить путь к сердцу* – ‘добиваться любви’, *покорять сердце* – ‘внушать любовь к себе’, *отдавать сердце* – ‘любить кого-нибудь’, *предлагать руку и сердце* – ‘предлагать выйти замуж’, *отдавать руку и сердце* – ‘соглашаться стать женой’; 心心相印 xīnxīnxiāngyìn – любить друг друга, 一见倾心 yī jiàn qīngxīn – полюбить с первого взгляда.

Фразеологизмы с компонентом «рука» и в русском, и в китайском языках связаны с такими понятиями, как «труд»: *золотые руки, на все руки мастер*, не покладая рук, 手疾眼快 shǒujíyǎnkuài – расторопный; 手不释卷 shǒu bù shì juàn – не расставаться с книгами – ‘делать что-либо с большим старанием’; 手到擒来 shǒu dào qín lái – потянуть руку и сразу поймать – ‘справляться с чем-либо свободно’.

Фразеологизмам с компонентом «рука» свойственна также и отрицательная коннотация: *сидеть сложа руки, складывать руки, руки не доходят* – в значении ‘бездействовать’, 笨手笨脚 bènshǒu bènjiǎo – несвободные руки и ноги – в значении ‘делать что-либо неуклюже’; 毛手毛脚 máo shǒu máo jiǎo – руки и ноги путаются в шерсти – в значении ‘делать что-либо суматошно’.

При помощи жестов человек может передавать свои чувства и эмоции. Это нашло отражение во многих русских и китайских фразеологизмах, содержащих компонент «рука»: *потирать руки* – ‘выражать радость, волнение’; *ломать руки* – ‘выражать сильное горе’; *попасть под горячую руку* – ‘пострадать от того, кто действует сгоряча’; *руки опускаются* – ‘не знать как быть’; *руки горят* – ‘очень хочется’; 手舞足蹈 shǒuwǔ zúdǎo – руки и ноги танцуют от восторга – ‘испытывать радость’; 手忙脚乱 shǒumáng jiǎoluàn – руки и ноги не в порядке – ‘испытывать тревогу и беспокойство’; *брать себя в руки, держать себя в руках* – ‘сохранять спокойствие’; *опустить руки* – ‘отчаяться’; 束手无策 shù shǒu wú cè – руки опустились – в значении ‘беспомощный’.

Соматические фразеологизмы с компонентом «рука» могут выражать различные взаимоотношения между людьми: власть – прибирать к рукам, брать голыми руками, попадать в руки; сопротивление власти – отбиться от рук, отбиваться руками и ногами; помощь – протягивать, руку помощи. В китайском языке: 一手遮天 yīshǒu zhē tiān – одной ладонью заслонить все небо – ‘обладать полной властью’. Эквивалентом русского выражения рука об руку – ‘дружно, не разлучаясь’ является китайское 手足情深 shǒu zú qíng shēn – хорошее согласие в руках и ногах – ‘иметь хорошие отношения’.

Часто в русском и китайском языках фразеологизмы с компонентом «рука» раскрывают характер людей. В русском языке фразеологизм щедрой рукой – ‘не скупясь раздавать что-либо’ имеет тот же смысл, что и в китайском языке фразеологизм 大手大脚 dà shǒu dà jiǎo – большие руки и ноги – ‘расточительный человек’. Русские фразеологизмы большая рука, правая рука, сильная рука используются для характеристики влиятельного, сильного человека.

Таким образом, в русском и китайском языках имеется много соматических фразеологизмов, которые имеют близкую образную составляющую. Это является отличительной особенностью данной категории фразеологизмов и объясняется общими закономерностями развития человека, его познавательной деятельности, наблюдений над собой.

Библиографические ссылки

1. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vdahl.ru/> – Дата доступа: 15.04.2019.

2. Пэн Бо «新编成语谚语俗语歇后语手» Новейший словарь-справочник фразеологизмов, пословиц, поговорок и недомолвок [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://twirpx.comfile/478391/> – Дата доступа: 16.04.2019.

ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА «И ПОСЛЕДНЕЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОД НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Ван Цяоши

*Дальневосточный федеральный университет,
ул. Суханова, 8, 690091, г. Владивосток, Приморский край, Россия,
1904642718@qq.com*

За последние годы появляется всё больше и больше исследований, посвящённых тексту и описанию разнообразных явлений, как в России, так и в зарубежных странах, в том числе и в Китае. В лингвистических

исследованиях, от фонетики до словообразования, от морфологии до синтаксиса, от семантической функции до прагматической, тексту, как высшему уровню языковой системы, уделяется все больше внимания. Текст – это и динамичный процесс создания продукта, и продукт речевой деятельности. Процесс создания текста предполагает наличие цели и намерения автора. Такой процесс подобен части процесса установки. Сначала необходимо составить проект и сделать чертеж, потом создать компоновку, и, наконец, совершить первоначальную установку [1, с. 32].

Связность и целостность взаимодействуют как два основных структурных свойства текста. Категория связности, является одной из основополагающих текстовых категорий. Одним из вопросов, касающихся теории связности текста, является вопрос о показателях связности. В 1978 г. В. Дресслер в своей статье «Синтаксис текста» назвал единицы текста «коннекторы», как средство связи предложений в тексте, которые «по большей части реализуются в последовательности предложений» [2, с. 125]. Этот термин он применил по отношению к широкому кругу разных средств, указывающих на связность между компонентами текста. Вошедший в русистику из западной лингвистики термин «дискурсивные слова» охватывает большое количество разных лексем, в функции которых входит и оформление связности текста [3, с. 7]. А. Ф. Прияткина, ссылаясь на М. Пфютце, отметила, что существует множество способов оформления текстовой связи. Например, глагольные временные формы, модальные слова и предложения выполняют такие роли, как прямое создание направленной и обратно направленной связи, непосредственная или опосредованная взаимосвязь высказываний или целых частей текста и др. [4, с. 335]

В русистике используются разные термины для обозначения средств связи частей текста. В трудах одних ученых применяется общий термин для обозначения средств связи внутри предложения и между предложениями. Например, М. И. Черемисина понимала термин «скрепа», как любое служебное слово, формирующее сложное предложение. Согласно этой точке зрения, союз является одной из разновидностей скреп [5, с. 179]. М. В. Ляпон использовала термин «релятив» в качестве общего названия связующих слов не только внутри предложения, но и в тексте [6, с. 31]. В последние годы самым распространенным стал термин «текстовая скрепа», предложенный А.Ф. Прияткиной для обозначения «отдельной категории служебных единиц» [4, с. 342], отражающих особый способ обеспечения внутренней последовательности частей текста. Они являются особым классом единиц, для которых юнкционная функция первична. К настоящему моменту детально описаны некоторые них (подробнее в списке

описанных текстовых скреп): так [1], в целом, в основном, в общем, в принципе [2], к слову [3], в заключение, в завершение, в довершение [4], в результате и в итоге [5], итак и таким образом [6], кстати и между прочим [7], впрочем [8, 9].

В данной статье объектом анализа является текстовая скрепа «и последнее». Задача статьи – показать функционирование данной скрепы в русских текстах и выяснить, как она может быть переведена на китайский язык. Источником материала послужил «Национальный корпус русского языка». В качестве основы исследования была использована теория текстовых скреп, разработанная в трудах А. Ф. Прияткиной.

Прежде всего, обратимся к составу текстовой скрепы «и последнее». В ее состав входит союз «и» в качестве ее обязательного элемента [7, с. 137] и имя прилагательное «последний» в форме среднего рода единственного числа именительного падежа. На самом деле союз «и» имеет присоединительное значение. Он вводит последнюю по содержанию фрагмента текста или всего текста информацию. Других форм прилагательного в данной скрепе быть не может, значит, это уже фразеологизированная структура. Как правило, скрепа синонимична фразам «в конце концов», «в конечном итоге» и др.

В русском тексте скрепа «и последнее» часто используется с множественными скрепами, такими как «первое», «второе», «во-первых», «во-вторых», «в-третьих» и т. д. для выражения последовательности изложения событий и аргументов. Также скрепа может употребляться самостоятельно или в диалоге. Например, в интервью скрепа используется для введения последнего вопроса.

В зависимости от ситуации, функции скрепы различны. Перевод текстовой скрепы «и последнее» на китайский язык также зависит от употребления. Теперь выясним, как она употребляется в русских текстах и как она в каждом случае переводится на китайский язык.

1. «И последнее» употребляется с такими скрепами, как «первое», «второе», «во-первых», «во-вторых», «в-третьих» и др. Например:

*Прежде чем открыть обезличенный «металлический» счет, изучите условия работы банков, – говорит Вячеслав Васильев, начальник отдела операций с драгметаллами Банка Москвы. – **Во-первых**, какова минимальная сумма инвестиций на счет. Разброс огромный: если одни банки готовы зачислить на счет даже грамм золота, то другие управляют от килограмма золота. **Во-вторых**, сравните котировки купли-продажи драгметаллов. Банки, разумеется, ориентируются на международные цены, но стоимость покупки и продажи металлов*

выставляют каждый свои. А **в-третьих**, изучите, какие банк начисляет проценты.

И последнее. Перевести вклад из одного металла в другой можно почти в любом банке. Но учтите, что в этом случае потеряете проценты по вкладу. (Александр ЗЮЗЯЕВ. На драгметаллах сейчас можно озолотиться // Комсомольская правда, 2007.10.16) [8]

В этом случае автор показал необходимые условия банков перед открытием счета с помощью слов «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «и последнее». Данная скрепа появляется в конце текста, это обычная для текстовой скрепы «и последнее» позиция. В данном примере посредством скрепы «и последнее» говорящий завершает рассуждение и показывает, что он дал все необходимые рекомендации. В этом примере «и последнее» так переводится – «最后» («в конце концов»).

2. «И последнее» может употребляться самостоятельно, обычно появляясь в конце текста для введения какого-либо важного для говорящего (автора) этапа рассуждения. Например,

текст состоит из 57 абзацев. Тема текста – жизнь сына Марины Цветаевой Георгия (Мура) и его непростые отношения с матерью. Нет никаких специальных показателей деления текста на шаги, показывающие последовательность рассуждения.

Ниже приводится фрагмент текста, который вводится с помощью скрепы «и последнее»:

<...>

И последнее. Вот что Мур писал о своей матери, когда уже прошло некоторое время после ее смерти и когда он сам перенес много страданий. «Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, ее предсмертные дни в Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание. Я тогда совсем не понимал ее и злился за такое внезапное превращение... Но как я ее понимаю теперь!»

<...> (Наталья Громова. «Он счастливый, потому что родился в воскресенье» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.02.06) [8]

В данном случае скрепа «и последнее» отражает позицию автора, для которого из всех микротем, которые развивались в тексте, нужно отдельно выделить микротему «отношения Мура с матерью». Важно показать, что в конце жизни Мур изменил свое отношение к матери. «И последнее» в данном случае означает ‘вот что я (рассказчик, говорящий) хочу отдельно выделить’. В этом примере текстовая скрепа «и последнее» переводится на китайский язык как «最后», «在结尾时» («в заключение»).

3. «И последнее» может употребляться в интервью. Например:

- *Илья Артемьевич, как удастся генетикам заглянуть в далекое прошлое, узнать то, что было 100-150 тысяч лет назад?*

- *Наследственная информация записана в молекуле ДНК. В геноме – 3 миллиона элементарных химических единиц: нуклеотидов. Изучая различия в молекулах ДНК и находя в них общее, прослеживая мужские линии по Y-хромосоме, а женские – по "митохондриальной ДНК" можно достаточно точно вычислить, сколько у землян было предков.*

Далее приводится еще 2 вопроса и ответы на них. После этого с помощью скрепы «и последнее» вводится заключительный вопрос:

- ***И последнее.** Когда появился первый человек на американском континенте?*

- *По данным археологов, 40-25 тысяч лет назад. Исследования продолжаются. Я думаю, что нас ждет еще много удивительных открытий. (Головачев Виталий политический обозреватель 'Труда'. НАС ОСТАВАЛОСЬ – 2000 // Труд-7, 2003.06.18) [8]*

Это диалог между интервьюером и интервьюируемым. Последний вопрос тесно связан с предыдущими вопросами. Поэтому «и последнее» не только подводит к последнему вопросу, но и выполняет заключающую функцию. В этом случае переводится на китайский язык «最后一个问题» («последний вопрос»).

Итак, в результате анализа функционирования текстовой скрепы «и последнее» в русских текстах и ее перевод на китайский язык можно сделать следующие выводы: в текстовой скрепе «и последнее» союз «и» имеет присоединительное значение. Он вводит последнюю по содержанию фрагмента текста или всего текста информацию. В русском тексте скрепа «и последнее» часто пользуется с такими множественными скрепами, как «во-первых», «во-вторых» и т. д., употребляется самостоятельно или в диалоге. В зависимости от ситуации, функции скрепы различны. Соответственно, перевод текстовой скрепы «и последнее» на китайский язык в разных ситуациях также различается. При переводе скрепы «и последнее» в зависимости от контекста есть такие китайские эквиваленты, как «最后», «在结尾时», «最后一个问题». Они не только имеют значение «окончательный», но и также могут переводиться в зависимости от различных ситуаций, как: «последний вопрос», «в заключение». В зависимости от контекста, по мере необходимости могут быть добавлены другие слова, чтобы дополнить смысл объяснения, и таким образом, перевод может быть более точным.

Библиографические ссылки

1. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999 ; М., 2001. 32 с.
2. Дресслер, В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. №8. Лингвистика текста. М., 1978. 125 с.
3. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
4. Прияткина, А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (О расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Владивосток., 2007. С 334-344.
5. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск., 1987. 179 с.
6. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. М.: Наука, 1986. 31 с.
7. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С 134-141.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru.1000/>

Список описанных текстовых скреп

1. Шишмарёва, Л.Г. Межфразовая функция скрепы «так» // Дни славянской письменности и культуры. Материалы и тезисы докл. научнопрактической конференции. 29–30 мая 1997 г. – Владивосток, 1997.
2. Крылова, Г.М. Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением (на материале лексем «в общем», «в целом», «в принципе», «в основном»): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.
3. Жукова, Т.А. Полифункциональная лексическая единица «к слову» и ее контекстно-функциональные синонимы: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003.
4. Геннадьевна, С.А. Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ «в заключение», «в завершение», «в довершение»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007.
5. Шнырик, Е.А. Роль служебных лексикализованных словоформ в организации текста (на примере слов-гибридов «в результате», «в итоге»): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009.
6. Тюрин, П.М. Текстовые скрепы «таким образом» и «итак» в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012.
7. Откидыч, Е.В. Функционирование текстовых скреп «кстати» и «между прочим» в монологическом и диалогическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2017.
8. Гускина, Е.Н. Текстовая скрепа «впрочем»: контекстные модификации / Е.Н. Гускина, Е.А. Стародумова // Научный диалог. 2018. № 5. С.60-70.
9. Гускина, Е.Н. Синтаксические функции слова «впрочем» / Е.Н. Гускина, Е.А. Стародумова // Научный диалог. 2019. № 2. С. 22-33.

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Бабкина П. С.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, babkina.pol@mail.ru*

Язык – это мощное оружие управления другими людьми. Люди ежедневно оказывают влияние на других членов социума при помощи слова. И если для повседневного общения управление другими людьми в целом не носит судьбоносного характера, то в сфере политики это приобретает более серьезное значение. Адольф Тьер сказал: «Вся наука правления сводится к умению позолотить пилюлю» [1, с. 1]. Эти слова французского политического деятеля свидетельствуют о том, что смягчение и стремление завуалировать свои истинные интенции являются эффективным способом управления другими людьми, а также способом создания выгодной для манипулятора картины происходящих в мире событий. И лингвистические средства реализации не прямой коммуникации как нельзя лучше подходят к этим целям.

С точки зрения В. В. Дементьева, «непрямая коммуникация представляет собой содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» является более эффективным средством воздействия, нежели прямая коммуникация [2, с. 3]. Среди лингвистических средств реализации НК, занимающих особое место в политической коммуникации, находятся метафоры, эвфемизмы, а также фразеологизмы.

Рассмотрим непрямую коммуникацию в политической сфере на примерах высказываний китайских и русскоязычных политиков.

Метафора является мощным средством декодирования существующей в сознании адресата политической картины мира. Стоит также отметить, что использование метафор способствует формированию у адресата необходимого эмоционального состояния для достижения целей, преследуемых говорящим. Не стоит также упускать из виду эстетическую функцию использования метафор, так как образная форма привлекает внимание адресата и позволяет оказывать на него более глубокое влияние. Например:

不是要营造自己的后花园，而是要建设各国共享的百花园。

Не нужно строить собственный императорский сад, а нужно создавать сад с множеством цветов, которым бы совместно наслаждались все страны мира. [3, с. 26].

В этом высказывании Си Цзиньпин метафорически выражает мысль о том, что в современном мире необходимо думать, прежде всего, не о выгоде и процветании каждого отдельного государства, а необходимо совместными усилиями всех стран создавать светлое будущее для всего мира – «сад с множеством цветов», в котором каждое государство будет равноправным.

改革开放胆子要大一些，敢于试验，不能像小脚女人一样。看准了的，就大胆地试，大胆地闯。

Мы должны быть смелее в политике реформ и открытости, быть готовыми экспериментировать, нельзя становиться похожими на женщину с забинтованными ногами. Увидел – смело экспериментировать, смело дерзай. [4, с. 71].

Данный пример является фрагментом речи Дэна Сяопина, который стремится метафорично охарактеризовать действия, которыми нужно руководствоваться при проведении политики реформ и открытости, а именно – необходимо уверенно и решительно идти вперед, а не робеть и медлить словно девушки в старом Китае с забинтованными ногами, которые в прямом смысле этого слова не могут сделать уверенный шаг вперед. Стоит также отметить, что упоминание такого явления, как бинтование ног, носит исключительно национально-специфический характер. Данное явление также символизирует застывшее старое Китая, которая осталась в прошлом.

Приведем примеры использования метафор в политической сфере из русскоязычного лингвокультурологического пространства. Во время закрытого приема для гостей Валдайского форума, Владимир Путин на вопрос, кем он себя считает голубем или ястребом, ответил:

Я голубь, но у меня очень мощные железные крылья. [5, с. 1].

В данном высказывании, которое является примером не прямой коммуникации, президент РФ, используя метафору «железные крылья» в отношении крыльев, подчеркивает свою уверенность в собственных силах, серьезность намерений в случае необходимости решения каких-либо проблем, а также твердость своего характера. При этом, сравнивая себя с голубем, то есть с птицей, являющейся символом мира, В. В. Путин завуалированным способом сообщает о своей доброжелательности и мирных намерениях, но в то же время, «снабжая» данную птицу «железными крыльями», он непрямо передает адресату информацию о своей твердости во всех вопросах и о характере своих политических действий в целом.

Приведем пример непрямой коммуникации из речи Владимира Жириновского:

Наша власть – как фруктовое желе. А надо, чтобы это был твердый кусок мяса, хорошо прожаренный, хорошо проперченный. [6, с. 1].

В данном примере политик, сравнивая нынешнюю российскую власть с фруктовым желе, метафорически описывает ее как нечто неустойчивое и слабое без ярко выраженных характеристик. По мнению Жириновского, она должна быть как «твердый кусок мяса, хорошо прожаренный, хорошо проперченный», другими словами, адресант непрямо заявляет о необходимости реформирования власти, а именно – преобразование ее в более твердую, устойчивую субстанцию с четко выраженными признаками. Стоит также отметить, что российский политик, сравнивая власть с едой, усиливает силу своего воздействия на адресата, говоря о простых вещах, близких и понятных каждому человеку.

Наряду с метафорами, в сфере политики наблюдается широкое использование фразеологических единиц, которые также являются одним из лингвистических средств реализации НК. Фразеологизмы усиливают прагматическую направленность текста и позволяют адресату повысить эффективность своего воздействия на адресата, а также вызвать у него определенную ответную реакцию, что приобретает особую важность в политической сфере. Помимо этого, фразеологические обороты отражают национально-культурные особенности того или иного социума. Например:

中方希望同各方一道，推动杭州峰会开出一剂标本兼治、综合施策的药方，推动世界经济走上强劲、可持续、平衡、包容增长之路。

Китай надеется, что совместно с каждой стороной на саммите в Ханчжоу найдет рецепт лекарства, которое одновременно устранил и причины, и симптомы различных проблем, а также выведет мировую экономику на путь уверенного, непрерывного, устойчивого и всестороннего роста. [7, с. 2].

Данный пример является высказыванием Си Цзиньпина на саммите «Большой двадцатки» в 2016 году. В этом тексте председатель ЦК КПК использует фразеологизм «标本兼治», который пришел из китайской медицины и который означает «одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания». Си Цзиньпин, используя данное выражение, непрямым способом говорит о тех мерах, которые приведут не только к решению последствий мировых проблем, но и также к устранению причин их возникновения.

群众只担心将来处理太宽，放虎归山，罪犯又来报仇。

Народные массы беспокоятся, что мы проявим снисхождение, так как если отпустить тигра в горы, преступник снова будет мстить. [8, с. 3].

Данные слова Дэн Сяопин произнес на одном из пленарных заседаний ЦК КПК в 1983 году, затрагивая проблему коррупции. В этом примере адресант использует фразеологизм «放虎归山» («отпускать тигра в горы») с целью усилить воздействие на адресата, подчеркивая, что отпустить на волю, так называемых «тигров», под которыми имеются в виду преступники, злоупотребившие своей властью, без отбывания наказания невозможно. В данной ситуации говорящий, используя фразу, создает в сознании слушателя яркий образ, сравнивая преступника с тигром, который представляет собой опаснейшего хищника.

Приведем примеры использования фразеологических единиц в сфере политики в русском лингвокультурологическом пространстве:

Необходимо серьезно относиться к вопросам собственности, а то рот разинете и не будет у вас не только «Сибура», но и других предприятий. [9, с. 1].

В данном высказывании В. В. Путин использует фразеологизм «разинуть рот», одним из значений которого является невнимательность, рассеянность, неосмотрительность. Политик таким непрямым способом предупреждает главу «Газпрома» и всех предпринимателей страны быть более внимательными и рассудительными. Используя в своем высказывании фразу «разинуть рот», которая согласно фразеологическому словарю русского литературного языка является просторечной, президент России усиливает свое воздействие на адресата за счет достижения особой стилистической окраски высказывания, а также сокращения коммуникативной дистанции между говорящим и слушающим.

Приведем еще один пример из речи российского политика:

Если будем сопли жевать годами, тогда ничего не изменим. [10, с. 1].

Данные слова Владимир Путин адресовал членам правительства в 2006 году касательно ситуации, связанной с состоянием деревообрабатывающей отрасли страны. Используя в данном высказывании фразеологизм «жевать сопли», адресант усиливает эмоциональную сторону своего высказывания, что позволяет оказать более глубокое воздействие на слушателя.

Еще одним из не прямых способов выражения своих интенций являются эвфемизмы. Если говорить о китайских эвфемизмах в сфере политики, то стоит отметить, что в китайском лингвокультурологическом пространстве немаловажное место занимает эвфемизация войны.

Например, для обозначения войны, а также проявления какой-либо агрессии с целью манипулирования сознанием людей и усыпления бдительности народных масс, используются такие эвфемизмы, как «刀兵» ('меч и солдат') вместо «战争» ('война'), «政治行动» ('политическая акция') вместо «侵略» ('агрессия'), «黄巾» ('желтые повязки') вместо «повстанцев», которые принимали участие в народном восстании в Китае (184-204). Также примером данного явления в китайском языке может служить обозначение «对越南平民的杀戮则» ('истребления простого вьетнамского народа') «消耗敌人» ('истощением врага'). В некоторых случаях использование эвфемизмов, обозначающих поражение, например, эвфемизма «举白旗» ('выбросить белый флаг'), дает возможность смягчить масштаб проигрыша и вселить в людей надежду.

Стоит отметить, что такое явление, как ядерное оружие также нередко смягчается в политической сфере при помощи эвфемизмов. Например, в китайском языке часто вместо «原子弹» ('ядерная бомба') используется выражение «辐射能增强装置» ('прибор, усиливающий радиацию').

Что касается русских эвфемизмов в сфере политики, в русском лингвокультурологическом пространстве, как и в китайском, существует множество эвфемизмов для обозначения войны, например, «военная акция», «военная операция». Также примером данного явления в русском языке может служить обозначение локальной войны «мерами государственного воздействия по разрешению кризиса», «миротворческой акцией», «защитой положений конституции». Зачастую в политической сфере для обозначения военного нападения используются такие эвфемизмы, как «жесткие меры», «пойти на крайние меры».

Стоит отметить, что в русском языке существует большое количество эвфемизмов, обозначающих бедность, которые в устах политиков позволяют замаскировать существующие в обществе проблемы и истинное положение дел в государстве. Например, для обозначения бедных слоев населения используются такие эвфемизмы, как «люди с особыми нуждами», «социально незащищенное население», «люди, стесненные в средствах» и др.

Таким образом, рассмотренные нами лингвистические средства реализации непрямой коммуникации в сфере политики, а именно – метафоры, фразеологизмы и эвфемизмы позволяют представителям, как китайского, так и русского лингвокультурологического пространства:

- повышать эффективность своего воздействия на адресата;
- маскировать истинное положение дел;

- успешно управлять настройками народных масс;
- формировать у адресата необходимое эмоциональное состояние для достижения целей, преследуемых говорящим;
- привлекать внимание слушателя;
- усиливать прагматическую направленность текста;
- придавать оригинальность собственной речи;
- вызывать у адресата определенную ответную реакцию;
- избегать конфликта в общении;

Немаловажным является также то, что если для представителей китайской нации в сфере политики характерно использование лингвистических средств НК, отражающих в первую очередь особенности истории, культуры, философии, традиций китайского народа с намерением затронуть «национальные» струны души представителей китайской нации, то для представителей русской лингвокультуры использование средств НК связано с желанием придать своей речи большую оригинальность, а также сократить в определенной степени дистанцию между говорящим и слушающим. Последнее проявляется в речетворчестве русскоязычных политиков, а также в использовании в своей речи языковых средств нелитературных форм существования языка, например, просторечных выражений и жаргонизмов. Можно сказать, что политическая сфера русского социокультурного пространства, с лингвистической точки зрения, характеризуется большей свободой и пространством для творчества, в то время как китайская лингвокультура в этом отношении характеризуется большей традиционностью. Стоит также отметить, что лингвистические средства реализации НК отражают национально-культурные особенности того или иного лингвокультурологического пространства.

Библиографические ссылки

1. Aphorisme.ru – собрание афоризмов: афоризмы и мудрые мысли, крылатые фразы, высказывания, выражения, цитаты и изречения [Электронный ресурс]. – 2007. Режим доступа: <http://www.aphorisme.ru/comments/44406/?q=967&a=4406>. – Дата доступа: 15.04.2019.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.
3. 习近平. 谈治国理政 / 习近平 [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://dangjian.people.com.cn/GB/414209/414550/414554/index.html>. – Дата доступа: 02.03.2019.
4. 邓小平. 文选. 第三卷 / 邓小平 [Электронный ресурс]. – 1993. – Режим доступа: https://www.wxyjs.org.cn/cggl_537/dhgjldrjwx/201207/t20120705_6421.htm. – Дата доступа: 12.03.2019.

5. Филепенок, А. Путин назвал себя голубем с железными крыльями // TUT.BY [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://news.tut.by/world/469953.html?crnd=13269>. – Дата доступа: 14.04.2019.

6. Трусевич, С. Мы должны исправить ошибки советской власти и западников ельцинской эпохи // Парламентская газета [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/russia-today/my-dolzhny-ispravitoshibki-sovetskoj-vlasti-i-zapadnikov-elelcinskoj-epoxy-khi.html>. – Дата доступа: 17.04.2019.

7. 习近平. 构建创新、活力、联动、包容的世界经济 / 习近平//人民网 [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1//2016/0905/c64094-28690353.html>. – Дата доступа: 14.04.2019.

8. 邓小平. 党在组织战线和思想战线上的迫切任务 / 邓小平//人民网 [Электронный ресурс]. – 1983. – Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/channel1/10/20000529/80786.html>. – Дата доступа: 25.01.2019.

9. Попов, И. Старая гвардия // Forbes [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2007-04/11807-staraya-gvardiya2007>. – Дата доступа: 09.04.2019.

10. Таранов, С. Путин: «Если будем сопли жевать годами, тогда ничего не изменим» // Новые известия [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/28-03-2006/43287-putin-esli-budem-sopli-zhevat-godami-togda-nichego-ne-izmenim>. – Дата доступа: 27.04.2019.

ГОРОДСКАЯ ЭПИГРАФИКА С ПОЗИЦИЙ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДОВ ТЯНЬЦЗИНЬ И ВОЛГОГРАД)*

Бакумова Е.В.¹⁾, Котельникова Н.Н.²⁾

*¹⁾Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (ФГБОУ ВО «ВГСПУ»),
пр.им. В.И. Ленина, д.27, 400066, Волгоград, Россия, bakev@yandex.ru*

*²⁾Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
пр.им. В.И. Ленина, д.27, 400066, Волгоград, Россия,
kotelnikova_n_n@yahoo.com*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-29-09114

Изучение языкового портрета современного крупного нестоличного города представляется актуальным в силу ряда причин. Во-первых, интересно проследить, каким образом процессы глобализации находят свое отражение в урбанистическом ландшафте. Во-вторых, поскольку переход от исключительной монолингвальности в городской эпиграфике [1] к присутствию других языков в урбанистическом пейзаже происходит в настоящий момент, то

неизбежно наличие определенных ошибок и неточностей в переводе, а также отсутствие согласованности в выборе переводческих стратегий и тактик. Настоящее исследование осуществляется в рамках грантового проекта РФФИ «Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и КНР» и проводится на материале городов Тяньцзинь и Волгоград. Выбор городов представляется целесообразным поскольку Волгоград и Тяньцзинь – это нестоличные города-миллионники, в некоторых отношениях типичные для обеих стран, в которых наряду с новыми глобализационными тенденциями, еще сильны устоявшиеся языковые и культурные традиции, противостоящие космополитизму.

Названия городских объектов относятся к отдельной категории топонимов и выделяются в группу урбанонимов. Последние делятся на следующие виды:

- годонимы – названия улиц, бульваров, шоссе и аллей, других транспортных магистралей и развязок;
- агоронимы – названия площадей и других внутригородских открытых пространств, включая названия парков, рынков, водохранилищ, памятников и скверов;
- хоронимы – названия внутригородских участков, имеющих четкие границы (наименования районов и кварталов).

Урбанонимы отражают культурные представления использующего их общества и в пространстве города выполняют множество функций: номинативную, дейктическую, социокультурную, адресно-идентификационную [2]. Урбанонимы содержат важную информацию лингвистического, исторического, социального и географического плана [3].

В переводческом сообществе существуют правила для перевода разных видов урбанонимов. К ним относятся: 1) транскрипция, 2) транслитерация, 3) перевод или калькирование, 4) включение в текст иностранного имени в его исходной графике [4]. Географические названия при передаче на другой язык следует писать в соответствии с исторически сложившимися нормами. В некоторых случаях чаще применяются правила транскрипции, а не транслитерации. Если в названии присутствует реалия, то допустимым является использование транслитерации, в отдельных случаях уместным будет также кратко описать реалию в скобках или в сноске

На практике эти приёмы чаще комбинируются друг с другом, поскольку каждый имеет свои достоинства и недостатки. Транслитерация и транскрипция конкурировали друг с другом в течение всей истории перевода. До прошлого века преимущество принадлежало транслитерации, методу побуквенной, графической передачи исходного

имени. В 21 веке верх одерживает транскрипция – передача звукового облика слова [4].

Перейдем к рассмотрению переводов городских надписей в Волгограде.

При переводе некоторых городских объектов переводчики отдали предпочтение использованию эквивалентов. Так, ни одно из названий музеев не было переведено посредством транскрипции или транслитерации, к примеру, *Национальный краеведческий музей* был переведен как *National Museum of Local Lore*, а не *Nazionalnyu kraevedcheskiy museum*.

К транскрипции и эквивалентной замене прибегло почти равное количество переводчиков годонимов и агоронимов, хотя переводная форма несколько лидирует. Такой конфликт в выборе способа перевода находит свое объяснение. В состав годонимов и агоронимов обычно входят имена различных личностей, а имена собственные переводить калькированием некорректно, очевидно, что транскрипция и транслитерация являются наиболее адекватными способами перевода имен собственных. Несогласованность наблюдается при передаче на английский язык слова *улица* – в равных долях присутствуют как *street*, так и *ulitsa*.

Традиционно переводческое сообщество рекомендует опираться на три способа передачи информации: транскрипцию, транслитерацию и калькирование. В городском ландшафте Волгограда большее предпочтение было отдано все же транскрипции. Ее следует применять лишь в случае наличия имени собственного в названии, а многие виды годонимов (улица, проспект, бульвар и проч.) следует не транскрибировать, а заменять английским аналогом (*street, boulevard, avenue* и т. д.), поскольку это значительно облегчит ориентацию в городском пространстве для иностранных гостей. Представим ситуацию: если иностранец, пусть и с акцентом, спросит, где находится *Sadovaya ulitsa*, то житель города, которому был задан вопрос, поймет его гораздо лучше, чем если услышит *Garden street*.

Существует и аргумент против полной транскрипции/транслитерации городского названия. В частности, И. В. Зоц утверждает, что в силу отсутствия в английском языке некоторых звуков, наличествующих в русском языке, полное отражение рассматриваемых текстов невозможно, так как транскрипция получается лишь условно-фонетической [5, с. 83]. Другие переводчики считают транскрипцию и транслитерацию обязательными методами перевода городских названий с одним исключением. Только годонимы подлежат одной лишь транскрипции и транслитерации, названия

остальных географических объектов должны быть либо заменены английским аналогом, или – если таковой отсутствует, – необходимо придумать собственный, а также поместить рядом с ним транскрибированный вариант перевода названия.

Что касается хоронимов и агоронимов, то здесь в качестве рекомендуемого способа перевода преобладает прямой перевод, а не транслитерация, или поиск аналога в языке перевода.

В городском пространстве Тяньцзиня также можно встретить разные способы перевода урбанонимов. При переводе агоронимов преимущественно используется смешанный способ перевода, считающий в себе семантический перевод и транскрибирование, и калькирование, например: 天津西站南广场 – *Tianjin West Station South Square*, 天津海河文化广场 – *Tianjin Haihe Cultural Square*.

Если говорить о переводе годонимов, то приоритетным является транскрибирование с помощью китайского латинизированного алфавита пиньинь, например: 津塘公路 – *Jintang gonglu*, 南市大街 – *Nanshi dajie*. Также большое количество вывесок с названиями улиц г. Тяньцзиня демонстрируют смешанный способ перевода годонимов, при этом проприальная часть годонима транскрибируется с помощью пиньинь, а номенклатурный термин (географический апеллятив) заменяется английским аналогом (*street, road, avenue* и т. д.), например: 新北公路 – *Xinbei Highway*, 小红星路 – *Xiaohongxing Road*.

Следует отметить, что не для всех китайских номенклатурных терминов можно подобрать англоязычный аналог. Примером может служить географический апеллятив «хутун» (胡同), который переводится только с помощью транскрибирования – *hutong* (например: 向阳胡同 – *Xiangyang Hutong*, 新德胡同 – *Xinde Hutong*). Хутун – установившийся архитектурный термин, обозначающий маленькие средневековые улочки в городах северного Китая, которые представляют собой скопление жилищ, увенчанных черепичными крышами и отгороженных друг от друга глухими высокими стенами. Хутуны являлись основным видом организации городского пространства Тяньцзиня во времена династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.). В городе и до настоящего времени сохранилось много годонимов с географическим апеллятивом «хутун» (胡同), являющихся отражением национально-культурной специфики и традиционных способов номинации городских линейных объектов средневекового Тяньцзиня [6, с. 184].

Иногда семантическому переводу подвергаются названия сторон света, выполняющие дополнительную ориентационную функцию,

которыми часто бывают усложнены годонимы в соответствии с китайской традицией номинации, например: 先锋东路 – *East Xianfeng Road*. Нередким является и семантический перевод числительных, которые часто входят в состав китайских годонимов, например: 新业二街 – *Xinye St. (No.2)*.

В Тяньцзине, как и в Волгограде, актуальной является проблема отсутствия единообразия при переводе урбанонимов. Так, на небольшой территории можно наблюдать несколько вариантов перевода одного и того же городского объекта, которые могут располагаться на придорожных указателях, остановках общественного транспорта, адресных табличках и пр., например: 恂园东路 – *Xunnuyan donglu, East Xunnuyan Road, Xunnuyandong Road*.

Рассматривая сложившуюся проблему перевода городских надписей, переводчики как вариант предлагают следующее решение проблемы: при переводе в некоторых случаях стоит указывать как прямой перевод названия, так и его транскрибированную форму. Представляется, что было бы разумным применить такое же решение ко всем урбанонимам, встречающимся во внутригородском пространстве. Подобное решение может показаться затратным как в плане финансов, так и в плане переводческих сил, однако таким образом можно будет максимизировать как вероятность правильного понимания иностранцем написанного, так и сохранить вероятность успешной ориентации иностранца во внутригородском пространстве. Следует отметить, что это решение рекомендуется лишь как временная мера до выработки единообразия в переводе городских надписей в конкретном городе.

Библиографические ссылки

1. Бакумова Е.В. Городской ландшафт Волгограда: «китайский след» в эпиграфике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – №10 (133). – С. 132-135.
2. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы. – URL: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-urbanonimiya-v-diakhronicheskom-osveshchenii-apellyativno-onimicheskie-kompleksy> (дата обращения: 03.07.2019)
3. Казакова С.Л. Система урбанонимов и их прагматический аспект. – URL: https://pglu.ru/upload/iblock/ed2/uch_2010_vi_00009.pdf (дата обращения: 03.07.2019)
4. Косачева Т. А. Особенности передачи английских географических названий и имен собственных в русскоязычных текстах // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). – Казань: Бук, 2017. – С. 21–23. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/257/12781/> (дата обращения: 03.05.2019).

5. Зоц И.В. К вопросу о разработке системы передачи русских урбанонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 82-85.

6. Котельникова Н.Н. Годонимия города Тяньцзиня как пример системы номинаций улиц современного китайского мегаполиса // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докладов участников XI Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Издательство Академии наук РТ, 2018. – С. 183-188.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ду Цзюань

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, 40026730@qq.com*

Каждое слово обладает словообразовательным потенциалом, т. е. способностью создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям. Если словообразовательная активность – это реальный, существующий языковой факт, то словообразовательный потенциал – это нереальное, нереализованное свойство (способность) слова, которое при соответствующих обстоятельствах может быть реализовано.

В русском языкознании существует широкое и узкое понимание словообразовательного потенциала. При широком понимании данное понятие определяется как «устойчивая совокупность наличных ресурсов, накопленных словообразовательной системой в процессе её становления и обуславливающих способность (возможность) этой системы к оптимальному функционированию и развитию» [1, с. 14-15]. При узком понимании словообразовательный потенциал трактуется как «деривационные возможности отдельного элемента словообразовательной системы» [2, с.15].

Изучение словообразовательного потенциала может осуществляться на уровне **отдельной части речи** (например, словообразовательный потенциал имени существительного, глагола или словообразовательный потенциал местоимений). См., работы русских лингвистов З. И. Резановой, Н. Г. Юсуповой, Т. С. Яруллиной [3]. Занимались изысканиями в этой области и белорусские учёные В. Л. Леонович и В. В. Тозик [4].

Можно исследовать словообразовательный потенциал и на уровне **отдельного лексико-грамматического разряда слов** – вещественных или абстрактных существительных, относительных прилагательных, определительных наречий и т. д. См., например, диссертационное исследование Л. Н. Денисика, в котором устанавливается словообразовательный потенциал вещественных существительных в современном русском языке [5]. Однако особый интерес был проявлен лингвистами к изучению словообразовательного потенциала **отдельных тематических или лексико-семантических групп слов**. Так, словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» был исследован С. В. Артюховой [6]. О деривационном потенциале локативных существительных писала Т. В. Белякова [7]. Словообразовательный потенциал имен прилагательных со значением чувственного восприятия и его реализация в современном русском языке представлен в кандидатской диссертации Е. С. Федотовой [8]. Зависимость словообразовательного потенциала слова от его лексико-семантических характеристик на материале английских и русских цветообозначений исследовала Н. С. Трифонова [9]. Семантический аспект изучения словообразовательного потенциала слов не случайно постоянно привлекает внимание лингвистов. При исследовании наборов лексем, производных от разных слов одной лексико-семантической группы, можно выяснить, какие участки лексической системы «открыты для словообразования, а какие, наоборот, закрыты и с чем это связано; какова частеречная принадлежность вторичных единиц номинации и в какие словообразовательные категории они объединяются, какую роль деривационный потенциал определенной группы слов играет при моделировании языковой национальной картины мира» [10].

На фоне работ, ориентированных на семантический аспект изучения словообразовательного потенциала, встречаются также исследования, авторы которых рассматривают деривационный потенциал способов словообразования и словообразовательных средств **на уровне словообразовательных типов** [11].

Ключевыми понятиями при изучении словообразовательного потенциала в русском языке являются **словообразовательное гнездо, словообразовательная парадигма и словообразовательная цепочка**.

Именно на уровне словообразовательная гнезда (далее – СГ) сразу определяется глубина и мощность словообразовательного потенциала. Как считает И. Ю. Суханова, **мощность СГ** составляют все его производные, без учета непосредственно мотивирующего слова. Средние показатели мощности СГ той или иной группы слов определяются в результате деления общего количества производных,

присутствующих в гнездах слов данной группы, на количество их производящих. **Глубина СГ** устанавливается по числу ступеней в самой длинной словообразовательной цепочке гнезда (без учета исходного слова) [12].

Например:

апатия →	апати-чн(ый) →	апатичн-ость
		апатичн-о
	апатическ(ий) –	

Исходя из наполняемости данного СГ, слово *апатия* обладает не очень высоким словообразовательным потенциалом. За время своего функционирования в русском языке оно дало всего 5 производных, расположившихся только на первой и второй ступенях деривации. Однако, по данным М. Ю. Казак, в современном русском языке встречаются словообразовательные гнезда, глубина которых складывается из 7 ступеней [13, с. 16].

В современном русском языке словообразовательный потенциал – **явление прогнозируемое**. Общеизвестно, что многие глагольные лексемы могут образовывать наименования лица – производителя действия (*строить – строитель, шлифовать – шлифовальщик, рубить – рубщик*); наименования орудия производства действия (*мыть – мыло, точить – точилка, сеять – сеялка*), наименования места, где производится действие (*спать – спальня, читать – читальня*). Кроме того, любая глагольная лексема обладает большим словообразовательным потенциалом, поскольку обозначаемое действие может модифицироваться с помощью префиксальных морфем. Например: *вязать → в-вязать, вы-вязать, до-вязать, за-вязать, на-вязать, над-вязать, об-вязать, от-вязать, пере-вязать, под-вязать, при-вязать, раз-вязать, с-вязать, у-вязать*.

Многие качественные прилагательные в русском языке образуют абстрактные существительные, качественные наречия на **-о, -е** и степени качества (*бодрый → бодрость, бодро, бодренький*). Тематические и лексико-семантические группы слов тоже, как правило, имеют типовые наборы производных. Можно, например, представить типовые словообразовательные парадигмы прилагательных со значением цвета, имён-названий растений (фитонимов) или животных (зоонимов).

В современном китайском языкознании понятие словообразовательного потенциала определяется практически так же, как и в русском языке: словообразовательный потенциал – это возможность слова образовывать новые производные. Однако изучение

данного понятия в китайском языкознании осуществляется в основном на уровне словообразовательных средств.

Слова и морфемы являются основными единицами китайского словообразования: Морфема делится на корень и аффиксы в зависимости от их значения и роли в слове. Корень указывает на предметное лексическое значение вещей, действий, свойств, состояний и т. д. и формирует основу лексического значения. Аффиксы выражают дополнительные лексические и грамматические значения [14. с. 174]. Новые слова обычно создаются с использованием существующих в языке морфем в соответствии с существующими в языковой системе правилами. Основные способы словообразования делится на 2 типа: аффиксация и сложение. Аффиксация – это способ составления новых слов с помощью аффиксов и корней, таких как 弹性 (эластичность), 刚性 (жесткость), 柔性 (гибкость) и т. д. Сложение – это синтез новых слов из 2-х и более корней, например: 打假(уничтожить фальшивое), 打黄(удар порнографический), 打黑 (борьба с организованной преступностью) и т. д.. Общими морфемами в группах слов могут быть корни слова, а также аффиксы или промежуточные элементы, находящиеся в процессе развития (движущиеся от корневых морфем к аффиксальным).

Отдельные слова, имеющие общие характеристики, соединяясь, образуют группы слов или словосочетания. Группы слов делятся на семантические и несемантические группы слов. Семантическая группа обозначает группу слов с общими семантическими признаками, которые семантически связаны и принадлежат одному семантическому полю. Как группа синонимов рассматриваются, например, 死亡 смерть, 去世 умереть, 逝世 скончаться; иерархические отношения наблюдаются в группе слов (父亲 отец, 儿子 сын, 孙子 внук), неиерархические отношения – в группе слов 吃 есть, 喝 пить, 咬 кусаться, 吐 плевать; как, комплексная группа слов рассматриваются наименования животных – 驴 осел, 马 лошадь, 牛 корова, 山羊 коза и т. д.

В несемантическую группу слов объединяются единицы с разными семантическими характеристиками, но с одинаковой морфемой или словом в качестве словообразовательного средства. Наличие в структуре разных слов одной и той же морфемы или слова обеспечивает относительную семантическую близость (родственность или тождественность) единиц, формирующих несемантическую группу слов. Например: 单赢 'одиночный выигрыш', 双赢 'беспроигрышный', 三赢 'беспроигрышный', 多赢 'беспроигрышный', 共赢 'взаимовыгодный'; « 形象工程 имиджевый проект», 民心工程 'популярный проект', 德政工程 'проект правительства'.

Общие морфемы (или слова) играют важную роль в формировании группы слов, одновременно обеспечивают особенность внешней формы и семантическую внутреннюю связь. См., например, общая морфема 迷 ‘фанат’ в словах 球迷 (болельщик), 影迷 (кинолюбитель), 歌迷 (меломан), 网迷 (любитель компьютерной сети), 棋迷 (фанаты шахмат), 舞迷 (фанаты танцев) и общие слова 绿色 ‘зеленый цвет’ в словах «绿色财富 (зеленое богатство), 绿色食品 (зеленая еда), 绿色通道 (зеленые каналы).

Изменяемая часть группы слов 迷 ‘фанат’ – 球 футбол, 电影 фильм, 歌 песня, 网 компьютерная сеть – является внешним признаком формы, внешним обозначением группы слов. Значение общей морфемы (слова) может быть одинаковым или связанным. Так, рассмотренная выше группа слов «фанат» состоит из общих морфем с одинаковым значением. А группа слов с общей морфемой связанного значения «绿色 зеленый цвет» объединяет слова с различными, но близкими по смыслу значениями: ‘в соответствии с требованиями охраны окружающей среды’, ‘отсутствие загрязнения, полезно для здоровья’ и ‘беспрепятственный’.

Словообразовательная активность общих морфем (или слов), способность их к соединению с различными словами обуславливает высокий или, наоборот, низкий словообразовательный потенциал различных семантических и несемантических групп и обеспечивает развитие лексической системы китайского языка, которая в настоящее время адаптируется к социальной политике, экономике, культуре, к изменениям в идеологии людей. Словарный запас языка испытывает на себе влияние процессов глобализации, в результате появляется большое количество новых слов, наблюдаются новые тенденции в аффиксации, появляются аффиксы нового типа – полуаффиксы или «аффиксоиды». Так, г-н Люй Шусян в работе «Грамматический анализ китайского языка» предложил называть морфемы, занимающие промежуточное положение между корнем и аффиксом, аффиксоидами [15. с.48-49]. Аффиксоиды имеют две отличительные характеристики. Во-первых, они обладают ярко выраженной способностью к образованию новых, часто однотипных, слов, и занимают в них всегда относительно фиксированное положение. Например, префикс «可 может» образует слова «可爱 ‘милый’, 可怜 ‘жалкий’, 可靠 ‘надежный’, 可惜 ‘жалкий’, 可笑 ‘смешной’, 可疑 ‘подозрительный’, а суффикс класса «员 члены» участвует в образовании слов 党员 ‘партиец’, 团员 ‘комсомолец’, 售货员 ‘продавец’, 售票员 ‘продавец билетов’, 指导员 ‘инструктор’. Во-вторых, значение аффиксоидов может быть грамматикализировано частично, это

приводит к тому, что иногда они ведут себя как корень слова и теряют фиксированное положение в структуре лексемы. Число аффиксоидов на современном этапе развития китайского языка увеличивается, сфера применения расширяется, что свидетельствует об активизации словообразовательного потенциала данных словообразовательных средств и создании условий для появления новых лексических единиц.

За последние десятилетия в современном китайском языке появилось много новых аффиксоидов, таких как « / 丿 ворота»; для описания скандала или высказывания негативных отзывов часто используются такие аффиксы, как: 艳照 / 丿 Ян Жаомен (ряд непристойных фотографий женщин-звезд были незаконно опубликованы в сети), 爆炸 / 丿 дверь взрыва (у компьютера Dell три взрыва за два месяца), 杨帆 / 丿 Ян Фаньмэнь (студент университета Ян Фан оскорблял студентов, сбежавших от занятий), 裁判 / 丿 дверь рефери (4 августа 2012 года рефери допустил ошибку в соревнованиях по боксу на Олимпийских играх в Лондоне).

В китайском языке « 吧 бар» как модальная частица и слово из «сяншэн» изначально не участвовало в образовании новых лексем, но появилась транслитерация иноязычного слова « 吧 бар», и было получено много новых слов: первоначальная транслитерация перешла в 酒吧 бар, а затем в 网吧 (интернет-бар), 书吧 (книг-бар), 考试吧 (экзамен-бар). В результате *бар* превратился в суффикс класса слов со значением ‘клуб’.

« 秀 шоу» в китайском языке первоначально означавшее ‘быть красивым’, с появлением иностранного английского слова «шоу», начало использоваться при образовании новых слов 时装秀 (показ мод), 真人秀 (реалити-шоу), 模仿秀 (имитация шоу), 脱口秀 (ток-шоу), т.е. 秀 (шоу) превратилось в суффиксальную морфему со значением ‘выставка, представление’. Все эти примеры свидетельствуют о том, что в современном китайском языке появляются новые словообразовательные средства с высоким словообразовательным потенциалом, поскольку они легко понимаются, принимаются и используются носителями языка для образования новых слов.

Итак, проблема выявления словообразовательного потенциала слов различных частей речи существует как в русском, так и в китайском словообразовании. Интерпретируется данное понятие практически одинаково: и русские, и китайские лингвисты определяют его как способность слова к порождению новых лексических единиц. Однако если в русском языке словообразовательный потенциал весьма плодотворно изучается на уровне комплексных единиц словообразования – словообразовательных гнезд и входящих в их состав

словообразовательных парадигм и словообразовательных цепочек, то в китайском языке деривационные возможности слова расширяются в зависимости от способности регулярно повторяющихся семантических компонентов, участвующих в процессе образования новых слов, приобретать статус словообразовательного аффикса.

Библиографические ссылки

1. Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1993. – 31 с.

2. Свечкарёва Я.В. О деривационном потенциале слов как языковой категории // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2006. – № 300. – С.15 -16.

3. Резанова З. И. Словообразующие возможности существительного: на материале современного русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 1983. – 20 с.; Юсупова, Н. Г. Структура словообразовательных парадигм имен существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1980. – 22 с.; Яруллина, Т. С. Словообразовательные возможности русских непроектируемых глаголов: к вопросу взаимодействия грамматики и словообразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моск. гос. ун-т. – М., 1980. – 28 с

4. Леонович В. Л. Формально-количественный параметр описания словообразовательного потенциала вариативных прилагательных в русском языке // Русский язык: система и функционирование: к 95-летию БГУ, к 50-летию каф. рус. яз., 90-летию проф. П. П. Шубы: сб. материалов VII Междунар. науч. конф., Минск, 18–19 окт. 2016 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 137–141.; Тозик, В. В. Словообразовательный потенциал цветочных прилагательных русского и белорусского языков // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы XVII Междунар. науч. конф., Гродно, 14–15 апр. 2000 г. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред. А. В. Никитевич. – Гродно, 2000. – С. 140–143.

5. Денисик Л. Н. Словообразующий потенциал вещественных существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киев. гос. ун-т. – Киев, 1988. – 16 с.

6. Артюхова С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Даг. гос. ун-т. – Махачкала, 2005. – 21 с.

7. Белякова Г. В. Деривационный потенциал словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных в современном русском языке // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. – 2007. – Т. 8, № 41. – С. 15–25.).

8. Федотова Е. С. Деривационный потенциал имен прилагательных со значением чувственного восприятия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киев. ун-т. – Киев, 1998. – 22 с.).

9. Трифонова Н.С. «Зависимость словообразовательного потенциала слова от его лексико-семантических характеристик (на материале английских и русских цветообозначений): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 1986. – 20 с.

10. Артюхова С.В. Указ. работа. – С.3.
11. Каде Т. Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1993. – 167 с.;
12. Суханова И. Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом: на материале русской лексики рубежа XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ин-т филол. образования Самар. гос. пед. ун-та. – Самара, 2005. – 18 с.),
13. Казак М. Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 39 с.
14. Дэчжун Ван. Современная стилистика. 1997. – 174 с.
15. Шусян Люй, Грамматический анализ китайского языка. Пекин: Коммерческая печатня, 1979. – С.96.

БЕЛОРУССКИЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ НА РЫНКЕ КИТАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЗЫ ДАННЫХ ВОИС)

Зданчук Н. В

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул.Ожешко, 22, 230023, г.Гродно, Беларусь, tasha_tarok@mail.ru*

По данным ВТО, Китай занимает лидирующую позицию в экспорте товаров. На территории нашего государства можно найти большое количество продукции с пометкой «сделано в Китае». С учетом экспортно ориентированной экономики, для Республики Беларусь актуален вопрос о том, сколько отечественных производителей продвигают свои бренды на китайском рынке. В данной статье рассматривается понятие «торговый знак», основные виды торговых знаков, а также особенности их регистрации согласно правилам Мадридской системы международной регистрации товарных знаков.

На начальном этапе создания нового бренда возникает необходимость в его названии. Руководство организации стремится придумать звучное имя, которое быстро запомнится потребителям его продукции либо услуг и будет выгодно отличать компанию от возможных конкурентов, ведь неспроста существует выражение: «как корабль назовешь, так он и поплывет». Прежде чем приступить к «сочинению» имени, необходимо знать, что является товарным знаком и правила его регистрации.

Согласно закону Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания», «товарным знаком и знаком обслуживания (далее –

товарный знак) признается обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг (далее, если не предусмотрено иное, – товары) одного лица от однородных товаров других лиц. В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные обозначения, включая имена собственные, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объемные обозначения, включая форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании» [1]. Цель товарного знака – обеспечить различие между товарами или услугами разных предприятий [2].

Развивая свой бизнес на территории определенного государства, компания должна придерживаться и подчиняться той правовой системе, которая на данный момент действует в стране. Компании, которые предполагают свою деятельность на поле более чем одного государства, то есть имеют намерения стать международной организацией, должны быть готовы к тому, что они потратят большое количество времени (от 1 до 36 месяцев в зависимости от конкретной страны) и финансов на регистрацию своего бренда в каждой из предполагаемых стран. Ведь охрана товарного знака осуществляется на территории государства, в котором он зарегистрирован, что вынуждает фирму заявляться в Патентное ведомство каждой страны, оплачивать государственные пошлины, а также нести другие сопровождающие расходы. То есть такого понятия, как «международный товарный знак» не существует, что в значительной степени усложняет процесс регистрации. Однако существует возможность подачи международной заявки в Мадридскую систему международной регистрации товарных знаков (далее – Мадридская система). Это система юридических процедур, которая облегчает процесс регистрации товарных знаков в ряде стран мира. [3]. Мадридская система имеет централизованное управление и позволяет через единую процедуру регистрации получить правовую защиту товарного знака сразу в нескольких странах, которые подписали Мадридское соглашение. Такая регистрация является намного более эффективной, чем регистрация товарного знака в каждой из стран в отдельности. Мадридская система управляется Международным бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности (МБ ВОИС). До того, как была создана Мадридская система, не было возможности зарегистрировать товарный знак один раз, чтобы получить его правовую охрану одновременно в нескольких странах. [3].

Мадридская система базируется на двух международных договорах: Мадридском соглашении о международной регистрации знаков, заключенном в 1891 году и вступившем в силу в 1892 году [3], и

Протоколе к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 года, вступившем в силу с 1 декабря 1995 года и начавшем действовать с 1 апреля 1996 года [4].

Международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) занимается вопросами политики, укрепления сотрудничества, предоставления услуг и информации в области интеллектуальной собственности. ВОИС является самофинансируемым учреждением системы Организации Объединенных Наций и насчитывает 192 государства-члена. Полномочия, процедуры и принципы функционирования руководящих органов изложены в Конвенции ВОИС, на основании которой в 1967 г. была учреждена сама Организация [5]. ВОИС генерирует и распространяет информацию в области интеллектуальной собственности (далее – ИС), а также обладает широкой базой для эмпирических исследований, готовит доклады и предоставляет фактологические данные об ИС.

Глобальные базы данных ВОИС открывают доступ к массивам информации, доступной в системе ИС, независимо от местонахождения пользователя. Эти базы призваны создать взаимосвязанную и комплексную инфраструктуру обмена знаниями, способствующую развитию инноваций во всем мире. Инициатива по распространению информации об ИС в мире направлена на поощрение и поддержку обмена информацией по вопросам ИС между национальными и региональными ведомствами ИС и ВОИС [5].

Глобальная база данных по брендам (далее – База) – это подборка более чем 38 080 000 учетных записей, фигурирующих в 40 национальных и международных фондах. Пользователям предлагается обратиться к Базе данных до подачи заявки на регистрацию товарного знака или в любое другое время для отслеживания знаков на интересующих их рынках [6].

В данной статье рассматриваются основные виды товарных знаков с заданными параметрами: страна происхождения – Беларусь, страна назначения – Китай, – извлеченные из глобальной Базы. На данный момент на китайском рынке представлено 390 белорусских торговых марок [6]. «Словесные товарные знаки, которые по общему признанию специалистов являются наиболее эффективными, представляют собой оригинальные слова, словосочетания и фразы. Популярность словесных товарных знаков определяется тем, что они хорошо запоминаются, удобны для рекламы и легко различимы» [7, с. 176].

Словесные товарные знаки чрезвычайно разнообразны. В качестве них часто избираются имена собственные («Mariusya», «Катюша»,

«Гоша», «Матиас»), имена известных людей («Daria Domracheva», «Relouis», «Радзивилл»), героев художественных произведений или мифологических персонажей («Веста», «Прометей», «Арегак», «Волат», «Anahit», «Vlagodar») и др. Например, на территории нашей страны, а также в странах СНГ широко известны белорусские марки «Спартак», «Гефест» и «Атлант». Как товарные знаки используются также названия животных («Luxury fox» – Витебский меховой комбинат, «Gerard», «Гидра»); птиц («Веселые индюшата» – Брестский мясокомбинат, «Аист» – ОАО Мотовело, «Чайка», «Wild duck», «Berkut»); растений («Каштан – Минский хладокомбинат, «Верас», «Калинка», «Березка», «Zlaki»). Наименования природных явлений («Луч», «Wortex», «Blue Ice», «Фрост»); небесных тел («Зорачка», «Jupiter», «Solaris», «Милавица»); географических объектов («Эверест», «Белая река», «Neman», «Naliboki», «Belovezhskaya», «Polesie»); музыкальных и ручных инструментов («Дудук», «Молот») и другие. Многие товарные знаки именованы словами на иностранных языках, в большинстве случаев на английском («Sunday», «Bonfesto», «Indigo», «Lovers», «Bell Vimbo» и др.). Также часто используется транслитерация либо транскрипция для записи товарного знака уже имеющегося в русском или белорусском варианте («Belarusbank», «Neman», «Bielita» и другие).

В товарных знаках используются также изобразительные обозначения – «... изображения живых существ, предметов, явлений и иных объектов, фигур любых форм, композиций линий, а также слов, букв или цифр в особом графическом исполнении» [7, с. 177]. Примерами таких изображений в белорусских товарных знаках являются орнамент («Брестский мясокомбинат», «Сочный»), а также изображения людей в традиционной белорусской одежде («Бабушкина крынка», «Крахмалыч»). Наиболее популярные животные, которые используются в качестве изобразительного знака – корова («Здравушка», «Савушкин продукт», «Березка», «Буренка Даша»), лошадь («Фермер», «Mariusya»), зубр («ОАО Азот», «Белшина»), олень («Vlagodar»), медведь («FХорен», «Топтышка»), бобр («Belwooddoors»). Птицы – аист, цапля («Минск Кристалл», «Белая русь»), орел («Vlagodar»), курица («Можелит»), попугай («Гоша»). Растительные элементы в своих торговых знаках используют следующие белорусские компании: «Калинка», «Бальзам Белорусский», «Коммунарка». Изображения фруктов и овощей используют компании «Jafme», «Exoticmix», «Гомельсельмаш». Кувшим с молоком – «Савушкин», «Савушкин продукт», «Бабушкина крынка». Торговый знак стеклозавода «Неман» представлен изображением сосуда, схожего с бокалом либо вазой. Компании, связанные своей деятельностью с автомобилями, чаще всего изображают контуры

транспортных средств либо детали машин («ДИФА», «БЦМ», «Schigerd»). Кроме представленных выше вариантов изобразительных средств, часто используются абстрактные рисунки, сложные линии и фигуры.

Объемное обозначение – еще один вид товарных знаков. «Объемные товарные знаки – это трехмерные (по длине, высоте, ширине) обозначения, которые могут изготавливаться из любого материала, как искусственного, так и естественного» [7, с. 177]. Например, кондитерская фабрика «Спартак» представила свой торговый знак в виде трехмерного изображения плитки шоколада, обернутой крафт-бумагой и перевязанной шпагатом, концы которого скреплены восковой печатью. «Минск кристалл групп» зарегистрировал два торговых знака в виде особых форм бутылок. Первая бутылка «Браты» отличается от классической формой нижней части, которая схожа с граненым стаканом. Вторая – «Минская» – матовым напылением.

В товарных знаках используются сочетание цветов, а также комбинации вышеупомянутых обозначений [7, с. 177]. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании. Большая часть представленных в Базе белорусских торговых знаков выполнена в черно-белом сочетании: надпись темного цвета на светлом фоне. Также довольно часто используется сочетание синего и белого. Реже – красный и другие цвета. Наиболее распространенный вид товарного знака – комбинация словесного и изобразительного обозначений.

Вероятность регистрации товарного знака зависит от того, насколько «сильным» он является. «Слабый» товарный знак – тот, который называет непосредственно сам товар либо услугу, т.е. обобщенный товарный знак. Большая степень вероятности быть зарегистрированными у описательных товарных знаков, которые описывают товары и услуги, ингредиенты, качество и т. д. [8]. Например, «Бальзам Белорусский», «Веселые индюшата», «Непоседа».

«Ассоциативные товарные знаки – это знаки, по которым можно догадаться о разновидности товара/услуги или об их качествах» [8]. «Буренка Даша», «Бабушкина крынка», «Гефест» и др. являются примерами ассоциативного товарного знака.

Самым распространенным типом белорусских товарных знаков является обычное слово, которое не имеет отношения к самому товару. Например, «Аист» (ОАО Мотовело), «Каштан» (Минский хладокомбинат), «Калинка» и «Березка» для молочной продукции и др. Самый сильный тип товарных знаков – придуманные слова и логотипы:

«Витьба», «Шоколайк», «Неманофф», «Starfix», «Startul», «Snamі», «Vsevmeste», «Витус», «Белита», и т. д.

«Ассоциативные товарные знаки и знаки более сильных типов являются охраноспособными. Описательные знаки могут быть зарегистрированы в редких случаях, например, если они широко используются в торговле и являются популярными среди потребителей» [8].

В результате рассмотрения белорусских товарных знаков, представленных на рынке КНР, можно сделать вывод о том, что большая их часть относится к «сильному» типу, что гарантирует им высокую степень охраноспособности.

Библиографические ссылки

1. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05 февраля 1993 г. № 2181-ХІІ // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 21.04.2019.
2. Товарные знаки [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/trademarks/ru/#accordion_collapse_04. – Дата доступа: 23.04.2019.
3. Мадридское соглашение о международной регистрации знаков [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283530. – Дата доступа: 23.04.2019.
4. Протокол к Мадридскому Соглашению о Международной Регистрации Знаков [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283484. – Дата доступа: 23.04.2019.
5. ВОИС – взгляд изнутри [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/about-wipo/ru/index.html>. – Дата доступа: 03.05.2019.
6. Глобальная база данных по брендам [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/reference/ru/branddb/>. – Дата доступа: 23.04.2019.
7. Гришаев, С.П. Защита авторских прав. Интеллектуальная собственность : учеб. пособие / С.П. Гришаев. – М. : Юрист, 2004. – 238 с.
8. Является ли мой товарный знак охраноспособным? [Электронный ресурс] / Bonamark. – Режим доступа: <https://bonamark.com/ru/content/my-trademark-registrable>. – Дата доступа: 23.04.2019.

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОФРАЗЕМЫ СПАЦЬ У ШАПКУ В СВЯЗИ С ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМИ И КИТАЙСКИМИ «ШАПОЧНЫМИ» РИТУАЛАМИ

Коваль В.И.

*Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, vlad-kov@mail.ru*

Белорусский фразеологизм *спаць у шапку* ‘не проявлять подвижности, энергичности, бездействовать, быть пассивным и безразличным тогда, когда надо безотлагательно действовать’ (СФ, с. 431), относится к числу этнофразем – немотивированных на синхронном уровне устойчивых словосочетаний, происхождение которых связано со сферой народной духовной культуры.

Ранее нами было высказано предположение, что в основу внутренней формы этого фразеологизма могло быть положено представление об использовании мужской шапки в девичьих гаданиях у восточных славян: «В гаданиях о замужестве (особенно на святки) девушки клали шапку (иногда украденную у парня) под подушку и ожидали во сне увидеть суженого» (СД 5, с. 573). Сказанное дает основание считать деривационной базой фразеологизма *спаць у шапку* омонимичное свободное словосочетание *спаць у шапку* (то есть спать на подушке, под которую помещена шапка), а его мотивирующей базой – поверье о том, что в таком случае девушка может быть уверенной в «реализации» сна о суженом. Подобное «пассивное» ритуальное поведение вполне могло отождествляться с бездействием, что и оказало влияние на формирование целостного значения данного фразеологизма [1, с. 75–77]. Первоначально этот оборот обозначал определенную ритуально обусловленную ситуацию – сна «в шапку», а с течением времени в результате архаизации этнокультурных представлений свободное словосочетание *спаць у шапку* приобрело статус фразеологизма, реализующего более широкое значение с экспрессивным оттенком осуждения – ‘не проявлять подвижности, энергичности; быть пассивным, безразличным’.

При выявлении внутренней формы рассматриваемого фразеологизма важно учитывать смыслообразующую роль именного компонента, обозначающего утилитарный предмет (мужской головной убор), наделявшийся в сфере народной духовной культуры ярко выраженными продуцирующими и обереговыми свойствами. Так, в

русской традиции шапка использовалась в лечебной магии как предмет, способствующий укреплению здоровья слабых (недоношенных) детей, что видно из иллюстрации к диалектной лексеме *недопарыш* ‘ребенок-недоносок’: *Дедушка Терентий недопарыш был, шесть недель лежал в шапке на печи* (СРГСУ, с. 196).

Отметим, что представления о магическом влиянии мужской шапки на формирование «жизненной программы» еще не родившегося ребенка было известно и китайцам. Сравн.: «Если беременная на третьем месяце в 25-й день (у цзы) возьмет мужскую шапку, сожжет ее, пепел размешает в вине и все это выпьет, то родившийся ребенок будет богатым, знатным и талантливым» [2, с. 92].

На Полесье в шапку клали яйца, которые впоследствии подкладывали под наседку: считалось, что из таких яиц выведутся хорошие цыплята [3, с. 36]. В Украине в Сочельник хозяйка для защиты от сглаза окуривала все хозяйство, надев шапку мужа. В Воронежской губернии старший член семьи перед Крещением садился на пороге в шапке и квохтал, «чтобы квочки садились хорошо» [4, с. 80]. Русские крестьяне Костромской губернии клали старую шапку в поле рядом с «бородой», чтобы увеличить ее магическое влияние на будущий урожай нивы (СД 1, с. 231). В Беларуси девушки-подростки натирали мужской шапкой груди, чтобы они быстрее росли [5, с. 52–53].

К происхождению белорусского фразеологизма *спаць у шапку* ‘бездействовать, быть пассивным’ непосредственное отношение имеет комплекс апотропейных представлений о мужской шапке, сущность которых заключается в осмыслении ее как предмета, выступающего в роли магического оберега, сакрализованного «сторожа». Такая ярко выраженная магическая (апотропейная) значимость шапки проявлялась в обряде, который был известен в белорусском Полесье в 19 веке. Если по какой-то причине новорожденного нельзя было везти к священнику для крещения, а родители хотели дать ребенку имя, они отправлялись к священнику, просили его прочесть молитву и произнести имя ребенка над шапкой. После этого шапку сжимали руками («чтобы имя не улетучилось») и, принеся ее домой, надевали на голову ребенка [6, с. 37]. В русской родильной обрядности до начала XX века сохранился обычай «молитвы в шапку»: «Как только рождался ребенок, его отец отправлялся к священнику и просил его прочесть молитву и дать имя «в шапку», после чего надевал шапку и спешил вернуться домой, чтобы «вытрясти» молитву на роженицу» (СД 5, с. 573). Сравн. в связи со сказанным рус. *родиться в шапке* ‘быть удачливым, везучим’ (БСРП, с.745).

Особенно часто в качестве магического оберегового средства шапка использовалась в свадебной обрядности: именно с этой целью (для противодействия порче, сглазу) ее надевали различные участники свадьбы. Так, в Кобринском уезде сваха приходила на заручины в шапке. В белорусской и русской свадебных традициях было известно ритуальное ношение женихом шапки на протяжении всей свадьбы независимо от времени года (СД 1, с. 507); в некоторых регионах Полесья в отдельные моменты свадьбы мужскую шапку для оберега от сглаза надевали и на невесту [3, с. 36]. В Черниговской губернии невеста в шапке жениха на голове выходила из спальни после первой брачной ночи (СД 1, с. 260).

Н. В. Жилина, рассмотревшая эволюцию и «социальную маркированность» русского мужского головного убора на протяжении XIII–XVII вв. (от знаменитой шапки Мономаха до простонародных колпаков), отмечает возможность выражения с помощью формы головного убора характера человека, его пагубных наклонностей: среди головных уборов, относящихся к XV веку, исследователь выделяет «удлиненные колпаки криволинейных очертаний, сопутствующие <...> различным людям, которые лгут» [7, с. 12].

В китайской культуре, как и в традициях других народов, мужские головные уборы также имели ярко выраженную символическую нагрузку, указывающую прежде всего на социальный статус того или иного человека.

Так, с эпохой Чжоу (1045–221 гг. до н. э.) связано возникновение китайского церемониального головного убора *мян*, который вначале входил в парадно-ритуальное облачение не только императора, но и наиболее высокопоставленных сановников, а начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), этот головной убор стал принадлежностью исключительно императора. Верхняя часть императорского *мян* завершалась «навесом» *янь*, который образовывал дугу надо лбом государя, ассоциируясь при этом с небом и символизируя покровительство высших небесных сил. Спереди и сзади с «навеса» *янь* свисал ряд шелковых нитей с нанизанными на них нефритовыми шариками, которые прикрывали лицо и затылок государя, защищая его от воздействия злых сил [8].

Хэ Чжиюнь, основываясь на материалах, относящихся к династии Мин (1368–1644 гг.), выделяет следующие виды социально значимых китайских мужских головных уборов: *гуань* (высокий головной убор, который носили император и чиновники высшего ранга при исполнении обязанностей); *мао* (облегающая голову шапка – повседневный головной убор чиновников); *цзинь* (головная повязка, платок –

предназначался для простого народа). В годы правления императора Чжу Юаньчжана (1368–1398 гг.) было введено ношение (как для простолюдинов, так и для знати) удобной шестиклинной шапки, форма которой напоминала разрезанный арбуз, из-за чего она получила название *гуаньмао* (арбузная шапка). Такая шапка имела глубокий культурно-политический смысл: «соединенные шесть полос ткани символизировали небо, землю, восток, запад, юг и север, а в целом головной убор аллегорически означал Поднебесную и ее единство» [9, с. 138].

С «социально-маркирующей» функцией головных уборов связано происхождение немотивированного китайского фразеологизма 戴绿帽子 [dài lǜmàozi] (букв.: надеть зеленую шапку) ‘наставить рога, изменить мужу’ [10]. Сравн. также: 给丈夫戴绿帽子 (букв.: надеть зеленую шляпу на мужа) ‘сделать мужа рогоносцем’ [11, с. 41].

В виртуальном «Большом китайско-русском словаре» содержится весьма лаконичная информация относительно внутренней формы рассматриваемой фраземы: «Изначально в древнем Китае закон требовал от проституток, их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зелёные головные уборы». Логично при этом предположить, что данное устойчивое словосочетание возникло на базе выражения 綠頭巾 (зеленый головной платок), поскольку в древнем Китае мужчины носили именно платки, концы которых завязывались на затылке. К выражению 綠頭巾 (зеленый головной платок) в этом словаре приводится следующее пояснение: «В ханьскую эпоху [это] носили люди низменного происхождения» (БКРС).

Более подробно «внутренняя логика» интересующего нас фразеологизма представлена в следующих контекстах: «Ли Фэн приказал осужденным носить головные платки зеленого цвета, чтобы виден был их позор»; «Государственной Канцелярии необходимо указать нижестоящим чиновникам на то, что члены семей певичек и проституток носят одинаковую одежду с чиновниками, служивыми и простолюдинами, затрудняя разделение на людей благородных и худородных. С сегодняшнего дня предлагается разным рангам певичек и проституток носить блузы черно-фиолетового цвета и головные уборы, а главам семей певичек и проституток и относящимся к ним мужчинам носить зеленые платки»; «Просители, за деньги отдававшие своих жен и дочерей, обвязывали голову зелеными платками, чтобы можно было отличить людей благородных от людей худородных»; «Во время минской династии мужчины из семей певичек и музыкантов должны были носить головные платки зеленого цвета. Впоследствии утвердился обычай говорить про обманутого мужа, что он носит зеленый головной платок» [12].

Особое значение мужского головного убора как сакрализованного предмета проявлялось в традиционном китайском ритуале надевания шапки, символизировавшем вступление молодого человека в другую социальную группу – взрослых людей. Большую социальную значимость этого ритуала подчеркивал иеромонах П. Цветков, более ста лет назад служивший в Российской духовной миссии в Пекине: «Если отвергнуть этот обряд, то свет не будет знать о вступлении молодых людей во взрослую жизнь» [13, с. 117].

И. Б. Кейдун, основываясь на содержании конфуцианского трактата «Ли цзы» («Записи о ритуале»), всесторонне исследовала ритуал надевания шапки в традиционном Китае, который, по ее словам, «был своего рода сертификатом на звание, должность, титул, принадлежность к верхам» [14, с. 52]. В кратком изложении суть и структура этого сложного, строго регламентированного и насыщенного множеством деталей ритуала может быть представлена в следующем виде.

1. Для совершения ритуала с помощью гадания – *ши жи* – избирался счастливый день, что сулило начало благоприятного периода жизни и дальнейшее счастливое будущее для молодого человека.

2. Хозяин предстоящей церемонии – *чжу* – не позднее, чем за три дня до совершения обряда извещал о нём родственников, сослуживцев, друзей, приглашая их присутствовать на готовящемся ритуальном торжестве – *це бинь*.

3. *Чжу* с помощью гадания выбирал из числа коллег и друзей авторитетного, почтенного, солидного и уважаемого человека – *биня*, который и должен был надеть шапку на голову молодого человека.

4. За день до назначенной даты *чжу* сам отправлялся в дом к *биню* для особого приглашения. Кроме того, выбирался и приглашался *цзань* – помощник, который должен был оказывать содействие *биню* в ходе церемонии.

5. За три дня до проведения ритуала хозяин дома – *чжу* – представлял готовившегося к обряду молодого человека в домашнем храме предков, поскольку нужно было обязательно получить их благословление на совершение обряда.

6. *Чжу* перед жертвенником проливал на землю несколько капель вина для сошествия духов. Ожидая их сошествия, *чжу* совершал поклоны. Этим действием *чжу* просил духов охранять жизнь молодого человека, готовившегося принять обряд надевания шапки. При этом читалась молитва, в тексте которой содержалось обращение к предкам с просьбой разрешить совершение обряда надевания шапки достигшему совершеннолетия сыну или родственнику.

7. Перед надеванием головного убора *цзань* осуществлял необходимые приготовления: расчёсывал принимающему обряд волосы, затем обёртывал ему голову шёлковой тканью.

8. *Бинь*, совершив омовение рук, направлялся к тому месту, где находился молодой человек. Присев перед ним, он развязывал шёлковую повязку на его голове и, приняв из рук помощника *цзаня* шапку *цзыбу* (простой фрагмент черной ткани), произносил поздравительно-наставительную речь, после чего *бинь* собственноручно надевал на юношу эту шапку. *Бинь* кланялся принимающему обряд, и после этого молодой человек удалялся для перемены одежды в помещение храма.

9. Начиная второй акт церемонии надевания шапки, *бинь* двумя руками принимал вторую шапку, подходил к принимающему обряд, и оба вновь становились на колени. Старая шапка *цзыбу* снималась, *бинь* возлагал на молодого человека вторую шапку – *пибянь*, которая изготавливалась из оленьей кожи белого цвета, и наставлял его относительно совершенствования в науках, дружественного отношения со своими сверстниками, избрания себе в друзья достойнейшего из них. Затем *бинь* поднимался с колен, становился на своё место, а за ним поднимался принимающий обряд. *Бинь* кланялся ему, и молодой человек снова выходил для перемены платья.

10. После выхода сопровождаемого *цзанем* юноши к гостям, *бинь* приветствовал его глубоким поклоном, и начинался третий акт церемонии надевания шапки. *Бинь*, приняв от помощников третью шапку, вновь подходил к принимающему обряд. Оба становились на колени, и происходила процедура надевания третьей шапки – *цзюэбянь* – относившейся к числу парадных и наиболее почитавшейся из головных уборов. После этого молодой человек получал следующую порцию наставлений относительно заботы о сохранении жизни и выполнении правил добродетели.

11. В заключение совершалась церемония выпивания вина, которая проходила с западной стороны от парадного входа в зал. Только что вступившему во взрослую жизнь юноше в знак его совершеннолетия подносилось молодое вино *лицзю*. *Бинь* подносил вино молодому человеку, обращаясь при этом к нему со следующими словами: «Сладкое вино *лицзю* выдержано, отличные сушёное мясо и соус ароматны. Прошу поклониться и принять кубок, принести в жертву сушёное мясо, соус и вино *лицзю*, чтобы заложить основу твоего благополучия».

12. Юноша, приняв вино, приносил сначала его в жертву, обронив несколько капель на землю, затем понемногу выпивал, исполняя действия в соответствии с полученными наставлениями. Поднявшись с колен (первым – *бинь*, за ним – юноша), вновь обращённый кланялся с

благодарностью *биню* в знак полного окончания церемонии надевания шапки, а *бинь* кланялся в ответ.

13. В соответствии с церемонией *бинь* по западной лестнице спускался в зал, становился в западной части внутреннего двора *тин* лицом на восток, а *чжу* спускался из зала по восточной лестнице и становился в восточной части двора лицом на запад. Неофит становился с восточной стороны ступеней западной лестницы, лицом на юг. *Бинь* оглашал выбранное для молодого человека имя, говоря следующие слова: «Обряд приготовлен полностью, и в этот счастливый день лучшего месяца объявляю твоё второе имя. Твоё второе имя беспримерно красивое, подходящее лишь для выдающегося мужа, оно несет в себе только благословение, желаю тебе до скончания века носить его. Твоё второе имя такое-то».

14. После окончания ритуала принявший обряд должен был поклониться или представиться в новом статусе родителям, старшим и почётным членам рода, всем другим родственникам.

15. Завершая ритуал надевания шапки, *бинь* прощался, *чжу* провожал его до ворот, дважды кланялся, затем отправлял человека отнести в дом *биня* ритуальный поднос с оставшимся жертвенным мясом. Гости (родственники, друзья) приглашались к столу, чтобы отметить праздник [14, с. 52–57].

Приведенный языковой и этнокультурный материал (при всей его очевидной генетической и типологической разнородности) позволяет, прежде всего, говорить о ярко выраженной сакрализации мужских головных уборов и использовании их в различных ритуальных действиях в обеих культурных традициях. Принципиальное различие восточнославянских и китайских «шапочных» ритуалов заключается в том, что у восточных славян мужская шапка наделяется богатой апотропейной и продуцирующей символикой, активно проявляющейся в семейной и календарной обрядности, тогда как в китайской культурно-языковой картине мира этот головной убор является прежде всего знаком определенного социального статуса лица либо приобретает функцию «ритуалообразующего» сакрализованного предмета в обряде посвящения. Вместе с тем, есть основания говорить и о некоторых точках «культурного пересечения» с учетом особенностей ритуала наречения имени в обеих традициях: произношение «в шапку» имени новорожденного у восточных славян и сообщение нового имени молодого человека, являющегося «объектом» ритуала надевания шапки в Китае.

Библиографические ссылки

1. Коваль, В.И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение. – Минск: РИВШ, 2011. – 196 с.
2. Тайные предписания для нефритовых покоев // Китайский эрос : науч.-худ. сб. – М.: OCR Палек, 1998 г. – 504 с.
3. Программа полесского этнолингвистического атласа / сост.: А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая // Полесский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1983. – С. 21–46.
4. Круглый год: Русский земледельческий календарь / сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой. Ил. Е. М. Белоусовой. – М.: Правда, 1989. – 496 с.
5. Кухаронак, Т. І. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў : канец XIX – пач. XX стст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
6. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк. – Гродно, 1895. – 187 с.
7. Жилина Н.В. Мужской русский головной убор второй половины XIII–XVII вв. и его украшение // Вестн. ТвГУ. Серия «История». – 2013. – Вып. 1. – С. 3–29.
8. Костюм // Синология.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.synologia.ru/a/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8E%D0%BC>. – Дата доступа: 20.06.2019.
9. Хэ Чжиюнь. Мужской головной убор династии Мин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010. – № 4. – С. 138–141.
10. Надеть зелёную шапку – рога наставить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pikabu.ru/story/nadet_zelyonuyu_shapku_roga_nastavit_4687344. – Дата доступа: 25.06.2019
11. Чжан Чань. Эвфемизмы сексуальных отношений в русском и китайском языках // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». – 2011. – № 10 (64). – С. 38–42.
12. В китайском языке существует выражение *носить зелёную шапку* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.daokedao.ru/2014/09/29>. – Дата доступа: 25.06.2019.
13. Цветков П. Домашние обряды китайцев // Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине. – Том III. – Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1910. – С. 11–210.
14. Кейдун И.Б. Ритуал надевания шапки в традиционном Китае: характеристика символизма и структурный анализ обряда перехода // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. – 2015. – №4. – С. 52–63.

Принятые сокращения

БКРС – Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E6%88%B4%E7%BB%BF%B8%90>. – Дата доступа: 25.06.2019

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. – М.: Междунар. отн., 1995. – 584 с.; т. 2. – М.: Междунар. отн., 1999. – 584 с.; т. 5. – М.: Междунар. отн., 2014. – 736 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2: К–Н / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1971. – 214 с.

СФ – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 2: М–Я. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСЬБЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

Сунь Бовэнь

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, m13945290287@163.com*

В последние десятилетия в связи с развитием и укреплением экономических связей между Беларусью и Китаем значительно расширилась деловая коммуникация на русском языке между белорусской и китайской сторонами. Чтобы грамотно переводить и хорошо понимать друг друга, недостаточно владеть лексикой и грамматикой иностранного языка: необходимо знать национальные традиции общения и стилистические нормы в лингвокультурном аспекте.

Разница в нюансах значения и особенностях употребления этикетных формул, используемых при деловом общении на русском и китайском языках, наиболее очевидна при их сопоставлении. Рассмотрим особенности формального выражения просьбы сначала в письменном, а затем в устном деловом общении.

В русской деловой традиции письмо-просьба составляется, когда необходимо получить от других лиц какую-либо информацию, документы, совершить сделку или иные действия делового характера. Оно может быть адресовано конкретному лицу (как правило, руководителю организации) или организации в целом. Текст письма-просьбы имеет следующую типовую композиционную структуру: комплемент – обоснование просьбы – изложение просьбы – резюмирование.

«Комплемент» в служебном письме-просьбе выражается в упоминании былых заслуг и личных качеств адресата, в признании высокого статуса компании в деловом мире и т. д. Примером служат следующие формулировки: *Ваше предприятие является ведущим*

производителем..., Вы являетесь признанным экспертом в данной области..., Ваша организация занимает лидирующее положение на рынке в сфере... и т. д. «Комплимент» не является обязательным структурным компонентом русского делового письма-просьбы: он наиболее уместен в случаях, когда просьба имеет нестандартный характер и адресата нужно к себе расположить. Адресант обращает внимание не на все качества и заслуги адресата, а лишь на те, которые имеют отношение к последующей просьбе.

На этапе обоснования просьбы в русском деловом общении необходимо убедить адресата в том, что в случае ее реализации он получит выгоду. Письмо-просьба должно содержать в себе предложение о реализации определенной привлекательной для адресата возможности.

Изложение просьбы должно быть лаконичным и ясным. При изложении просьбы в русском деловом письме следует избегать сложных синтаксических конструкций, а также не допускать возможности различных толкований. Например, просьба о снижении арендной платы должна быть конкретизирована: *Просим Вас снизить плату за аренду помещения до уровня 500 руб. за кв.м до стабилизации экономического положения.*

В конце письма-просьбы, как правило, адресант еще раз акцентирует внимание адресата на том, какую выгоду он получит, если окажет помощь, а также повторяет саму просьбу, несколько меняя ее формулировку. Как отмечает С. Гильфанова, «Важно повторить не только просьбу, но и выгоду, которая может быть получена от ее выполнения, причем она не обязательно должна быть материальной. Многие крупные компании охотно выступают в качестве спонсоров, инвесторов и занимаются благотворительностью». [1, 4]

В китайском деловом общении в ситуации, когда подчинённый выражает просьбу к руководителю, часто используются следующие речевые формулы: *«прошу/просим вас, будьте добры, почтительно прошу, беспокою вас, рассчитываю на Вас и т. д.»* [2] Руководитель использует иные речевые стратегии: он выражает подчинённому приказ, предъявляет требование и т. д.

В деловом письме на китайском языке подчинённый выражает руководителю просьбу следующим образом. Прежде чем перейти к самой просьбе, адресант часто лаконично рассказывает о том, какие работы он уже сделал. Он так делает для того, чтобы сказать адресату: если Вы сможете помочь нам, то наша работа закончится успешно или мы перейдем к следующему этапу. Например, *«Для того чтобы продвинуть X, наша компания проводила реальное измерение пашен и зданий, в которых будет располагаться планируемый объект. В то же*

время на основе широкого обсуждения и с учётом местной реальности мы наметили У. Сейчас почтительно просим Вас опубликовать разрешительный документ именем кого-чего» [3]

Общепотребительная речевые формулы просьбы в китайском языке сходны с русскими. Самую высокую частотность употребления имеют слова *прошу/просим*. Иногда в конце письма используется словосочетание *вместе совершить работу* или другие подобные. Цель этого выражения – показать, что адресант рассматривает адресата в качестве партнёра для сотрудничества.

Из этих примеров очевидно, в русской и китайской просьбах используются относительно эвфемистические выражения. В письменной китайской речи просьба выражается относительно прямо по сравнению с устной речью. В устной русской деловой коммуникации просьба выражается прямо, а в письменной просьбе обращается больше внимания на тактику убеждения, поэтому просьба выражается более эвфемистически.

Речевой акт просьбы в китайском устном деловом общении не имеет специальных речевых формул. Как показывает в своем исследовании Чэнь Чэнь [4], выразить просьбу принято следующими способами.

1. *Косвенный способ*: через посредство других лиц. Например: *Сможешь ли ты оказать мне помощь как можно скорее – уладить это дело?* Для сравнения: *Ты уладишь это дело вместо меня как можно скорее?*

2. *Смягчающий способ*:借助于辅助语来减缓话语的压力, 避免唐突, 充分维护对方的面子。例如: 好的表达:小王, 不知您可不可以把这封信带给他? 对照表达:小王, 把这封信带给他! – Способ смягчения: когда просьба выражена в форме вопроса, требование смягчается, что защищает достоинство адресата. Например: *Ван, мне неизвестно, сможете ли Вы передать ему это письмо?* Для сравнения: *Ван, передай ему это письмо!*

3. *Пессимистический способ*:通过流露不太相信能成功的想法把请求表达出来, 给对方和自己以退路。例如: 好的表达:你可能不太愿意, 不过我还是想麻烦你一趟。 对照表达:你去一趟! – Способ пессимизма: сначала говорящий утверждает, что не очень уверен в успехе, а потом выражает просьбу. Это может дать и говорящему, и адресату шанс отказаться. Например: *Ты, кажется, не очень хочешь, но я всё-таки хочу побеспокоить тебя и попросить сходить.* Сравните: *Сходи!*

4. 缩小法:把要求说得很小, 使对方便于接受, 以达到满足自己的愿望和要求的目的。例如: 好的表达:你帮我这一步就可以了, 其余的事情我自己来做。 对照表达(前提是这件事有些为难对方):这件事就全靠你了。 - Способ сокращения: описание просьбы, которую адресат якобы считает мелкой, позволяет адресату занять удобную коммуникативную позицию для достижения своих желаний и целей. Например: *Хорошо, что ты поможешь мне совершить этот маленький шаг. Остальные дела я сам сделаю.* Сравните: *Решение этого дела полностью опирается на вас* (в этом случае адресат с большей вероятностью может отказаться).

5. 谦恭法:通过抬高对方, 贬低自己的方法把请求表达出来, 显得彬彬有礼。例如: 好的表达:您老就别推辞了, 我们都在恭候您呢! 对照表达:请您出席我们的会议。 - Способ учтивости: через позвышение принимающего и умаление себя адресант выражает просьбу, что кажется вежливым. Например: *Если бы Вы бы не отказались, мы все ожидаем Вашего присутствия с почтением!* Для сравнения: *Пожалуйста, присутствуйте на нашем заседании.*

6. 知错法:表明自己知道不该提出请求, 但出于无奈。例如: 好的表达:真不该在这个时候打扰您, 实在没有办法。 对照表达:麻烦您去一趟。 - Способ признания ошибки: адресант утверждает, что не должен просить, но не имеет выхода. Например: *Я действительно не должен беспокоить вас в это время, в самом деле не имею выхода.* Для сравнения: *Я беспокою Вас по важному делу.*

7. 体谅法:先说明自己体谅对方的心情, 再提出请求。例如: 好的表达:我知道你也不宽裕, 不过实在没有办法, 只好向你借一点。对照表达:请你借一点钱给我。 - Способ понимания: сначала адресант утверждает, что понимает настроение адресата, а потом выражает просьбу. Например: *Я знаю, что ты и не зажиточный, но в самом деле не имею выхода. Нет ничего лучше, чем занять у тебя немного денег.* Для сравнения: *Пожалуйста, одолжи мне немного денег.*

8. 迟疑法:首先讲明自己本不愿打扰对方, 再提出请求, 缓和语气。例如: 好的表达:这件事我实在不想多提, 可你一直没有帮我办。对照表达:你怎么一直没有替我办? - Способ нерешительности: сначала адресант объясняет, что сам не хочет беспокоить адресата, потом выражает просьбу. Например: *Я действительно не хочу много раз напоминать об этом, но ты никогда не помогаешь мне это делать.* Для сравнения: *Почему ты никогда не помогаешь мне?*

9. 述因法:提出请求时把具体原因讲出来, 使对方感觉到很有道理, 应该帮助。例如: 好的表达:隔行如隔山, 我一点儿也不懂那里的规

矩，你是熟悉的，就替我办了吧。对照表达：你帮我办吧！– Способ описания причины: выражая просьбу, адресант объясняет конкретную причину. Это позволяет адресату думать, что она является убедительной и он должен оказать помощь. Например: *В чужой специальности, как в темном бору я ничего не знаю, а ты знаком с проблемой и лучше сделаешь вместо меня.* Для сравнения: *Помоги мне это сделать!*

10. 乞谅法:先请对方谅解,再提出请求,显得友好、和谐。例如:对照表达,我又来麻烦您了。好的表达:恕我冒昧,我又来麻烦您了。– Способ прошения прощения: сначала адресант просит прощения, потом выражает просьбу, демонстрируя вежливость и дружелюбие. Например: *Простите необдуманность моего поступка, но я опять беспокою вас.* Для сравнения: *Я опять беспокою вас.*

11. 被动法:通过运用被动句式,避免提及对方,来婉转表达请对方帮助办事的有关意图。例如:好的表达:如果事成了,不会白操心的。对照表达:如果按时完成,我就奖励你。– способ пассива: посредством пассивного предложения адресант избегает упоминать адресата. Это может выражать тактично и уклончиво соответствующий замысел. Например: *Если дело выполнится, не зря заботаешься.* Для сравнения: *Если ты выполнишь дело в срок, я поощрю тебя.*

12. 不定法:运用不定代词代替"你"、"我"来表达相关意思,使话语平和。例如;好的表达,谁求不着谁?任何人都会这样做的。对照表达:我只好这样做了。– Способ неопределенности: используется неопределённое местоимение вместо слов “я”, “ты”, что выражает соответствующее значение в целях смягчения просьбы. Например: *Разве не следует оказывать взаимную помощь? Некоторые так делают.* Для сравнения: *Мне приходится так делать.*

13. 复代法:用"我们"来代替"我",来表达自己的意愿,以免显得武断。例如:好的表达:我们是实在没有办法了才来找您帮忙的。对照表达:我是没法子才来找您帮助的。– Способ замены: слово “мы” заменяет слово “я”, что позволяет избежать безапелляционности при выражении просьбы. Например: *Мы действительно не имеем выхода, поэтому обращаемся к вам за помощью.* Для сравнения: *Я не имею выхода, поэтому обращаюсь к вам за помощью.*

14. 谦称法:用谦虚的自我称呼来代替"我",显得谦和有礼。例如:好的表达:晚辈失礼了,这点儿小事还来打扰您。对照表达:我失礼了,这点小事还来打扰您。– Способ скромного обращения: обобщенное наименование заменяет “я”, что кажется скромным и вежливым. Например: *Младшее поколение совершило бестактность, побеспокоило*

вас таким мелким делом. Для сравнения: Я совершил бестактность, беспокою вас таким мелким делом.

15. 远视法:用无指(不定)代词等把时间、地点等方面的视点推远,使语句婉转,减轻对方的心理压力。例如:好的表达:那种事情费不了你多大的劲儿。对照表达:这件事你肯定办得了。— Способ дальноркости: посредством неопределённых местоимений китайского языка уменьшается психологическое давление на адресата. Например: *Такое дело, как это, не будет расходовать много твоей энергии.* Для сравнения: *Это дело ты, безусловно, в состоянии сделать.*

16. 定规法:通过讲述有关的规定,来表达有关意思,避免自己直接指明对方,减少个人发号施令的口气。例如:好的表达:上头规定此事由你负责,所以我非求你不可。对照表达:这件事由你负责。— Способ установления правила: рассказывая соответствующее правило, адресант выражает соответствующую просьбу. Это избавляет от того, чтобы самому прямо обращаться к адресату. При этом смягчается тон императивности. Например: *Высшая инстанция определяет, что за это дело ты несёшь ответственность, поэтому мне необходимо просить тебя.* Для сравнения: *За это дело ты несёшь ответственность.*

17. 感激法:提出请求时表示自己对人家的感激之情,显得尊重人家对自己的帮助。例如:好的表达:如蒙鼎力相助,我们将不胜感激。对照表达:我们会感激你的帮助。— Способ благодарности: Выражая просьбу, адресант выражает свою благодарность адресату. Например: *Если окажешь большую помощь, это будет нашей честью и мы будем чрезвычайно благодарными.* Для сравнения: *Мы будем благодарить тебя за помощь.*

18. 暗示法:通过暗示语句来表达有关意思,以免直接驱使对方,而使对方感到面子难下。例如:好的表达:我要出差了,那件事来不及办了,可没人接手不行。对照表达:那件事你接手办吧。— Способ намека: посредством суггестивного предложения адресант выражает соответствующее значение, чтобы не приказывать адресату. Например: *Я буду в командировке. То дело не успел сделать, а если никто не продолжит делать, так поступать не годится.* Для сравнения: *Продолжи делать эту работу.*

19. 线索法:通过提供有关线索,间接引导对方考虑自己的请求,给对方留下余地。例如:好的表达:我们公司离你家很近,几步路就到了。对照表达:请你到我公司来谈。— Способ нити: адресант косвенно направляет внимание адресата на то, что он думает о своей просьбе. Это может сохранять свободу действий адресату. Например: *Наша компания*

находится близко к твоему дому. Надо пройти несколько шагов. Для сравнения: *Пожалуйста, приходи в мою компанию.*

20. 预设法:通过蕴涵的前提来暗示有关意思,使对方自然而然地按照自己的要求去做。例如:好的表达:上周是我值的班。对照表达:这周该你值班了。– Способ пресуппозиции: через включающую предпосылку адресант намекает на соответствующее значение. Например: *На прошлой неделе я был дежурным.* Для сравнения: *На этой неделе тебе надо дежурить.*

21. 淡化法:有意用轻描淡写的语言表达有关意思,使请求易于让对方接受。例如:好的表达:请你帮助我把这间房间稍微粉刷一下。对照表达:请把这房间彻底粉刷一下。– Способ разбавления: адресант нарочито уклоняется от главной информации и делает упор на второстепенной. Например: *Пожалуйста, помоги мне чуть-чуть побелить эту комнату.* Для сравнения: *Пожалуйста, побели эту комнату полностью.*

22. 夸大法:用夸张的语言把有关意思表达出来,求得对方的谅解。例如:好的表达:我是上天无路,入地无门了。对照表达:我只能给你添麻烦了。– Гипербола: выражает соответствующее значение средствами гиперболизации. Например: *Я поднимусь в небо – нет дороги, и спущусь под землю – нет ворот.* (Я попала в тупик.) Для сравнения: *Я лишь могу затруднить тебя.*

23. 重言法:借助同语反复句式来表达请求,显得较为通情达理。例如:好的表达:领导毕竟是领导。对照表达:这事非你不行。– Повтор: посредством повтора одинаковых слов или словосочетаний выражается просьба. Например: *Руководитель всё же является руководителем.* Для сравнения: *Никто не умеет делать это, кроме тебя.*

24. 矛盾法:用自相矛盾的语言来表达有关意思,在模棱两可中提出请求,例如:好的表达,我本来不想跟你提这件事,可还是提了。对照表达:请你帮我忙。– Способ противоречия: использование речи, которая имеет противоречия, помогает выразить просьбу в уклончивой форме. Например: *Собственно говоря, я не хотел сказать об этом деле, но всё-таки сказал.* Для сравнения: *Пожалуйста, помоги мне.*

25. 反语法:用反话来密切双方的关系,表达自己的请求,显得轻松愉悦。例如:好的表达:朋友说你帮人很热心的(实际上很冷淡)。比照表达:你怎么对这事不热心?– Способ антифразиса: использование речевых средств, которые выражают противоположное значение. Например: *Друзья говорят, что ты помогает чужим очень отзывчиво* (на самом деле равнодушно). Для сравнения: *Почему ты относишься к этому так равнодушно?*

26. 反问法:通过反问句表达有关意思, 避免直陈己见而显得缺乏涵养。例如: 好的表达:除了请你帮忙, 我还能怎么办呢? 比照表达:我没办法了, 只好请你帮忙。 – Способ риторического вопроса: используется для того, чтобы сам не выражать просьбу прямо. Это может казаться некультурным. Например: *Если не просить тебя о помощи, как мне надо поступить?* Для сравнения: *У меня нет выхода. Лишь прошу тебя помочь.*

27. 歧义法:使用多义语言表达混夹多种意思的请求, 以免直接与对方产生分歧。例如: 好的表达:这可是一件见仁见智的事情。对照表达:这件事是好事。 – Способ двусмысленности: двусмысленными словами выражается многозначная просьба. Например: *В самом деле об этом деле у каждого своё понимание.* Для сравнения: *Это дело хорошее.*

28. 笼统法:用笼统的语言来表达有关请求, 避免令人反感的直接吆喝, 效果会更好。例如: 好的表达:这里需要盖个章。对照表达:请您给我盖个章。 – Способ неконкретности: используется неконкретная речь, чтобы говорящий не высказывался тоном приказа. Такая коммуникация более эффективна. Например: *Здесь нужно поставить печать.* Для сравнения: *Пожалуйста, поставьте печать.*

29. 含糊其词法:用不点名道姓的办法来表达请求意思, 照顾人家的面子, 对自己有益。例如: 好的表达:好像有人在为难我们。对照表达:你在为难我。 – Способ неясности: с учётом достоинств человека, адресант не называет его фамилию и имя, выражая просьбу. Например: *Кажется, кое-кто создаёт затруднения нам.* Для сравнения: *Ты создаёшь затруднения мне.*

30. 不言自明法:用说半句留半句的方法来表达请求, 点到为止。例如: 好的表达:我已在这个岗位干了八年了..... 对照表达:我想换个岗位。 – Способ очевидности: адресант не высказывается полностью, только намекает на просьбу. Например: *Я работал на этом poste уже восемь лет...* Для сравнения: *Я хочу поменять пост.*

Таким образом, в китайском деловом общении адресант специально использует такие слова, которые создают впечатление, что адресат имеет более высокий статус, чем адресант. Такой эффект создаётся автором сознательно, чтобы «польстить» адресату, продемонстрировав особое уважение к нему. В русском деловом общении же обычно используются слова, которые создают эффект равноправия, товарищеского взаимодействия адресата и адресанта.

Обращаясь просьбой, китайцы часто эвфемистически высказывают свою мысль, а представители русской культуры в устной деловой речи почти всегда начинают прямо без лишних слов. Для

русской письменной деловой речи эвфемизмы более характерны, чем для устной.

Библиографические ссылки

1. Гильфанова, С. Письмо-просьба: образцы и примеры, правила составления / С. Гильфанова [сайт]. URL: <https://www.syl.ru/article/300597/pismo-prosba-obraztsy-i-primeryi-pravila-sostavleniya> – 1
2. 用礼貌语言来请求的 30 种方法(перевод: 30 способов выражения просьбы этикетной речью): [сайт]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/e228af7ff242336c1eb95e08.html>
3. 请求上级协助的请示(запросить указаний у старшей инстанции): [сайт]. URL:
4. 陈晨(Чэнь Чэнь), 口语行政用语中常见兼语句及其变式句浅析(В устной административной коммуникации анализ предложения с членной конструкцией, сокращённого предложения и инверсии), 2018: [сайт]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/756c44befc0a79563c1ec5da50e2524de518d0e4.html> – 2
<https://wenku.baidu.com/view/01ce02493069a45177232f60ddccda38376be1a2.html>

ГРАМАТЫЧНАЕ АСВАЕННЕ КІТАЙСКІХ ТАПОНІМАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПЕРАКЛАДНОЙ ПАЭЗІІ)

Ціхановіч К. В.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, katetichonovich@gmail.com*

У апошнія гады беларуска-кітайскія адносіны развіваюцца вельмі імкліва, супрацоўніцтва паміж дзвюма краінамі ажыццяўляецца як у галіне палітыкі і эканомікі, так і ў сферы адукацыі і культуры. Беларускі цікавіць культурная спадчына і сучасная культура гэтай старажытнай краіны, таму на беларускую мову перакладаецца кітайская мастацкая літаратура. Выйшлі з друку два зборнікі паэзіі «Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая», «Пялёсткі лотаса і хрызантэмы» ў перакладзе М. Мятліцага, кніга «Стагоддзе на знаёмства», пад вокладкай якой сабраны пераклады твораў з кітайскай мовы, апублікаваныя на беларускай мове ў розныя гістарычныя перыяды; друкуецца паэтычная серыя «Светлыя знакі: паэты Кітая», з якой выйшла ўжо 12 зборнікаў; а на старонках розных выданняў з'яўляюцца новыя пераклады як класічных, так і сучасных твораў кітайскіх аўтараў.

Працуючы з перакладамі мастацкіх твораў, перакладчыкі сутыкаюцца з праблемай перадачы па-беларуску кітайскіх геаграфічных

назваў. Складанасць перадачы тапонімаў абумоўлена ў першую чаргу тым, што яны ўтрымліваюць інфармацыю, якую ў большасці выпадкаў нельга проста перакласці, а таксама з тым, што кітайская мова адносіцца да моў з іншай графічнай сістэмай і мае свой спецыфічны характар. У кітайскай мове для запісу слоў ужываецца іерагліфічнае пісьмо, што робіць немагчымым выкарыстанне метаду транслітарацыі для перадачы тапонімаў на беларускую мову. Разам з тым перавагай іерагліфічнага пісьма з’яўляецца тое, што яно спрыяе поўнаму захаванню старажытных тапонімаў, бо іерогліф вельмі рэдка змяняе форму, а таму кітайскія геаграфічныя назвы практычна не зазнаюць трансфармацыі на працягу стагоддзяў.

Прычынай цяжкасці перадачы тапонімаў у мастацкім тэксе з’яўляецца яшчэ і аўтарскі ідыястыль, паколькі аўтары нярэдка абыгрваюць геаграфічныя найменні ў сваіх творах: «У кітайскай літаратуры пашыраны рознага роду вобразныя, паэтычныя назвы геаграфічных аб’ектаў, якія ляглі ў аснову рэальных тапонімаў і якія сустракаюцца на картах» [1, с 84].

Да моўных асаблівасцей кітайскіх тапонімаў адносяць наступнае:

- (1) У склад тапоніма часта ўваходзіць лексема, якая называе прасторавае становішча аб’екта адносна бакоў свету, напр.: *Пекін* 北京 beijing – ‘паўночная сталіца’, *Нанкін* 南京 nanjing – ‘паўднёвая сталіца’, *Сіху* 西湖 xihu – ‘заходняе возера’, *Дунху* 东湖 donghu – ‘усходняе возера’; або лексема, якая дае характарыстыку самога аб’екта, як: *Цінхайху* 青海湖 qinghaihu – ‘возера спакойнай вады’, *Янцзы* 长江 changjiang – ‘доўгая рака’, *Уцзян* 乌江 wujiang – ‘чорная рака’, *Ляохэ* 辽河 liaohu – ‘далёкая рака’ і пад.
- (2) У склад тапоніма заўсёды ўваходзіць кампанент, які паказвае яго прыналежнасць да геаграфічнага аб’екта [2, с. 14-15], у якасці такіх кампанентаў выступаюць лексемы: правінцыя 省 sheng, павет 县 xian, вёска 村 cun, рака 江 jiang, 河 he або 水 shui, возера 池 chi або 湖 hu, гара 山 shan, пік 峰 feng і інш.

Аб’ектам прапанаванага даследавання стала кніга перакладаў кітайскай паэзіі «Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая» (2012), якая ахоплівае творчасць кітайскіх аўтараў некалькіх стагоддзяў – ад старажытнасці да сучаснасці. Прадмет даследавання – граматычнае асваенне кітайскіх геаграфічных назваў у структуры паэтычнага тэксту па-беларуску. Матэрыялам для даследавання стала картатэка, укладзеная на аснове суцэльнай выбаркі тапонімаў з названай кнігі. Сумарная

колькасць выбраных адзінак (181) дазваляе зрабіць абагульняльныя высновы па граматычным асваенні кітайскіх геаграфічных назваў у перакладах пэўнага аўтара.

Аналіз фактычнага матэрыялу сведчыць, што пры перадачы тапонімаў на беларускую мову перакладчыкам былі скарыстаныя некалькі спосабаў, якія матываваны названымі вышэй асаблівасцямі кітайскай мовы.

1. Перадача шляхам поўнага перакладу геаграфічнай назвы, напр.:
  - *І вось стаім над **Жоўтаю ракой*** (с. 72¹) – кіт. 黄河 huanghe даслоўна ‘жоўтая рака’ = рака Хуанхэ;
  - *Смяюся і абдымаю у **Чыстай Рацэ** твар поўні* (с. 98) – кіт. 清溪 qingxi даслоўна ‘чыстая рака’ = рака Цінсі;
  - *Захаду фарбы па-над **Цэнтральнай раўнінай*** (с. 222) – кіт. 中原 zhongyuan даслоўна ‘цэнтральная раўніна’ = раўніна Чжун’юань;
  - *Боб тугі пасадзіў я пад **Паўднёвай гарою** на схіле* (с. 43) – кіт. 西山 xishan даслоўна ‘паўднёвая гара’ = гара Сішань.
2. Перадача шляхам транскрыпцыі геаграфічных назваў, напр.:
  - *Ранкам прыплыў у **Сіньян*** (с. 85) – гарадская акруга Сіньян 信阳 xinyang;
  - *І асабліва **Ханчжоў** ўспамінаю* (с. 110) – горад Ханчжоў 杭州 hangzhou;
  - *Павернуты варотамі к **Наньшань*** (с. 92) – гара Наньшань 南山 nanshan;
  - *Чужынцаў плямёны вакол **Хуанхэ*** (с. 168) – рака Хуанхэ 黄河 huanghe.
3. Пераўтварэнне геаграфічнай назвы ў прыметнік і пераклад геаграфічнага тэрміна, напр.:
  - *Не сядзеў бы я тут, на вяршыні Тайшаньскай гары* (с. 252) – гара Тайшань 泰山 taishan;
  - *Песня аб узыходжанні на Юйчжаўскую вежу* (с. 78) – вежа ў горадзе Юйчжоў 禹州塔 yuzhouta;
  - *Цюняньская тут пераправа з Тайняньскім мастом над ракою* (с. 206) – пераправа Цюнянь і мост Тайнянь;

---

¹ Тут і далей ілюстрацыйны матэрыяла з захаваннем аўтарскага правапісу даецца з выдання: Пад крыламі Дракона: Сто паэтаў Кітая / уклад. і пер. на беларус. мову Міколы Мятліцкага. – Мінск: Выдавецкі дом «Звязда», 2012. – 280 с.

- Гор Ушаньскіх сінеча ў акне і чэньсяна заваблівы пах (с. 120) – гара Ушань 巫山 wushan.

Кітайскія тапонімы, перададзеныя па-беларуску, падпарадкоўваюцца марфалагічным асаблівасцям беларускай мовы, таму пэўная частка такіх адзінак «набывае» граматычныя катэгорыі роду і ліку, якіх у кітайскай мове няма. Адпаведна, у тэксце кітайскія тапонімы могуць скланяцца на ўзор беларускіх тапонімаў або заставацца нязменнымі. Аднак адсутнасць названых граматычных катэгорый у мове арыгінала стварае дадатковыя цяжкасці пры перадачы тапонімаў па-беларуску.

Калі звярнуцца да «Беларускай граматыкі» (1985), то там адносна вызначэння роду іншамоўных геаграфічных назваў сказана, што паводле значэння да мужчынскага роду адносяцца нязменныя назвы гарадоў: *Батумі, Дэлі, Сочы, Чыкага* і г.д.; да жаночага роду адносяцца назвы дзяржаў, рэк, гор, пустынь: *Чылі, Нікарагуа, Місісіпі, Ай-Петры, Кіліманджара, Гобі*; да ніякага роду адносяцца нязменныя назвы азёр: *Антарыё, Ківу, Чад* і пад [3, с. 58]. Аднак не ўсё так проста з малавядомымі назвамі, тым больш з геаграфічнымі кітайскімі найменнямі.

З прычыны фанетычных асаблівасцей кітайскай мовы кітайскія словы могуць заканчвацца толькі на: (а) галосныя гукі або спалучэнні галосных гукаў, якія перадаюцца на беларускую мову адпаведнымі літарамі беларускага алфавіта або іх спалучэннямі, а таксама спалучэннямі галосных з *-й* і *-ў*; (б) эрызаваны гук, які перадаецца на беларускую мову літарай *-р*; (в) насавыя гукі, якія перадаюцца на беларускую мову як *-н* або *-нь*. Як правіла, запазычаныя словы, якія канчаюцца на галосны, не змяняюцца ў беларускай мове. Што датычыцца вызначэння роду кітайскіх тапонімаў, якія заканчваюцца на *-й*, *-р*, *-н* або *-нь*, то тут варта прыняць пад увагу напрацоўкі савецкіх і расійскіх усходазнаўцаў. Так, Л. Р. Канцэвіч адносна рускай мовы канстатуе, што геаграфічныя назвы на *-н*, *-й*, *-р* адносяцца да мужчынскага роду, а геаграфічныя назвы, якія заканчваюцца на *-нь* могуць мець розны род. Іх прыналежнасць да таго ці іншага роду вызначаецца па наменклатурным тэрміне, які пры ім ужываецца або падразумяваецца [1, с. 90-91]. У беларускай мове назоўнікі з асновай на цвёрдыя зычныя, у тым ліку і зацвярдзелыя, да якіх адносяцца *-н* і *-р*, а таксама назоўнікі з асновай на мяккія зычныя, у тым ліку і на *-й*, могуць быць як мужчынскага, так і жаночага ці ніякага роду [3, с. 57-58], параўн.: Сібір (ж. р.), Свір (н. р., калі возера) і Свір (м. р. калі гарадскі

пасёлак). Зразумела, што род уласнай назвы ў такіх выпадках вызначаецца выключна па агульным слове, якое намінуе рэальны аб'ект.

Ілюстрацыйны матэрыял укладзенай картатэкі пацвярджае няпростасць граматычнай адаптацыі кітайскіх тапонімаў у беларускамоўным тэксце. На гэта ўказвае не толькі словазмяненне саміх тапонімаў, калі яны скланяюцца, але і іх сінтаксічная спалучальнасць пры нязменных словах, найперш граматычная форма пэўных часцін мовы (прыметнікаў, займеннікаў, дзеясловаў), выкарыстаных у спалучэннях з імі. Так, напр., у радку *Гліна ўсю Ханьгу заляпіла густа* (с. 76) – раён Ханьгу ўжываецца ў жаночым родзе, пра што сведчыць вінавальны склон займенніка *ўся*, нягледзячы на тое, што назоўнік *раён* у беларускай мове мужчынскага роду, а сам тапонім *Ханьгу* нязменнае слова, бо заканчваецца на галосны гук.

Тапонімаў, якія канчаюцца на *-й*, у картатэцы няшмат, і ў большасці выпадкаў яны ўжываюцца ў назоўным склоне, прычым ім надаецца як мужчынскі, так і жаночы род:

- *Сяляне Хэбэя, сяляне Хэбэя! Як цяжка вам жыць* (с. 150) – правінцыя Хэбэй скланяецца аўтарам на ўзор скаланення назоўнікаў мужчынскага роду з асновай на *-й*; і тут няма пярэчання з прынятымі заканамернасцямі.

Аднак у іншым выпадку аналагічны паводле граматычнай формы тапонім ужо аднесены да жаночага роду, параўн.:

- *Пралегла Цзыгай далёка, пакуль да Цяньчжу не прыпала* (с. 108) – горнаму піку Цзыгай надаецца жаночы род, які вызначаецца па форме дзеяслова прошлага часу *пралегла*.

Тапонімаў, якія заканчваюцца на *-р*, у кітайскай мове вельмі мала, і ў прааналізаваных намі адзінках яны не сустрэліся.

Тапонімы, якія заканчваюцца на *-н*, незалежна ад іх агульнага слова, паслядоўна адносяцца да мужчынскага роду і маюць адпаведную парадыгму словазмянення, напр.:

- *Стрэнеш ранкам яе ля Чанцзяна імклівай вады* (с. 18) – рака Чанцзян;
- *Ранняя вясна ў Лінліне* (с. 116) – горад Лінлін;
- *Іх справы ўсё ж не каштавалі болей за прах з палёў свяшчэннага Чайсана* (с. 193) – павет Чайсан;

Зусім па-іншаму выглядае словазмяненне кітайскіх тапонімаў, якія заканчваюцца *-нь*: тут няма адзінства і паслядоўнасці ў вызначэнні родавай прыналежнасці такіх адзінак, што, у сваю чаргу, уплывае на іх сінтаксічную спалучальнасць, параўн.:

- *Шылінь з вышыні вадаспада плынь Чжуаюн скаланула* (с. 108) – Каменны лес Шылінь атрымлівае жаночы род, паколькі ўжыты з дзеясловам прошлага часу жаночага роду скаланула;
- *Ты прыгажуня, любая Цзяннань* (с. 110) – гістарычнай вобласці Цзяннань нададзены жаночы род, што адпавядае роду назоўніка *вобласць* у беларускай мове;
- *Быў пахаваны каля манастыра Чыстая Крыніца пад Чан'юанью* (с. 258) – уезд Чан'юань змяняецца на ўзор III скланення назоўнікаў жаночага роду, якія заканчваюцца на мяккі зычны, хаця, з аднаго боку, слова *ўезд* мае мужчынскі род; а з другога боку, калі ўжо змяняць яго на ўзор назоўнікаў III скланення, то ў творным склонне павінна была б быць форма *пад Чан'юанню*, у якой адбываецца падаўжэнне мяккага зычнага ў аснове;
- *К Цяньшаню я зараз імкнуся душой* (с. 187) – гара Цяньшань скланяецца як назоўнік мужчынскага роду, а не на ўзор III скланення назоўнікаў жаночага роду з мяккай асновай.
- *Пражываю ў Яньшане цяпер* (с. 210) – гара Яньшань таксама скланяецца на ўзор назоўнікаў мужчынскага роду, аднак ужо з асновай на цвёрды зычны.

Падсумоўваючы аналіз выбранага фактычнага матэрыялу, можна зрабіць наступныя высновы адносна ўжывання тапонімаў у прааналізаваных перакладных тэкстах.

1. Не скланяюцца кітайскія геаграфічныя назвы, якія заканчваюцца на галосныя гукі або на -ў:
  - *Жыву ў выгнанні на поўдні Гуйчжоў* (с. 159) – правінцыя Гуйчжоў;
  - *На Тайхуа, гару, хачу ўзысці* (с. 24) – гара Хайхуа;
  - *Драхлею ў Цанчжао – мінаюць гады* (с. 187) – горад Цанчжао;
  - *Чужынцаў плямёны вакол Хуанхэ* (с. 168) – рака Хуанхэ;
  - *Над яньскімі далямі вецер і дождж, у палоне ўладання я Чу* (с. 204) – княства Чу.
2. Кітайскія тапонімы на -н скланяюцца на ўзор назоўнікаў мужчынскага роду з асновай на цвёрды зычны:
  - *Чуў, што ў Цзіньліне дракон і тыгр – Дрогнуў варожы зброд* (с. 168) – горад Цзіньлін ужываецца ў мужчынскім родзе;
  - *А ля вод Сяосяна аб дрэвах згалелых зноў гусіныя плачуць уранку чароды* (с. 213) – рака Сяосян ужываецца ў мужчынскім родзе.

Але сустракаюцца тапонімы на *-н*, якія не скланяюцца аўтарам, напр.:

- *Я на Чанцзян жыву* (с. 164) – рака Чанцзян;
  - *На лодцы плыву на Уцзян* (с. 206) – рака Уцзян.
3. Геаграфічныя назвы на *-нь* скланяюцца на ўзор назоўнікаў мужчынскага роду з мяккай асновай:
- *Ясная ў Лэююані ўсталявалася восень* (с. 88) – горад Лэйюань;
  - *Ў Чан’ані б’юцца, кажуць нам...* (с. 90) – горад Чан’ань;
  - *К Цяньшаню я зараз імкнуса душой* (с. 187) – гара Цяньшань.

Сустракаюцца таксама выпадкі, у якіх тапонімы на *-нь* не скланяюцца:

- *Сам палац Пэнлай – Павернуты варотамі к Наньшань* (с. 92) – гара Наньшань;
  - *Пишу гэты радкі Лі з Інчуань і Чыну са штата міністэрства Лю* (с. 97) – гарадская акруга Інчуань.
4. Тапонімы на *-й* змяняюцца на ўзор назоўнікаў мужчынскага роду на мяккі зычны і *-й*.
- *Сяляне Хэбэя, сяляне Хэбэя! Як цяжка вам жыць* (с. 150) – правінцыя Хэбэй

Можна канстатаваць, што ў выбраным намі матэрыяле скланенню падлягаюць толькі географічныя назвы, якія канчаюцца на *-й*, *-н* або *-нь*, але не ва ўсіх выпадках.

Пра граматычнае асваенне географічных назваў сведчыць і ўтварэнне новых лексічных адзінак ад кітайскіх тапонімаў, напр. з суфіксам *-ск-*. Пры яго дапамозе ў беларускай мове ўтвараюцца адносныя прыметнікі з агульным значэннем ‘які адносіцца да таго або ўласцівы таму, што названа ўтваральным словам’. Утваральнымі словамі з’яўляюцца групы назоўнікаў, у лік якіх уваходзяць і ўласныя географічныя назвы. Прыметнікі, утвораныя ад такіх назоўнікаў, абазначаюць прымету па адносінах да месца, абазначанага ўтваральным словам [3, с. 304], напр.:

- *Я ўпершыню на тайханскай дарозе* (с. 113) – гара Тайхан;
- *Ранкам начэрпаў сянскай вады і распаліў касцёр* (с. 116) – рака Сян;
- *І чускага неба блакіт у сэрцы нясу* (с. 117) – княства Чу;
- *Над яньскімі далямі вецер і дождж* (с. 204) – княства Янь.

Акрамя таго, ад кітайскіх тапонімаў па аналогіі з беларускай мовай утвараюцца найменні гарадскіх жыхароў, напр., *лаянец*: ад назвы горада Лаян пры дапамозе суфікса *-ец* (на ўзор *кітаец*):

- *Вясна сышла, лаянцу ўслед – бывай!* (с. 115).

Такім чынам, аналіз выбранай кнігі перакладаў паказвае, што граматычнае асваенне кітайскіх тапонімаў у беларускай мове працэс доволі складаны і на дадзены момант яшчэ няма адзінства і паслядоўнасці як у вызначэнні родавай прыналежнасці кітайскіх геаграфічных назваў, так і ў іх скланенні. Аднак трэба адзначыць, што ўтварэнне прыметнікаў на аснове кітайскіх тапонімаў пры перакладзе паэтычных твораў доволі частая з’ява.

Библиографические ссылки

1. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте: пособие по транскрипции. – М.: Муравей. – 263 с.
2. Соловьёв Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Академии наук СССР, 1975. – 221 с.
3. Беларуская граматыка: у 2-х ч. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 431 с.

丝 'ШЕЛК' – СЛОВО И КОНЦЕПТ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ)

Фоменков И.Н., Фоменкова М.А.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, Fomenkova-65@mail.ru*

Тысячелетия тому назад по Шелковому пути драгоценная ткань, названная потом шелком, проникает в Европу. Европейцев поразили великолепные яркие шелковые одежды, веера, палантины и галантерейные изделия. Именно китайский шелк выступил «посланником» древневосточной цивилизации в Европе, проложив путь и другим товарам. С тех пор шелк называют распространителем и символом культуры Древнего Китая во всем мире.

«Из неведомой страны, находящейся на восточной оконечности мира, к сердцу Азиатского плоскогорья шли караваны с драгоценнейшим грузом – они везли товар, казавшийся произведением божественным до того восхитительно нежна на ощупь эта ткань! «Сера» – такое имя дают ей греки, и от этого названия пошли слова для обозначения шелка едва ли не во всех европейских языках. Стало быть, страна происхождения –

Серика, то есть «Страна шелка» (Шелковая страна) получила название по товару, производимому ее жителями» [1, с.14].

Слово шелк во многих европейских языках содержит звукокомплекс *si/se* (по-китайски *sī* – ‘шелк’): в испанском – *seda*, датском – *silke*, итальянском – *seta*, эстонском – *siid*, немецком – *Seide*, английском – *silk* др. Русская лексема шелк и белорусское слово шоўк, по мнению ученых, по происхождению являются скандинавизмами [2, т. 3, с. 1586]. В русский и белорусский языки слово шелк заимствуется из ср.-в.-нем. *sīda* (откуда происходит нем. *Seide* ‘шелк’, англ. *silk* ‘шелк’). В скандинавские языки слово попадает из латинского: *sēta sērīka* – “волокно из коконов тутового шелкопряда”. *Sēricus* – прилагательное от латинского *sērēs* – названия древнего народа тибето-бирманского происхождения, который жил в начале второго тысячелетия до нашей эры на территории северо-западного Китая и был хорошо известен тем, что занимался разведением тутового шелкопряда [3, с. 35–40].

Китайские ученые посвящали и посвящают шелку многочисленные исследования: [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11]. Но узко лингвистических среди них единицы [4], [6], [7]. Не проводился филологами из Поднебесной и концептуальный анализ вышеназванного языкового фрагмента мира, что объясняется нераспространенностью и непопулярностью данного исследовательского метода в китайской гуманитарной науке. Монографических исследований в европейской синологии, посвященных лингвистическим аспектам номинаций шелка, мы не обнаружили. Шелку как культурному феномену традиционно особое внимание уделяют историки (работы, посвященные Шелковому пути), культурологи и искусствоведы, технологи и дизайнеры [12].

Отсутствуют и серьезные исследования, выполненные в русле компаративистики, позволяющие сравнить ономаσιологические и семасиологические аспекты номинаций шелка в китайском и, например, славянских, романо-германских и других языках.

Целью данного исследования является анализ китайского концепта «Шелк», озаглавленного одноименной лексемой 丝 ‘шелк’. Структура большинства китайских иероглифов включает два компонента: ключ (радикал) и фонетик. Фонетик определяет (приблизительное) произношение иероглифа, а ключ задаёт широкую область его значения.

Методом сплошной выборки из авторитетного лексикографического источника «Словаря Синхуа» [13] авторами была произведена эксцерпция 151 слова с радикалом 丝 ‘шелк’. После анализа семантики слов данной группы нами был объективирован концепт, который представляет собой поле с ядерной и периферическими зонами / слотами. Вторичные номинации лексем текстильной семантики

рассматривается на широком лингвистическом и историко-культурном фоне в сравнении со славянскими (русским, белорусским и польским) языками. «Вторичные и косвенные номинации для лингвистов и лингвокультурологов и этнолингвистов служат наиболее важным информационным источником, поскольку в них знаково фиксируются ментальные операции «человека говорящего», лингвокультурологический анализ которых позволяет ученым вскрыть мотивационные основы переносов наименований с одних объектов на другие, увидеть корреспонденции разных концептосфер того или иного языка...»[14, с. 82]

Ядро концепта: семантика слова 丝 'шелк' в словарных лингвистических статьях

Для анализа нами были выбраны лингвистические словари, близкие по времени издания и примерно равные по объему словника.

В «Китайско-русском словаре» Чжу Имина у слова 丝 'шелк' зафиксировано 4 лексико-семантических вариантов значений [15, с. 208]:

1) шёлк; шёлковое волокно; шелковина. sī fǎng шелкопрядение; sīwà шёлковые чулки; 2) нить; проволока. tiěsī железная проволока. yǔsī струйки (нити) дождя; 3) «сы» (мера длины, равная 0,0033 миллиметра); 4) «сы» (мера веса, равная 0,5 миллиграмма)

Китайско-русский словарь под редакцией И. М. Ошанина [16. с.406] фиксирует у слова 丝 'шелк' шесть лексико-семантических вариантов: 1) шёлковая нить; шёлк; шёлковый; 2) нити; проволока; паутина; струйки; тонкие стружки; zhūsī – паутина; yǔsī – струйки дождя; tiěsī – проволока; jīsī – тонко нарезанная курица; 3) струна; струнные музыкальные инструменты; 4) одна сотысячная; сотая часть миллиметра; ничтожное количество, йота 5) тонкий узор; 6) думы .

Первое значение фиксируют два словаря – сырье для производства шелковой ткани – 'нить и волокно'. Второй лексико-семантический вариант содержит слова с общей семой 'нечто тонкое и прочное', что указывает на ценное качество шелковой нити и очерчивает словообразовательный потенциал радикала 丝 'шелк': sī fǎng 'шелкопрядение'; sīwà 'шёлковые чулки'; tiěsī 'железная проволока'; yǔsī 'струйки (нити) дождя'; jīsī 'тонко нарезанная курица'. Третий лексико-семантический вариант, отраженный только в [15] – 'струна', является результатом метафорического переноса значения на основе общей семы 'нечто тонкое и прочное', и уже от слова струна в соответствии с метонимией по смежности развивается значение 'струнный музыкальный инструмент'. В обоих словарях зафиксирована «метрологическая» семантика у радикала шелк. Бóльшей конкретикой обладает объяснение Чжоу Мина: «сы» (мера длины, равная 0,0033

миллиметра), «сы» (мера веса, равная 0,5 миллиграмма) [14]; В словаре под ред. И.М.Ошанина объяснение тяготеет к метафорическому: ничтожное количество, йота одна стотысячная; сотая часть миллиметра; [15]. Будет нелишним отметить, что именно к древнекитайской истории относится и одно из первых исторических упоминаний о метрическом знании человечества. Согласно древнекитайским преданиям, правитель Хуан-ди за 2600 лет до н.э. ввел систему мер и весов. Одним из условий, при котором в древности некий товар, минерал или продукт мог стать метрическим эталоном, была его исключительная ценность. И шелк как ткань, и шелковые нити как сырье вполне соответствовали этому требованию. У Плиния Старшего в его Римской энциклопедии читаем, что «китайцы продавали европейцам меха, сандаловое дерево, мускус, масло дерева «дун», необходимое для изготовления прекрасного лака, иглы, «ферро серико – «китайское железо» – чистую сталь, кроме и после, естественно, шелка. Поскольку тканей привозили немного – из-за ограничений на вывоз, то купцы предпочитали торговать нитками, в катушках или мотках» [1, с.16]. В Китае под страхом смертной казни запрещалось вывозить гусениц шелкопряда или их личинки за пределы страны.

Особый интерес вызывает шестой лексико-семантический вариант, зафиксированный в словаре под редакцией М. И. Ошанина, : 丝 'думы'. Новое значение появляется в результате метафорического переноса по схожести. Некая волнующая, не отпускающая человека мысль (думы), сравнивается с шелковой нитью. Концепт духовного, внутреннего мира человека – интеллектуальная деятельность – кодируется словом, называющим денотат мира материального. Явление это универсальное, характерное для мировидения, отраженного практически во всех языках. Приведем в качестве примера фразеологизмы со словом нить, функционирующие в славянских языках. Красная нить 'основная идея произведения, статьи, выступления'. Приблизительно такие мысли проходили красной нитью сквозь учебники политэкономии социализма. [17] (рус.). Праходзіць чырвонай ніткай 'проходить красной нитью, быть основной идеей (произведения, статьи произведения)' (бел.) Праз усю творчасць Я. Янішчыц чырвонай ніткай праходзіць ідэя нешчаслівага кахання. Ніć przewodnia 'главная основная идея пьесы, произведения'. ...w obu sztukach da się odnaleźć podobną nić przewodnią (nadużywanie władzy, rozkład pruskiej armii i pruskich urzędów) [18, т. 2, с. 23]. И хотя первоначально европейская красная нить никак не была связана с интеллектуальной деятельностью, а значение 丝 'думы' в настоящий момент является устаревшим и не фиксируется новейшими китайскими словарями, интересным является факт совпадения

фрагментов языковых картин европейца и китайца, факт закрепления в языках разных языковых семей одинаковой метафоры: нить → мысль.

Приядерная зона концепта: номинации текстиля

Приядерную зону составляют слова « текстильной семантики». Эта группа достаточно многочисленная – 57 слов. В ней мы выделяем следующие слоты:

Номинации сырья (нити и пряжа): 纆 hé шёлк (нити, пряжи) низшего сорта; 线 xiàn нить, линия, черта; 纶 lún сучёная нить; леса, леска; струна; 纡 kuàng шёлковая вата; шёлк-сырец; 纈 yùn сбившаяся пенька, спутанное волокно конопли; 绵 mián шелковая вата; 缕 lǚ шелковинка; шелк (нить, ткань); 经 jīng основа [ткани]; нить основы, продольные нити ткани; каноническая книга, классический (основополагающий) труд.

Общей семой для всех 8-ми проанализированных слов является ' нечто длинное, прочное, тонкое '. Обратим внимание на подчеркнутый пример. То, что в качестве единичного лексико-семантического варианта было обнаружено у лексемы 丝 ' шелк ', – вторичная номинация ' думы ', находит свое продолжение и на словообразовательном уровне. У слова 经 jīng помимо « текстильной » семантики развивается значение, тесно связанное с интеллектуальной деятельностью – фиксацией идей и мыслей в тексте ' каноническая книга, классический (основополагающий) труд '. И снова мы обнаруживаем точки соприкосновения китайского языкового образа мира с европейским. В европейских языках слова текст и текстиль восходят к одному латинскому корню tēxtēre ' переплести '. В русских метафорах ткань текста, канва повествования отчетливо прослеживается « текстильная » семантика. Сравнение книги с тканью можно объяснить не только генетической общностью лексем текст и текстиль. Процесс создания, творения словесного высказывания (произведения, текста) схож с ткачеством и плетением, когда одна мысль порождает последующую, что и было отмечено в работах [19], [20]. Совпадение в одной лексеме значений 经 jīng ' основа [ткани]; нить основы, продольные нити ткани ' и ' каноническая книга, классический (основополагающий) труд ' может иметь и историко-культурологическое объяснение: шелк был тем материалом, на котором в древнем Китае писались трактаты, законы, художественные произведения. Ткань использовалась в ритуалах: шелковые расписные знамена растягивали во время похорон, а затем накрывали им гробы. Картины (в широком семиотическом понимании живопись – тот же текст) на шелке эпох Цинь и Хань, украшенные изящными цветными изображениями, сейчас являются источником

информации по изучению древних ритуалов погребения, мифологии и религиозных верований [21]. В этой связи можно привести убедительно звучащее мнение английского антрополога и этнографа А. Радклиф-Брауна, что «объектами ритуальных обрядов становятся предметы, оказывающие важное влияние на социальную жизнь» [14, с. 4]. Шелк такой утилитарной значимостью, бесспорно, обладал, что и было закреплено в языковых фактах – метафорических переносах: шелковая ткань → книга.

Номинации видов тканей

В приядерную зону входит и группа из 22 лексем – номинантов тканей: 纨 wán белый тонкий шелк; 纱 shā тюль, вуаль; 縠 hú узорчатый шёлк; 縐 zēng шёлковые ткани, шелка (общее название); 縞 qiāo шёлк фиолетового (тёмно-красного) цвета; 缟 gǎo белый тонкий шёлк; 纁 jìn пурпурный шёлк; пурпурный, красный (цвет пояса чиновника); 缥 piǎo бледно-зеленый, голубоватый шёлк; 縠 màn гладкий (без узоров) шёлк; 縠 jiān тонкая плотная шелковая ткань, белое шёлковое полотно; 縠 sī тонкая ткань из конопли (для траурной одежды); 縠 tí оранжевый шёлк; 縠 duàn атлас, шёлк; чёрный цвет; чёрный; 縠 líng узорчатая шёлковая ткань (более тонкая, чем атлас); 绿 lǜ зелёный, шелк зелено-желтого цвета; 縠 chóu шёлковая материя; 縠 tí плотный атлас; 縠 xì грубая пеньковая ткань, дерюга; 縠 xiāo ткань из шёлка-сырца (различного сорта); 縠 zhù полотно, полотняная материя 縠 juàn тонкий шёлк (для картин), тафта; 縠 jiàng тёмно-красный, вишнёвый, ткань пурпурного цвета; 縠 gàn пурпурный, чёрный с фиолетовым (красным) отливом, ткань такого цвета.

Номинации шелка обусловлены 1) кинестетическим восприятием материи: ткань может быть гладкой и узорчатой (тканый узор), плотной и тонкой; 2) визуальным: по цвету выделяется среди анализируемых лексем белый, черный и цветной шелк. В данной группе наблюдаем слово, которое называет и нешелковую ткань: 縠 xì грубая пеньковая ткань, дерюга. 11 лексем – это отколоративные номинации. Данные слова являются полисемантами. Первое значение – ‘цвет’, второе, в соответствии с метонимическим переносом – ‘шелк данного цвета’. Номинативной плотностью обладают слова, называющие ткани красного цвета. В данной группе 4 лексемы, называющие различные оттенки красного. Сращение в одном слове сем ‘цвет’ и ‘ткань данного цвета’ является универсалией. В качестве примера приведем отколоративные номинации старобелорусского языка: иакинфь, гиацынтъ, синета – ткани

синего цвета; багряница, пурпура – ткани алого и красного цвета. Обращает на себя внимание, что в других ЛСГ нет полного совпадения значений 'цвет' и 'предмет, продукт данного цвета'. С историко-культурной перспективы объяснить это можно одновременным развитием ткачества и красильного производства (вернее, красильни были неотъемлемой частью ткацкого промысла).

В Китае древнейшими растительными пигментами являлись трава лань 藍 (местная разновидность произрастающего на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии растения индиго, из которого получается краситель синего цвета), корень морены (дает красный цвет), плоды гардении (чжи-цзы 梔子, желтый краситель), желуди китайского дуба (содержат черный пигмент). Во II–I вв. до н.э. в качестве сырья для красного красителя стали выращивать сафлор (кит. хун-хуа 红花 – красный цветок) – растение, попавшее в Китай по Великому шелковому пути и быстро адаптированное к местным условиям. Из минеральных пигментов употреблялись киноварь дань 丹, дающая красный цвет, охра чжэ-ши 赭石 (из которой получают красители красного, желтого и коричневого тонов), свинцовые соединения. Уже древнекитайские мастера – красильщики в совершенстве владели техникой многослойного окрашивания, умели добиваться нужных оттенков путем комбинирования красок [22, с.282–288].

Одежда (элементы украшения), предметы быта

В эту группу входит 28 лексем:

纁 hóng (устар.) шнуры головного убора, завязывались под подбородком, цвет зависел от ранга владельца; 绅 shē широкий пояс (кушак) со свисающими концами (предмет парадного или официального платья); 纆 gōi перевязь на эфесе меча; 绦 tāo плетёный шёлковый шнурок (лента); 纉 huì нитяная бахрома (на начальном и конечном крае тканой материи); 纆 jiāng повод, поводья; 纆 yīng (устар.) завязки (лента) головного убора (шапки чиновника); 纆 léi чёрная верёвка (ими в древности связывали преступников), путы, узы; 纆 lí пояс (платок; невесты); 纆 cū глубокий траур (в виде нагрудного передника из грубой пеньки с неподрубленными краями, носимый в течение трёх лет); траурный (о предметах одежды); головного убора, полога).

Обращает на себя внимание, что предметы быта и элементы украшений объединены общей семой 'нечто длинное и узкое'. То, что, как в зародыше, мы обнаружили у ядерной лексемы, находит свою реализацию и в далеких от ядра пластах лексики. Данная лексическая группа интересна с точки зрения познания традиционного уклада жизни китайцев.

Лексемы, называющие процессы ткачества и шитья Периферийную зону концепта шелк составляют лексемы, называющие различные этапы процесса изготовления ткани и шитья и развившиеся у них вторичные номинации (в данной работе периферический пласт лексики представлен фрагментарно). Хотя в плане выражения лексем наблюдаем наличие радикала шелк, в плане содержания слов сема 'шелк' уже отсутствует. Лексемы, в основном, называют различные процессы шитья и ткачества. В подчеркнутых лексемах: 综 zōng 'сплетаться, перекрещиваться, переплетаться, обобщать, резюмировать'; 绪 xù 'начало клубка, начало, первый толчок, начальное развитие; вступление, предисловие' наряду с первичной номинацией развилась метаязыковая семантика. В европейских языках метаязыковая метафора с текстильной и ткацкой семантикой представлена достаточно последовательно [23, с.87–111]. однако следует отметить, что в славянских языках сравнение речи или участника речевого процесса с любым видом ткани имеет коннотацию негативную. Исключение составляют лексемы, называющие шелковые ткани: бархатный голос (бархат первоначально изготавливался из шелка). Вторичная метаязыковая семантика китайских лексем, называющих шелк, кодирует процесс и продукт речевой деятельности с положительной коннотацией.

纫 rèn вдевать (нитку в иголку); 纒 yǔ свивать(ся), гнуть(ся); 综 zōng сплетаться, перекрещиваться, переплетаться, обобщать, резюмировать; 緝 shàng подбивать, подшивать (обувь); 纛 sāo разматывать шёлк с коконов; 繆 móu увязывать, укреплять, переплетать, укрывать; 縫 féng шить, портняжничать; 绪 xù начало клубка, начало, первый толчок, начальное развитие; вступление, предисловие.

Метод концептуального анализа убедительно показывает, что набор сем ядерной лексемы последовательно реализуется в словах приядерной и периферических зон. Поле лексем с общим ключом 丝 'шелк', формирующее одноименный концепт, обладает номинативной плотностью и высокой степенью семантической близости иероглифов в группах. Последовательно реализуется метафорический перенос шелк → процесс речи и реализованный на письме продукт речевого творчества (книга), что сближает мировидение китайца с европейскими языковыми образами мира.

Библиографические ссылки

1. Гуадалупи Дж. Открытие Китая Тайны Поднебесной империи/ пер. с итал. А. Кавтаскина. – М. : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004. – 336 с. 6 ил. (стр.14 – 15)
2. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб, 1893 – 1912. – 3 т.
3. Вальчакова, П. Название шелка в славянских языках / П. Вальчакова// Этимология. 2009 2011 /Ин-т рус.яз им. В.В. Виноградова; отв. ред. Ж.Ж. Варбот.- М.:ПРОБЕЛ-2000, 2012.- с.35-401.
4. 从成语典故看中国的丝绸文化张磊, 顾国达中国蚕业"2001, №1 页 12-28.
5. 郭红中国古代文学中的桑蚕文化时代文学" 2008, № 5,页 15-45.
6. 冯盈之《说文解字》“糸部”丝绸文化探析丝绸" 2007, №8, 6. 页 20-55.
7. 亓新风《说文解字·糸部》研究 广西师范学院 2017, 87 页.
8. 马良西方人眼中的东方丝绸艺术 上海教育出版社, 2004, 225 页.
9. 李建华柔软的力量 (全二册) 上海文化出版社, 2012, 336 页
10. 吴晓骏, 张赞梅, 陈健 丝绸文化研究书目与论文中国社会科学出版社,2018, 391 页.
11. 徐德明中华丝绸文化吉林文史出版社, 2009, 293 页.
12. Silk: Trade and Exchange along the Silk Roads between Rome and China in Antiquity Series: Ancient Textiles Series .Volume: 29 Berit Hildebrandt (Editor). – Copenhagen: Oxbow Books. 20017. 224p
13. URL: http://zidian.cibiao.com/bs_20817.html.
14. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
15. Чжу Имин Китайско-русский словарь / гл. сост.: Чжу Имин и др. 2-е изд., испр. – М.: Вече, 2003. – XXX, 1250 с.
16. Китайско-русский словарь / Ин-т востоковедения АН СССР. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : ГИС, 1995. – 900с. + Приложения и указатели. сост. В.С. Кузес и И.М. Ошанин. 208с.
17. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru>.
18. Гюлумянц, Кира. Польско-русский фразеологический словарь: в 2-х т. – Минск: Экономпресс, 2004. – с.688 (I т.), с. 718 (II т.)
19. Мечковская, Н. Б. Философия языка и коммуникации: учеб. пособ. – М.: Флинта, 2017. – 514 с.
20. Фамянкова М. А. Семантычная дэрывацыя ў слоўніку і тэксе (на матэрыяле намінацый тэкстылю ў польскай мове) // Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча : зб. артыкулаў па матэрыялах міжнар. навук. канф./ Беларус.дзярж.ун-т; рдкал.: І.Э. Багдановіч (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. І.Э. Багдановіч, М.І. Свістуновой. – Мінск: БДУ, 2018. – 439с. (с.431–436)
21. Лю Шичжун История китайской живописи / пер. с кит. Ефановой В. А. – М.:ООО международная издательская компания «Шанс», 2018. – 223 с.
22. Кравцова М. Е Шелк // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006–. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2010. – 1031 с. (С. 282-288).

23. Березович Е. Л., Казакова Е. Д. Вокруг байкового языка: метаязыковая метафора как проявление лингво-креативной деятельности // Лингвистика креатива – 1 [Текст]: Коллективная монография/ под общей ред. проф. Т. В. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – 369 с. (с. 87 – 111).

КОСВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ПОРОЖДАЕМЫЕ ИМ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОЗЫ В. БЫКОВА С БЕЛОРУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК)

Холева А. С.

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kholeva-12@yandex.ru*

Перевод текста с одного языка на другой можно сравнить с переправой на другой берег, а переводчика – с капитаном корабля, который руководит плаванием. Если расстояние между берегами маленькое, то и переправа будет несложной, но если кораблю придется пересекать океан, то капитан вряд ли обойдется без посторонней помощи. При переводе с близкородственных языков переводчику приходится решать меньшее количество сложных задач, так как многие культурные реалии могут если не совпадать, то быть схожими. Работа переводчика осложняется, если языки, с которыми он работает, принадлежат к разным группам. Но бывают и случаи, когда переводчик не владеет языком исходного текста. Тогда ему, как и капитану корабля, не знающему курс движения, приходится прибегать к посторонней помощи, обращаясь к тексту-посреднику. Текст-посредник – это уже выполненный перевод оригинала на определенный, отличный от исходного, язык, с которого осуществляется повторный, то есть косвенный перевод Л. Нелюбин в «Толковом переводческом словаре» определяет косвенный перевод как «перевод, осуществляемый не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на другой язык» [5, с. 95]. Косвенный перевод также называют вторичным или непрямым [6, с. 68].

Косвенный перевод имеет долгую историю функционирования в межнациональном взаимодействии, особенно между географически, культурно и лингвистически далекими регионами. Косвенный перевод часто используется для передачи текстов с так называемых «региональных языков» с малым количеством носителей (например, чешский, белорусский, датский, литовский и т. д.). Непрямой перевод через язык-посредник известен с давних времен и использовался,

главным образом, для передачи текстов художественной литературы. Классическим примером непрямого перевода можно считать переводы Библии с латыни на другие европейские языки, в том числе и перевод с Вульгаты. Вплоть до начала двадцатого века многие переводы произведений русской литературы были выполнены на основе французских текстов. Знаменитый роман «Анна Каренина» Льва Толстого был переведен на испанский язык лауреатом Нобелевской премии по литературе Жозе Сарамого посредством французского текста романа. Переводы произведений Н. В. Гоголя на персидский язык также представляют собой непрямую передачу текста через английский и французские языки. Перевод широко известной повести «Тарас Бульба» на персидский был выполнен через посредничество французского варианта Луи Виардо, а переводы «Шинели», «Портрета» и «Коляски» появились благодаря английскому переводчику Джону Курносу. Ещё одним наглядным примером использования косвенного перевода может быть русскоязычная версия «Тысячи и одной ночи», выполненная Алексеем Фроловым на основе французского варианта Антуана Галлана, и более поздний вариант перевода сборника Людмилой Шелгуновой через англоязычный перевод Эдварда Лейна.

В советские времена перевод текстов национальных литератур республик также часто осуществлялся посредством русского как языка-посредника. В 1979 году в Пекине был создан центр по изучению и переводу советской литературы «苏联文学», результатом деятельности которого стал выпуск периодических литературных изданий. Так, например, второй выпуск за 1987 год познакомил китайского читателя с украинской литературой, а в третьем выпуске 1988-го года с грузинской поэзией.

Сегодня косвенный перевод все также играет значительную роль в межкультурной коммуникации. Его активно используют на международных конференциях, бизнес-переговорах, при переводе художественной литературы так называемых «малых культур» с относительно небольшим количеством говорящих на национальном языке людей. Широко используемый ресурс Google-переводчик также использует принцип непрямого перевода. Этот сервис предлагает перевод с любого поддерживаемого языка на любой поддерживаемый, но в большинстве случаев выполняет перевод через английский. Для некоторых языков характерен многоступенчатый характер перевода с двойным процессом обработки: сначала через близкородственный язык, затем через английский.

Зачастую понятие «косвенный перевод» имеет негативную коннотацию. Некоторые исследователи считают его более низкой по

качеству копией оригинала в сравнении с прямым переводом. Во многих случаях в таких переводах наблюдается значительное отхождение от оригинала, а если говорить о переводе художественных произведений, то и потеря образности и эстетического потенциала. Переводческий процесс предполагает активное взаимодействие не только языков, но и национальной культуры, мировосприятия. Система художественных образов и общее восприятие текста претерпевают значительные изменения в процессе передачи на другой язык. Своеобразие художественного перевода зависит не только от степени родства исходного и переводящего языков, но и от характера близости воспринимаемой и воспринимающей культур. Языковая уникальность текста, направленного на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими фоновыми знаниями и культурно-историческим фундаментом, отражающемся в мировосприятии, не может быть с абсолютной полнотой передана средствами другого языка. В случае, если перевод осуществляется на основе текста-посредника, потери могут быть еще более значительными, а степень семантической, прагматической и функциональной эквивалентности с оригиналом при косвенном переводе будет ниже, чем в случае прямого перевода. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что непрямой перевод текстов делает возможными контакты многих очень далеких, как в географическом, так и в культурно-языковом плане народов, коммуникация которых осуществляется с помощью языков-посредников. Белорусско-китайские отношения подтверждают этот факт.

Наличие текста-посредника сделало возможным знакомство китайских читателей с творчеством таких белорусских писателей как Янка Купала, Якуб Колас, Максим Танк, Петрусь Бровка, Янка Брыль, Иван Шамякин, Иван Мележ, Василь Быков, Алесь Адамович. Первые переводы произведений белорусских писателей на китайский язык увидели свет в 50-тых годах XX столетия. Переводная литература этого периода издавалась в основном ограниченным тиражом «для внутреннего пользования», то есть для ознакомления высокопоставленных чиновников и идеологических работников с произведениями зарубежной литературы. В 1949 году в издательстве «文光书店» вышел сборник стихов Янки Купалы «Жалейка», в 1950-м году в сборнике советской поэзии эпохи Великой Отечественной войны были напечатаны военные стихи Якуба Коласа, в этом же году вышли переводы повести Янки Брыля «У Забалоці днее» и поэмы Петруся Бровки «Беларусь». Через два года была опубликована поэма Аркадия Кулешова «Толькі ўперад». В 1958 году в Пекине вышел сборник стихотворений Максима Танка.

В восьмидесятые годы после продолжительного периода затишья, связанного с «культурной революцией», Китай захлестнула волна переводной литературы. Около 70 издательств в Поднебесной начали работу с произведениями советских писателей, и именно в этот период было издано наибольшее количество произведений белорусских авторов. Большими тиражами вышли переводы романа Ивана Мележа «Люди на болоте», документальной хроники Алеся Адамовича «Блокадная книга», повестей Василя Быкова («Абеліск», «Дажыць да світання», «Пайсці і не вярнуцца», «Сотнікаў», «Жураўліны крык», «Альпійская баллада», «Знак бяды»). В 1980 году вышел сборник избранных произведений Василя Быкова. Особой популярностью у китайских читателей пользовались произведения Ивана Шамякина, которые одно за одним выходили в китайской печати (повести «Непаўторная вясна», «Бацька і дзеці», романы «Снежныя зімы», «Глыбокая плынь», «Сэрца на далоні»).

Во время Советского союза русский был официальным языком многонационального государства, поэтому переводчики из других стран не видели необходимости в изучении национальных языков народов, проживающих на территории СССР. Это привело к тому, что русский язык стал посредником в общении не только внутри самого государства между представителями разных республик, но и мостом, связывающим национальные культуры народов Союза с внешним миром. Использование русскоязычных текстов-посредников при переводе национальных литератур на другие языки стало распространенной практикой, к которой прибегали переводчики, не владеющие языками оригинала. Белорусская литература не стала исключением. Все вышеперечисленные произведения белорусских авторов также были переведены на китайский язык с помощью текста-посредника. За основу китайские переводчики брали уже переведенный с белорусского на русский язык текст, который становился своеобразным посредником в белорусско-китайском культурном диалоге. Безусловно, прошедший двойную трансформацию текст мог значительно отличаться от оригинала. Погрешности и ошибки текста-посредника неизбежно влияли на качество непрямого перевода. Очень часто при переводе безэквивалентной лексики переводчик допускал неточности, которые в косвенном переводе могли перерасти в грубые ошибки, что в свою очередь, не могло не отразиться на восприятии текста читателем. Рассмотрим случаи такого несоответствия на конкретных примерах. В качестве объекта анализа возьмем первую главу повести Василя Быкова «Знак бяды».

Иллюстративным примером переводческих несоответствий является предложение оригинального текста «Вылезшы з пограба, туपाў

з саломай у барадзе яе Петрачок», которое было переведено на русский язык как «выбравшись из погребца, похаживал с соломой в бородачке ее Петрок». В русском варианте текста выбрано неверное значение белорусского слова «барада», которое обозначает «пучок», «кустик», что нашло отражение в китайском переводе «细小而难看的胡子上沾着干草» («из жидкой и безобразной бороды торчала солома»). Белорусская уменьшительно-ласкательная форма имени главного героя «Петрачок», в котором отражается нежное отношение Степаниды к мужу, также осталось непередаваемым. В описании характера Петрока было использовано слово «недалэга», имеющие значение «неумелый», «нерасторопный», которое в русскоязычном варианте трансформировалось в русское «недоумок», а в китайском переводе передано устойчивым сочетанием «愣头愣脑», что значит «глупый», «тупой». Такая передача явно исказила изображение характера главного героя, добавив в его образ негативный аспект. В описании липы, которая росла возле дороги рядом с хутором, автор использовал прилагательное «каржакаваты камель», переведенное на русский как «уродливый ствол» и на китайский как «树干又臃肿又丑陋» («толстый и уродливый ствол»), что также в определенной мере исказило восприятие картины хутора. Главная героиня Степанида в своей речи очень часто использовала уменьшительно-ласкательные суффиксы, выражая своё особое отношение к окружающим её вещам, что характеризует её как любящую свою землю женщину, но эта особенность не передается в русскоязычном переводе и, соответственно, не отражена и в китайском варианте («краёчак», «зямелька», «дзіцёнак», «кабылка», «парсючок», «хлявок», «кароўка», «пастушок»). В следующей таблице также отражены примеры переводческих несоответствий:

Оригинал	Перевод на русский язык	Перевод на китайский язык
беззабаронная адвага	дерзкая беззащитность	大胆而毫无防范的样子
цярплівая і негаваркая памяць	всеохватная человеческая память	包罗万象的人类记忆
бянтэжыць	угнетать	使……感到十分难受
вялікі гармідар	великое шествие	伟大的进军
нялюдскае жыццё	страшная в своей непривычности жизнь	极不习惯的可怕生活
недалэга	недоумок	愣头愣脑的……
нягеглы дзіцёнак	больной,	患病的, 幼小的独生

Оригинал	Перевод на русский язык	Перевод на китайский язык
	единственный ребенок	子
ліпка	рябинка	花秋火
жыццё ўсталёўвалася	жизнь утверждалась	生活确定下来
парастак	непотребный отпрыск	下贱后裔
птушыны інстынкт	древний инстинкт	自古以来的本能感觉

Сложно сказать, как бы выглядел прямой перевод с белорусского языка на китайский, но в приведенных выше примерах очевидно, что неточности в текст-посреднике обусловили некорректность китайского варианта. Более того, в русскоязычном варианте опущено достаточное количество белорусских слов, отсутствующих в русском языке, что говорит о недостаточном внимании переводчика к белорусской безэквивалентной лексике («неўпрыцям», «зрэшты», «спакваля», «укарэлае каліўе», «карцець», «конна»).

Несмотря на то, что косвенный перевод ещё более отдаляет конечный текст от оригинального произведения, он выполняют очень важную посредническую функцию, связывая между собой далекие территориально и культурно народы. Без русскоязычного текста-посредника сложно было бы представить знакомство жителей Поднебесной с белорусскими авторами, а белорусские читатели, в свою очередь, также же не имели бы возможности наслаждаться произведениями китайской литературы. Хочется надеяться, что с развитием белорусско-китайских отношений появятся переводчики, которым будет под силу работа с оригинальными текстами, без обращения к тексту-посреднику, что в значительной степени улучшит качество белорусской и китайской переводной литературы.

Библиографические ссылки

1. Быкаў В. Поўны збор твораў у 14-ці тамах. Том 6. – Мінск : Кнігазбор, 2014, 544 с.
2. Быков В. Собрание сочинений в 4-х томах. Том третий. – М., 1985, 432с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М., 2001, 224 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М., 1990, 328 с.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М., 2003, 319 с.
6. Семенов А.Л. Теория перевода. – М.: Академия, 2013, 224 с.
7. 贝科夫小说选: 外国文学出版社, 1980. 458 页

СТРУКТУРА И СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА

Чэн Тин

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034 Минск, Беларусь, chenting5366@163.com*

Лингвокультурный концепт – многомерное ментальное образование хранящийся в памяти человека информации о фрагменте опыта, который проименован языковым знаком и осознается индивидуумом и языковым коллективом как значимый. С ним связаны важные эмоциональные и социокультурные характеристики, которые члены языкового коллектива в процессе коммуникации осознают и разделяют.

Существуют многочисленные подходы к описанию структуры лингвокультурного концепта, представленные в работах С. Г. Воркачёва, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, И. А. Стернина, В. В. Колесова, Е. В. Рахилиной и др. Можно, однако, сказать, что в целом характеристики лингвокультурологического концепта могут быть сведены к трем основным группам, отражающим его понятийную, образную и ценностную стороны [3, с. 8; 4, с. 5] и имеющим «свои «представительства» в лексической системе языка» [3, с. 50].

Понятийная составляющая лингвокультурного концепта представляет собой, по мнению В.И. Карасика, «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [2, с. 39]. Определение понятийной составляющей лингвокультурного концепта в лингвистике представляет собой логическую операцию, в ходе которой устанавливаются отнесенность понятия к определенному виду [гиперониму] и основные различительные родовые признаки, а также выявляются понятия-гипонимы.

Обычно понятийная составляющая достаточно полно представлена в дефиниции именуемого его слова в толковом словаре, например: СОСНА – ‘вечнозеленое хвойное дерево [гипероним], обычно с прямым высоким стволом, длинной хвоей и небольшими шишками. Существует около 100 видов сосны [гипонимов]: *сосна кедровая сибирская*, ~ *маньчжурская*, ~ *лапландская*, ~ *крымская*, или *Палласова*, ~ *пицундская*, ~ *итальянская (пиния)* и др.’.

Кроме того, понятийная составляющая лингвокультурного концепта (особенно её периферийная часть) проявляется в разнообразных связях именуемой этот концепт единицы с другими

словами. Информация о концепте проявляется в ассоциативных связях слова (*собака* – поводок/ щенок/ будка/ друг человека/ кость/ блохи/ гавкать/ кусать и др.), а также синтагматических (огромная *собака* воеет), деривационных (*собака* – собачник, собаковладелец, собачонка, собачатина, собачиться и др.), фразеологических (*собаке* – *собачья смерть*, *мерзнуть как собака*, *брешет как собака*, *от него смердит как от собаки*) и др., которые раскрывают тот или иной понятийный признак, не представленный в дефиниции в качестве смыслоорганизующего и смыслоразличительного.

Образный компонент концепта отражает, во-первых, *перцептивные* признаки, которые могут быть представлены в дефиниции слова описательно вместе с понятийными признаками, устанавливаемыми рационально. Примером может служить дефиниция существительного КАРАГАН м. или КАРАГАНКА ж., в которой сочетаются понятийные и перцептивные признаки цвета и размера: ‘особый вид степной лисы, в южной Киргизской степи; она гораздо меньше и серее нашей; *Canis melanotus*. || В торговле: немецкая, заграничная лиса, которая не так рыжа, как северная и русская’).

Во-вторых, в случае номинации концепта мотивированным словом, перцептивный признак может частично передаваться в имени с помощью заложенного в нем мотивирующего признака (*черника*, *голубика*, *длиннохвостая синица*).

В-третьих, образный компонент концепта может реализовываться в сочетаниях слов на основе метафоры, в том числе, номинативных лексических (*солнечный зайчик*) и развернутых стилистических: *облака – белогривые лошадки: что вы мчитесь без оглядки?*

Особое внимание в лингвокультурологии придается **ценностной** составляющей лингвокультурного концепта, поскольку определение ценности объекта является важнейшей характеристикой культуры в целом.

Как указывает Г. Г. Слышкин, ценностный компонент лингвокультурного концепта предполагает два важнейших аспекта: актуальность и оценочность.

Актуальность лингвокультурного концепта, по мнению Г. Г. Слышкина, «реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в числе отношений типа «стимул → реакция» и «реакция → стимул», в которые эти единицы вовлечены в ассоциативно-вербальной сети. Наличие аспекта актуальности проверяется методами количественного подсчета» [8, с. 10].

Аспект оценочности, с точки зрения данного автора, проявляется в денотативном содержании лексической единицы, а также в оценочных эпитетах с этим словом и оценочных коннотациях. «Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа» [Там же].

Таким образом, все составляющие лингвокультурного концепта теснейшим образом связаны, а их выявление предполагает использование, практически, одинаковых лингвистических методов исследования, результаты которых, однако, рассматриваются с разных сторон. Например, исследование ассоциативных, деривационных, синтагматических, парадигматических и внутрисловных эпидигматических связей позволяет установить имплицитные понятийные признаки, а анализ их количества позволяет говорить о степени актуальности и характере оценочности **ценностной** составляющей лингвокультурного концепта.

Помимо понятийной, образной и ценностной составляющей, С. Г. Воркачѳв и некоторые другие исследователи выделяют также *языковую значимостную* составляющую лингвокультурного концепта, определяемую, вслед за Ф. де Соссюром, положением именуемой этот концепт языковой единицы в системе языка [1, с. 124]. В этом случае сюда следует отнести этноспецифические опять-таки синонимические, антонимические, омонимические, деривационные межсловные и эпидигматические внутрисловные связи номинативной единицы, её этимологическую характеристику, внутреннюю форму и др.

Языковая значимостная составляющая лингвокультурного концепта позволяет оценить значимость номинативной единицы в лексической системе языка, которая всегда будет особой для каждого языка. Она также позволяет в более концентрированной форме и с определенного ракурса увидеть сетевые связи данного концепта с другими проименованными концептами в ментальном пространстве.

Вместе с тем, языковая значимостная составляющая лингвокультурного концепта неотделима связана со всеми тремя ранее упомянутыми понятийной, образной и ценностной составляющими концепта неотделимы от анализа лексических единиц в языковой системе теснейшим образом связана с указанными выше компонентами.

Таким образом, для выполнения анализа содержания лингвокультурного концепта мы должны выполнить всесторонний анализ языкового знака, уделив должное внимание его семантике, синтактике и прагматике, не ограничиваясь при этом анализом языковой единицы, в частности, слова, его положением в лексической системе языка.

Рассмотрим возможность такого комплексного анализа для лингвокультурного концепта STONE.

В качестве ядра понятийной составляющей этого концепта может рассматриваться дефиниция главного значения английского существительного *stone* ‘камень’: ‘*a hard solid substance found in the ground and often used for building houses*’ – ‘твердое плотное вещество, находящееся в земле и часто используемое для строительства домов’ [10], где в качестве гиперонима выступает существительное *substance* ‘вещество’, а остальные компоненты дефиниции отражают смысловозначительные признаки этого слова.

Периферийная часть понятийной составляющей данного лингвокультурного концепта проявляется в многочисленных ассоциативных, парадигматических, синтагматических, деривационных и фразеологических связях этого ключевого слова, а также других единиц, выражающих данный лингвокультурный концепт.

Как известно, ассоциативные связи слов, хранящиеся в сознании человека, являются подвижными, ситуативно обусловленными, в определенной степени влияющими на ход мысли и поток речи человека. Вместе с тем, их ядро оказывается достаточно устойчивым для целого языкового коллектива, что является важным для изучения типичных ассоциаций у слова в языковом коллективе.

На основе словаря *Word Associations Network* (2019) [12], позволяющего систематизировать на основе специального модуля интеграций приложений (API) все имеющиеся в Интернете данные о вербальных ассоциациях в английском языке (а также в некоторых других языках), можно получить интересные данные о содержании сложного лингвокультурного концепта, вернее, кластера концептов, связанных с определенным словом.

Так, наиболее частотными реакциями на слово *stone* являются слова, обозначающие а) артефакты из камня или похожего материала, б) разновидности камней, в) объекты, похожие на камень, г) процессы и признаки, связанные с использованием камней, д) знаменитости с именем *Stone*, е) составляющие фрейма, обозначенного этим словом.

В частности, в английском языке такими словами-реакциями являются существительные: *pebble, pillar, rune, cairn, kidney, slab, masonry, quarry, altar, boulder, rubble, carving, brick, adultery, stucco, sling, grinding, parapet, granite, mortar, bladder, slate, age, obelisk, edifice, throwing, inscription, lime, fireplace, basalt, hearth, marble, archway, cornice, flint, artefact, pavement, pedestal, pagoda, sandstone, gravel, limestone, plaster, buttress, pottery, quartz, urine, hoove, arch, wall, rampart,*

ceramic, flake, hatchet, concrete, mound, cement, crevice, tile, outcrop, churchyard, figurine, ballast, effigy, pile, crucifixion и др.

Менее типичными реакции на слово *stone* являются слова, выраженные прилагательными. Наиболее частотными реакциями-**прилагательными** являются слова, именующие форму / структуру / текстуру камня / функциональную характеристику камня / его ценность, историческую эпоху массового использования камней в качестве орудия / локативную характеристику камня и др.: *neolithic, urinary, roofed, precious, polished, weathered, rolling, walled, sculpted, earthen, ornamented, arched, vaulted, surmounted, piled, prehistoric, etched, studded, rectangular, blackened, jagged* и др.

Наименее типичными оказались **глагольные** реакциями на слово *stone* носителей английского языка. Такие глаголы называют действия, выполняемые с камнем, вызванные камнем, а также различные ассоциативные действия: *carve, inscribe, engrave, throw, hurl, jut, erect, tumble* и др.

Признаки понятийного компонента лингвокультурного концепта могут также проявляться, как указывалось выше, в семантике сложных и производных слов, в их мотивирующих признаках.

Согласно данным электронного словаря *The Free Dictionary* [11] в английском языке насчитывается **584 сложных и производных слова**, содержащих деривационную базу *stone*, которые указывают на такие современные или исторические содержательные признаки соответствующего концепта, как использование камней в качестве абразивного материала при мытье жесткой ткани или пряжи (*stonewashed*); на способность камня особой формы обладать особой силой небесного происхождения, появление которого связывают с шаровой молнией, ударившейся о землю (*thunderstone*) (рус.: *чертов палец*); тленный характер камня, подобно всем объектам природы (*rottenstone* ‘трепел’) и др.

Определенные понятийные имплицативные смыслы лингвокультурного концепта, проименованного английским словом *stone* ‘камень’, реализуются также в **пословицах**. В частности, в них представлены следующие сложные признаки:

‘Камни – хоть и нежеланная, но неизбежная часть земельной собственности’: *You buy land, you buy stones; you buy meat, you buy bones* – расширенный смысл этой фразы близко рус.: *Без худа добра не бывает*;

‘Камни – абсолютно непригодная субстанция для приготовления еды’: *Boil stones in butter, and you may sip the broth*, ср. рус.: *Сварить кашу из топора*.

‘Камни – твердые и могут быть опасными для тела человека’: *If you shoot your arrows at stones, you will damage them. Eggs have no business dancing with stones* (ср. рус: *Не стои́т биться головой о стену*).

‘Ношение камней – очень тяжелая неинтеллектуальная работа’: *It is better to carry stones with a wise man than accept the meal of a madman.*

‘Камни инертны, но долговременны»: *Stones will remain forever while water passes.*

Содержательные признаки понятийного аспекта лингвокультурного концепта STONE проявляются и в производных значениях именуемого этот концепт слова. Так, производные значения слова *stone* именуют другие концепты, обнаруживающие общие с ним признаки. Будучи при этом обозначенными одной формой знака, такие концепты образуют кластеры. Так, в концептуальный кластер, обозначенный английским словом *stone* с понятийным ядром ‘твердая минеральная порода’ входят также одноименные концепты 1) ‘строительный материал из камня’, 2) ‘объекты, построенные или сделанные из камня’, 3) ‘разновидности камня, в том числе, драгоценные’, 4) ‘объекты похожие на камень по его перцептивным и функциональным характеристикам’, 5) ‘мера веса’. Совокупность главного и производных значений существительного *stone* образуют его модель полисемии.

Образная составляющая лингвокультурного концепта STONE включает в первую очередь, перечень *перцептивных* признаков, который в словарной дефиниции главного значения слова *stone* представлен достаточно ограниченно: *hard* ‘твердый’, *solid* ‘плотный’, *of indeterminate size or shape* ‘неопределенного размера или формы’.

Однако перечень перцептивных признаков гораздо интенсивнее проявляется в производных единицах и словосочетаниях: камни могут быть разного цвета (*brownstone*, *bluestone*; *yellow/ green/ red/ grey stone*), формы (*flat/ oval/ rectangular/ round/ sharp stone*); значимыми для камня тактильными характеристиками являются *rough/ smooth/ dry/ wet/ weathered/ carved /polished stone*, весовыми – *heavy stone*; подвижность/ фиксированность в структуре *loose/ firm stone*; камень может иметь даже звуковые характеристики (*singing/ ringing stones*), одорические (*stinky stones, rotten stone*) и вкусовые (*minerals may taste bitter/ salty/ bitter salty/ sweet*).

Камень – объект, который давно и очень хорошо знаком человеку. В этой связи его название становится источником метафоры, переносящей имя на другой концепт, а не её целью: *камень* – это *?*, но *этот человек – камень, у него душа/ характер – камень* и др.

Лингвокультурный концепт STONE, как и все другие, имеет **оценочный аспект**: актуальность и оценочность.

Если под актуальностью понимать, вслед за Г. Г. Слышкиным, как указывалось выше, численность языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, частотность их употребления и вовлеченность в ассоциативно-вербальные сети, то актуальность лингвокультурного концепта STONE весьма высока:

Количество синонимов для слова *stone* согласно электронному словарю Your Dictionary составляет 16 (*concretion, mass, crag, cobblestone, cobble, boulder, gravel, pebble, rock, sand, grain, granite, marble, flint, gem, jewel*).

Общее количество лексических единиц разных частей речи, апеллирующих к этому концепту, только согласно словарю Роже более 32, в том числе: *missile, weighment, solid body, dunce, sculpture, engraving, building material, unfeeling person, hardness; uncover, kill, lapidate, execute; cruel; Stone Age, stone's throw; stonewall, stoneware, stone-cutting, stonework, stoning, stony, stony-hearted* и др. [14]. (Ср. также приведенные выше сведения о 584 сложных и производных единиц с данным словом).

По частотности употребления только существительное *stone* занимает 339 место в списке 600 существительных из списка 850 самых необходимых английских слов [9].

А количество ассоциаций, полученных на это слово, приведенные в Word Associations Network (2019) [12], составляет 1282 слова (947 существительных, 280 прилагательных и 55 глаголов), что является весьма высоким результатом, свидетельствующим об актуальности соответствующего лингвокультурного концепта STONE.

Хотелось бы добавить, что отмечая актуальность лингвокультурного концепта, представляется важным отметить не просто объем лексического поля, частотность употребления составляющих его единиц и насыщенную ассоциативно-вербальную сеть реакций на эти слова. Необходимо также исследовать **использование этих единиц в культуре языкового коллектива**.

Как показали наблюдения, существительное *stone* 'камень' широко используется в качестве имен собственных (онимов) для номинации номинации географических мест, фамилий людей, названий культурных артефактов: стихов, песен, книг и т. д., тем самым, постоянно находясь в центре лингвокультуры англоязычного коллектива.

Примерами могут служить следующие названия *городов* в Великобритании и США, содержащие корень *stone* и его аллофоны: *Stafford, Stanton, Stanford, Stanley Stansfield, Langston* и др.;

фамилии известных людей, сделавших значительный вклад в культуру этих народов: *Edward Durell Stone* ‘Эдвард Дьюрелл Стоун’ (1902–78), американский архитектор; *Harlan Fiske Stone* ‘Харлан Фиск Стоун’ (1872–1946), американский Государственный деятель, юрист; *Henry Morton Stanley* ‘Генри Мортон Стэнли’, британский журналист, знаменитый путешественник, исследователь Африки; *Irving Stone* ‘Ирвинг Стоун’, американский писатель; *Isidor Feinstein Stone* ‘И.Ф. Стоун’ (1907–1989), первый американский политический блоггер; *Lucy Stone* ‘Люси Стоун’ (1818–1893), американская активистка феминистского движения; *Sharon Vonne Stone* ‘Шэрон Вонн Стоун’, американская актриса; *Stonewall Jackson* ‘Твердокаменный Джексон’, прозвище Томаса Джексона (1824–1863), прославленного генерала армии южан во время Гражданской войны в США (с 1861 года известный также под прозвищем «Стоунуолл», или «Каменная Стена»); *William Oliver Stone* ‘Уильям Оливер Стоун’, американский кинорежиссёр, сценарист и продюсер, обладатель трёх премий «Оскар» и др.;

название известных произведений литературы, фильмов, компьютерных игр, песен известных рок-групп и др., например: *The Rolling Stones* ‘досл. Катящиеся камни, или Вольные бродяги’ – известнейшая британская рок-группа; *Like A Rolling Stone* ‘Как перекачиполе’, песня американского автора-исполнителя Боба Дилана; *Stone Cold* ‘Холодная, как камень’ – поп-сентиментальная баллада Деми и Лали; *Heart of Stone* ‘Каменное сердце’ – студийный альбом американской певицы и актрисы Шер; *Stone Cold Crazy* ‘Совершенно безумный’ – песня британской рок-группы Queen; *Throwing Stones* ‘Бросать камни’ – песня американской рок-группы Grateful Dead; *(I'm Not Your) Steppin' Stone* ‘Я тебе не ступенька к успеху’ – песня американской поп-рок-квартет the Monkees; *Back to the Stone Age* ‘Назад в каменный век’ – песня американской рок-группа KISS; книги *Cutting for Stone* ‘Рассечение Стоуна’ Абрахама Вергезе; *Seven stones to stand or fall* ‘Семь камней: устоять или упасть’ Дианы Гэблдон; *Thunderstone* ‘Громовой камень’ – популярная настольная игра Майка Эллиотта (2009) и мн. др., что в сумме свидетельствует о высокой лингвокультурной значимости этого слова.

Что касается *оценочности*, еще одной составляющей оценочного аспекта лингвокультурного компонента, то следует отметить, что в целом, прагматическая оценка лингвокультурного концепта STONE является нейтральной, до тех пор, пока именующие его единицы не приобретают оценочность в контексте. Разумеется, что камень как строительный материал является прочным и надежным, что хорошо, когда же камень становится орудием самосуда и убийства – слово

приобретает отрицательный оттенок, если он становится эталоном бесчувственности при описании души человека, слово также приобретает оттенок отрицательности.

Заключая, следует отметить, что подобная комплексная процедура анализа лингвокультурного концепта представляется особо значимой для сопоставительных исследований, что является предметом наших дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
2. Карасик В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи – Волгоград: «Парадигма», 2007. – 520 с
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс– Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология, Т. 7, № 1, 2012. – С. 49-61.
6. Любовь к камням: <https://turisheva.ru/2018/11/21/kamni-gunshi/>
7. Орлова Е. Р. Концепт ‘environment’ в английской лингвокультуре – Волгоград: Муниципальное общеобразовательное учреждение, 2017. – 23 с.
8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, специальность 10.02.19 – теория языка. – Волгоград: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный педагогический университет», 2004. – 39 с.
9. Basic English. – Ч. Огдена [<https://www.thoughtco.com/learn-the-most-important-english-nouns-4087688>]
10. Collins Online English Dictionary. – [https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/stone_1]
11. The Free Dictionary [<http://www.thefreedictionary.com/words-containing-stone>]
12. Word Associations Network. – Rotmistrov, Yuriy. [<https://wordassociations.net/en/words-associated-with/Stone>]
13. Onions C.T. The Shorter Oxford English dictionary on Historical Principles. 3.ed. – Oxford: Oxford University Press, 1973. – 2672 p.
14. Roget P. M. Roget's Thesaurus – London: Longman Group Limited, 1852.

НОВАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Касюк Н.С., Цзян Цюнь

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, nataliakas@yandex.by
Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, waloja5@163.com*

Общественно-политическая и экономическая лексика и в русском, и в китайском языках представляет собой открытую систему, оперативно реагирующую на любые изменения реальности и в силу этого непрерывно пополняющуюся новыми единицами (словами, словосочетаниями). Обогащение состава социально-политического словаря происходит не только за счет появления новых слов и понятий, но и в результате переосмысления существующих значений определенных лексических единиц.

Появление новой лексики в общественно-политической и экономической сфере обусловлено интенсивными изменениями в этих областях за последние 20 лет: интеграцией китайской экономики в мировую экономику, усилением внешнеэкономических и внешнекультурных связей Китая, развитием проекта «Пояс и путь», расширением открытости Китая в сторону Запада, освоением новых рынков стран Евразии с целью экспорта товаров и капитала и др.

Процесс пополнения общественно-политической и экономической лексики непрерывен: новые явления в жизни страны закономерно обуславливают появление новых слов и сочетаний. Кроме того, стремление политических лидеров КНР подчеркнуть новизну выбранного пути в политике и экономике неизбежно влияет на лексический состав языка.

В статье описана новая общественно-политическая и экономическая лексика китайского языка с т.зр. семантики и представлен ее перевод на русский язык (на материале монографии Джао Лэя «Один пояс и один путь в культурной экономике»¹, Dalian:

---

¹ *Об издании.* Монография Джао Лэя «Один пояс и один путь в культурной экономике» (赵磊《文化经济学的“一带一路”》) была переведена на английский, русский и арабский языки и опубликована в Издательстве Даляньского технологического университета в 2017 году. Данное издание одно из первых освещает вопросы внешнеполитической деятельности, экономического партнерства, укрепления культурных обменов и связей КНР с другими странами в рамках

Dalian University of Technology Press, 2017. – 340 с.). В ходе работы использовались сопоставительный, описательный методы, метод контекстуального анализа.

Перевод монографии был выполнен на базе факультета русского языка Института иностранных языков Даляньского политехнического университета. Перевод текста, посвященного такой инновационной проблематике, предполагает ряд трудностей, связанных со спецификой новой и новейшей лексики, ее тесной связью с общественно-политическими и экономическими реалиями разных стран и идеологией. Все вышесказанное определяет перспективность исследований в сфере практики перевода текстов социально-политической и экономической тематики.

Лексика, отражающая общественно-политическую и экономическую сферы жизни общества, как объект лингвистического описания привлекает внимание многих исследователей в силу своей динамичности. По этой же причине данный пласт лексики представляет сложность для переводчика: значительный процент лексических единиц политической и экономической тематики подвергается переводу впервые. Подчеркнем, что в нашем случае имеет место новейший языковой материал, лишь частично отраженный в словарях [1; 2].

Терминологию и лексику общественно-политической и экономической сферы (однословные и составные наименования) мы объединили в представленные ниже тематические группы [3].

1. Политическая лексика (лексика, отражающая все сферы общественно-политической жизни общества).

1. Наименования государственно-территориального устройства, знаков и символов страны, форм государственной власти и форм правления; понятия, важные для общественной жизни, отражающие особенности социального устройства государства: *中国特色社会主义 – социализм с китайской спецификой, 保护政策 – протекционная политика.*

2. Наименование непосредственных субъектов политики:

1) наименования исполнительно-распорядительных органов власти и организаций: *国家民族事务咨询委员会 – консультационная комиссия принятия решений Госкомитета по делам национальностей, 国际关系与国家统一研究室 – Научно-исследовательский кабинет международных связей и воссоединения государства, 一带一路百人论坛*

инициативы «Пояс и путь». Проф. Джао Лэй является экспертом инновационного проекта «Пояс и путь», который в своей книге автор исследует в ракурсе культурной экономики.

专家委员会 – Комитет специалистов проекта «Один пояс и один путь 100», 百人论坛 – форум «OBOR 100», 中联部当代世界研究中心 – Отдел международных связей ЦК КПК Исследовательского центра современного мира;

2) наименования представителей властных структур; наименования должностей: 两岸共同市场基金会执行长 – исполнительный секретарь Фонда общего рынка между берегами Тайваньского пролива, 台湾两岸共同市场基金会荣誉董事长 – почетный председатель Фонда общего рынка между берегами Тайваньского пролива, 金管会主委 – главный председатель комитета финансового управления.

3. Лексика сферы внутренней политики государства (обозначение деятельности в сфере отношений между субъектами политики и названия различных регулятивных принципов общественно-политического развития государства): 全方位对外开放 – политика всесторонней внешней открытости Китая, 大国风度 – величие державы, 互利共赢的开放战略 – взаимовыгодная и взаимовыигрышная стратегия открытости и др.

4. Наименование классов, слоев, групп общества и их представителей, лиц или групп лиц, ведущих определенный образ жизни: 华侨 – хуацяо (китайские эмигранты), 万元户 – дворы с капиталом в 10 тыс. юаней (десятитысячники) и др.

5. Названия государственных программ и проектов: 丝路基金 – Фонд Шелкового пути, 基因库 – Фонд отказоустойчивых инвестиций, 863 计划 (国家高科技研究发展计划) – научно-техническая программа «863» (государственная программа по разработке высоких технологий, принятая в марте 1986 г.) и др.

6. Лексика сферы внешней политики и дипломатической практики: 文化外交 – культурная дипломатия, 软实力 – мягкая сила (китайской культуры), 维护国家核心利益 – защита базовых национальных интересов, 新型国际关系 – межгосударственные отношения нового типа, 命运共同体 – сообщество единой судьбы, 对非 “真、实、亲、诚” – честность, деловой подход, дружелюбие, искренность в отношениях с африканскими странами, АПЕС峰会 (亚太经合组织) – Саммит АТЭС (организации азиатско-техоокеанского экономического сотрудничества); АПЕС – Asia-Pacific Economic Cooperation и др.

7. Идеологемы общественно-политической сферы, отражающие систему политических и философских взглядов

субъектов политики: 优雅的霸权 – изящная гегемония (о Франции), 有价值的文化和有文化的价值 – культура с ценностями и ценности с культурой, 国际化视野 – интернационализированный кругозор, 社会主义核心价值观 – базовые социалистические ценности, 摸着石头过河 – переходить реку, нащупывая брод (китайская пословица)¹, 四个自信 – четыре пункта концепции уверенности в себе, 三严三实 – три требования строгости и три требования реалистичности.

II. Социально-экономические наименования: 亚洲基础设施投资银行 – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, 文化经济学 – культурная экономика, 中国乐谷 – китайская музыкальная долина (по аналогии с «силиконовая долина»), 琥珀之路 – Янтарный путь (о логистике в Прибалтике), 蓝色经济 – голубая экономика, 软实力/硬实力 – мягкая сила / жесткая силы, 重资产/轻资产 – тяжелые / легкие активы, 珍珠链战略, стратегия «Нити жемчуга Китая», 飞地经济 – анклавная экономика, 上海、广东、福建、天津自由贸易试验区 – (Шанхайская / Гуаньдунская / Фуцзянская / Тяньцзиньская) зоны экспериментальной свободной торговли, 三横两纵 – две горизонталы, три вертикали (структура урбанизации Китая), 绿色增长 – зеленый рост, 绿色低碳化设施 – зеленые объекты, 边缘经济 – периферизация экономики, 购物游 – шопинг-туризм, 红榜和黑榜制度 – принцип красного и черного списков.

Перевод текстов политической и экономической тематики является трудоемким процессом. Помимо владения языком оригинала и языком перевода на высоком уровне, переводчику необходимо досконально знать культурные особенности, специфику политической обстановки, идеологических установок и экономической ситуации обеих стран. Перевод общественно-политической и экономической лексики требует тщательного подбора точного эквивалента во избежание коммуникативных неудач.

В процессе перевода текста нами был выявлен ряд однословных и составных наименований, относящихся к общественно-политической и экономической сфере; составные наименования преобладают. Ряд новых понятий представляет собой устоявшиеся словосочетания,

---

¹ Выражение «переходить реку, нащупывая брод (камни)» – излюбленная фраза китайского лидера Дэн Сяопина, визитная карточка политика. Впервые выражение было использовано китайским политиком Чэнь Юнем. Пословица используется для обозначения реформ Дэн Сяопина и ассоциируется с курсом, выбранным политиком.

функционирующие как самостоятельные единицы (*社会主义核心价值观* – базовые социалистические ценности и др.).

Особое внимание было уделено таким труднопереводимым единицам, как 1) безэквивалентные термины и понятия, представляющие собой / содержащие в структуре неперебиваемые компоненты с культурной спецификой (*华侨* – хуацяо (китайские эмигранты), *三横两纵* – две горизонталы, три вертикали (структура урбанизации Китая) и др.) и 2) многокомпонентные наименования (*国家民族事务咨询委员会* – консультационная комиссия принятия решений Госкомитета по делам национальностей и др.).

Интерес представляют составные наименования с цифрами и латинскими буквами как структурными элементами. Так, понятия с цифровым компонентом в структуре относятся к категории безэквивалентных и обладают национально-культурной спецификой: *863 计划* (*国家高科技研究发展计划*) – научно-техническая программа «863» (государственная программа по разработке высоких технологий, принятая в марте 1986 г.), *“两个一百年” 奋斗目标* – цель к «двум столетним юбилеям», *四个自信* – четыре пункта концепции уверенности в себе, *三严三实* – три требования строгости и три требования реалистичности и др.

Группа наименований с буквенными вкраплениями (латинскими буквами в структуре) является специфичной для китайского языка. С внедрением политики реформ и открытости в китайский язык стали постепенно проникать англицизмы. Заимствования осваиваются языком в разной степени; группа заимствований имеет гибридную форму: *APEC 峰会* (*亚太经合组织*) – Саммит АТЭС (организации азиатско-техноокеанского экономического сотрудничества); *APEC* – *Asia-Pacific Economic Cooperation*, *IT 时代 / e 时代* (*电子时代*) – электронная эра, эпоха электронных технологий, *IP 电话业务* – IP-телефония. Данные элементы не только служат для выражения новых значений, но и придают лексическим единицам большую выразительность.

Лексические единицы были объединены в 8 тематических групп, эксплицирующих активно развивающиеся направления общественно-политической и экономической сфер: 1) наименования государственно-территориального устройства, знаков и символов страны, форм государственной власти и форм правления; понятия, важные для общественной жизни; 2) наименование непосредственных субъектов политики; 3) лексика сферы внутренней политики государства; 4) наименование классов, слоев, групп общества и их представителей,

лиц или групп лиц, ведущих определенный образ жизни; 5) названия государственных программ и проектов; 6) лексика сферы внешней политики и дипломатической практики; 7) идеологемы общественно-политической сферы; 8) социально-экономические наименования.

Библиографические ссылки

1. Ключевые слова Китая / Управл. Китая по изд. и растр. лит-ры на инострн. яз.; Ин-т переводоведения Китая; пер. Су Юэминь. – Пекин: Синь Шицзе, 2016. – 248 с. (中国关键词)
2. Новый китайско-русский словарь по переводу выражений текущей политики. – Пекин: Peking university Press, 2016. – 270 с. (最新汉俄时政词汇翻译词典)
3. Аль, Б.М. Тематические группы общественно-политической лексики русского языка середины и конца XX века (на материале лексикографических источников) // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. – № 1(3). – М.: МЦНО, 2017. – С. 119–131.

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «БЕЗДЕЛЬНИК» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Лю Бо¹⁾, Лю Юнь²⁾

*¹⁾ Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, iashma279279@mail.ru*

*²⁾ Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, 576695761@qq.com*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Китая, проект 18YJC740048; и провинции Ляонин Китая, проект L18DYY010.

本文系教育部人文社会科学研究青年基金项目(18YJC740048)—性别语言学视域下俄汉性别概念的认知语义对比研究和辽宁省社会科学规划基金项目(L18DYY010)—俄罗斯现代媒体语言中的性别观念研究的阶段性成果。

Одним из ведущих исследований в современной когнитивной лингвистике является исследование концептов. «Концепт – это как бы сгусток культуры в создании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1, с. 40].

Концепт «Бездельник» является одной важной составляющей частью в русской национальной культуре. Он репрезентирован в русском языке большим количеством номинативных единиц, что свидетельствует

о важности данного концепта для носителей русского языка в современный период.

Толковый словарь открывает исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира: в толковых словарях выявляются общие компоненты и дополнительные значения определенного концепта, касающиеся традиционного представления в сознании народа. Толковые словари дают возможность судить о семантике лексемы, репрезентирующей концепт «Бездельник».

В толковых словарях слово «Бездельник» включается в себя **общие компоненты**, которые определили как ядерные: *человек (лентяй, шатун, пакостник)* и *лентяй*. Нами было выявлено **пять дополнительных признаков** в этих словарях: *безделье, праздный, заниматься (плутовством, мошенничеством, праздным шатуном, праздностью), бессовестный, не годный*, которые включаются в значении тех или иных единиц, номинирующих бездельников, но не являющихся обязательными, и увеличивающие определение понятия «Бездельник», и также являющихся популярными.

Тексты СМИ являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка и важным фактором, который глубоко отражаются на сознании человека. «Тексты СМИ, как и язык СМИ в целом, представляющие сегодня обобщенный совокупный образ русского национального языка, предстают как национальный поток сознания современного человека» [2, с. 15-16].

Мы использовали известные и официальные СМИ в России, в Белоруссии и на Украине (Российские СМИ: «*Аргументы и факты*», «*Российская газета*», «*Итоги*», «*Коммерсантъ*», «*Ведомости*», «*7 дней*», «*Новая газета*», «*Взгляд*», «*Независимая газета*», «*Newsland.com*», «*RT*», «*Газета.ru*», «*Дождь*», «*Комсомольская правда*», «*Мир 24*», «*КМ.ru*», «*Plant.Today*», «*BFM.RU*»; Белорусские СМИ: «*Советская Беларусь*», «*Белорусский партизан*», «*Вечерний Минск*», «*Sputnik Беларусь*»; Украинские СМИ: «*Главред*», «*Обозреватель*», «*Левый Берег*», «*УНИАН*») и в этих СМИ нашли тексты и выражения, включающие слово «Бездельник».

Периферийные признаки мы выделили по смысловым областям, характеризующим в трех аспектах – социальный, физический и личностный [3, с. 54].

Социальный аспект описания концепта имеет сложную семантическую структуру. Мы выделили в этом аспекте несколько смысловых областей: **социальная функция, род деятельности, социальная оценка, отношение, место деятельности, профессия, состояние жизни и оппозиция.**

1) Социальная функция

* Бездельники ничего не посвящают обществу и считаются социальными бременами:

«Он бездельник, вечно отлынивающий от службы...» [«Комсомольская правда» 19,04,2012]; *«К сожалению, сейчас очень много бездельников развелось»* [«Российская газета» 18,03,2013]; *«А ведь бездельники, ничего для народа не делают, только воруют»* [«Взгляд» 27,11,2015]; *«По своей сути такое налогообложение поощряет бездельников, которые в силу отсутствия доходов ничего государству не платят. В нем-то эти голосующие бездельники сильно заинтересованы»* [«Ведомости» 21,09,2016]; *«за бездействие городских служб»* [«Аргументы и факты» 03,05,2017]; *«Одно совершенно ясно – бездельников, которым нужны хлебные должности еще много»* [«Planet. today» 30,08,2016].

* Бездельники приносят вред обществу:

«вредный», «позорит фракцию и Госдуму», «отрицательными – антиобщественный»

* Бездельники дорожат только личным благополучием, которое, им кажется, выше государственных интересов:

«Среди чекистов много карьеристов, шкурников, бездельников, ставящих личное благополучие выше государственных интересов» [«Коммерсантъ» 04,12,2017]; *«Бездельников и люди, которые вели асоциальный образ жизни»* [«Sputnik Беларусь» 02,02,2017].

* Бездельники изредка творят что-то полезное для общества, а удивляется обществом, потому что это не по стереотипу:

«Но время от времени вдруг удивляется: почему вдруг этот бездельник что-то сотворит, что-то у него получилось» [«Аргументы и факты» 22,02,2003].

2) Род деятельности – Профессия

* Бездельники занимают высокий пост и бездельничают, такие люди чаще в государственных учреждениях и среди чиновников – «депутат», «начальник» и «политикан»:

«коррупционеры», «депутат-бездельник», «депутат», «депутат-бездельник», «образ депутата – бездельника и стяжателя»

«Депутаты все бездельники, проблемы народа не решают, ничего не делают, жируют» [«Аргументы и факты» 08,10,2014]; *«Когда российский обыватель смотрит трансляции заседаний Госдумы и видит пустые ряды, он думает, что депутаты – это бездельники»* [«Взгляд» 12,10,2016]; *«У нас же есть много бездельников при власти, которые получают зарплату, не выполняя никаких важных задач»* [«УНИАН» 16,05,2016]; *«В то же время отвечали тем бездельникам и*

политиканам, которые сами ещё ничего не сделали, но пытаются умничать по любому вопросу» [«ВФМ.RU» 02,09,2018].

* У бездельников нет работы и постоянного занятия, они бездельничают, ничего не делают, не работают:

«заняться в этой жизни нечем», «ворчать и ничего не делать», «не нашедшие себе применения в настоящих делах», «в рабочее время шляется»

«не поможете – закроем производство, люди останутся без работы, выйдут на улицы» [«Аргументы и факты» 06,02,2013]; «Бездельником, который и не собирается искать нормальную работу, которого нужно было постоянно понукать» [«Независимая газета» 05,04,2017]; «Речь идет о бездельниках, которых у нас больше 400 тысяч, которые ни в России не работают, ни в Беларуси, ни в других странах. Это просто бездельники!» [«Белорусский партизан» 17,11,2014]; «Бездельник, который отслужив где-то, более не нашел места для трудоустройства, кроме как на проходной» [«Независимая газета» 02,07,2013]; «Это обидно, поскольку самозанятые – не бездельники. Работают они много» [«Взгляд» 10,10,2016]; «Бездельники, которые не работают и часто путают ночь и день» [«Российская газета» 01,03,2013]; «обладающие обширными гаражами и не знающими, чем заняться на досуге»; «Бездельник – пять лет ничего не делает, ничего не возил, ни одного килограмма груза» [«Взгляд» 17,01,2012]; «Бездельники, которые не понимают, что должно трудиться» [«Аргументы и факты» 16,08,2006]; «У нас полно бездельников, которые не имеют работы» [«Коммерсантъ» 18,02,2018]; «Бездельники, которые не хотят работать, а только деньги получать за лояльное отношение к инвестору» [«Независимая газета» 09,07,2007].

* Бездельники занимаются преступной деятельностью для добыч:

«лёгкая добыча для криминала»

* Бездельники нарушают социальный закон, общественный порядок или социальную систему:

«Но и те бездельники, которые перекрывают дороги или мешают работать, также будут отвечать перед законом» [«Независимая газета» 23,07,2015]; «Они неприятны нашей системе» [«Аргументы и факты» 03,10,2007].

* Бездельники избегают от социального труда и занятия:

«уклоняющиеся от общественно-полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни», «отлынивать от работы»

* Бездельники живут на средства других или за счет общества:

«списать у других всё», «паразитический», «жили на средства родителей или друзей», «проедающий государственный хлеб», «регионы на протяжении многих лет кормили бездельников», «получать свою пайку от государства», «рантье»

«В Италии Ваки,..., не любят, считая его бездельником, прожигающим жизнь за счет состояния, нажитого его семьей, владеющей бизнесом по упаковке чая, кофе, косметики и лекарственных препаратов» [«Российская газета» 10,08,2017]; «Я не знаю, почему все эти бездельники должны жить за счет тех, кто работает» [«Аргументы и факты» 08,09,2011]; «Мы как бездельник, которому родители оставили кусок золота: отпиливаем по кусочку национальные богатства, продаем и проедаем» [«Комсомольская правда» 26,11,2007]; «В некоторых федерациях сидят бездельники, которые знают, что никуда мы не денемся и по-прежнему будем их финансировать» [«Аргументы и факты» 27,08,2008]; «Великовозрастные бездельники грабят стариков-родителей» [«Аргументы и факты» 06,02,2013]; «Бездельники со смартфонами, купленными на родительские деньги» [«Независимая газета» 14,08,2017]; «Бездельники, которые жируют за счет регионов» [«Остров» 16,08,2010]; «Они привыкли получать свою пайку от государства» [«Взгляд» 06,12,2012]; «Бездельники, рассчитывающие на халяву, долго не живут, имхо...» [«Аргументы и факты» 07,11,2016].

* Бездельники не любят сам решить проблемы, не добиваются успеха самостоятельно, а обычно опираются на других:

«Классический бездельник, который никогда ничего лично сам не делал» [«Взгляд» 19,08,2014]; «Бездельников, которые еле ходят по объекту, что он за ними следит» [«Взгляд» 16,08,2014]; «Бездельники хотят забрать бизнесе у людей которые его сами создали» [«Аргументы и факты» 20,10,2013].

* Бездельники занимаются бесполезными делами:

«занимаются простым пустословием»

«Слишком много бездельников, которые занимаются только тем, что переключают бумажки с одного стола на другой» [«Независимая газета» 12,01,2009]; «Бездельники, которые годами дублируют друг друга в патологической работоспособности... и т.п.» [«Независимая газета», 02,12,2014]; «По 10 часов в день играет в видеоигры» [«РБК» 11,12,2016]; «Бездельники больше времени проводят в соцсетях, чем занятые востребованные люди, или вы догадаетесь сами» [«Newsland» 25,08,2018].

* Профессия

«школьник», «студент», «участковый», «мыслители и философы», «трейдеры», «футболисты», «художники», «фрилансеры», «фашисты», «шутник-программист», «меньше всего бездельников в сфере науки и образования», «ученый-бездельник», «менеджер», «политработник»

Набор профессий «бездельников» касается разных сфер – учебное заведение, спорт, искусство и госслужбы.

3) Социальная оценка

Отрицательная оценка

* Чем меньше бездельников в обществе, тем общество лучше развивается:

«Чем больше бездельников и меньшинств будет в стране, тем шире электоральная база демократических правительств» [«Аргументы и факты» 9,07,2017]; «Бездельником... которого нужно было постоянно понукавать» [«Независимая газета» 05,04,2017]; «Граждане должны быть защищены от бездельников» [«РТ» 28,10,2013]; «Бездельник – это будущий преступник» [«Газета. ru» 13,11,2013].

* Люди не любят бездельников и хотят с бездельниками бороться:

«на бездельников жаловаться», «штрафовать бездельников», «стране нужны труженики, а не бездельники»

«Государство боролось с бездельниками» [«Российская газета» 24,09,2015]; «Бездельников не должно быть в стране. Надо заставить этих людей работать и прекратить раздавать бесплатно блага тем, кто не работает» [«Ведомости» 21,10,2014]; «А, то, что бездельников разгонят, – это, бесспорно, плюс» [«Взгляд» 14,02,2017]; «Бездельников будут строго наказывать» [«РТ» 30,09,2013].

* Бездельники считаются неудачными:

«Бездельники, у которых дома ничего не получалось» [«Российская газета» 18,12,2017]; «За рабочего человека, который должен жить лучше, чем бездельник» [«Коммерсантъ» 25,12,2017]; «Бездельник, который ничего не может в своей профессиональной области» [«Взгляд» 25,10,2012]; «Бывают и бездельники, которые просто снимают свою жизнь и не являются профессионалами ни в одной сфере» [«Мир. 24» 21,02,2017].

Нейтральная оценка

* Бездельники должны брать социальную обязанность:

«Гунеядцы и бездельники по новому декрету президента Беларуси должны платить специальный сбор» [«Sputnik Беларусь» 08,04,2015].

* Люди могут понять и простить бездельников до некоторой степени:

«Всякий бездельник будет бить людей, ведь нет человека, который

не грешил бы и не заслуживал порицания» [«Советская Белоруссия» 25,11,2016].

* Необходимо более или менее сожалеть о бездельниках:

«от бездельников избавляться без сожаления»

4) Место деятельности

Бездельники чаще действуют в городах, столице, садах и парках:

«городской бездельник», «столичный бездельник», «гулять в саду»

«В общем, как обычно, в парке полно бездельников» [«Newsland» 25,07,2018].

Стоит отметить, что в наших языковых материалах также появились такие новые выражения – *«городской бездельник»* и *«столичный бездельник»*. *«Городской бездельник»* указывает «бездельников в городах, привыкших ни за что получать большие деньги», очевидно, что *«столичный бездельник»* указывает бездельников, которые живут в столице России.

5) Состояние жизни

☆ Обычное состояние

Уровень жизни настоящих бездельников низок; жизнь бедна, тяжела и трудна, бездельники сами не решают проблемы сытости и тепла:

«практически нищий»

«Вроде не бездельники и могли бы жить» [«Итоги» 15,08,2000];

«Если у тебя нет хлеба и масла, значит ты бездельник» [«КМ. ru» 25,02,2018]; *«У нас полно бездельников, ..., которая позволяла бы им избавиться от нищеты»* [«Комерсантъ» 18,02,2018].

☆ Исключительное состояние

«Мода – удел молодых богатых бездельников» [«Аргументы и факты» 12,02,2014].

Вообще говоря, модные люди – это богатые люди. Современные модные люди живут на средства родителей или других, поэтому источнику существования свой труд не нужен, и они также бездельничают.

б) Оппозиция

«Бездельник» противоположный труду, ответственности и удачности:

«удачник», «рабочий человек», «активные и ответственные люди и трудолюбивые люди»

Физический аспект описания национально-культурного концепта «Бездельник» в описании СМИ реализуется в смысловой области **возраст**.

Возраст

В современном представлении возраст человека не имеет определяющую категорию бездельника, например,

«бездельникам 20 лет спустя или 10 лет назад», «юный»

Личностный аспект описания национально-культурного концепта «Бездельник» в языке СМИ включает смысловые области **общая характеристика, поведение, способность, чувство, мораль, интеллект, отношение и интерес.**

1) Общая характеристика

У бездельников сложные, пассивные и дефектные характерные черты:

«чувствительный», «немогущий», «вынужденный», «с ограниченным кругозором», «агрессивный», «жалкий», «беззаботный», «легкомысленный», «ленивый», «желчный», «лукавый», «невоспитанный», «заносчивый», «самодовольный», «с космическим самомнением», «бессмысленный», «болтливый», «манерный»

«Болтун, бездельник, много говорит – мало делает»
[«Независимая газета» 26,05,2017].

2) Поведение

☆ Привычки

* Бездельники в своей жизни часто тратят деньги:

«Бездельники, которые соряют деньгами» [«Взгляд» 22,03,2009].

* Бездельники проживают праздную жизнь, они любят сидеть дома, не выходят из дома, тратят слишком много времени на отдых:

«никуда не поедет», «сидеть на пособии», «годами обнимал диваны», «лежат целыми днями на диване», «без работы сидит», «сидя на диване, пытаются их обидеть», «только сидит у стенки; шатаются без дела»

«Жена уходит к главному конкуренту, брат-бездельник приезжает погостить и практически сживает с хозяйским диваном» [«Левый берег» 08,04,2010].

* Бездельники не соблюдают режим работы:

«Бездельник, не спешащий по утрам к месту службы, считается социальным изгоем» [«Вечерний Минск» 23,11,2017].

☆ Мыслительное поведение

* Психологическими деятельностью у бездельников имеется отказ от работы разными поводами:

«приведут кучу причин, почему не могут что-то сделать»

«Бездельникам и политикам, которые сами еще ничего не сделали, но пытаются умничать по любому поводу» [«Независимая газета» 24,10,2011].

* У бездельников нет никаких желаний и целей в жизни:

«без мечты, без надежды, без желания трудиться», «желающие пройти легкую службу», «без вольности»

«Бездельники, не знающие, чего они хотят, и требующих «хлеба и зрелищ» [«Аргументы и факты» 26,10,2011]; «Бездельник и лодырь, не удосужившийся поступить в вуз» [«Взгляд» 01,08,2008].

* Бездельники не знают, что им надо делать или должно делать, у них вообще нет смысла об этом:

«Бездельник, не ведающий цены деньгам и не знающий, чем себя занять» [«Аргументы и факты» 25,05,2016].

3) Способность

Бездельники проявляют маленькие способности к работе:

«плохо работать», «ни к чему не был приспособлен», «не умеют работать», «не способных к напряженному труду», «необразованный и не умею ничего толком делать»

4) Чувство

Основными формами чувства являются несчастье, скука, недовольство, смута, беспокойство, печаль, стыд, жалоба на своей судьбу, без чувства ответственности. Все виды чувства носят пассивный характер. Например,

«несчастный», «скучающий», «скучно на работе», «вечно всем недовольны», «злоствовать», «патологический», «бездушный»

«В сознании самого бездельника и пропойцы ничего не изменится» [«Советская Белоруссия», 19,07,2018]; «На душе у Бездельника стало грустно и даже стыдно за свою идиотскую выходку» [«Независимая газета» 20,06,2014]; «жалующиеся на плохую судьбу, понятное дело, практически не везет»; «Есть такой тип бездельников, трепетных и глупых» [«Взгляд» 16,05,2014]; «Хочется веселиться, гулять и не думать ни о чем плохом» [«Российская газета» 11,08,2014]; «Никакого комфортного существования для бездельников быть не должно» [«Советская Белоруссия» 06,11,2014]; «А во-вторых, они и не могут требовать ничего, потому что это же бездельники. Они сами придут, послоняются 5 минут по сессионному залу и смываются» [«Обозреватель» 16,03,2011].

5) Мораль

Определение морали лежит в основе универсальной поведенческой этики. Моральная оценка бездельника опирается на понимание добра, зла, шкурничества и т.п., так, у бездельников относительно низкий уровень морали по анализу данных высказываний. Например,

«бульварный» (мещанский), «циничный», «обманчивый», «безответственный», «некомпетентный» (невежество), «злой», «омерзительный», «лайдак», «отвратительный»

«Бездельника трудно заставить работать даже подобным самопожертвованием» [«Советская Белоруссия» 20,02,2018]; *«Судя по его внешнему виду, бездельник затеял что-то нехорошее»* [«Советская Белоруссия» 17,11,2004].

6) Интеллект

В текстах СМИ уровень интеллекта у бездельников считается низким. Бездельники считаются глупыми. Например,

«давно уже выросших из простых оболтусов», «недоделанный» «Бездельники, которых лень даже скрывать собственную глупость» [«Советская Белоруссия» 06,11,2014].

7) Отношение

☆ Отношение к карьере

Бездельники обычно проявляют пассивное отношение к своему карьеру:

«Бездельники не стремятся к карьерному росту, понимая, что это повлечёт за собой дополнительные обязанности» [«Аргументы и факты» 06,10,2016].

☆ Отношение к обществу

Отражается недовольное отношение бездельников к обществу:
«присосавшиеся к недовольству общества сложившейся в стране ситуацией»

☆ Отношение к жизни

Бездельники мечтают, и трудно живут реальной жизнью:

«оторванный от реальной жизни»

8) Интерес

Бездельники обычно любят курить, пить, интернет:

«сидеть и курить», «пьяницы», «в интернете сидят»

«Двое бездельников, прихлебывая пиво, курят, подпирая фонарный столб: видно, что это их привычная позиция» [«Ведомость» 05,02,2015]; *«Бездельником: ... подолгу курят, говорят по телефону на личные темы либо сидят в интернет-магазинах»* [«Ведомости» 02,10,2014]; *«До обеда спит, отдыхает, потому что всю ночь сидит в интернете»* [«Комерсантъ», 26,12,2017].

Современное представление оформилось на основе значения «Бездельник» в толковых словарях. Большинство из этих описаний склонилось к отрицательному значению и критической окраске. Современные стереотипные представления, включают в себя социальные, физические и личностные признаки о бездельниках, особенно огромное внимание обращается на социальный и личностный аспект.

Исследование текстов СМИ для описания концепта «Бездельник» отражает положение о специфике соотношения общезыкового и индивидуального и позволяет рассматривать реализацию данного фрагмента языковой картины мира в качестве когнитивной базы индивида.

Библиографические ссылки

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997. – 824 с.
2. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : тез. Междунар. конф. (Москва, филологический фак-т, МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 окт. 2001 г.). – М., 2001. – С. 15-18.
3. Лю Бо Стереотипные представления о женщине в русской языковой картине мира на фоне китайской (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок) // Мир русского слова. – СПб., 2009. – №4. – С. 33-54

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФАТАЛИЗМЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ

Лю Бо¹⁾, Ван Синьди²⁾

*¹⁾Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, iashma279279@mail.ru*

*²⁾Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, 18941182842@163.com*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Китая, проект 18YJC740048; и провинции Ляонин Китая, проект L18DYY010.

本文系教育部人文社会科学研究青年基金项目(18YJC740048)—性别语言学视域下俄汉性别概念的认知语义对比研究和辽宁省社会科学规划基金项目(L18DYY010)—俄罗斯现代媒体语言中的性别观念研究的阶段性成果。

Концепт – один из основных понятий в лингвокультурологии и ключевых понятий в когнитивной лингвистике в нынешнее время. Концепт – это категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает широкий простор для ее толкования. Сегодня категория концепта включена в исследования философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

По Степанову, «у концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современная ассоциация; оценки и т. д.» [1, с. 48].

Сознание является одним из основных феноменов человека. Оно рассматривается как «способность человека оперировать образами социальных взаимодействий, действий с предметами, природных и культурных связей, а также рассматривать эти образы в качестве условий, средств, ориентиров своего поведения» [2, с. 230].

Язык и сознание образуют единство: в своем существовании они предполагают друг друга, как внутреннее, логически оформленное идеальное содержание предполагает свою внешнюю материальную форму. Язык – прямая деятельность мысли, сознания. Он участвует в ходе мыслительной деятельности как ее чувственная основа или орудие. Сознание не только выявляется, но и формируется под языком. Наши мысли строятся в связи с нашим языком и должны ему соответствовать. Одним словом, мы организуем нашу речь в соответствии с логикой нашей мысли.

Лексическая объективация по отношению к тому или иному концепту – вещь вовсе не обязательная. Наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц, так как концепты возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят поэтому от действительности, а не от языка [3, с. 49].

Чтобы разоблачить семантическое структурирование базовой части слова, цитирует анализ словарных определений слова в разных словарях различного временного периода в качестве аргумента, большинство из которых могут получить очень важные одинаковые или другие лексические значения слова.

1. Концепт «Фатализм» в русском языке по данным словарей

1.1 Концепт «Фатализм» в толковых словарях

В «Большой толковый словарь русского языка» (Кузнецов, 1998): *«ФАТАЛИЗМ, Вера в неотвратимость судьбы, в то, что все в мире заранее предопределено таинственной силой, роком.»*

В «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Ефремова, 2005) определяются так: *«ФАТАЛИЗМ, Вера в фатум I, в неотвратимость судьбы, основанная на том, что все в мире предопределено и человек не в силах изменить что-либо.»*

В «Толковый словарь русского языка» (Ушакова, 2012) даются следующие толкования: *«ФАТАЛИЗМ, Вера в фатум, в неотвратимую судьбу, основанная на представлении, будто все в мире предопределено и человек ничего не в силах изменить.»*

В «Толковый словарь русского языка» (Ожегов, Шведова, 2012) есть такое толкование: *«ФАТАЛИЗМ, Вера в неотвратимость судьбы, в то, что все в мире заранее предопределено таинственной силой, роком.»*

В «Толковый словарь живого великорусского языка» (Даль, 2012) было выдвинуто следующие значения: *«ФАТАЛИЗМ – судьба, рок в смысле предопределенья, неизбежной, предназначенной провиденьем будущности. Основа исламизма – фатализм. Фаталисты отрицают свободу воли человека и ответ его за дела. Фаталистическое верованье губельно для нравственности.»*

1.2 Концепты, репрезентирующие «Фатализм»

Благодаря интерпретации концепта «Фатализм» исследователями в толковых словарях можем обнаружить, что в значения концепты «Фатализм» объединены три главных концепта: **«Судьба»**, **«Рок»** и **«Вера»**. И мы можем найти следующие закономерности и особенности в концептах, репрезентирующих «Фатализм», т.е. концепта «Судьба», концепта «Рок» и концепта «Вера»:

1.Окраска понятия: у «Судьба» нейтральную, у «Рок» отрицательную, и у «Вера» – положительную.

2.Близость к религии: «Вера» и «Рок» имеют религиозное сознание, а в «Судьба» нет четкого упоминания о религиозном сознании (часть 1 в схеме).

3.Время существования (событий, отношении, идей): большинство выражают мысли о будущем, но «Судьба» может относиться к событиям, которые произошли в прошлом, и «Вера» тоже иногда опишет событий в реальном существовании.

4.Совпадения семантики: все три слова имеют неизбежное значение (часть 2 в схеме); «Рок» является несчастной судьбой. Он часть судьбы, заключая в «Судьба» (часть 3 в схеме).

5.Разницы семантики: в трех словах есть различия, в которых доля веры в «Фатализм» больше, следует «Судьба», и, наконец, «Рок». В «Судьба» нет религиозного сознании, «Вера» и «Рок» не выражают такие события, что произошло в прошлом.

2. Представление о концептах, репрезентирующих «Фатализм» в русской языковой картине мира на материале пословиц

Наша задача была выяснена, как представлен концепт «Фатализм» в русской языковой картине мира на основе половиц и поговорок, установить специфику концепта в русской языковой картине мира. В качестве данных, касающихся российской традиционной специфики фатализма, послужили материалы половиц и поговорок.

В данном разделе мы представляем фразеологизмы с компонентами концептов «Судьба», «Рок» и «Вера», выявленные в пословицах, в соответствии с выбранным подходом под углом зрения трех аспектов: **человек, предмет и явление.**

Судьба

1. Концепт «Судьба», связанный с отношением людей:

1) В главном чувстве, которое судьба приносит носителям русского языка, – это смирение, неотвратимость, предопределенность. Судьба вызывает у русских в сознании чувство боязни и страха. С судьбой можно бороться, но чаще всего это напрасно, утвердительно оценивается внутренняя, но не внешняя борьба. Это воплощается в следующих пословицах и поговорках:

Против судьбы не попрешь.

Судьбу на кривой не объедешь.

Судьбу не обманешь.

Натура дура, судьба злодейка (судьба индейка).

Погладила меня судьба против шерсти.

2) Судьба все еще тесно связана с будущей жизнью, так что вызывает у русских суверенное и бережное отношение. Нужно вынести данную тебе часть, участь, долю, приговор, наказание; судьба является причиной изменения, движения людей. Судьба связана также с категориями пространства и времени, горизонтали и вертикали, так, судьба мыслится как дорога. Например:

Кто никогда не лжет, того судьба бережет.

Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит.

Против судьбы не попрешь.

3) Некоторые люди думают, что жизненный путь – запрограммирован, но всевышнее дал нам право выбора, поэтому

не судьба дана, а дан свыше – спектр возможностей – реализация возможностей зависит от нас. Приведём примеры:

Судьба веселью не помеха.

Не нам судьба – судья, а мы судьбе – хозяйева.

2. Концепт «Судьба», связанный с предметами:

«Судьба» часто в негативном выражении описывается как сложная или трудная для изменения. Например, в пословице «Судьба – злодейка, а жизнь – копейка» сравнивается судьба с злодейкой, злодейка – это домашнее животное – быть съеденной, чтобы подчеркнуть, что мы не можем быть хозяевами судьбы и невозможно доминировать над судьбой.

Судьба – злодейка, а жизнь – копейка.

Судьба Проказница – Мартышка

Распорядилась сама:

Всем глупым – Счастье от безумья

А умным – горе от ума.

Жизнь – копейка, судьба – индейка.

3. Концепт «Судьба», связанный с явлениями:

1) Многие считают, что как ни крути, все будет так, как предначертано судьбой. Как пословица – «От судьбы не уйдешь», все мы там будем, Бог дал и Бог взял. Концепт «Судьба», как представление «предопределение», «всевышнее» воплощается в таких пословицах:

От судьбы не уйдешь.

Суженого на кобыле не объедешь.

Суженый и на печи найдет.

Кому суждено утонуть, того не повесят.

Судьба всюду встретится, ее конем не объедешь.

Судьба придет – по рукам свяжет.

Судьбу на кривой не объедешь.

Видно, судьба такая.

Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит.

Судьба не авоська.

2) Большинство людей думают, что судьба не может быть изменена. Концепт «Судьба», как представление «неизменность» воплощается в таких пословицах и поговорках:

Кому суждено утонуть, того не повесят.

Судьба придет – по рукам свяжет.

Человеческая судьба и за ночь не раз переменится.

3) Подчеркивается независимый момент воли человека от его позиции по отношению к жизненной среде и судьбе человека, таким образом, люди боятся последствий. Судьба непреодолима, поэтому часто она воспринимается нашими предками как «злодейка», «трудность», «нелегкость» и «извилистость». Это значение воплощается в таких пословицах:

Судьба – злодейка, а жизнь – копейка.

Натура дура, судьба злодейка.

Погладила меня судьба против шерсти.

Жизнь – копейка, судьба – индейка.

Рок

1. Концепт «Рок», связанный с отношениями людьми:

1) Роком считается «судьба, обычно грозящая бедами и несчастьями». Рок, в отличие от судьбы и предопределения, невозможно быть благоприятным. Рок случайно постигает человека, но, как и у назначения, – сила влияния происходит извне. Поэтому у людей негативное отношение к року и думают, что они бессильны изменить его. Это воплощается в таких пословицах:

Жалеть – не помочь, коли рок пришел.

Рок виноватого (или: обреченного) найдет.

От судьбы не уйдешь. Никто от своего року не уйдет.

Бойся не бойся, а року не миновать.

2) Немного людей позитивно относятся к року и верят, что они могут его преодолеть. Однако связанных пословиц очень мало, и видно, что людей, которые верят, что они смогут преодолеть рок, очень мало. Например:

Не рок головы ищет, сама голова на рок идет.

2. Концепт «Рок», связанный с предметами:

Рок обычно описывается ужасными существительными, указывающими на страх людей перед несчастьем или смертью. Например, «нож, вилы, под обух», все эти предметы символизируют опасность и несчастье.

Видимый рок, как ножом в бок.

Таков наш рок, что вилами в бок.

Счастливей к обеду, роковой под обух.

3. Концепт «Рок», связанный с явлениями:

1) Человек подразумевает, что может каким-то образом изменить судьбу, но не «рок». Концепт «Рок», как представление «предопределение», «судьбоносность», «неизменность» воплощается в таких пословицах:

Жалеть – не помочь, коли рок пришел.

Так рок судил. Видно, судьба такая.

Таков наш рок, что вилами в бок.

От судьбы не уйдешь. Никто от своего року не уйдет.

Бойся не бойся, а року не миновать.

2) Рок наступает. Можем сказать, что человек – носитель своей судьбы, но не своего рока. Рок более самостоятелен, он сам решает момент для изменения человеческой жизни и ассоциируется у носителя языка как абсолютно негативная сущность. Концепт «Рок», как представление «несчастье», «напасть», «беда» воплощается в таких пословицах:

Счастливый к обеду, роковой под обух.

Ловит волк роковую овцу.

Бойся, не бойся, а без року нет смерти!

Вера

1. Концепт «Вера», связанный с людьми:

1) Связанный с характером и качеством человека. Негативные отношения проявляются в пословицах, соотносящих понятия «вера и ложь». У русских обман и нарушение слова приведут вызывают аналогичные ассоциации, которые владеют отрицательной коннотацией, а неискренность и злость вызывают осуждение. Это воплощается в таких пословицах:

Людям не верит, а сам мелет

Лжецу и в правде не верят.

Иной так соврет, что и сам себе поверит.

Кто сам плут, тот другим не верит.

Барышник и сам себе без божбы не верит.

Блудливая свекровь и невестке не верит.

Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит.

2) Связанный с духом человека. В пословицах дореволюционного периода отмечается религиозный подход к пониманию лексемы «Вера», которая также связана с такими

понятиями, как истина, правда, присяга, клятва. Таким образом, обнаружены пословицы, связанные с душой человека:

○,1 Доверие человека к истине и факту. Пословицы подчеркивают любовь людей и постоянное стремление к истине.

Слухам не верь, а сначала проверь.

Больше верь своим очам, нежели чужим речам.

Верь не силе, а правде.

Мы верим пактам, а еще больше фактам.

○,2 Существование объекта веры и доверие объекту веры. Сверхъестественные объекты четко разделены между двумя полюсами – добром (вера в Бога, вера в ангелов и т. д.) и злом (вера в гадание, вера в дьявола). Много русских пословиц показывают, что в русскоязычной картине мира концепт «Вера» в большей степени соотносится с религией и Богом. Например, «Бог – вера.», «Что край, то обычай; что народ, то и вера (а что купец, то мера, т.е. у всякого своя).» и так далее. Это воплощается во многих пословицах:

Какова вера, таков у ней бог.

Веру переменить – не рубашку переодеть.

Менять веру – менять совесть.

Бог – вера.

Хороша вера у дела.

3) Связанный с действиями человека:

○,1 Люди используют свой предыдущий опыт и уроки, чтобы предупредить будущие поколения о том, чтобы они не совершали одних и тех же ошибок. Люди не должны верить в хитрых животных и людей, которые умеют лгать, должны верить своими глазами, а не своим ушам и т. д. Опишите поведение людей после опытов и уроков:

Верю кошке и ежу, а тебе погожу.

Со лжи люди не мрут, только веры им больше нет.

Кто вчера соврал, тому и завтра не поверят.

Слушать его можно, а верить нельзя.

Не веришь повару – сам ступай по воду.

Что мужик, то вера; что баба, то устав (о раскольниках).

○,2 Вера в пословицах больше выражает указаний и советов о поведении людей в будущем, скажет людям, во что надо верить и во что не надо, чтобы избежать плохих последствий. Используется для руководства человеческим поведением:

*Слову верь, а дело проверь.
Слухам не верь, а сначала проверь.
Больше верь своим очам, нежели чужим речам.
Чего не видишь, про то и не веришь.
Честь чести и на слово верит.
Не верь выезду, верь приезду.
Не верь брату родному, верь глазу своему кривому.*

4) Концепт «Вера» также используется для описания отношений между людьми, например, «Блудливая свекровь и невестке не верит.», описывает отношения между свекровью и невесткой, «Что мужик, то вера; что баба, то устав (о раскольниках).», описывает отношения между мужчинами и женщинами, и пословица «Богатый бедному не верит.», описывает отношения между бедными и богатыми и т. д.

*Кто скоро верит, тот легко и прельщен бывает.
Кто много знает, мало верит.
Кто сам плут, тот другим не верит.
Барышник и сам себе без божбы не верит.
Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит.
Богатый бедному не верит.*

2. Концепт «Вера», связанный с предметами:

Вера представлена сочетанием множества различных предметов. Например, «Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счет.», сравнивая вера со словами. Например:

*Глаза да мера – прямая вера. Глаз – мера.
Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счет.
Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука.
Когда хлеб, тогда и мера, когда деньги, тогда и вера.*

3. Концепт «Вера», связанный с явлениями:

Несколько пословиц о вере описывают социальные явления. Самым известным является то, что «Москва слезам не верит.», чтобы описать быстрое развитие общества не будет сочувствовать слабым, а только будет верить в сильных, успешных и статусных.

*Москва слезам не верит.
Злой не верит, что есть добрый.*

Видно, что «Судьба» и «Рок» больше совпадают, а «Вера» мало похожа на них. Концепты «Судьба» и «Рок» проявляют негативное и позитивное отношение людей. А разницей между «Судьба» и «Рок» является, прежде всего, отношение людей. Концепт «Судьба» имеет

бережное отношение, а «Рок» – несчастная судьба. «Судьба» покрывает гораздо больше, чем «Рок».

По исследованиям концептов, репрезентирующие «Фатализм» – «Судьба», «Рок» и «Вера», мы отметили, что концепт «Фатализм» можно интерпретировать с двух сторон, **с одной стороны**, люди верят, уважают и надеются на судьбу. Или у людей чувство беспокойства и страх, что они не могут изменить свою судьбу. Это представлено в исследованиях концептов «Вера» и «Судьба». **С другой стороны**, человек не верит в судьбу и думает, что он может изменить, преодолеть и даже руководить своей судьбой. Это обнаружено в исследованиях концептов «Судьба» и «Рок». Фатализм – это противоречивый концепт.

В концепте «Фатализм» есть явная религиозная окраска, которая тесно связана с Богом, верой и совестью. Религиозные факторы отражаются в концептах «Рок» и «Вера» по данным словарей. Люди полны надежды на будущее, через прошлые уроки дают направление на нашу будущую жизнь. В концепте «Фатализм» существуют ещё такие основные характеристики, как всевышнее, неотвратимость, предопределение, неизбежность, неизменность, трудность и опасность. Эти характеристики представлены во всех концептах, репрезентирующих «Фатализм» («Судьба», «Рок», «Вера»).

Исследование данного концепта в русском языковом сознании (на материале пословиц) выявляет такие свойства концепта, как духовность и противоречивость.

Библиографические ссылки

1. Словарь русской культуры / под ред. Ю.С. Степанов. – М., 1997, – 824 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975, – 350 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия). – М., 2007, – 314 с.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСЕМ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лю Бо¹⁾, Луань Сьюй²⁾

*¹⁾Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, iashma279279@mail.ru*

*²⁾Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, siyuluan@hotmail.com*

Семантический аспект изучения слова – наиболее важный в лексикологии, все остальные с ним тесно связаны. Традиционно семасиология занималась этимологией слова, историей отдельных слов, во второй половине 20-ого века развилось направление структурной лингвистики и в связи с этим вопрос о смысловой структуре слова, в том числе структурных методах изучения семантики слов (в частности – компонентном анализе) [1, с. 166].

Концепт – это те смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов человеческой деятельности и процессов познания мира [2, с. 90].

Термин гендер использовался для описания социальных, физических, личностных аспектов «женского» в сравнении с «мужским», то есть «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин» [3, с. 166].

Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии мужчин и женщин, то есть быть в обществе мужчиной или женщиной – значит не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли [4, с.19]

Анализ словарных дефиниций номинантов концептуальной оппозиции «мужчина-женщина» в толковых словарях русского языка методом компонентного анализа позволил обнаружить семантическую структуру базовой части слов. Сначала нужно определить направления исследования и составлять словарь терминов и набора ключевых слов, а потом сопоставить концепты «женщина» и «мужчина» и выявить в чем различия между ними.

Толковый словарь открывает исторически сложившуюся в языке, им сами созданную картину мира: в толковых словарях уже выявляются в языковой картине мира развитие и изменения, касающиеся ядерной основы концепта и дополнительных признаков.

В данной статье применяются данные 14 толковых словарях русского языка, а также отбирается толкование значения мужчины и женщины в репрезентативном словаре каждого периода, сравнивается развитие и изменения концепции мужчины и женщины в каждом периоде, а также анализируются сходства и различия между понятиями мужчины и женщины.

1. Толковый словарь русского языка 1989 г.

ЖЕНЩИНА, ы, ж. (1) Лицо, противоположное мужчине по полу, та, к-рая рождает детей и кормит их грудью. (2) Лицо женского пола, вступившее в брачное отношение.

Отметим то, что кроме ядерного значения «лицо, противоположное мужчине по полу», важным элементом является репродуктивная функция у женщины. Это подразумевает значение того, чтобы быть матерью, и способность размножаться и воспитывать как основное определение женщины. В определении также говорится, что еще одним признаком женщины являются брачные отношения. Соответственно, аналогичные ограничительные признаки отсутствуют для определения мужчин.

МУЖЧИНА, ы, м, (1) Лицо, противоположное женщине по полу. (2) Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши.

Здесь стоит отметить, что так же, как и определение женщины, мужчина – противоположный женщине. Но, значение второго признака «взрослый» более размытое, нет конкретного описания об этом. Разницы между ними являются следующими образами:

а) Способность женщины рожать и воспитывать следующее поколение является признаком того, что женщины отличаются от мужчин. И определение мужчина не включает информацию о фертильности.

б) Женщина определяется как женщина, вступающая в брачные отношения, а определение мужчина не отмечено браком, но признаком мужчины является зрелость отличного от мальчиков и молодежи.

В целом, женщины определяются внешними изменениями, такими как физиологические изменения (стать матерью) и брак, в то время как у мужчин отсутствует конкретная информация о знаках, которая является более расплывчатой, чем у женщин.

2. Толковый словарь русского языка 1996 г.

ЖЕНЩИНА, ы, ж. (1) Лицо, противоположное мужчине по полу. Лицо женского пола как типическое воплощение женского начала. (2) Взрослая, в противоп. Девочке. Лицо женского пола, начавшее половую жизни, в противоп. девушке. (3) Лицо женского пола легкого поведения кокетка (фам.). (4) Женская прислуга (разг.). Публичная женщина.

Сопоставим определение в 1989 г. с тем в 1996 г., концепт женщина преобладает следующие новые компоненты:

а) Женщины имеют типичные характеристики женские.

б) Добавляли конкретные определители «зрелых», которые ограничиваются женщинами, начинающими секс, противоположными девочкам (девственницам) и удалили брачные отношения в определении исходного словаря.

в) Характеристика проституток и легкомысленное поведение появятся в определении.

МУЖЧИНА, ы, м, (1) Лицо, противоположное женщине по полу. (2) Лицо мужского пола, достигшее зрелого возраста, физической и духовной зрелости.

Здесь определили зрелость как физиологическую и психологическую зрелость. Определение мужчины является более полным, чем в прошлом.

Результаты сопоставления определений женщина и мужчина в толковых словарях в 1989 г. и 1996 г. следующие:

а) У женщин есть стереотипы (как типическое воплощение женского начала), а у мужчины нет описания об этом.

б) Женщины определяются как женщины, когда начинают половую жизнь, а мужчины – как психологическую и физическую зрелость. Для сравнения, у женщин нет описания психологических характеристик, у мужчин нет описания физических характеристик. Описание женщин имеет тенденцию экстернализации, а мужчины – интернализации.

в) Женщины также относятся к проституткам и легкомысленному поведению, а мужчины не имеют соответствующих характеристик.

3. Толковый словарь русского языка 2003 г.

ЖЕНЩИНА, -ы, ж. (1) Лицо, противоположное по полу мужчине. (2) Лицо женского пола как воплощение определенных свойств. (3) Лицо женского пола или состоящее или состоявшее в браке.

Указано, что женщины имеют определенные женские характеристики.

Нахождение в браке или была в состоянии брака, удаление описания половой жизни и т. д.

МУЖЧИНА, -ы, м, (1) Лицо, противоположное по полу женщине. Взрослый человек этого пола в отличие от юноши, мальчика. (2) Лицо мужского пола как воплощение определенных свойств, качеств (суровости, твердости, честности и т.п.)

Более четко указано то, что мужчины имеют характеристики как мужество и твердость.

Результаты сопоставления определений женщина и мужчина в толковых словарях в 1996 г. и 2003 г. следующие:

а) Определение семейного положения женщины, а у мужчины нет

б) Подчеркивая сильный и мужественный стереотип мужчин и женщин

4. Толковый словарь русского языка 2009 г.

ЖЕНЩИНА, ы, жен. (1) Лицо женского пола – взрослая, вышедшая из состояния подростка. (2) состоящая (или состоявшая) в браке. (3) не рекомендуется употреблять слово женщина в качестве обращения.

МУЖЧИНА, -ы, муж. (1) Лицо мужского пола – взрослый, вышедший из состояния подростка, юноши; (2) состоящий (или состоявший) в браке. (3) не рекомендуется употреблять слово женщина в качестве обращения.

Результаты сопоставления определений женщина и мужчина в толковых словарях в 2003 г. и 2009 г. следующие:

(а) Удалено толкование гендерной оппозиции и сохранено определение брака для женщин. Как правило, не используется для приветствия

(б) Интерпретация гендерной оппозиции была удалена, и было добавлено значение брачных отношений. Обычно не используются для приветствия.

(в) В словаре используется абсолютно равная модель для толкования мужчин и женщин. Ограничение брачных отношений для мужчин и женщин подчеркивает концепцию равенства между мужчинами и женщинами.

5. Толковый словарь русского языка 2014 г.

ЖЕНЩИНА, ы, ж. (1) Человек женского пола; лицо женского пола, вышедшее из периода юности. (2) Лицо женского пола как воплощение нежности, мягкости, сексуальной привлекательности и т.п. качеств. (3) Разг. Сексуальная партнерша.

МУЖЧИНА, ы, м, (1) Человек мужского пола; мужского пола, вышедшее из периода юности (2) Лицо мужского пола как воплощение силы, решительности и т.п. качеств. (3) Разг. Сексуальный партнер мужского пола.

Результаты сопоставления определений женщина и мужчина в толковых словарях в 2009 г. и 2014 г. следующие:

а) Отсутствие интерпретации гендерной оппозиции, концепция развивалась по сей день, в некоторых словарях исключено толкование гендерной оппозиции, конечно, некоторые авторитетные словари по-прежнему сохраняют интерпретацию гендерной оппозиции. Из-за изменений в современной социальной идеологии и культуре, образ мышления людей также породил изменение. Изменение этого элемента, также отражает реакцию современных людей на гендерную оппозицию: оппозиция между мужчинами и женщинами как естественная гендерная оппозиция, не нужно объяснять в словаре; противоречие между мужчинами и женщинами не было так ясно более 20 лет назад, как под влиянием несоответствия физиологического пола и психологического пола гендерная оппозиция – не единственный способ определить мужчин и женщин

б) Укрепление личностных характеристик мужчин и женщин, женщин: нежности, мягкости, сексуальности при увлекательности, мужчин: сил, решительности и т.п. Удалил определение брачных отношений для определения мужчин и женщин, то есть, зрелость не зависит от брака. Здесь стоит отметить, что определение мужчин и женщин современными людьми освобождается от ограничений внешних социальных норм и правил, таких как брачные отношения, и уделяет больше внимания присущим характеристикам. Описание стереотипов мужчин и женщин является более конкретным.

в) Добавление значения сексуальных партнеров, соответственно, отражает более широкое признание социальных отношений между мужчинами и женщинами.

В лексических значениях слова «женщина» мы выделили в первую очередь общий компонент «человек» (человек, женского пола), и компонент «лицо, противоположное мужчине по полу», которые определили, как ядерные. Нами было выявлено четыре дополнительных признака, которые включаются в значения тех или иных единиц, номинирующих женщину, но не являющихся обязательными: «взрослая, в противоположная девочке», «состоящее или состоявшее в браке»,

«способная рождать детей и кормить их грудью». «как воплощение нежности, мягкость, сексуальной при увлекательности и т.п. качеств».

В лексических значениях слова «мужчина» мы выделили в первую очередь общий компонент «человек» (человек, мужского пола), и компонент «лицо, противоположное женщине по полу», которые определили, как ядерные. Нами было выявлено четыре дополнительных признака, которые включаются в значения тех или иных единиц, номинирующих женщину, но не являющихся обязательными: «взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши», «состоящее или состоявшее в браке», «достигшее зрелого возраста, физической и духовной зрелости.». «воплощение определенных свойств, качеств (суровости, твердости, честности, решительности, силы и т.п.)».

Таким образом, на основе анализа концептуальной оппозиции «мужчина» – «женщина» в 14 толковых словарях русского языка отметим, что ядерные компоненты и периферийные компоненты изменяются с развитием общества и пониманием людьми вещей. В течение этих 25 лет (1989-2014) семантические элементы репродуктивной функции и сексуальной жизни в первоначальном определении женщины постепенно исчезали. Вместо этого, описание характеристик женской личности появилось. Определение мужчины меньше меняется, чем определение женщины, и оно также фокусируется на описании характеристик личности мужчины. В словаре постепенно используется абсолютно равная модель для толкования мужчин и женщин, которое в некоторой степени указывает на концепцию равенства между мужчинами и женщинами. Гендерные оппозиции исчезают в некоторых современных словарях. Это изменение демонстрирует, что оппозиция между мужчинами и женщинами как естественная гендерная оппозиция – не единственный способ определить мужчин и женщин.

Библиографические ссылки

1. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. – Владивосток, 2006. – 166 с.
2. Кубрякова Е.С. В защиту когнитивной лингвистики // Известия РАН, СЛЯ. – М., 1999.
3. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 15-34.
4. Кирилина А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3 – М., – С. 18-27.

Словари в хронологическом порядке:

5. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 842 с.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 520 с.
8. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 1: А-З. – 1998. – 699 с., 1 портр.
9. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 2: И-О. – 1998. – 779 с., 1 портр.
10. Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А-Й. – 1999 – 702 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. К-О. – 1999 – 736 с.
12. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000. Т. 1 А – О. – 1209 с – (Б-ка словарей рус. яз.).
13. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2001. – 1536 с.
14. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норит», 2003. – 960 с.
15. Токовый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А-З. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
16. Токовый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 2: И-О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 672 с.
17. Большой толковый словарь русского языка. – М.: Издательство «ЮНВЕС», 2005 – 1136 с.
18. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складерской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с. – (Библиотека словарей).
19. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / Л.И. Скворцов. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. – 1104 с.
20. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 26-у изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. – 736 с.
21. Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2011. – 928 с. – (Библиотека словарей ЭКСМО).
22. Толковый словарь ключевых слов русского языка / Под общ. рук. Г.Н. Складерской. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 672 с.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В СТИХОТВОРЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ПОЭТА СЮЙ ЧЖИМО

У Нань¹⁾, Лю Бо²⁾

*¹⁾Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, 1756806583@qq.com*

*²⁾Даляньский политехнический университет,
г. Далянь, Китай, iashma279279@mail.ru*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Китая, проект 18YJC740048; и провинции Ляонин Китая, проект L18DYY010. 本文系教育部人文社会科学研究青年基金项目(18YJC740048)—性别语言学视域下俄汉性别概念的认知语义对比研究和辽宁省社会科学规划基金项目(L18DYY010)—俄罗斯现代媒体语言中的性别观念研究的阶段性成果。

Термин «языковая картина мира» является метафоричным по своей природе и применяется скорее для того, чтобы наиболее точно передать взаимосвязь между процессом мышления, языком и окружающей действительностью [1]. Национальная картина мира проходит через личностное восприятие, дополняется им, а в творчестве реализуется с помощью выразительных языковых средств. Поэт, в нашей статье, это неотъемлемая часть языкового сообщества, к которому он принадлежит, следовательно, поэт является носителем национальной культуры, сформировавшей его и оказавшей влияние на его мировоззрение.

Концепт – «это национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления и обладающий этнокультурной отмеченностью» [2, с. 26]. Другими словами, вербализация того или иного концепта в поэзии будет носить отпечаток как национального менталитета, так и индивидуальных представлений поэта, несмотря на то, что некоторые концепты являются константами культуры (т.е. неизменно присутствующими в национально-культурном пространстве).

Концепт «Любовь» занимает важное место в стихотворениях современного китайского поэта Сюй Чжимо, который может быть охарактеризован по некоторым общим параметрам.

В словаре В. И. Даль «Толковый словарь русского языка» слово «любовь» определяется как «состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделение; охота, расположение к чему». В «Словаре языка А. С. Пушкина» слово «любовь» определяется как «интимное чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею». Тема любви к женщине звучит во многих русских

стихотворениях и представлена многогранно. А. О. Сергеева сделала такой вывод, что в русских стихотворениях «любовь – чувство идеальное, возвышенное, прекрасное в наивысшей силе его проявления, любовь как мимолетное влечение, любовь человека, умудренного жизнью, любовь и чувства, сопутствующие ей (радость, печаль, грусть, ревность и т. д.)» [3, с. 558].

Традиционно считается, что сущность поэта ярче всего проявляется в любовной лирике. Это дает возможность оставить суждение о концепте «любовь», как он представлен в современных китайских лирических стихотворениях.

В данной статье рассмотрим, как представлен концепт «любовь» в поэтической картине мира Сюй Чжимо, для которого любовная тема является одной из вечных в стихотворениях. Наиболее показательным для нашей статьи представляется следующий лексический материал. Это непосредственно называющие и характеризующие любовь слова, сочетания и предложения, а также индивидуально-авторские словесные характеристики – номинации, перифразы, метафоры и сравнения.

В стихотворениях Сюй Чжимо концепт «любовь» делится на любовь к женщине, к себе, и к свободе.

1. Любовь к женщине – идеальное мечтание, чувства печали и грусти

1.1 Любовь к женщине – идеальное мечтание

Любовь в жизни Сюй Чжимо занимает важное место. Его идея о любви была слишком святой, чистой. Он чувствовал, что любовь принесла ему огромные силы, и это он старался выразить в стихах о любви и человеческих идеалах. В своих стихах Сюй Чжимо чаще пользуется паратаксисом, чтобы подчеркивать собственные чувства:

У меня нет других методов, у меня есть любовь. У меня нет других талантов – только любовь. У меня нет других умений – только любовь. У меня нет другой мотивации – только любовь.

В жизни хотя бы раз нужно забыть о себе ради другого человека. Не просить ни о каких наградах, не просить идти со мной одной дорогой, не просить ни о чем, чем обладал прежде, и даже не просить о любви ко мне. Просить лишь о том, чтобы в самые прекрасные годы моей жизни я мог встретить тебя.

В письме, которое он написал его учителю Лян Цичао, Сюй Чжимо высказал свою твердую решимость:

В бескрайнем море людском есть лишь одна родственная душа, если получу её, то это мое счастье, а если не получу, то это моя судьба(得之我幸, 不得我命) [перевод автором].

Любовь – это религия, которой я хочу всей жизнью посвятить.

Поэт сравнивает любовь с жизнью, и думает, что ценность любви выше той жизни, значение своей жизни – это стремление к любви, хотя трудно добиться, как *сон, мечта, сладость, сияние*. Такие сравнения представляются в его стихах.

К тому же, любовь является самой святой и чистой вещью. В лирических стихотворениях описывая любовь, поэт всегда использует такие положительные прилагательные, как *блестящий, золотой, глянцевый, нежный, освещенный, озаренный, очарованный*, что можно представлять его вождение к прекрасной любви.

1.2 Любовь к женщине – чувства печали и грусти

«Любовь может быть представлена в комплексе с негативными эмоциональными состояниями: любовь – печаль, любовь – тоска, любовь – отчаяние, любовь – страдание, любовь – боль, любовь – страх» [4, с. 9]. Сюй Чжимо всегда преследовал идеальную любовь, но его любовь всегда была священной и благородной, безнадежной и непостижимой: если бы она входила в контакт с реальностью, вдруг разрушалась. Неудача в любви проявляется в его стихах, его любовь всегда печальная и грустная.

Например, стихотворение «Молитва» полно отчаяния безнадежно влюбленного человека:

*Мое босое сердце, **прошу** тебя, возьми, любви моей богиня!*

*Лишь только ты одна ему дать можешь и тепло и жизнь отныне,
А **можешь** превратить его мельчайший порошок, рассеяв в облаках
под небесами,*

*Но искренности цвет окрасит **навсегда** весенние мечты твои и сны
осенними ночами!*

Будь милосердною, любви моей богиня!

В его лирических стихотворениях к любви чаще присоединяются такие представления, как *закат, ива, заходящее солнце, ил, море, темнота, юг и север, покинуть, напрасно, засада*.

Эмоции передаются через эти слова: *рассеяться, тихо, тишина, расставание, молчать, молчание, обман, страдание, разбиваться*.

Все это репрезентирует фрейм «несчастливая любовь»

2. Любовь к себе – самомнение, эгоизм

Все знают, что в жизни Сюй Чжимо важную роль играют три женщины: Лин Хуэйинь, Лу Сяомань и Чжан Юи. В качестве поэта, Сюй Чжимо творил много любовных стихов. Он посвящал первую

искреннюю любовь Лин Хуэйинь, страсть и романтичность Лу Сяомань, а дал все равнодушие и жестокость Чжан Юи. В марте 1922 года Сюй Чжимо подал на развод с Чжан Юи, полагая, что они не должны продолжать супружескую жизнь без любви, без свободы. После того как Чжан Юи подписала заявление о разводе, у нее было тяжелое время, а Сюй Чжимо обрадовался. В стихотворении можно показать эгоизм:

*Ты взмыла, туча, в небеса, **свободна и одна**,
Летела быстро и **легко** без отдыха и сна
По вольной прихоти **своей** и час, и день, и год,
Блаженство высшее твое – свободный **твой** полет.*

К тому же, он еще был слишком уверен в себе, страдал самомнением. В стихотворении «Случайно» Сюй Чжимо писал:

*Я облако в небе, изредка отбрасывающее тень на твое сердце.
Не нужно ни удивляться,
ни тем более радоваться.
Еще мгновение, и от меня не останется и следа.
Случайно встретишь ты меня,
у каждого своя **отныне** проторенная колея.
Но лучше будет нам забыть о встрече.....*

Это стихотворение несет такую идею, что женщина зависит от мужчины в отношениях между женщинами и мужчинами, другими словами, в любовных отношениях его чувства находятся в руководящем месте, он положил себя на первое место.

3. Любовь к свободе – восхищение красотой природе

Сюй Чжимо всю жизнь стремится к искренней любви, к свободе. Единственный и неисчерпаемый источник его творчества – это любовь и свобода. В творчестве любовь Сюй Чжимо связана с свободными стремлениями: любовь к природе, к свободе. Это отражается в его творчестве через использование метафоры, связанной с явлением природы.

В его любовных стихотворениях чаще бывают такие представления: *облако, закат, ива, солнце, зыбь, родник, радуга, звезда, море, ветер, волна, озеро, ручей, цветы; в горном странствии, в пути с небесной высоты, искать место, где трава более зеленая.*

Как отмечают многие критики и читатели, любовная лирика поэта пронизана музыкальностью. Стихотворения Сюй Чжимо имеет музыкальность, кроме этого, Сюй Чжимо любят использовать слова, которые слушают мягко в китайском языке. Например, *колыхнуть*(拂, фу), *ил*(软泥, жуань ни), *тень деревьев*(榆荫, юй инь), *рассеяться*(揉,

жоу), *взмахнуть*(挥, хуэй), *расставание*(别离, бе ли), *музыка*(笙箫, шэн сяо), *слегка*(河畔, хэ пань), *новобрачная*(新娘, синь нян), *гляцево*(油油地, ю-ю), *тишина*(悄悄, цяо-цяо). Эти мягкие слова по звучанию в китайском языке выражаются, и символизируют бесконечную нежность поэта.

Таким образом, можно сказать, что Сюй Чжимо был любвеобильным. «Любовь» в поэтической картине мира Сюй Чжимо делится на любовь к женщине, к себе, и к свободе, которая проявляется в его характеризованных словах, сочетаниях и предложениях.

Через изучение языковых единиц можно узнать, что он приходит к пониманию любви как высшей ценности человека, стремится к идеальной любви, любит прекрасную природу и целый мир, но еще имеет традиционный смысл – мужской шовинизм, значит, он думает, что он (здесь он имеет в виду мужчину в широком смысле) является центром и в материальном мире, и в духовном мире. Смысл поэта был передовым, и одновременно был отсталым – это была типичная характеристика культуры в том переходном периоде Китая.

Поэт предпочитает пользоваться паратаксисом, чтобы подчеркивать собственные чувства. Любовь Сюй Чжимо выражается в основном при помощи номинаций, сравнений, метафор. В том числе многие представления ссылаются на природу, и произношения слов звучат мягко, что составляет специфическую черту творчества.

Библиографические ссылки

1. Петрова Н. А. Концепт «Woman» в поэтической картине мира Дороти Паркер // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по материалам XXIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8(23). URL: [http://sibac.info/archive/guman/8\(23\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/8(23).pdf) (дата обращения: 19.06.2019)
2. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособ. для студ. вузов. М.: Флинта: Наук, 2011. – 176 с.
3. Сергеева А.О. Концепт «любовь» в лирике Пушкина // Молодой ученый. – 2016. – №17. – С. 558-560.
4. Карцева Д.О. Концепт Love в художественной литературе (на материале произведений У. С. Моэма) // Филология и лингвистика. – 2018. – №1. – С. 8-11.
5. Стихи извлекался из следующих сайтов: URL:<http://hehechang.ru/news/18> (дата обращения: 19.06.2019) URL:<http://chinavsem.ucoz.ru/forum/16-197-1> (дата обращения: 19.06.2019) URL:<https://magazeta.com/2016/05/china-poetry-xu-zhimo/> (дата обращения: 19.06.2019)

ПЕРЕДАЧА ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Холево А.С.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, kholeva-12@yandex.ru*

Эстетическое воздействие и создание художественного образа отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации. Художественная выразительность создается за счет использования в тексте выразительно-изобразительных средств языка, среди которых наполняющее текст звучанием звукоподражание. В. Н. Комиссаров отмечает, что главной задачей художественного перевода является порождение на языке перевода речевого произведения, способного оказать такое же художественно-эстетическое воздействие на читателя, что и оригинал [3, с. 102]. Поэтому корректная передача звукоподражания как особого стилистического средства, широко используемого в языке художественной литературы для создания экспрессии, при переводе художественного текста является важной задачей переводчика. За использованием звукоподражаний в тексте стоит авторский замысел вызвать у читателя определенную реакцию, сделать передаваемый на письме образ максимально точным и выразительным. Именно поэтому передача этих единиц при переводе крайне важна для сохранения авторского замысла и художественной выразительности произведения.

Звукоподражание (ономатопея) – условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.п.), а также криков животных [5, с. 162]. В отличие от большинства языковых единиц, звукоподражания представляют собой иконические знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки объекта, отражающие своим языковым составом те или иные его особенности. При этом звукоподражания являются единицами языка и используют его звуковой состав, что делает невозможным их совпадение с естественными звуками.

В китайском языке существует огромное количество звукоподражательных слов (象声词), основная функция которых заключается в придании образного характера речи. С точки зрения семантики, в отличие от русского языка, в котором звукоподражательные единицы однозначны, значительное количество звукоподражательных

единиц в китайском языке характеризуются многозначностью, при которой за одной звукоподражательной единицей может быть закреплено два, три и даже более значений. Зачастую звукоподражательные единицы китайского языка произносятся первым тоном и имеют сходную структуру [2, с.956].

Сложность при переводе китайских звукоподражательных единиц обусловлена не только различием фонологических систем русского и китайского языков и особенностями акустического восприятия звуков внешнего мира, но и, в первую очередь, тем, что многие звукоподражательные единицы китайского языка имеют либо слишком конкретное, либо слишком размытое значение, что делает невозможным не только нахождение эквивалента, но и подбора близкого понятия, отражающего значение использованной в тексте звукоподражательной единицы китайского языка.

Наименьшую трудность при переводе вызывают китайские звукоподражания, имеющие эквивалентное соответствие в русском языке. К таким звукоподражаниям можно отнести, например, китайское 咩 (miē – звукоподражание бляению овец, ме-е) , 哈哈 (hāhā – звукоподражание смеху, ха-ха, 嘶 (sī – звукоподражание шипению змеи, ш-ш-ш) , 嘻嘻 (xīxī – звукоподражание смеху, хи-хи) , 喵 (miāo – звукоподражание мяуканью кота, мяу) , 哞 (mōu – звукоподражание мычанию скота, му-у) , 叮当 (dīngdāng – звукоподражание звону колокольчика, дин-дон) и т. д. В данном случае при передаче звукоподражательных единиц переводчик может без труда подобрать русскоязычный эквивалент, сохранив авторский замысел и художественную выразительность текста.

Сложность при передаче китайских звукоподражательных единиц возникает в случае, когда звукоподражания многозначны или имеют слишком конкретное значение, отсутствующее в языке перевода. Некоторые звукоподражательные слова китайского языка имеют два и более значений, например, 哑哑 (yāyā) – 1) звукоподражание карканью, кряканью, кря, карр; 2) звукоподражание лепету младенца; 3) звукоподражание скрипу колёс); 啾啾 (jiūjiū) – 1) звукоподражание пisku птицы, жужжанию насекомого; 2) звукоподражание рёву обезьяны; ржанию лошади; 3) звукоподражание звону колокольчика; 4) звукоподражание свисту флейты; 5) звукоподражание жалостному плачу; 萧萧 (xiāoxiāo) – 1) звукоподражание ржанию лошади; 2) звукоподражание падающей листве; 3) звукоподражание свисту ветра). Также многие из звукоподражательных единиц китайского языка имеют слишком конкретное значение, поэтому при передаче таких

звукоподражаний приходится использовать описательный перевод, генерализировать значение исходной звукоподражательной единицы или же вовсе её опускать. К таким единицам можно отнести, например, звукоподражания 轩辘 (xiānlù – звукоподражание движущейся повозки), 悴懞 (cuìchì – звукоподражание трению одежды), 橐橐 (tuótuo – звукоподражание ударам при утаптывании земли).

Для определения наиболее часто используемых способов передачи звукоподражаний при переводе китайского художественного текста на русский язык мы проанализировали перевод двух художественных текстов на китайском языке: “Эй, Сянсюэ” Те Нин (“哦，香雪” перевод С. Торопцева) и “Восхождение на гору Тайшань под дождем” Ли Цзянью (“雨中登泰山” перевод Д. Валевой). В результате анализа в двух относительно небольших по объему текстах нами было выявлено шестнадцать случаев использования звукоподражательных единиц. Функциональная значимость звукоподражаний в большинстве случаев заключалась в передаче звуков природы для создания более живого и яркого повествования, реже звукоподражания были использованы для описания эмоционального состояния героев.

Примечательно, что только в одном из шестнадцати случаев передачи звукоподражаний при переводе текста с китайского на русский язык звукоподражательная единица китайского языка была передана с помощью эквивалентного междометия: «咱们香雪，天生一副好皮子，再照火车那些闺女的样儿，把头发烫成弯弯绕，啧啧» («Но уж кто белокожий, так это наша Сянсюэ. Что твоя красотка из поезда, и волосы в колечках, те-те-те!») [Те Нин “Эй, Сянсюэ”]. В данном случае китайское звукоподражание «啧啧» (zézé – звукоподражание прищелкиванию языка при выражении восторга и удивления) было передано эквивалентным междометием «те-те», которое в русском языке также выражает удивление, однако, будучи междометием, не имеет звукоподражательной составляющей. Это еще раз говорит о том, что используемые в китайских художественных текстах звукоподражания зачастую не могут быть переданы с помощью эквивалентной звукоподражательной единицы в русском языке, что и обуславливает необходимость их передачи другими средствами языка перевода.

В проанализированных нами текстах наиболее частым способом передачи звукоподражаний является их замена на существительное, обозначающее исходящий от предмета или явления звук. Существительное было использовано для передачи звукоподражательных единиц в девяти случаях (56% звукоподражаний были переведены на русский язык с помощью существительного). Так,

например, в предложении «当风吹响近处的小树林时, 她又害怕小树林发出的悉悉萃萃的声音» («А когда порыв ветра пробежал по ближней рощице, ее пугал шелест деревьев») звукоподражание «悉悉萃萃» (xīxīcuìcuì), выступающее в предложении в роли определения к слову «声音» (звук) и обозначающее трение друг о друга небольших по размеру предметов, было передано с помощью существительного «шелест», имеющее более общее значение в сравнении с исходным сочетанием «определение + существительное» [Те Нин “Эй, Сянсюэ”]. Подобную генерализацию значения можно наблюдать и в предложении «那秋风吹干的一树树核桃叶, 卷起来像一树树金铃铛, 她第一次听清它们在夜晚, 在风的怂恿下“豁唧唧”地歌唱» («Листья ореховых деревьев, сметаемые осенним ветром, сворачивались в золотистые колокольцы и подрагивали на ветру – она впервые услышала шелест их ночной песни»), в котором выступающее в роли обстоятельства звукоподражание «豁唧唧» (huōlānglāng), обозначающее распространяющийся на большое расстояние звон колокольчиков, передается существительным «шелест», значение которого лишь частично передает исходное звукоподражание в оригинальном тексте [Те Нин “Эй, Сянсюэ”]. Иногда для более точной передачи звукоподражаний к существительному при переводе может добавляться прилагательное: «悬崖岭峻嶒, 石缝滴滴答答, 泉水和雨水混在一起, 顺着斜坡, 流进山涧, 潺潺的水声变成訇訇的雷鸣» («Отвесные скалы вздымались над нами, и попадающие на них капли стучали по их поверхности, вода ручья слилась с дождевой водой и, несясь по склону, впадала в горную речку, а тем временем журчание превратилось в тяжелый грохот») [Ли Цзяньу “Восхождение на гору Тайшань под дождем”]. В данном предложении существительное «雷鸣» (гром) и выступающее в роли определения к нему звукоподражание «訇訇» (hōnghōng), обозначающее очень громкий, похожий на рев звук, передано с помощью сочетания прилагательного «тяжелый» и существительного «грохот». Звукоподражания «滴滴答答» (dīdīdādā – звукоподражание капающей воде) и «潺潺» (chánchán – звукоподражание струящейся воде) были переданы с помощью глагола «стучать» и существительного «журчание».

Также одним из наиболее частых способов передачи китайских звукоподражательных единиц в рассмотренных нами переводах художественных текстов на русский язык стала передача звукоподражаний с помощью глаголов звучания, которые образованы от звукоподражаний при помощи словообразовательных ресурсов языка или форма которых связана со звуками, то есть звуковая семантика

обуславливает их материальное буквенное выражение [1, с. 41]. В русском языке глаголы звучания представляют собой довольно многочисленную группу слов, имеющих все характеристики полнозначных глаголов и обладающих явным звуковым содержанием [1, с. 42]. Поэтому использование глаголов звучания при передаче звукоподражаний является одним из наиболее часто используемых способов перевода звукоподражательных единиц. В проанализированных нами текстах при передаче звукоподражательных единиц глагол используется в шести случаях из шестнадцати (38% звукоподражаний были переведены на русский язык с помощью глагола). Например, в предложении «她又朝着近处的杨树林张望，杨树林悉悉萃萃地响着，并不真心告诉她应该怎么做» («Она посмотрела на ближние тополя – тополя шуршали и не собирались советовать, как же ей быть») звукоподражание «悉悉萃萃» (xīxīcuìcuì), обозначающее трение друг о друга небольших по размеру предметов, было передано с помощью глагола «шуршать» [Те Нин “Эй, Сянсюэ”]; в предложении «从这时候起，山涧又从左侧转到右侧，水声淙淙，跟我们跟随到南天门» («И после водопада горный ручей оказался по правую руку от нас, вода звонко журчала, сопровождая нашу группу по дороге к Южным Небесным воротам») звукоподражание журчанию воды «淙淙» (cóngcóng) было переведено с помощью глагола «журчать» [Ли Цзяньбу “Восхождение на гору Тайшань под дождем”].

Также в проанализированных нами текстах звукоподражательные единицы были переданы и обычными глаголами, обозначающими действия, а не звучание. Так, например, в предложении «下起雨来，淅淅沥沥，不像落在地上，倒像落在心里» («Стал накрапывать дождь, и казалось, что это не вода льется на землю, а слезы орошают мою душу») звукоподражание «淅淅沥沥» (xīxīlìlì), обозначающее шум дождя, было передано с помощью глагола «накрапывать», которое имеет значение «падать мелкими каплями» [Ли Цзяньбу “Восхождение на гору Тайшань под дождем”]. При таком неточном переводе зачастую может быть потеряна экспрессия, ведь сохранение звукоподражательных единиц оригинального текста является важным условием сохранения авторского замысла и художественной выразительности произведения.

Звукоподражания широко используются в китайских художественных текстах для создания экспрессии, с их помощью повествование становится более живым и выразительным. Корректная передача звукоподражательных единиц позволяет сохранить колорит текста и авторский замысел, направленный на создание более эмоционального и яркого художественного описания. При переводе

звукоподражательных единиц необходимо учитывать их функциональную значимость в тексте, смысловую структуру и объем выражаемого значения, чтобы с максимальной точностью подобрать соответствующую единицу в языке перевода, сохранив при этом художественную образность и выразительность.

Библиографические ссылки

1. Голубева Е. В. Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов звучания // Актуальные вопросы филологических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). – Казань: Бук, 2015., с.39-44
2. Казарян А. А., Сенцов А. Э., Хоречко У. В. Звукоподражание в китайском языке. К постановке вопроса // Молодой ученый. – 2015. – №7. – с. 955-958.
3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 167 с.
4. Ли Цзянью. Восхождение на гору Тайшань под дождем / перевод Д. Валеевой [Электронный ресурс] – <http://www.cim.chinesecio.com/hbcms/f/article/info?id=62465b9d024942fc9ad3d89e4b122cc4>- Дата доступа 19.12.2018
5. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 683 с.
6. Современная новелла Китая. Те Нин .Эй, Сянсюэ / перевод С.Торопцева [Электронный ресурс] – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1046747> – Дата доступа 19.12.2018
7. 肖奚强. 高级汉语教程/肖奚强– 北京 : 北京语言大学出版社, 2006. – 182 页. (Сяо Сицян. Курс китайского языка. Высокий уровень. – Пекин : Изд-во Пекинского лингвистического университета, 2006. – 182 с).

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, СВЯЗИ

ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСКА-КИТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ УЗАЕМОСВЯЗЕЙ У ГАЛІНЕ МАСТАЦКАГА ПЕРАКЛАДУ

Лапцёнак І. Б.

*Институт повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения
образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»,
ул. Калиновского, 12, 220086, г. Минск, Беларусь, laptenokirina@tut.by*

Гісторыя нацыянальных літаратур уключае ў сябе гісторыю рознабаковых і шматгранных сувязей, якія ўзаемна ўзбагачаюць нацыянальныя культуры. Вывучэнне беларуска-кітайскіх літаратурных сувязей у галіне мастацкага перакладу з'яўляецца актуальнай праблемай ва ўмовах сучасных глабалізацыйных працэсаў і уяўляе сабой яркі прыклад творчага ўзаемадзеяння і развіцця міжлітаратурных кантактаў.

Пачатак літаратурнага знаёмства Беларусі з Кітаем праз мастацкі пераклад адносіцца да першага дзесяцігоддзя ХХ ст. У 1910 г. у газеце «Наша ніва» былі апублікаваны пераклады твораў «Даос з гор Лао» і «Гульня мячом у падводным царстве» са старажытна-кітайскай кнігі «Тысяча апавяданняў» Пу Сунліна. Пераклады гэтых твораў зрабіў вядомы філолаг-кітаіст В. Аляксееў. У 1907–1909 гг. ён жыў у Кітаі, пасля выкладаў у Інстытуце жывых усходніх моў, займаўся складаннем кітайска-рускага слоўніка. В. Аляксееў упершыню паставіў пытанне аб вывучэнні гісторыі кітайскай літаратуры як навукі аб развіцці мастацтва слова. Лічыцца, што яго пераклады для «Нашай Нівы», мастацка-вобразнае перастварэнне якіх ажыццявіў на беларускай мове В. Ластоўскі, заснавальнік беларускай кітаістыкі, з'явіліся дзякуючы знаёмству з А. Уласавым, рэдактарам-выдаўцом газеты [1, с. 35].

Узаемныя сувязі паміж беларускім і кітайскім народамі набылі сістэмнасць у 50-я гг. ХХ ст., пасля ўтварэння КНР. Гэты перыяд характарызаваўся інтэнсіўнасцю як дыпламатычных адносін і культурных кантактаў, так і літаратурна-творчых сувязей.

Найбольшую вядомасць у Беларусі набыла кітайская проза, у тым ліку праз выданне асобных зборнікаў. У 1953 г. у перакладзе Г. Сапрыкі выйшла кніга «Аповяданні кітайскіх пісьменнікаў». У ёй шырока

прадстаўлена як творчасць маладых літаратараў, так і вядомых аўтараў, лаўрэатаў Сталінскай прэміі: раманы «Сонца над ракой Сан-гань» Дзін Ліня і «Ураган» Чжоу Лі-Бо, драма «Сівая дзяўчына» Хэ Цзінчжы і Дзін І і інш. У зборнік увайшлі творы, якія раскрывалі пытанні, што хвалявалі шырокія колы грамадскасці і былі прысвечаны ломцы грамадскіх адносін, правядзенню зямельнай рэформы ў вёсцы, станаўленню новага жыцця па прынцыпах сацыяльнай справядлівасці: Хэ Ку «Барацьба прадаўжаецца», Лі На «Вугаль», Лу Мэй «Два чырвоныя вымпелы», Юй Лінь «Няхай ведаюць усе!», Пань Чжы-цін «Маці і сын», Лю І-цін «Сёння і заўтра», Гу Юй «Рана сарваны плод горкі», Ма Фын «Вяселле», Яо Цзін «Пра самую вялікую любоў» і інш. У прадмове да выдання адзначалася: «Сучасная кітайская літаратура, якая жыве адным жыццём са сваёй краінай, бесперапынна пашырае кола тэм і праблем, заваёўвае ўсё больш шырокія масы чытачоў, становіцца сапраўдным носбітам перадавых ідэй вялікага кітайскага народа, які атрымаў сусветна-гістарычную перамогу і будзе новую, народную рэспубліку» [2, с. 8–9]. У 1954 г. выдадзены зборнік апавяданняў кітайскіх пісьменнікаў для дзяцей сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту «Маленькі Чжуцза», пераклад якіх ажыццявіў П. Прануза. У 1959 г. асобным выданнем выйшаў раман Мао Дуня «Перад святаннем». Зборнікі кітайскай прозы перакладаліся на беларускую мову да канца 50-х гг. ХХ ст.: у 1957 г. – «Аповяданні кітайскіх пісьменнікаў», у 1959 г. – «Дзеці вялікага народа».

З сярэдзіны 50-х гг. ХХ ст. пачаўся выхад манавыданняў кітайскіх аўтараў. У 1954 г. выйшлі кнігі Хуа Шаня «Пісьмо з пеўнівымі пёрамі» і Сань Шанфэя «Дзесяць маленькіх сяброў». У 1957 г. – аповесці Ван Ліі «Сталь», Мао Дуня «Вясеннія шаўкапрады» і інш. У 1954–1959 гг. выдадзены «Выбранае» Чжао Шулі, раманы Мао Дуня «Перад святаннем», Чжоу Лібо «Ураган», Дзін Ліня «Сонца над ракой Сангань» і інш. Перакладчыкі – В. Вітка, Л. Арабей, Я. Брыль, Я. Казека, А. Якімовіч, С. Міхальчук, П. Прануза і інш. Усяго з 1954 па 1960 гг. выдадзены 13 кніг кітайскіх пісьменнікаў.

У гэты перыяд перакладзена нямала ўзораў кітайскага фальклору, пераважна казкі і байкі. Напачатку 1950-х гг. яны рэгулярна публікаваліся ў беларускіх дзіцячых часопісах: у «Бярозцы» – «Упарты Юн Су», «Тыгр, алень і ліс», «Залатая рыбка», «Казка пра няўдзячнага пастуха», у «Беларусі» – «Звон» і «Жабракова хустачка», у «Піянеры Беларусі» – «Чарадзейная чарапаха», «Хітры госць і сквапны гаспадар» і інш. У 1952 г. выйшаў на беларускай мове зборнік кітайскіх народных казак у перакладзе Я. Брыля. Выдаваліся казкі і асобнымі кнігамі: у 1953 г. – «Алень і тыгр», у 1955 г. – «Браты Лю» ў перакладзе А. Якімовіча, у

1959 г. – «Сто тысяч стрел» у перакладзе Я. Брыля. Нават у неспрыяльныя часы назіраліся прыклады апублікавання твораў кітайскага фальклору: у 1961 г. асобныя казкі друкаваліся ў «Беларусі», у 1973 г. выйшаў зборнік казак «Лінь Вялікі і Лінь Маленькі» ў перакладзе І. Ідэльсона і І. Волкава. Прыведзены аналіз пацвярджае вывад аб тым, што «перакладная кітайская дзіцячая літаратура займала важнае месца ў знаёмстве беларускіх чытачоў з культурай Паднябеснай» [3, с. 47].

Значна меншы акцэнт рабіўся, у параўнанні з прозай, на перакладзе паэзіі. Асобнымі кнігамі творы кітайскай паэзіі не выдаваліся. У перыядычным друку яна была прадстаўлена зрэдку. Сярод лепшых узнаўленняў паэзіі 1950-х гг. – вершы Ду Фу ў перакладзе У. Дубоўкі, якія друкаваліся ў 1959 г. у часопісе «Полымя» (у 2000-я гг. яны ўвайшлі ў перакладную анталогію паэзіі свету ў беларускіх перакладах XX стагоддзя «Галасы з-за неба краю» як лепшыя яго пераклады).

Узнаўленню твораў беларускай літаратуры ў Кітаі надавалася значная ўвага з сярэдзіны XX ст. Асаблівая цікавасць адзначалася ў адносінах да творчасці Я. Купалы. Да 75-годдзя з дня яго нараджэння ў Пекіне ў выдавецтве «Вэнь-чуан» выйшаў зборнік паэта ў перакладзе і пад рэдакцыяй паэта Сунь Шэн-у (Чжу Цзі). Зборнік «Жалейка» Я. Купалы, яго асобныя творы (паэма «Над ракой Арэсай» і інш.) друкаваліся на кітайскай мове ў 1946, 1953, 1955 і 1958 гг.

У 1950 г. перакладзены на кітайскую мову верш Я. Коласа «Абаронцам роднага краю». У 1954 г. у Шанхаі выдадзены зборнік апавяданняў І. Шамякіна (праз два гады зборнік быў перавыдадзены). У 1955 г. асобна друкаваліся творы «Пяюць жаваранкі» і «Хто смяецца апошнім» К. Крапівы, «У Забалоцці днее» Я. Брыля, у 1957 г. – яго апавяданне «Галя», у 1958 г. – апавяданне «Зялёная школа». У 1957 годзе кітайскі чытач пазнаёміўся з апавяданнем «Макарка Навак» Я. Коласа. Яго аповесць «Дрыгва» друкавалася двойчы – у 1958 і 1959 гг. У другой палове 1950-х гг. апублікаваны аповесці Я. Маўра – «Палескія рабінзоны» (1956) і «ТВТ» (1957). У 1960 г. выдадзены раманы П. Броўкі «Калі зліваюцца рэкі». Кітайскі чытач атрымаў уяўленне таксама пра творы М. Лынькова, А. Куляшова, В. Быкава, І. Шамякіна, І. Мележа, А. Куляшова, В. Казлова і інш.

Беларускія пісьменнікі вельмі цанілі кітайскую літаратуру. У 1956 г. М. Танк пісаў у дзённіку: «Чытаю вершы Ду Фу, перакладзеныя А. Гітовічам на рускую мову. Які высокі ўзровень гэтай паэзіі, якая праз тысячу год данесла да нас любоў паэта да свайго народа, да сваёй радзімы, жывое біццё яго сэрца» [4, с. 153]. У значнай ступені гэтаму садзейнічалі ўзаемныя паездкі – беларускіх пісьменнікаў у Кітай і

кітайскіх пісьменнікаў у Беларусь. У 1930-я гг. у Мінск прыезджаў паэт Эмі Сяо. У 1957 г. Кітай наведаў М. Танк у складзе савецкай дэлегацыі Усесаюзнага таварыства культурных сувязей з замежнымі краінамі. У 1958 г. зборнік яго выбраных твораў выйшаў у пекінскім выдавецтве, і ў гэтым жа годзе у часопісе «Полымя» апублікаваны створаны паэтам цыкл вершаў, які стаў своеасаблівай справаздачай аб паездцы. У яго ўвайшлі творы, прысвечаныя асэнсаванню падзей кітайскай гісторыі, сацыяльных змен у краіне, месца і ролі мастака ў грамадстве: «Вялікая Кітайская сцяна», «Мост вечнага спакою», «Міска для рысу», «Белы конь», «Старая прымаўка», «Янцзы» і інш. З творчымі візітамі ў розныя часы Кітай наведвалі беларускія пісьменнікі Я. Брыль, Л. Арабей, А. Вярцінскі, Р. Барадулін, М. Шэлегаў, Н. Гальпяровіч, А. Карлюкевіч і інш.

На характар развіцця літаратурных узаемасувязей у галіне мастацкага перакладу непасрэдны ўплыў аказвала развіццё культурных узаемасувязей паміж краінамі, паколькі «пераклад ёсць той магутны і пастаянна дзеючы фактар, з дапамогай якога здзяйсняецца шырокі абмен духоўнымі каштоўнасцямі, узнікае творчае ўзаемадзеянне паміж нацыянальнымі культурамі» [5, с. 174].

Актыўнае культурнае супрацоўніцтва пачалося з пачатку 50-х гг. ХХ ст. У ліпені 1952 г. Беларускі дзяржаўны тэатр імя Я. Коласа паставіў спектакль «Пролитая чаша» па твору кітайскага пісьменніка Ван Шыфу. Неаднаразова праходзілі сустрэчы беларускай інтэлігенцыі з дзеячамі літаратуры і мастацтва Кітая. Кітайскі публіцыст і перакладчык Гаа Манн (У Ланьхань) адзначаў, што беларуская інтэлігенцыя з адкрытай душой вітала кітайскіх сяброў, і, у прыватнасці, успамінаў аб сустрэчы ў 1955 г. з народным мастаком БССР З. Азгурам: «Мяне ўразіла, як скульптар прымаў кітайскую дэлегацыю ў сябе ў майстэрні. Усіх абняў, прыціснуў да сябе. Доўга і з захапленнем гаварыў пра старажытную культуру Кітая, усхваляў новыя перамены ў Кітаі» [6, с. 119]. З. Азгур выканаў скульптуру кітайскага пісьменніка Лу Сіня, якая была падорана кітайскаму ўраду ў 1956 г. разам з музычным фільмам «Беларускі канцэрт», складзеным з нумароў вынікавага канцэрта Дэкады беларускага мастацтва і літаратуры ў Маскве.

Беларускае дзяржаўнае выдавецтва і Дзяржаўны літаратурны музей Я. Купалы ў пасляваенны час атрымалі з Кітая шэраг матэрыялаў – лістоў і фотадакументаў, якія сведчылі пра цікавасць да беларускай літаратуры і культуры, творчасці беларускіх песняроў. Напачатку 1950-х гг. У. Луцэвіч, удава Я. Купалы і першы дырэктар музея, праз беларускае аддзяленне Таварыства культурнай сувязі з заганіцай атрымала ліст і кнігу Я. Купалы на кітайскай мове з

аўтографам «Дому-музею вялікага беларускага паэта Янкі Купалы ад Гэ Бао-цюаня» [7, с. 4], намесніка генеральнага сакратара Цэнтральнага праўлення Таварыства кітайска-савецкай дружбы і члена праўлення Саюза кітайскіх пісьменнікаў. У лісце, накіраваным у музей песняра, расказвалася аб святкаванні юбілея класіка беларускай літаратуры кітайскай грамадскасцю. У Пекіне на ўрачыстым сходзе Сунь Шэн-у, паэт і перакладчык твораў Я. Купалы, зрабіў даклад яго аб жыцці і творчай дзейнасці. На сходзе прысутнічала больш за 500 чалавек, сярод якіх былі студэнты і выкладчыкі навучальных устаноў, работнікі літаратуры і мастацтва. Члены тэатральнай групы кінаакцёраў прачыталі на кітайскай мове вершы Купалы «Я не паэта», «Жняя», «Хлопчык і лётчык», «Яшчэ прыйдзе вясна» і інш. У Доме культуры Пекінскага філіяла Таварыства кітайска-савецкай дружбы была выстаўлена фотавітрына, прысвечаная жыццю і творчасці Я. Купалы.

Краіны выказвалі цікавасць да літаратуры і культуры супольна, удзельнічалі ў мерапрыемствах, прысвечаных юбілейным падзеям. Калі ў 1955 г. кітайская дэлегацыя наведала Дзяржаўны тэатр оперы і балета ў Мінску, дзе праходзіў вечар, прывечаны памяці А. Міцкевіча, Я. Колас аб'явіў яе беларускай грамадскасці, і зала стоячы, апладысманамі, вітала прадстаўнікоў кітайскага народа [8, с. 33]. Шырокай праграмай урачыстасцей святкавалі ў Беларусі ў 1959 г. 10-годдзе ўтварэння КНР: дэманстраваліся выставы твораў маладых мастакоў Кітая і кітайскай кнігі, арганізаваны Тызень кітайскай музыкі і Дэкада кітайскага фільма. Сярод уключаных у праграму літаратурных падзей – вечар памяці паэта і мастака Ван Вэя.

З канца 1950-х гг. кантакты паміж краінамі сталі намнога радзейшымі, з другой паловы 1960-х гг. да другой паловы 1980-х гг. былі фактычна перарваны. У гэты час нават і на рускую мову перакладаліся рэдкія творы.

У перыяд пагаршэння адносін у Кітаі выходзіла серыя «жоўтых кніг» – выданняў твораў замежнай літаратуры, прызначаных для ўнутранага карыстання, якія ствараліся ў якасці адваротнага перакладу (як «не трэба» пісаць). Як паказала даследаванне В. Карлюкевіч, пачатак іх выпуску – канец 1950-х гг., пік – 1960-я – 1970-я гг. [9, с. 124]. У гэтай серыі выдадзены «Адзін дзень Івана Дзянісавіча» А. Салжаніцына, «Жывыя і мёртвыя» К. Сіманава, «Лавец у жыце» Д. Сэлінджэра, «У чаканні Гадо» С. Бекета, з твораў беларускай літаратуры – «Трэцяя ракета» В. Быкава ў 1965 г. і «Снежныя зімы» І. Шамякіна ў 1972 г. (у перакладзе Лі Лянміна). У кітайскім друку з'явіліся публікацыі аб адметнасці беларускай літаратуры (Гэ Бао-цюань, Эмі Сяо і інш.).

З сярэдзіны 1980-х гг. наступіў перыяд «пацяплення» ў адносінах,

а ў другім дзесяцігоддзі 2000-х гг. – новы віток творчых сувязей, які выклікаў відавочнае пашырэнне літаратурна-творчых кантактаў.

Асабліва плённымі былі 1980-я гг. У гэты час апублікаваны зборнік «Выбраныя творы» В. Быкава, асобнымі кнігамі выдадзена большасць яго твораў («Абеліск», «Аблава», «Альпійская балада», «Воўчая зграя», «Дажыць да світаньня», «Жураўліны крык», «Знак бяды», «Кар’ер», «Пайсці і не вярнуцца», «Сотнікаў», «У тумане»), значная колькасць твораў І. Шамякіна («Атланты і карыятыды», «Вазьму твой боль», «Гандлярка і паэт», «Трывожнае шчасце», «Шлюбная ноч»). У 1983 г. перакладзены на кітайскую мову раман І. Мележа «Людзі на балоце». У 1985 г. у часопісе «Шыцзе вэньсюа» апублікаваны ўрыўкі з «Блакаднай кнігі» А. Адамовіча. Некаторыя творы выходзілі ў 1990-я гг. (у 1998 г. у Пекіне – «Сэрца на далоні» І. Шамякіна і інш.). У 2012–2015 гг. у Кітаі наглядаўся пік цікавасці да творчасці С. Алексіевіч: у Тайбэі і Пекіне выдадзены «Чарнобыльская малітва», «Апошнія сведкі», «Цынкавыя хлопчыкі», «У вайны не жаночы твар» і інш.

Адметнасцю ўзнаўлення твораў кітайскай літаратуры на беларускую мову і беларускай літаратуры на кітайскую мову з’яўляецца яго пераважна апасродкаваны характар. Нават у 1950-я гг., калі кантакты паміж літаратарамі і саюзамі пісьменнікаў актыўна развіваліся, перакладалі ў асноўным з рускіх перакладаў. З аднаго боку, апасродкаваны пераклад у савецкі час быў даволі распаўсюджанай з’явай. З другога боку, носбітаў кітайскай мовы ў Беларусі было мала, не кажучы ўжо пра пісьменнікаў-перакладчыкаў. Даследчык В. Шадурскі як прыклад адзначаў выпадак з перакладам грампласцінак: калі ў 1954 г. Беларускае таварыства культурнай сувязі атрымала з Кітая серыю грампласцінак з анатацыямі, у Мінску перакладчыкаў не знайшлі і вымушаны былі звярнуцца ў Брэст да І. Якуніна, аднаго з нямногіх спецыялістаў па кітайскай мове [10, с. 32].

Асновай для перакладу твораў кітайскай літаратуры на беларускую мову з’яўляліся рускія ўзнаўленні, але большасць іх была зроблена пісьменнікамі не з арыгінала, а з падрадкоўніка, і пры ўзнаўленні на беларускую мову гэта ўжо быў не «пераклад з перакладу», а «пераклад з апасродкаванага перакладу», што, безумоўна, не спрыяла якасці перадачы адметнасці арыгінала.

Адлік новай традыцыі ў Беларусі пачаўся з кнігі Лі Хэ «Песня бамбукавай флейты» (2016): усходазнавец-міжнароднік А. Раманоўская перакладала з арыгінала, іншыя перакладчыкі – па яе падрадкоўніках з арыгінала. Гэта было важнай падзеяй у беларускай кітаістыцы, з якой пачаўся «новы этап у знаёмстве беларусаў з кітайскай літаратурай» [11, с. 6].

У кнізе Сюй Чжымо «Лілеі тварык чароўны» (2017) Н. Гальпяровіч і Ю. Алейчанка ажыццявілі свае пераклады па падрадкаўніках, зробленых з арыгінала. Д. Нечыпарук, М. Мішкін, А. Беразняцкая, К. Валадзько, В. Антоненка, Д. Шарэйка, А. Галаган і К. Галкоўская працавалі непасрэдна з арыгіналамі кітайскіх вершаў. На думку даследчыкаў, гэта сведчыць пра фарміраванне на Беларусі школы мастацкага перакладу кітайскай паэзіі. Дарэчы, асобнай кнігай паэзія Сюй Чжымо ўпершыню сярод славянскіх краін выдадзена менавіта ў Беларусі.

Шмат намаганняў для пашырэння прасторы кітайскай літаратуры ў нацыянальным даляглядзе прыклаў А. Карлюкевіч, які стаў заснавальнікам серыі беларускай кітаістыкі «Светлыя знакі: паэты Кітая», у якой убачылі свет зборнікі паэтаў – Ван Вэй, Лі Бо, Ду Фу, Ай Цін, Лі Хэ, Мэн Хаажань, Вэнь Ідо, Ван Цзянчжаа, Ван Гачжэнь і інш. Яны значна пашырылі ўяўленне беларусаў пра кітайскую літаратуру, філасофскае і мастацка-вобразнае светаадчуванне кітайскага народа.

Беларуская паэтычная кітаістыка ў 2000-я гг. значна пашырыла кола перакладчыкаў савецкага часу (У. Дубоўка, М. Танк, М. Аўрамчык, С. Дзягай, А. Тулупава). У 2007 г. Р. Барадулін выдаў зборнік «Гуканне паэзіі Усходу», у які ўвайшла кітайская паэзія. З 2012 г. у Беларусі выдадзена больш за 20 мастацкіх кніг кітайскіх паэтаў і празаікаў. Над зборнікамі паэзіі серыі «Светлыя знакі: паэты Кітая» працавалі перакладчыкі А. Раманоўская, Л. Дранько-Майсюк, Т. Сівец і Ю. Алейчанка, В. Жукавец, Н. Гальпяровіч, А. Емяльянаў-Шыловіч, М. Мятліцкі, В. Шніп і інш. Важнай падзеяй стаў выхад анталогій у перакладзе М. Мятліцкага: «Пад крыламі дракона» (2012), «Пялёсткі лотаса і хрызантэмы» (2018), «Гімн святлу» (2019) Ай Ціна. За кнігу кітайскай паэзіі «Пад крыламі дракона» (2012), у якую ўвайшлі творы ста паэтаў Кітая, перакладчык атрымаў Спецыяльную прэмію Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Пры актыўным удзеле Рэспубліканскага інстытута кітаязнаўства імя Канфуцыя БДУ у часопісах «Нёман» і «Малодосць» былі падрыхтаваны «кітайскія» нумары.

На ўзнаўленне твораў кітайскай літаратуры ўплывае шэраг важных фактараў, акрамя лінгвістычнага, у прыватнасці, нацыянальна-культурны. На думку М. Кенькі, «кітайская культура, у адрозненне ад, скажам, японскай, менш “на слыху” ў нашых чытачоў. Нам добра вядома значэнне японскіх слоў “гейша”, “самурай”, “харакіры”, “ікебана”, мы памятаем, што ў японцаў ёсць звычай святкаваць пачатак вясны як час квітнення вішні (сакуры), а вось пра тое, што кітайцы падобным чынам звязваюць вясну з цвіццём слівы (мэйхуа), не ведаем» [12, с. 105].

Кітайская паэзія назапасіла велізарны арсенал паэтычных вобразаў, якія адштурхоўваюцца ад рознага роду сюжэтаў, легенд і паданняў. Паколькі паэтычная вобразнасць кітайскай літаратуры, складзеная гістарычна, не адпавядае сучаснай геме вобразных сродкаў, гэты фактар неабходна ўлічваць пры фарміраванні «зваротнай сувязі» з чытачом пры перакладзе. Калі нават аматару паэзіі патрабуюцца шырокія тлумачэнні, то што казаць пра замежнага чытача, які не знаёмы з кітайскай культурай, гісторыяй і побытам. І таму адна з асаблівасцей перакладу з кітайскай мовы – патрэба ў тлумачэннях, якія раскрываюць тое, што захавана ў падтэксе.

Падтрымлівае гэта меркаванне і А. Карлюкевіч. Разглядаючы ўзнаўленні паэзіі Су Шы, якую любіць вытанчаны і адукаваны чытач, на пытанне, «ці ўсё ўдалося пры перакладзе», ён піша: «Пытанне з пытанняў... На яго правільна змога адказаць не проста начытаны кітайскай паэзіяй знаўца, на яго можа адказаць ведаючы не толькі кітайскую мову, але і разумеючы кітайскую рэчаіснасць праз стагоддзі» [13, с. 6]. На яго думку, кітайская паэзія мае свае асаблівасці, якія не спрыяюць хуткасці і прастаце ўзнаўлення: яе складанасць і інтэлектуальная насычанасць суседнічаюць з мінімалізмам і размоўным стылем, а абстрактная метафізіка – з дакументальнай дакладнасцю.

Да ліку найбольш істотных фактараў пры перакладзе паэтычных твораў адносіцца своеасаблівасць паэтыкі: у кітайскай паэзіі меншы рыфмарый, мала сугуччаў у канцы слоў і таму не ўсе радкі маюць рыфму. М. Кенька прааналізаваў свой вопыт па перакладу з падрадкоўніка верша Лі Цынчжао «Дзікая сліва» («Мэйхуа») і прыйшоў да высновы, што поўнай адпаведнасці дасягнуць не ўдалося. Ён сутыкнуўся з немагчымасцю, з аднаго боку, сціслай перадачы нацыянальнай адметнасці арыгінала (без тлумачэнняў), з другога боку, з цяжкасцю дакладнага перастварэння рытміка-фанічнага малюнка арыгінала, які з'яўляецца вершам-песняй, напісаным на мелодыю «Юй ця ао» (трэба ведаць гучанне песні ў арыгінале, каб адэкватна ўзнавіць твор у перакладзе).

Адметнасць характару ўзнаўлення ў кітайскай і беларускай паэтыцы пацвярджаецца і даследаваннямі эквірытмічнасці. В. Рагойша і Чжан Лінь зрабілі аналіз перакладаў на кітайскую мову вершаў М. Танка з «кітайскага цыкла», які паказаў, што змест у іх перададзены даволі дакладна, а прынцып эквірытмічнасці не вытрыманы [14, с. 17]. Асноўная праблема ў тым, што сродкамі кітайскай мовы даволі няпроста перадаць характар узнаўлення рытміка-метрычнага малюнка арыгінала, паколькі кітайская і ўсходнеславянскія мовы – тыпалагічна розныя. Кітайскае вершаскладанне адрозніваецца ад еўрапейскага: яно заснавана

на чаргаванні ў вершах слоў з рознай музычнай танальнасцю, якія вылучаюцца вышынёй і характарам гучання. Кітайская паэзія функцыянуе ў сістэме, блізкай да сілабічнага вершаскладання, беларуская – у сілабатоніцы.

Такім чынам, праведзены аналіз паказаў, што развіццё беларуска-кітайскіх літаратурных узаемасувязей у галіне мастацкага перакладу характарызувалася рознай інтэнсіўнасцю ў залежнасці ад перыядаў дыпламатычных і культурных адносін. За перыяд міжлітаратурнага беларуска-кітайскага супрацоўніцтва назіраюцца значны вопыт, які патрабуе грунтоўнага асэнсавання.

Найбольшую вядомасць у Беларусі, пачынаючы з 1950-х гг., набыла кітайская проза, паэзія атрымала яркі імпульс толькі ў другім дзесяцігоддзі ХХІ ст. Адметнасцю ўзнаўлення твораў кітайскай літаратуры на беларускую мову стаў апасродкаваны пераклад, які з сярэдзіны ХХ-га ст. да пачатку ХХІ ст. паступова мадыфікаваўся (з перакладу, створанага на аснове апасродкаванага рускага перакладу, да ўзнаўлення з арыгінала і падрадкоўніка, створанага на яго аснове).

Узаемадзеянне беларускай і кітайскай літаратур у галіне мастацкага перакладу нараджае новыя стымулы, садзейнічае выяўленню нацыянальнай своеасаблівасці, узаемаўзбагачэнню літаратур.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Кабржыцкая Т. В. Ля вытокаў літаратурнага ўзаемазацікаўлення (першыя крокі кітайскай украіністыкі і Тарас Шаўчэнка, першыя ўкраінскія і беларускія пераклады кітайскай літаратуры // Беларуско-кітайскі культурны дыялог: гісторыя, сучаснае становішча, перспектывы : сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого. – Минск : РИВШ, 2014. – С. 32–36.

2. Федарэнка Н. Прадмова // Апавяданні кітайскіх пісьменнікаў; пер. А. Сапрыка. – Мінск : Дзярж. выд. БССР, 1953. – С. 3–9.

3. Жуковец В. В. Рецепция детской китайской литературы // Беларуско-кітайскі культурны і адукацыйны дыялог: гісторыя, сучаснае становішча, перспектывы : сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 37–50.

4. Карлюкевіч А. Святло сяброўства. – Мінск : Звезда, 2016. – 272 с.

5. Лилова А., Лихачева Л. П. Введение в общую теорию перевода. – М. : Высш. шк., 1985. – 256 с.

6. Карлюкевіч А. Урокі сяброўства : беларуская літаратура ў свеце. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 231 с.

7. Весткі з Кітая // ЛіМ. – 1957. – 25 снежн. – С. 4.

8. Шадурскай В. Сердечность дружеских встреч // Беларуская думка. – 2011. – № 9. – С. 30–35.

9. Карлюкевіч В. «Жоўтая кніга»: унікальная з’ява кітайскай перакладной літаратуры 50–70-х гадоў ХХ стагоддзя // Маладосць. – 2016. – № 2. – С. 124–125.

10. Шадурский В. Сердечность дружеских встреч // Беларуская думка. – № 9. – 2011. – С. 30–35.

11. Карлюкевіч А. Новыя і дакладныя ўяўленні // Лі Хэ. Песня бамбукавай флейты : зб. паэзіі ; уклад. Ю. Алейчанка ; прадм. Алесь Карлюкевіча, Алены Раманоўскай. – Мінск : Звязда, 2016. – С. 5–8.

12. Кенька М. Цвіце мэйхуа // Актуальныя праблемы літаратуразнаўства і фалькларыстыкі : зб арт. / пад агул. рэд. Т. І. Шамякінай ; склад. В. В. Прыемка. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 101–107.

13. Карлюкевіч А. Жыццё падарожнага Часу паэта // Су Шы. Подых усходняга схілу : зб. паэзіі ; уклад. Ю. Алейчанкі. – Мінск : Маст. літ., 2018. – С. 5–9.

14. Линь Чжан, Рагойша В. П. К вопросу об эквиритмичности в переводе с белорусского языка на китайский // Беларуско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы : сб. науч. ст. / под науч. ред. Н. Н. Хмельницкого. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 7–18.

КІТАЙСКІЯ МАТЫВЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ 1920-х гг.: ПАЭМА “ШАНХАЙСКІ ШОЎК” АЛЕСЯ ДУДАРА І ІНШЫЯ ТВОРЫ

Багдановіч І.Э.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, ibogdana@yandex.ru*

Беларуская паэзія 1920-х гг. да гэтага часу не перастае здзіўляць багаццем і шматфарбнасцю сваіх тэм, матываў, вобразаў і іх адценняў. Як дастаткова экзатычны, але далёка не эпізадычны складнік прысутнічае ў яе матывунай прасторы і кітайскі кампанент. Але гэта не столькі даніна ўсходняй экзотыцы, што было некалі ўласціва стылістыцы эпох Барока і Рамантызму, а хутчэй з’ява эпохі Мадэрна з яе множнасцю (“плюральнасцю”) культурных кампанентаў і прынцыповай адкрытасцю карціны свету.

У першыя дзесяцігоддзі ХХ ст. Еўраазійскі кантынент перажываў глабальныя ваенна-рэвалюцыйныя катаклізмы, у выніку якіх узнікла новая мадэль дзяржаўнасці, перадусім на вялізнай тэрыторыі былой Расійскай імперыі, з дамінуючай у ёй ідэалогіяй пралетарскага інтэрнацыяналізму, якая вядзе народы да шчаслівай камуністычнай будучыні. На гэтым грунце фарміраваўся так званы новы “стыль эпохі”, у якім пераважалі не столькі эстэтычныя, колькі сацыялагічныя крытэрыі, утварыўся таксама новы “кірунак” пралетарскай літаратуры. Адпаведныя гэтаму кірунку матывы складалі тэматычна-вобразны мейнстрым савецкай паэзіі 1920-х гадоў, і беларуская літаратура, якая

перажывала тады перыяд свайго бурнага росквіту, што засведчыла і першае, створанае ў 1923 г., аб'яднанне пралетарскіх паэтаў і пісьменнікаў “Маладняк”, актыўна адгукалася на гэтае запатрабаванне часу.

Адпраўным пунктам у ідэйным абліччы азначанага дзесяцігоддзя была ідэя ўсясветнай рэвалюцыі, таму, калі ў сярэдзіне 1920-х гг. у Кітаі адбываюцца рэвалюцыйныя падзеі, гэта знаходзіць жывы водгук на першых старонках прэсы на ўсім абшары тагачаснага СССР, у тым ліку і ў Савецкай Беларусі. У газетах і часопісах з'яўляецца шэраг бягучых паведамленняў і разгорнутых артыкулаў, у якіх тлумачыцца сітуацыя ў Кітаі і асвятляецца ход рэвалюцыйных падзей, а таксама кітайская тэматыка становіцца актуальнай у творах мастацкай літаратуры, пераважна ў паэзіі.

Так, на старонках часопіса “Маладняк”, які пачынае выходзіць адразу па стварэнні аднайменнага літаратурнага аб'яднання, друкуюцца грунтоўныя артыкулы і пафасныя вершы, прысвечаныя кітайскай тэматыцы, а пік публікацый выпадае на 1926-1927 гады. Не будзе перабольшваннем сцвярджаць, што тагачасны беларускі чытач мог атрымаць досыць разгорнутае ўяўленне пра спецыфіку жыцця далёкай усходняй краіны, яе эканоміку, палітыку, сацыяльнае становішча насельніцтва. Пачынаецца кітайская тэматыка ў “Маладняку” з артыкула А. Куранкова “Сучаснае эканамічнае становішча Кітаю і чужаземны капітал” у № 5 за 1926 г., дзе падрабязна асвятляюцца справы замежнага гандлю, асноўнымі прадуктамі якога ў Кітаі былі чай, шоўк і опіум, апісваецца становішча чыгункі і стан вугальнай прамысловасці. Падводзіць вынік сваім разважаннем аўтар наступным рэзюмэ: “Кітай у сучасны момант перажывае гаспадарчую рэвалюцыю, і політычнае яго становішча толькі адбівае гэту гаспадарчую рэвалюцыю ва ўмовах націску на Кітай чужаземнага капіталу” [11, с. 81].

Галоўным палітолагам на той час у Беларусі быў Лазар Каплан, які працаваў у розных перыядычных выданнях і пярэ якога належыць цэлы шэраг артыкулаў на актуальную тады кітайскую тэматыку. У 1926 г. часопіс “Маладняк” друкуе з працягам у некалькіх нумарах яго артыкул “Супроць каго змагаецца Кантон”, а ў 1927 г. – два артыкулы: “Вайна і мір” (у № 3) і “Новы этап Кітайскай рэвалюцыі” (у № 5). Першы артыкул асвятляў актуальныя палітычныя падзеі, характарызаваў звязаных з імі асоб, партыю Гоміндан, спробы аб'яднання, раскол, інтарэсы іншых дзяржаў. “Кіруе ўсім рэвалюцыйным рухам у гэтай краіне народна-рэвалюцыйная партыя – Гоміндан, якая была арганізавана Сун-Ят-Сэнам, – пісаў Л.Каплан. – Кантон мае моцную армію, шчыльна звязаную з насельніцтвам. Армія арганізавана па ўзору

нашае Чырвонае арміі, у якой ёсць політадзелы і камісары. Моцны ўплыў у Кантоне маюць камуністыя” [7, № 7-8, с.118]. Далей аўтар пераходзіў да падзей у Шанхаі і ў духу часу расстаўляў патрэбныя ідэалагічныя акцэнтны: “Усе памятаюць падзеі ў Шанхаі чэрвеня – сьнежня 1925 г., вынікам чаго зьявілася ўсеагульная забастоўка ў Кітаі. /.../ У Сярэднім Кітаі расьце барацьба і нацыянальны рух супроць Англіі. У часе шанхайскіх падзей агрэсыўнасьць агентаў ангельскага імперыялізму ўзбудзіла вялікі антыангельскі рух. /.../ На поўначы, а таксама ў Сярэднім Кітаі, мы бачым моцны антыяпонскі рух. Кітаец у Кітаі гаспадаром не зьяўляецца, вось чаму і парадку навесьці ён ня можа” [7, № 7-8, с. 120-122]. Падрабязна асвятляў аўтар рознагалосі ў кітайскім рэвалюцыйна-нацыянальным руху, пісаў пра левае і правае крыло Гоміндану, пра яго мэты і задачы, характарызаваў кіраўнікоў уплывовых групавак (Чжан-Цзю-Лін, У-Пэй-Фу, Чан-Кан-Шы), даваў разгорнутую панараму рэвалюцыйнага руху. Палітычным вынікам кантонскіх перамог аўтар бачыў вызваленне Кітая з-пад чужаземных уплываў.

Пафас артыкула Л. Каплана “Вайна і мір” быў скіраваны супраць “правакацыйнай дзейнасці ангельцаў” у Кітаі, накіраванай на раскол нацыянальна-рэвалюцыйнага руху з мэтай адарваць Кітай ад СССР: “Ангельскія газеты, паведамляючы аб нападзе на брытанскі квартал, пішуць аб тым, што напад быў зроблены толькі салдатамі, што афіцэры Кантонскай арміі нават ратавалі жыцьцё і маёмасць ангельцаў /.../ Ангельская дыплёматыя адкрыта бярэ стаўку на раскол рэвалюцыйнага фронту /.../ Усё гэта, зразумела, вядзецца пад знакам барацьбы з “маскоўскім бальшавізмам”” [8, с. 67]. У наступным артыкуле “Новы этап Кітайскай рэвалюцыі” Л. Каплан характарызуе тры этапы рэвалюцыйнага руху ў Кітаі і спыняецца на трэцім этапе, “калі шанхайскі пролетарыят пачынае ўладу забіраць у свае рукі, калі роля гегемона рэвалюцыі ўсё больш пераходзіць да рабочае клясы” і калі “буржуазія пачынае больш абасабляцца, недаверчыва адносіцца да свайго хаўрусніка” [9, с. 77]. Як галоўная падзея гэтага перыяду разглядаецца “пераварот Чан-Кай-Шы, прадстаўніка правага крыла партыі Гоміндан” [9, с. 78]. А вынікі яго падсумоўваюцца наступным чынам: “Крывавае расправа Ча-Кай-Шы і яго генэралаў з Шанхайскім пролетарыятам, арышт лідэраў левага руху па ўсіх паўднёвых усходніх гарадох Кітаю, разброеньне рабочых дружын, арышты і расстрэлы ў Пекіне і Кантоне, разрыў з левым крылом партыі – вось факты, якія зараз пераварачваюць усю абстаноўку ў паўднёвым і сярэднім Кітаі” [9, с. 79].

Некалькі прыведзеных вышэй цытат даюць яскравае ўяўленне аб тым, наколькі папулярная і актуальная была тэма рэвалюцыі ў Кітаі ў прэсе тагачаснай Савецкай Беларусі, што цалкам адпавядала сітуацыі ва ўсёй савецкай дзяржаве. Гэта красамоўна характарызуе ідэалагічную і палітычную атмасферу тых часоў, што, безумоўна, уплывала на творы мастацкай літаратуры. Аб тым, наколькі шырокі водгук мелі тагачасныя кітайскія падзеі ў беларускай літаратуры, сведчаць найперш такія творы, як паэма “Шанхайскі шоўк” і “Песьня пра Сінь-Вэя” Алеся Дудара, вершы Андрэя Александровіча, Валерыя Маракова, Уладзіміра Дубоўкі, апавяданне Кандрата Крапівы. Неабходна заўважыць, што літаратурныя вобразы-водгукі на кітайскія падзеі былі, безумоўна, ідэалагічна маркіраваныя ў адпаведнасці з духам часу, але, з другога боку, яны давалі нагоду для іншасказальнасці, для пошуку алегарычнага, “шыфраванага” коду, пры дапамозе якога можна было выражаць асабістыя погляды на грамадска-палітычную сітуацыю ва ўласнай краіне. Гэта быў спосаб крытыкі ўсё больш моцнага ўзроўню несвабоды, які рабіўся ў савецкай дзяржаве “стылем эпохі”, а пісьменнікі, тыя ж А.Дудар, У.Дубоўка ды іншыя, добра адчувалі ўжо ў другой палове 1920-х гг. рэпрэсіўныя ў дачыненні да нацыянальных культур наступствы “маскоўскага бальшавізму”, таму прыёмы алегарызацыі, “пераапраанання” (тэрміны Антона Адамовіча) былі сапраўды актуальнымі і дазвалялі пісьменнікам адчуваць адносную свабоду ў межах падобных выказванняў. Такія прыёмы былі важнымі складнікамі тагачаснага авангарднага паэтычнага дыскурсу, а перанос дзеяння ў далёкую ўсходнюю экзатычную прастору (побач з кітайскай у той час актуалізавалася індыйская і крымская тэматыка ¹) служыў дадаткова надзейнай дэкарацыяй ад нападак пільнай цензуры і крытыкі.

Напачатку звернемся да твораў, у якіх кітайская тэма выглядае дастаткова арнаментальна, як газетны факт, а яе прысутнасць у тэкстах – хутчэй дэкаратыўная, “інтэр’ерная” – служыць для перадачы фонавых гукаў і каларыту эпохі, паказу таго, як маленькі, прыватны чалавек становіцца далучаным да ўсясветнага рэвалюцыйнага віхра. Красамоўнае ў гэтым плане апавяданне Кандрата Крапівы “Ліха яго разьбярэ”, апублікаванае ў “Маладняку” ў 1926 г. Твор малое эпізод з жыцця “дзелавода” Куковіча, Язэпа Тодаравіча, сямейнага чалавека, які па сканчэнні працы заляцаецца да машыністкі ў канцылярыі, сведкаю чаго становіцца прыбіральшчыца. Вярнуўшыся раззлаваным дадому, ён учыняе сварку з жонкаю, таму што яму не смакавала прыгатаваная ёй ежа; дае плескача малому сыну, чым даводзіць яго да плачу. Тое, што

---

¹ Напрыклад, паэмы “Бенгалія” Сяргея Астрэйкі, “Там, дзе кіпарысы” Уладзіміра Дубоўкі.

было потым, для нас асабліва важна: “Скончыўшы абед і сварку, Куковіч закурыў цыгарку, узяў газэту і лёг на ложкак. Жонка званіла на кухні талеркамі і лыжкамі, а ён пачаў чытаць першае, што папалася яму на вочы. А папалася яму інфармацыя аб падзеях у Кітаі. У яго вачу замітусіліся У-Пей-Фу, Лу-Чын-Шан, Ю-Вей-Цзюн, Чжан-Цзо-Лін, Чэнь-Ч’я-Му, Лю-Цзо-Лін, а хто каго там біў і каго трэ’ было біць, ён так і не разабраўся – праз хвіліну заснуў” [10, с. 39]. Такім чынам, варта адзначыць навелістычнае майстэрства Кандрата Крапівы, які здолеў адным штрыхом – апісаннем газетнай навіны – перадаць бурлівы рытм той эпохі, якая ўпісвае банальныя будні канцылярскага чыноўніка ў сусветны інтэр’ер.

Вобраз газетчыка як неад’емнай часткі гарадскага інтэр’еру ўдала ўвасабляе ў сваёй урбаністычнай лірыцы тых часоў і Андрэй Александровіч. У яго зборніку “Угрунь” (1927) ёсць верш менавіта з такой назвай – “Газэтчык”, а ў газетах, якія на той момант прадае герой верша, сярод іншага як раз згадваюцца падзеі ў Кітаі. Трэба адзначыць, што таксама, як і Крапіва вобразам Куковіча, Александровіч вельмі каларытна перадае рытмы і дынаміку эпохі вобразам вулічнага газетчыка; той выкрывае прозвішчы дзяржаўных і палітычных лідэраў з адпаведнымі ідэалагічнымі акцэнтамі, якімі поўніліся тагачасныя савецкія газеты:

Ад самай раніцы застыўшы ўвесь ад сьцюжы
стаіць з газэтамі ля крамы на рагу.
Па бруку носіцца, мяцеліцаю кружыць
грукат гораду, звычайны грукат гул...

Вецер і мароз – ну проста дух займаюць,
а ён крычыць, схапіўшы бляск навін:
– Чан-Кай-Шы – нам здрадзіў у Кітаі
– кат Пілсудзкі топіцца ў крыві!

– Троцкі з Сталіным ня хоча пагадзіцца...
– Ё Менску хутка ўжо залязгае трамвай!
І так ад раніцы навіны б’юць крыніцай,
І так за дзень – рубель, а можа два...

Над белым горадам зазьзяюць ясна зоркі,
на вуліцах дрыжыць вітрын электра-сьвет...
З “апошніх вестак” скруціць ён махоркі
– і дамоў, з астаткамі газэт /.../ [2, с. 15].

Урбаністычны авангардны малюнак горада (беларускага Менску) у вершы Александровіча, разам з больш звычайнымі ў тым кантэксте рускім і польскім акцэнтамі, дапаўняе і кітайскі штрых, які, відавочна, туды трапіў з “маладнякоўскага” артыкула Лазара Каплана “Новы этап Кітайскай рэвалюцыі”. Віхура сусветных навінаў кантрастуе з банальным, прывычным укладам штодзённых заняткаў, у якія агунаецца ўвечары герой верша, каб назаўтра зноў выкрыкваць газетныя навіны.

Адгукнуўся на падзеі “новага этапу Кітайскай рэвалюцыі” і таленавіты паэт Валеры Маракоў. У зборніку “Вяршыні жаданьяў” (1930) змешчаны яго верш “***Загараўся крывавы усход”, дзе ён таксама згадвае “рэнегата Чан-Кай-Шы”, выказвае салідарнасць з барацьбой кітайскага народа, гатоўнасць далучыцца да яе. Асабліваю маляўнічасць вершу надае сімвалічная метафарызацыя жоўтага колеру – ён малюе падзеі пераважна жоўтымі фарбамі, відавочна, каб захаваць спецыфіку нацыянальнага каларыту усходняй краіны, паводле свайго ўспрымання.

Загараўся крывавы усход,
Я і сам барацьбой загараўся.
Мяне клікалі
Ў дальні паход,
Ў запазьнёныя госьці
Кітайцы.

Там далёка на жоўтай зямлі
Рэкі жоўтым віном наліліся.
І, знікаючы,
Ў даль паплылі
Трупы жоўтых людзей
Ад сталіцы.

Зноў паўстаў
Рэнегат Чан-Кай-Шы –
Белы зьвер свае лапы
Скрывавіў /.../ [13, с. 27].

З аднаго боку, гэты верш – рэфлексія на падзеі, пададзеная ў стылі афіцыйнай праганды, а з другога, далейшыя паэтычныя радкі выклікаюць аналогіі, якія ад кітайскіх падзей пераносяцца ў беларускую рэчаіснасць і ўспрымаюцца як алегорыя ў стылі “пераапраанання”: “Цяжка сэрцу поэты маўчаць. // Сёння нашых братоў // Расьпінаюць...” [13, с. 28].

Найбольш разгорнута кітайская тэматыка прадстаўлена ў творчасці Алеся Дудара. Яго “Песьня пра Сінь-Вэя”, напісаная ў 1927 г., фактычна ўяўляе сабой своеасабліваю паэтычную ілюстрацыю да

палітычнага артыкула Л.Каплана, пры тым, бяспрэчна, таленавітую. У “Песьні...” гучаць выразныя сацыяльна-класавыя акцэнтны: свет падзелены на багатых і бедных, з якіх першыя, як вядома, прыгнятаюць другіх. Дудар малюе вобраз рамізніка – рыкшы Сін-Вэя, які возіць на спіне містэра Кэлінга (яго вобраз сімвалізуе англійскую імперыю, з уплывам якой змагаецца Кітай пры падтрымцы СССР). У рыкшы, бяспрэчна, цяжкая праца, а жыццё яго “галоднае і босае”. Трэба адзначыць, што досыць прымітыўны палітычны змест у некаторых фрагментах заключаны ў форму адмысловага авангарднага рытму, які нагадвае стыль сучаснага рэпу, што надае твору арыгінальнасць і сведчыць пра высокі ўзровень версіфікацыі. Так, паэт у адпаведнасці з тагачаснымі ідэалагічнымі штампамі, даводзіць, што ў гаротным лёсе кітайскіх рыкшаў вінаваты белыя ўладары жыцця, у дадзеным выпадку, англійскія імперыялісты, а сімвалы іх улады – “гараж” і “аўто” – складаюць рэальную канкурэнцыю рыкшам, пазбаўляючы іх працы. Таму ноччу гараж містэра Кэлінга падпальваюць (гэта робіць, вядома, Сін-Вэй, а ўчынак яго мае быць залічаны, калі не да гераічных, то прынамсі да пратэстных). Аднак для “містэра” гэта толькі часовыя клопаты – трэба проста выдаткаваць грошы і пабудаваць новы гараж, а Сін-Вэй ізноў застаецца без працы і без хлеба. Таму, паводле твора, яго чакае адна дарога – стаць змагаром Гоміндана. Прымітыўны класавы падыход у будаванні сюжэта спалучаецца, як мы ўжо адзначылі, з авангарднай рытміка-інтанацыйнай стылістыкай, што падвышае мастацкія якасці твора. Стыхія рытму, у якім дамінуе цэзураваны і ўскладнёны то пірыхіем, то спандэем дактыль, стварае пранізліваю атмасферу гукавых і вобразных кантрастаў, літаральна захоплівае ў палон свайго руху абрывістымі перападамі:

Жоўтае сонца,
шэры брук...
Добра вячэрнюю
відаць зару!..
Добра звонкім
плаціць серабром
за опіум пахкі
і палены ром!..
Толькі цяпер –
хоць у землю ляж –
вырас шэры
высокі гараж;
гулкіх аўто
праразьлівы крык –

гора і крыўда
для бедных рыкш.
Мчыцца аўто,
нібы ветра ўзьвей –
гэтак хутка
ня можа Сінь-Вэй...[6, с. 15].

Рытмічны малюнак у розных фрагментах твора змяняецца, што таксама надае яму дынамізм і сведчыць пра наватарскі падыход аўтара да фармальных пошукаў. Такім чынам, гэты ілюстрацыйны твор (несумненна, таленавіты), напісаны рознымі рытмамі, актуалізуе кітайскую тэматыку ў беларускай літаратуры 1920-х гг., зварот да якой можа ўспрымацца і як спецыфічны прыём арганізацыі тагачаснага авангарднага паэтычнага дыскурсу.

Самым грандыёзным і, бадай, самым раннім творам на кітайскую тэматыку была паэма таго ж Алеся Дудара “Шанхайскі шоўк”, напісаная ў чэрвені 1925 г. у Полацку. Яна была апублікавана ў вераснёўскім нумары часопіса “Маладняк” [4] і неўзабаве выйшла асобным выданнем [5]. Паэзія таго часу, як вядома, была моцна палітызаваная, і паэзія Дудара тут не выключэнне. Аўтар даў прысвячэнне твору: “Прыгнечаным народам Усходу і Захаду прысвячаю”, што расоўвала змест твора за межы толькі кітайскай тэматыкі. Аснову ж сюжэта складаюць менавіта падзеі ў Шанхаі, пра якія ўжо згадвалася ў сувязі з артыкуламі ў “Маладняку”, аднак, відавочна, звесткі пра гэтыя падзеі асвятляліся ў прэсе значна раней, бо паэма Дудара была напісана і апублікавана раней за артыкулы Каплана. Ужо ўступ да паэмы ўводзіць чытача ў алегарычны дыскурс, ствараючы атмасферу намёкаў і прадчуванняў, пашыраючы межы поля дзеяння і ўводзячы чытача ў трывожныя рытмы сучаснасці:

Вандравала гора з бядою,
Вандравала ня год і ня два /.../,

Сёння кроў яшчэ можа льлецца,
але заўтра –
вялікі паход...

Вось зачым на роднай жалеіцы
граю я пра бунтуючы ўсход.

Можа ня кожны чытае,
ня кожны чуе балючы крык...
Недзе там, на палёх Кітая,
абвясціў дыктатуру штык /.../ [4, с. 3-4].

Далей аўтарам падаецца мастацкая рэцэпцыя вядомых падзей у Кітаі з адпаведным часу ідэалагічным акцэнтам на класавым падзеле грамадства як крыніцы ўсіх бедаў. Аднак пры апісаннях заўсёды другім планам прысутнічае алегарычны перанос акцэнтаў з кітайскіх падзей на беларускія, чым ствараецца шматмернасць асацыятыўнага ўспрыняцця твора. Дудар называе Кітай “жоўтай краінай”, што, відавочна, пазней дало імпульс і Валерыю Маракову напісаць свой верш у жоўтай колеравай гаме. Дудар распачынае гаворку пра шанхайскія падзеі з прэтэнзіяй на эпічнасць: “Кітай – гэта жоўтая такая краіна... // Кітай – увесь у мінулым. // А мінулае – багдыханы й мандарыны, // ды чатырыста міліёнаў кулі . // Быльлём зарасьлі мінуўшчыны тропы // і няма ні кос ні мандарынаў... // Праз гарматы бабулька Эўропа // з Кітаем загаварыла. // На палёх Кітая сьвішчуць кулі, // на палёх Кітая вытаптаны рыс: // моцна селі на плечы пакорных кулі // нязьлічаныя гаспадары” [4, с. 4]. Пасля ўступу падзеі твора разгортваюцца ў чатырнаццаці частках, трынаццаць з якіх распавядаюць пра гісторыю змагання ў Шанхаі. Там з’яўляецца герой – малады чалавек Чы-Ванг, які пасля дваццацігадовага перапынку вяртаецца з Амерыкі на бацькаўшчыну, у вялікі фабрычны горад Шанхай. Ён успамінае, як быў “жоўтым рабом” у “пастара-ангельца”, а той “моцна біў бояў бамбукавым стэкам”. Чы-Ванг становіцца камуністам, аўтар апісвае фабрыку, жыццё рабочых, гарадскія вуліцы далёкага ўсходняга горада, аднак дэталі апісанняў часам нагадваюць беларускі краявід. Напрыклад, параўнаем два апісанні рачнога пейзажу:

Пачырванела вада ў Хоан-Хо,
сонца зламала праслы –
ноч недалёка,
імгла над ракой
сьцэле свае перавяслы [4, с. 7].

Калі ў гэтым фрагменце назва ракі выразна адсылае да кітайскага ландшафту, то наступны фрагмент асацыюецца з беларускімі рэаліямі:

Ня шуміць над ракой трысьцё,
ня сінеюць лугі дыванамі;
і балот глухі прастор
каменьнямі ў зямлю загнаны [4, с. 7].

У пятай частцы твора з’яўляецца і другі малады герой – дваццацігадовы матрос-уэлец Джон з англійскага крэйсера “Кароль Георг”. Джон добра памятае, што ён “ангелец”, ён ганарыцца сваёй айчынай, ён не мае адукацыі (“не відзеў ніколі кніг”), а яго дэвіз – “God save the King!” (адпавядае расійскаму вырыянту “Боже, царя храни”). У наступных частках твора паэт апісвае паўстанне працоўных, забастоўку

ў Шанхаі, імкненне ўладаў падавіць пратэст пры дапамозе зброі, для чаго з прыбылага крэйсера мабілізуюцца таксама матросы, у тым ліку Джон. Чы-Ванга арыштоўваюць за рэвалюцыйную агітацыю. На крэйсеры адбываюцца пыткі, допыты. Джона паставілі пільнаваць карцар, і ён пасябраваў з Чы-Вангам, які там сядзеў, бо Джон таксама жывуць цяжкім працоўным жыццём. Таму паміж героямі-ворагамі ўзнікае пачуццё працоўнай салідарнасці і імкненне стаць пабрацімамі. Дынаміка наступных перыпетый такая, што, стаўшы “таварышамі”, Джон вызваляе Чы-Ванга, затым абодва трапляюць у палон, скоры і строгі ваенны суд прыгаворвае іх да расстрэлу, аднак уэльскія матросы не хацелі выконваць загад капітана і страляць у свайго суайчынніка, бо ім таксама падабалася тое, што гаварыў Чы-Ванг. Абудва яны становяцца героямі для матросаў, змагарамі, якія гінуць за справядлівасць і свабоду. Помста ўрэшце насцігае ўначы і “мордабойцу-боцмана”, які аддаў загад расстраляць герояў.

З аднаго боку, твор выразна прасякнуты ідэалагічным духам свайго часу, бо ў ім гучыць ідэя сусветнай рэвалюцыі і пралетарскага інтэрнацыяналізму, які запануе ў свеце, і ва Ўэльсе, магчыма, “хутка будуць Саветы”. З другога боку, алегарычны план твора, параўнанне кітайскіх падзей з беларускімі часоў паўстання Кастуся Каліноўскага, надае твору іншы ідэалагічны вектар, актуалізуе тэму нацыянальнага беларускага змагання, што ў кантэксце 1920-х гг. успрыималася досыць дваіста і апазіцыйна: дзеянне аднесена ў мінулае, аднак спраектавана на сучаснасць. Так, заключная 14-я частка паэмы “Шанхайскі шоўк” дэманструе зусім нечаканы мастацкі ход: Дудар смела параўноўвае Кітай і Беларусь:

І у нас былі дні такія...

Ты скажы, беларуская вёска,
ці ты помніш, як покліч кінуў
да цябе Кастусь Каліноўскі...

Помніш,
помніш пажараў зарава?..
Сёння зноў гэтакі час настаў,
бо тады Беларусь партызаніла,
як цяпер партызаніць Кітай /.../

Хай налётчык белы піруе...
Ўстане,
ўстане кітайскі Кастусь...
Вось затым пра Кітай пяю я,
што кахаю сваю Беларусь... [4, с. 18-19].

Такім чынам, паэма Алеся Дудара “Шанхайскі шоўк”, стаўшы мастацкай інтэрпрэтацыяй кітайскіх рэвалюцыйных падзей, выводзіла чытача на ўзровень асацыятыўнай “двухсэнсавасці”, спалучала ў сабе пафас патрыятызму, які кантраставаў з ідэалагічнай апалагетыкай класавага змагання, чаго вымагала ад творцаў афіцыйная крытыка.

Яшчэ адным творам, у якім прысутнічае “кітайскі штрэх” і які таксама вызначаецца неаднамернасцю інтэрпрэтацыі, з’яўляецца верш Уладзіміра Дубоўкі “Апошняя песьня”, змешчаны ў зборніку “Credo” (1926). Верш мае канкрэтную дату напісання – 6 кастрычніка 1925 г., амаль услед за паэмай А.Дудара. У вершы згадваецца жаночы персанаж кітайскай гісторыі Ван-Чжао-Цзюнь. Аўтар дае каментар да яе асобы: “Ван-Чжао-Цзюнь – дзяўчына, кітаянка. Жыла ў 30-40-я г.г. пачатку нашае эры. Вылучалася нязвычайнай прыгажосцю. Шмат кітайскіх поэтаў ахвяравалі ёй свае вершы, звязаныя з яе, адносна, трагічным жыццём” [3, с. 51]. Верш гэты застаецца загадкавым, і менавіта згадка ў ім кітайскай дзяўчыны Ван-Чжао-Цзюнь дапамагае інтэрпрэтаваць яго ў іншасказальным плане.

Верш мае тры страфы, у яго настроі выражаецца смутак, бо сэрца паэта “засмылела ... ў нечуваным болю: // вельмі многа крыўды // вельмі мала слоў” [3, с.22]. Аўтар праз намёкі дае адчуць расчараванасць лірычнага героя ў дасягненні мэты, неўладкаванасць яго душы, якую не задавальняе рэчаісны стан:

/.../ І было у восень... Я сказаў аднойчы:
больш не дакрануцца пальцы мае струн.
І пайду да мэты сьцяўшы зубы, моўчкі,
і назад не гляну,
як калісьці Ван-Чжао-Цзюнь.

І было у восень... Я сказаў на ростань:
тое што зьвінела, больш няма таго.
І апошняя песьні завілася постаць:
жыватворчы праглынуў агонь [3, с. 22].

У рэцэнзіі на кнігу Дубоўкі рэцэнзент, цытуючы радкі з гэтага верша, заўважаў, што “сягонешні дзень мучыць поэту”, што “выразна выступае ў Дубоўкі і незадаволенне сучасным жыццём” [14, с. 172]. Прычыны гэтага цяпер ужо адкрыта называюцца: з сярэдзіны 1920-х гг. выразна заяўляюць пра сябе тэндэнцыі да абмежавання нацыянальнага развіцця ў БССР, якія будуць станавіцца ўсё мацнейшымі. Дубоўка, працуючы ў беларускім Постпрэдстве ў Маскве, вельмі тонка гэта

адчуваў, што абуджала ў ім унутраны супраціў такой тэндэнцыі. Выявіць гэта можна было толькі ў зашыфраванай вобразнай форме вершаў. Верш “Апошняя песьня” як раз дае такі прыклад. Узвышэнскі крытык Антон Адамовіч напіша пазней пра спосабы маскіроўкі тагачаснымі паэтамі сваіх апазіцыйных думак: “Адным з найбольш удзячных аказаўся мэтад “пераапраананья”, наагул ня новы ў мастацкай літаратуры, ён заключаўся ў тым, што сучасныя й мясцовыя зьявы й людзі пераносіліся ў іншыя геаграфічныя, гістарычныя абставіны, якія не выклікалі беспасярэдніх падазрэнняў, “пераапрааналіся” ў адзеньне больш або менш аддаленых краін, эпохаў і асяродзьдзяў. Гэты прыём і быў выкарыстаны цяпер для апазіцыйных мэтаў літаратуры” [1, с. 50].

Такім чынам, калі А. Дудар у паэме “Шанхайскі шоўк” звярнуўся да сучасных яму падзей у Кітаі, то У.Дубоўка зазірнуў у глыбокую даўніну, і “пераапраануў” свайго лірычнага героя ў вобраз прыгожай кітайкі з першых дзесяцігоддзяў нашай эры. Чаму так? Каб адказаць, трэба паглядзець на гісторыю гэтай легендарнай дзяўчыны. Звесткі пра яе Дубоўка, жывучы ў Маскве, мог атрымаць з тагачасных публікацый перакладаў кітайскай паэзіі на рускую мову: у 1923 г. выйшла кніга папулярнага тады маладога паэта Го-Мажо, у творах якога згадвалася прыгажуня Ван-Чжао-Цзюнь, а таксама ў 1925 г. была апублікавана кніга чатырохрадкоўяў Лі Бо ў перакладзе В.М.Аляксеева, сярод якіх быў і верш, прысвечаны гэтай кітайскай дзяўчыне. Яго не мог не ведаць бібліяфіл Дубоўка і, магчыма, натхніўся менавіта ім. Так супала: выданне паэмы Дудара, выданне вершаў Лі Бо, што Дубоўку падштурхнула таксама ўплесці кітайскі штрых у свой паэтычны роздум над блізкай яму сучаснасцю. Працывуем пераклад верша Лі Бо, ад якога мог адштурхнуцца Дубоўка:

Ван Чжао Цзюнь

Чжао Цзюнь коснулася седла из яшм.

На лошадь сев, плачет об алых щеках.

Нынешний день – дама из ханьских дворцов,

Завтрашним утром – наложница варварских стран. [Цыт па: 12, с. 246].

Паводле легенды, прыгажуня Ван-Чжао-Цзюнь была паміма сваёй волі выдадзена замуж за чужаземнага хана, але, прыняўшы з пакораю свой лёс, яна мудрасцю і дабрачыннасцю паводзін выклікала павагу да сваёй асобы і спрыяла таму, што яе айчына перажывала перыяд супакою, на яе не ўчынялі набегаў суседзі-варвары. Спачатку яна, дзяўчына з простае кітайскае сям’і, была наложніцай у гарэме кітайскага імператара, аднак яна адмовілася даць хабар мастаку, які пісаў яе партрэт, каб дагадзіць свайму гаспадару, і той намаляваў дзяўчыну звыродлівай.

Таму імператар, не пажадаўшы нават убачыць такую непрыгожую наложніцу са свайго гарэму, без ваганняў аддаў яе хану суседніх гунаў-варвараў, які прыбыў сватаць прынцэсу. Толькі ў гэты момант імператар змог пабачыць і ацаніць сапраўдную прыгажосць дзяўчыны, але мяняць рашэнне было ўжо позна. Нявольніцкі лёс не зламаў духу і характару Ван-Чжао-Цзюнь, не зменшыў яе любові да роднага краю. Таму яе вобраз натхняў паэтаў наступных эпох і стаў легендай. Відавочна, што Дубоўка ўбачыў у гэтым вобразе паралель лёсу дзяўчыны з лёсам роднай краіны Беларусі, пра нявольніцкі лёс якой у дачыненні да сваёй сучаснасці ён мог сказаць толькі ў такой зашыфраванай вобразнай форме.

Такім чынам, прааналізаваўшы вышэй прыведзены шэраг твораў, можна зрабіць выснову, што кітайскія матывы былі прадстаўлены ў беларускай літаратуры 1920-х гг. досыць шырока. Паказ кітайскіх рэвалюцыйных падзей можна разглядаць як вынік тагачаснай палітызацыі і прапаганды ідэй усясветнай рэвалюцыі, ён выглядае як апалогія барацьбы з дыктатурай на далёкім усходзе і адначасова як завуалёваная крытыка новай дыктатуры ва ўласнай краіне. Зварот да кітайскай тэматыкі ў тагачасных творах можна разглядаць і як спосаб мастацкага асэнсавання рэчаіснасці, калі адкрываліся магчымасці для новай формы іншасказання і алегарызацыі. Экзотыка матываў, аддаленасць у геаграфічнай прасторы нараджалі спецыфічны мастацкі эффект, стваралі поле для неадназначных інтэрпрэтацый падзей і вобразаў, правакавалі на пошук авангарднай стылістыкі. А такія шырокія палотны, як паэма Алеся Дудара “Шанхайскі шоўк”, апрача ўсяго, надавалі манументальнасць тэме і сутнасную глыбіннасць інтэрпрэтацыйным паралелям.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адамовіч А. Творы. – Нью-Ёрк: Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва, 2003.
2. Александровіч А. Угрунь. – Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1927.
3. Дубоўка У. Credo. Вершы. – Менск: Выданьне ЦБ Маладняка, 1926
4. Дудар А. Шанхайскі шоўк. Поэма // Маладняк, 1925, № 9. – С. 3-20.
5. Дудар А. Шанхайскі шоўк. Поэма. – Менск: Выданьне ЦБ Маладняка, 1926.
6. Дудар А. Песьня пра Сінь-Вэя // Маладняк, 1927, № 4. – С. 14-18.
7. Каплан Л. Супроць каго змагаецца Кантон // Маладняк, 1926, № 7-8. – С. 116-131; № 10. – С. 62-78.
8. Каплан Л. Вайна і мір // Маладняк, 1927, № 3. – С. 60-75.
9. Каплан Л. Новы этап Кітайскай рэвалюцыі // Маладняк, 1927, № 5. – С. 74-83.
10. Крапіва К. Ліха яго разьбярэ // Маладняк, 1926, сш. 12. – С. 36-40.

11. Куранкоў А. Сучаснае эканамічнае становішча Кітаю і чужаземны капітал // Маладняк, 1926, № 5. – С. 73-81.
12. Ли Бо. Нефритовые скалы. – СПб.: Кристалл, 1999. – 384 с. – (Б-ка мировой литературы. Малая серия).
13. Маракоў В. Вяршыні жаданьяў. – Менск: Белдзяржвыдавецтва, 1930.
14. Я.Ч. Уладзімер Дубоўка. Credo. Вершы. Выданьне ЦБ Маладняка. Менск, 1926 г. Стар. 56. // Маладняк, 1926, № 2 (11). – С. 170-173.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОБЕЛЕВСКОЙ РЕЧИ МО ЯНЯ И СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ)

Шахназарян Н.М.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, Bastet575592@gmail.com*

Китайский писатель Мо Янь (1955–) стал лауреатом Нобелевской премии в 2012 году за «галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью» [1]. Белорусский автор Светлана Александровна Алексиевич (1948–) удостоилась этой чести в 2015 за «многоголосое звучание прозы и увековечивание страдания и мужества» [2]. Оба автора открыли миру драму жизни отдельного человека и целого народа в трагические периоды национальной истории своих стран – КНР и СССР (с 1991 года – Беларуси и России) в XX-XXI вв. в русле реалистического художественного метода, вобравшего в себя как традиции мировой литературы («магический реализм» Г. Г. Маркеса, У. Фолкнера у Мо Яня, русский классический реализм Ф. М. Достоевского у С. Алексиевич), так и национальные традиции (новеллистика Пу Сун Линя, лирическая проза Шэнь Цуньвэня для Мо Яня, документальная проза А. Адамовича, реализм В. Быкова, «поэтика лаконичности и неумолимости» В. Шаламова для С. Алексиевич).

В определенный момент выступление лауреата Нобелевской премии по литературе превратилось из краткой благодарственной речи (И. Бунин, У. Фолкнер, Э. Хемингуэй) в полноценную лекцию, в которой автор старается изложить как много глубже, ярче и доступнее свои взгляды на проблемы современного общества, на роль литературы в сохранении гуманизма, а также рассказать о становлении своих литературных взглядов и эстетических принципов.

Форма столь развернутого выступления зависит от характера личности, творчества автора и часто отражает способ его

художественного мышления в самих литературных произведениях, получивших самую высокую оценку в мировом сообществе. Это может быть автобиографический очерк (речь В. Найпола, К. Исигуро), серия спонтанных рассказов (Д. Лессинг), литературоведческая лекция (И. Бродский).

Лекция Мо Яня, названная им «Сказитель», представляет собой стройный, красочный, завершённый по смыслу рассказ о рождении писателя, значении его «малой родины» в становлении мироощущения, о смысле созданных им произведений, характере героев, манере письма. Автобиографический рассказ включил в себя описание и анализ жизни и творчества. Будучи почетным доктором Открытого университета Гонконга, заместителем председателя Союза писателей Китая, Мо Янь построил свою речь как образцовый рассказ и лекцию, включающие в себя и яркие художественные образы, и документальные факты, критический анализ и оценку современной литературы и общества одновременно.

С. Алексиевич, журналист и писатель, построила свою речь в жанре близкой ее манере письма многоголосной серии монологов героев своих произведений, которые сопровождает авторская оценка событийного контекста, порождающего судьбы и личные истории героев трагических ее изломов. В то же время, как и Мо Янь, автор рассказывает об истоках своего творчества, которое рождалось из всепоглощающего погружения в жизнь своих героев, тесно связавших воедино ее автобиографию и творчество, документальную хронику и эволюцию собственного сознания.

Заглавие Нобелевской речи «О проигранной битве» белорусский автор взяла из «Штурма неба» русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова (1907-1982), прошедшего тяжелые испытания сталинского ГУЛАГа (*«Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление жизни»*). Говоря о едином смысле своих пяти книг (*«Книга об истории одной утопии»*), она обращается к тому же тексту Шаламова. *«Октябрьская революция, конечно, была мировой революцией. ...Все это [потом] было сломано, конечно, оттеснено в сторону, растоптано. Но в жизни не было момента, когда она так реально была приближена к международным идеалам»,* – пишет Шаламов. *«Но было время, когда ни одна политическая идея XX века не была сравнима с коммунизмом (и с Октябрьской революцией, как ее символом),»* – вторит Алексиевич. *«Старые пророки – Фурье, Сен-Симон, Мор выложили на стол все свои тайные мечты, и мы взяли»,* – читаем у Шаламова. *«У Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы... Позже у Сен-Симона, Фурье и Оуэна... Что-то есть в русском духе, что*

заставило попытаться сделать эти грезы реальностью», – отмечает С. Алексиевич и заявляет свою тему в литературе: *«Я восстанавливаю историю этой битвы, ее побед и ее поражения».*

Книгу «У войны не женское лицо» напечатали только в годы перестройки (80-е годы), как и «Колымские рассказы» Шаламова, в которых Алексиевич нашла созвучие своей манере письма («он сделал, наверное, наиболее радикальные эстетические выводы и разработал поэтику крайней лаконичности и неумолимости», «он отдает предпочтение прозе, которая подобна документу больше, чем традиционная проза, сочиненная наблюдателем, свидетелем» [4, с. 35-52]). Формула: «Писатель должен быть участником жизненной драмы, но не в одеянии писателя. ...не Орфеем, спустившимся в ад, а Плутоном, поднявшимся из ада» – подходит для всего творческого пути С. Алексиевич.

Особую роль в жизни китайского и белорусского автора играют родители, о которых они говорят с особой теплотой и состраданием. Мо Янь начинает выступление именно с рассказа о своей «далекой родине на северо-востоке Китая» – Гаоми, семье (отце, братьях и сестрах, жене, дочери, внучке) и особенно матери (1922–1994), чей пример терпения, чуткости и внутреннего благородства заставляет его постоянно соизмерять свои поступки с мудростью хрупкой, отважной женщины.

Писатель вспоминает самые сокровенные моменты жизни, связанные с матушкой: доброту (она не ругала его за разбитый термос в раннем детстве), прощение (она не позволила сыну отомстить тому, кто избил ее за пшеничные колоски на общественном поле (*«по разбитой губе текла кровь, этого отчаяния на ее лице мне не забыть вовек»*)), щедрость (несмотря на крайнюю бедность она отложила половину пельменей нищему во время праздника середины Осени), неприятие обмана (слезы стыда из-за поступка сына, обсчитавшего пожилого покупателя капусты), единственную книгу, с которой он в 21 год впервые отправляется в незнакомый мир большой родины – четырехтомник «Краткой истории Китая», купленный на деньги матушки, продавшей свои свадебные украшения.

Он получил бесценные нравственные уроки от своей мамы: стоицизм (*«Хоть и радости в жизни нет никакой, но пока властитель преисподней не призовет меня, никуда я не денусь»*), веру в облагораживающую силу доброты (*«если иметь доброе сердце и делать добрые дела, даже уродливое станет прекрасным»*), тяготение к грамоте, книге (именно она впервые поддержала его страсть к рассказыванию после встречи с рыночным сказителем (*«Чтобы отплатить матушке за*

доброту, а также блеснуть своей прекрасной памятью, я живо и образно пересказывал ей услышанное днем»)).

Если у Мо Яня родина, как в капле моря, отражена в образе его малой родины – Гаоми (подобно «фолкнеровской Йокнопатофе»), то С. Алексиевич очерчивает границы некогда огромной единой родины в единстве трех славянских культур: «У меня три дома – моя белорусская земля, родина моего отца, где я прожила всю жизнь, Украина, родина моей мамы, где я родилась, и великая русская культура, без которой я себя не представляю. Они мне все дороги». С родителями ее связывает доверительный сокровенный диалог, полный сочувствия и идейного спора, ведущего к болезненному, но необходимому обретению правдивого взгляда на жизнь (*«Мой отец, он недавно умер, до конца был верующим коммунистом. Хранил свой партийный билет. Я никогда не могу произнести слово «совок», тогда мне пришлось бы так назвать своего отца, «родных», знакомых людей»*). После посещения Афганистана она решается обратиться к родителям – скромным сельским учителям, с горькими словами правды о колониальной по жестокости войне, участниками которой стали их ученики (*«Прости меня отец», «Отец заплакал»*).

Говоря о становлении своей писательской личности, Мо Янь подробно рассказывает о своем детстве, отрочестве, юности, месте работы, показывая роль людей и книг, исторических событий, оказавших влияние на него, создавая тем самым цельную историю своей жизни и творчества.

Известные слова английского романтика Уильяма Вордсворта «Ребенок – отец Человека» находят свое подтверждение в формировании поэтического, творческого дарования Мо Яня. Свою детскую жажду рассказывать и творчески преобразовать рассказ он утолял в семейном кругу: *«Вскоре меня перестал устраивать простой пересказ историй сказителя, и я стал их приукрашивать. Переделывал на ее (мамушки) вкус, перестраивал сюжет, а иногда даже менял концовку»*. Мо Янь передает опасливое отношение родных во времена своего детства к тому, кто говорит, выражает собственные мысли. *«Несмотря на усердные наставления родителей, я своей природной склонности много говорить не изменил, отсюда, будто в насмешку над самим собой, и мое имя – Мо Янь»*, псевдоним, который в переводе на русский язык означает «молчи», «не говори». Схожую ситуацию со страхом открыто выражать свою мысль, всеобщим молчанием отмечает С. Алексиевич: «наши родители жили в страхе и не все нам рассказывали...». Беспристрастный писательский взгляд и почерк С. Алексиевич формируется во взрослые годы журналистской практики, и в отличие от китайского автора тяготеет

к абсолютизации репортажной достоверности неприятно вымысла, фантазии, искажающих факты. «Правду нужно давать, как она есть. Требуется «сверхлитература». Говорить должен свидетель», – настаивает автор.

Будущему лауреату Нобелевской премии не довелось окончить школу: необходимо было работать из-за тяжелой нужды. В его словах звучит диккенсовская драма разлучения со школой: *«Гоня своих коров и коз мимо школьных ворот, я видел бывших одноклассников, игравших во дворе, и всякий раз на сердце ложилась печаль»*. Как и Диккенс, Мо Янь преодолевает одиночество и тоску силой воображения. Наедине с природой он вспоминает рассказы своего земляка, «сказителя величайшего таланта» Пу Сунн Линя о лисах, превращающихся в красавиц, беседует с птицами и деревьями, смотрит «на свое перевернутое отражение в лазури» глаз коровы. Так писатель открывает нам истоки своего удивительного образного мышления, восхищающего читателей во всем мире и не имеющего разгадки. *«Много лет спустя, уже став писателем, немало фантазий тех лет я включил в свои книги»*.

Мо Янь соотносит значение образования и жизненного опыта в писательском творчестве. Его «университетами» были «голод и одиночество», жажда книг, «походы на рынок, чтобы послушать сказителя» – страницы «этой великой книги» жизни. *«Доучиться в школе мне не пришлось, я погрузился в мир взрослых и начался долгий путь познания жизни, когда я учился слушая»*. Неслучайно он вспоминает мудрое изречение Лао Цзы («в удаче сокрыта неудача, несчастье может обернуться счастьем») о диалектическом равновесии мироощущения, отличающего китайский менталитет. Он также сравнивает себя с Шэнь Цуньвэнем (1902-1988) – сторонником духовной независимости в творчестве. *«Моя задача...»*, – подчеркивает Мо Янь, – *«писать... в хорошо знакомой мне манере рыночных сказителей, так же как рассказывали мои дед с бабушкой и деревенские старики»*.

В отличие от китайского писателя-современника белорусский автор имела возможность получить полноценное образование, как в средней школе, так и в университете. Однако она не рассказывает об учебе в школе в Копаткевичах Гомельской области, об учебе на факультете журналистики в Белорусском государственном университете (1967–1972), работе учителем истории и немецкого языка в школах Мозырского района, профессиональной работе журналиста в газете «Припятская правда» в Наровле, газете «Маяк Коммунизма» в Березе Брестской области, в «Сельской газете», в журнале «Неман», отдел очерка и публицистики в котором ей довелось возглавлять в 1976-1984 годах [3].

Истоки травматического сознания автора, обостряющего чувство сострадания, страх смерти и жажду жизни, любви, восходят к послевоенному детству в украинской деревне. *«Вокруг меня голоса, сотни голосов, они всегда со мной. С моего детства»*. *«...во время второй мировой войны в Беларуси на фронте и в партизанах погиб каждый четвертый белорус. Наш детский мир после войны – это был мир женщин. Больше всего мне запомнилось, что женщины говорили не о смерти, а о любви»*. Хор «печальных мелодий их голосов» звучит и не отпускает С. Алексиевич, в ее творчестве отразился жизненный опыт переломного времени во взрослые годы. Она подчеркивает особую роль в формировании своего писательского кредо А. Адамовича, вместе с В. Быковым рекомендовавшего Союзу писателей СССР принять С. Алексиевич в свои члены.

Как и Мо Янь о схожем, но другими словами, Алексиевич говорит о своей способности слушать людей, о необходимости запечатления голоса самой жизни в «гиперлитературе». *«Я люблю, как говорит человек... Люблю одинокий человеческий голос. Это моя самая большая любовь и страсть»*, признается С. Алексиевич. Вспоминая Флобера, она противопоставляет себя как «человек – ухо» «человеку – перу». Бесконечно разнообразная и масштабная «разговорная часть человеческой жизни», по ее глубокому убеждению, не отвоевана в полной мере для литературы. В этом смысле она напоминает замечание Достоевского о том, что человечество знает о себе намного больше, чем изложено в литературе.

Каково же сопряжение фактического и вымышленного в «магическом («галлюцинаторном») реализме Мо Яня и документально-художественной «гиперлитературе» С. Алексиевич? Этот вопрос задают себе оба автора независимо от разной манеры письма.

«А что такое литература сегодня? Кто ответит на этот вопрос?...Мы живем быстрее, чем раньше. Содержание рвет форму. Ломает и меняет ее. Все выходит из своих берегов: и музыка, и живопись, и в документе слово вырывается за пределы документа. Даже свидетель не беспристрастен. Рассказывая, человек творит, он борется со временем, как скульптор с мрамором. Он – актер и творец», – эти слова С. Алексиевич в полной мере выражают ее мировоззрение писателя.

Документ в литературе С. Алексиевич подвижен, подвержен преобразению при помощи меняющихся чувств и мыслей рассказчика этого документа (*«Документы – живые существа, они меняются вместе с нами...»*).

Алексиевич включает в свою речь голоса, звучащие по-разному в зависимости от личности говорящего и событийного контекста. В самом начале выступления писательницы звучат 3 голоса в форме исповедального рассказа «маленького большого человека»: женщины-танкиста о любви на войне, вдовы чернобыльца о невидимом убийце-радиации и силе любви, мальчика-партизана о муках совести. Лаконичный, почти телеграфный синтаксис максимально передает ритм спонтанной, взволнованной речи, полной трагизма. Монолог включает диалог, детали обстановки подчеркивают эмоциональное состояние рассказчика. По сути «голос» выступает и как автор образов и идей, и как герой, действующий и рефлексирующий. Рассказ приобретает характер лирической драмы. Финал такого «голоса» (лирико-драматургического рассказа) автор всегда очерчивает акцентной фразой – смысловым «ключом» («Вокруг сажа, битый кирпич, одним словом, война вокруг...»; «Разве можно убить любовью? Почему это рядом – любовь и смерть? Всегда они вместе. Кто мне объяснит? Ползаю у могилы на коленках...»; Я не могу своему сыну рассказать об этом сне. Сын был маленький – я не мог, читал ему сказки. Сын уже вырос – все равно не могу...»). Этот несомненный талант «увековечивания страдания и мужества» в многоголосной прозе, в которой каждый голос звучит как уникальная и неповторимая выстраданная судьба простого человека и заслужил признание читателей в самых разных странах.

Реальность для Моя Яня, как у Сервантеса, состоит из действительности и фантазии (*«Казалось, что птица может в любой момент превратиться в человека, а при виде незнакомца я начинал подозревать, не обратившееся ли это человеком животное»*). Так же, как у Маркеса, причудливое сочетание фантазии, истории рода, природы привело к рождению «магического реализма» в китайской литературе: *«Эти рассказы, тесно связанные с природой нашего края, с историей семей и родов, вызывали во мне острое чувство реальности»*. Важной чертой рассказа в восприятии Мо Яня является также сила преодоления страха, исцеляющая сила слова: *«Вечером, когда после отметки трудодней я возвращался из большой производственной бригады домой, меня охватывал невыразимый страх, и для храбрости я на бегу горланил песни»*.

Мо Янь подчеркивает великое значение социальных реформ в Китае, способствовавших его становлению в качестве писателя, когда в 21 год с призывом в армию он впервые *«покинул родные места, дунбэйский Гаоми, который и любил, и ненавидел»*, затем с 1984 года учился на факультете литературы Академии искусств Народно-освободительной армии Китая (НОАК), преображаясь из «человека

слушающего и рассказывающего» в «человека пишущего». Благодаря наставнику Сэй Хуайчжуну он создает свои первые тексты, среди которых «Осенний паводок» с впервые изображенным «дунбэйским Гаоми» и «Красный гаолян», экранизация которого прославила писателя за пределами Китая.

Если 80-е годы XX века для Китая – эпоха прогрессивных реформ, «идеологического раскрепощения и литературного подъема», то для СССР – период кризиса и заката советского строя, годы афганской войны, оказавшей травмирующее воздействие на жизнь людей, чернобыльская катастрофа. Начавшаяся политика перестройки приводит к распаду единого государства на отдельные независимые страны, в которых происходят подчас противоположные политические и экономические реформы.

Мо Янь признает определяющее позитивное влияние эпохи перемен на свою жизнь: *«Должен признать, что, если бы не тридцать с лишним лет громадного развития и прогресса китайского общества, если бы не политика реформ и открытости, такого писателя, как я, могло бы и не быть».*

Противоположную оценку социальным переменам позднего и постсоветского общества дает С. Алексиевич. В определенной мере она продолжает традицию советских и российских диссидентов, с горечью отмечает несостоявшиеся надежды периода «перестройки» 80-х годов на реформы 90-х, называет наступившее время потребительского общества временем «сэконд хенд».

В своей речи Алексиевич приводит дневниковые записи, в которых отражаются самые драматические события прошлой и настоящей истории некогда единой страны под названием СССР – война в Афганистане (1979-1988) и взрыв на Чернобыльской атомной станции в 1986 году. Автор подчеркивает необходимость освещения этих больных тем в своем творчестве чувством долга перед невинными жертвами этих трагедий. «Я – в Кабуле. Я не хотела больше писать о войне. Но вот я на настоящей войне». Примеры насилия во «время войны», ужасают подобно сценам дантевского ада (красота оружия и обезображенные погибшие; цинковые гроба и тошнота запаха смерти; душераздирающий крик матери на кладбище). В сцене диалога с афганской женщиной, на руках у которой ребенок без руки, оторванной советским оружием, зубами взявший подаренную игрушку, писательница теряет сознание, как Данте, услышавший историю своих героев во 2-м круге ада («Кто-то удержал меня, я падала...»).

Трагедия как путь к прозрению, как плата за свободу пронизывает все этапы мировоззренческого роста С. Алексиевич («Совпали две

катастрофы: социальная – уходила под воду социалистическая Атлантида и космическая – Чернобыль»; «Чернобыль вслед за Афганистаном делал нас свободными людьми»). Чернобыль открыл новую страницу в осознании глобальной опасности для всего человечества, поскольку выброс радиации, превышающей по масштабу поражение в Хиросиме и Нагасаки, в центре Европы, столкнул не только Украину и Беларусь, но и весь мир с новой угрозой (*«На моих глазах дочернобыльский человек превращался в чернобыльского»*). В 2011 году похожая по масштабу выброса радиации трагедия случилась на атомной станции в Японии.

В поисках литературного героя в современной литературе китайский и белорусский писатели отталкиваются от простого человека, «маленького большого человека», отказываются от парадных героев, «творящих добрые дела, ...образцовым деяниям которых нужно подражать» (Мо Янь).

«Литературный бродяга» Мо Янь, подобно «странствующему крестьянину-батраку» «нашел себе пристанище» в «китайской Йокнопатофе» – «Дунбейском Гаоми». Мо Янь подчеркивает осознание необходимости обретения личной территории и в жизни и в творчестве («у писателя должен быть уголок, который принадлежит ему одному»). По сути, такая задача современного автора независимо от происхождения и места жительства отражает глобальные поиски идентичности человека в современном мире в контексте социума, культурного кругозора, профессии, семьи и т. д. *«Меня привлекало вот это маленькое пространство – человек... один человек. На самом деле там все и происходит»* – говорит С. Алексиевич о своем художественном пространстве. Вовне она не находит опору ни в подобии фолкнеровской Йокнопатофе или в мояневском Гаоми. Мировоззренческая картина мира китайского писателя связана с традицией непрерывной истории и культуры, тогда как у С. Алексиевич наследуется традиция восприятия истории как катастрофических разрывов (дореволюционная Россия потеряна, «красная империя» – в прошлом). В настоящем «времена» сменяются со скоростью, не позволяющей осмыслить перемены и найти прочную опору в жизни. *«Падение империи волновало всех... Перед «красным» человеком стояли сотни вопросов, он переживал их в одиночестве. Никогда он не был так одинок, как в первые дни свободы. Вокруг меня были потрясенные люди. Я их слушала...»*. Время войны – время надежды – время страха – время силы – время сэконд-хенд: так резюмирует свою летопись истории страны белорусский автор.

Горечь и отрада самообретения героя смягчается состраданием и преображающей силой любви автора к человеку. Неслучайно, завершая свою речь, С. Алексиевич говорит о тяжелом бремени любви. И хотя о любви писать трудно, все же именно этой фразой она совершает свой горький опыт оценки современного постсоветского общества в дорогах ее сердцу трех независимых, но родных странах Беларуси, Украине и России.

Мо Янь на пути к обретению реальности проходит путь от рассказа о себе к рассказу о родных и далее о других. С. Алексиевич проходит противоположный путь к той же цели – от чужого голоса к личному. В обоих случаях происходит подвижное тождество писателя и его героев («моя жизнь тесно связана с ними, и если я не буду говорить о них, то не знаю, о чем еще и говорить», – признается Мо Янь», «Что делаю я? Я собираю повседневность чувств, мыслей, слов», – объясняет С. Алексиевич.).

«Мои рассказы поначалу были основаны на моем собственном опыте», – говорит Мо Янь, приводя пример «Высохшей реки»). Героя «Прозрачной краснобокой редиски» (*«с его сверхчеловеческой способностью выносить страдания и сверхчеловеческой чувствительностью»*) он называет душой всего своего литературного творчества. По мысли Мо Яня, образность и вымысел, объединенные с фактическим опытом, приносят символический глубокий смысл в конкретную историю.

Далее следуют рассказы о родственниках и земляках, в которых «образы превосходят жизненные прототипы». Писатель словно призван выполнить долг воплощения «солдат по тревоге» (*«Все они с надеждой смотрят на меня, ожидая, когда я напишу о них»*). Говоря о разнице между прототипом и литературным героем, Мо Янь приводит пример со своей доброй тетушкой, превратившейся в непростой характер из романа «Лягушки»: *«она ничуть не рассердилась на меня за то, что я изобразил ее совсем другой. ... она верно понимает непростую связь между литературным персонажем и реальным человеком»*.

В итоге, начав с рассказов о себе, автор приходит к глобальному рассказу о родине и мире. «В романе “Большая грудь, широкий зад” ... чувства и характер матери ... или полностью выдуманы, или списаны со многих матерей дунбэйского Гаоми. ... Это проявление того же сумасбродного притязания, что и мое стремление воплотить в крошечном дунбэйском Гаоми весь Китай и даже весь мир».

Мо Янь словно извиняется за использование материалов из личной жизни реальных людей для присвоения неотъемлемой части их личности да еще в искаженной вымыслом форме литературным

персонажем. Однако вместе с тем они приобщаются к чему-то большему – вечному, истинному.

Иначе относится к воплощению документально достоверного образа С. Алексиевич: *«Меня интересует маленький человек. Маленький большой человек, так я бы сказала, потому что страдания его увеличивают. Он сам в моих книгах рассказывает свою маленькую историю, а вместе со своей историей и большую»*.

Мо Янь объясняет нам триединую природу литературного произведения «с типичными персонажами, ... с богатым языком и оригинальной композицией» – личный опыт, вымысел и действительность. Его сказитель-гуманист в «Чесночных напевах» объединяет вымысел и действительность в художественном образе. *«Лишь тогда литература сможет не только отталкиваться от какого-то события, но и идти дальше его, не только интересоваться политикой, но и превосходить ее»*. Мо Янь не хочет превращать роман в «репортаж о событиях в обществе».

Напротив, «гиперлитература» С. Алексиевич тяготеет к документальному репортажу, отстраняется от вымысла (*«Занимаюсь пропущенной историей. Не раз слышала и сейчас слышу, что это не литература, это документ»*).

Под «пропущенной историей» С Алексиевич понимает «историю души», раздробленную в «истории быта», собирать правду о которой приходится по отдельным «голосам», кусочкам правды о добре и зле. Для этого необходимо «глубокое понимание человеческой природы» (Мо Янь). *«Я знаю, что в душе каждого человека есть некая туманная область, где трудно сказать, что правильно и что неправильно, что есть добро и что есть зло. Как раз там и есть где развернуться таланту писателя»*, – определяет Мо Янь, как и С. Алексиевич.

Взгляд Мо Яня на античеловеческую природу войны в романе «Жизнь – мучение, смерть – не избавление» восходит к идеям буддизма, которые *«являют собой поистине вселенское сознание, и в глазах буддиста многие распри в мире людей абсолютно не имеют смысла. С этой возвышенной точки зрения мир людей полон скорби»*.

Показ античеловеческой изнанки войны, антивоенный пафос романов С. Алексиевич восходят к литературной традиции европейской, русской и белорусской литературы от Д.Г. Байрона, Ф. Стендаля, Л.Н. Толстого до В. Быкова и А. Адамовича.

Мо Янь тяготеет не к проповеди («мой роман не проповедь»), а к рассказу о судьбе человека, преодолевающего трудности силой добра и жизнеутверждающего начала (*«какие усилия прилагают люди и на какие идут жертвы в поисках счастья и отстаивании своей веры»*). Прототип

«настоящего героя» романа «Колесо Сансары», «который в одиночку противостоит веяниям эпохи» – «крестьянин из соседней деревни». Детское воспоминание о нем превращается в настоящую притчу, наполненную глубоким философским смыслом и красочной образностью, созданную писателем, осознавшим необходимость нравственного противостояния толпе, поступающей согласно предрассудкам, заблуждениям, навязанным коллективистским стандартам, жестокими обычаями, нивелирующей человеческую личность. *«Маленьким я часто видел, как он толкал мимо нашего дома скрипучую тележку на деревянных колесах. ... Но лишь в 2005 году, когда я увидел на стене в одном буддийском храме изображение колеса Сансары, мне стало ясно, как именно я напишу эту книгу».*

С этим героем он сравнивает и писателя, получающего Нобелевскую премию, которого *«осыпают цветами, забрасывают камнями и поливают грязью. Я боялся, что его раздавят, но он с усмешкой выбрался из-под цветов и камней, утерся от грязи, спокойно отошел в сторону и обратился к толпе».*

Чтобы понять писателя, необходимо прежде всего прочитать его книги, а не следовать за шлейфом чужих мнений о нем (*«Все, что я хочу сказать, вы найдете в моих книгах»*). Если же и прочтение книг не изменит неприятия автора, то это оправдано пестрой разноголосицей современности (*«Еще не было такого писателя, произведения которого нравились бы всем, тем более в такое время, как сегодня»*).

Творчество современного автора, как в Китае, так и в Беларуси, получает неоднозначную оценку, подвергается критике с полярных точек зрения, связанных как с политической, так и литературной конъюнктурой, однако и Мо Янь, и С. Алексиевич – приверженцы принципиальной авторской позиции, творческой дерзости и независимости: *«Это в повседневной жизни нужно быть скромным и уступчивым, а в литературном творчестве следует держаться высокомерно и действовать по своему произволу»* (Мо Янь).

И Мо Янь, и С. Алексиевич, словно не желая прервать голос своих героев, в конце своего выступления вновь обращаются к их рассказам.

Будучи сказителем, а не декламатором, Мо Янь в финале своей лекции–рассказа, приводит еще три документальные истории из своей жизни, которые послужили горьким источником обретения нравственного самостояния против искусственных и бессмысленных стандартов, иссушающих истинные чувства и мысли. Первая история – о недопустимости малодушия, лжи и доноительства в угоду командной установки. Вторая история – о недопустимости уничижительного осуждения и придинок (упрек в адрес офицера за случайную

оброненную фразу во время службы в армии). Третья история – из рассказа деда о наказании за предательство (притча о способе спасения, выбранном восьмью каменщиками, оказавшимися в пещере, сокрушаемой природной стихией, ценой жизни одного из них, обязанного принять наказание за грехи). И *«как только этого человека вышвырнули, ветхий храм тут же обвалился»*.

В первом рассказе реальная история 60-х гг. XX в. об единственном мальчике из начальной школы в китайском селе, не поддавшемся ложному, навязанному диктатом коллектива поведению (*«Он просто смотрел на нас широко открытыми глазами, в которых стояло выражение не то изумления, не то конфуза»*), и за это наказанному, напоминает вымышленную историю XIX в. единственного из учеников английской школы в романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд» Томми Трэдлса, который не принимал участия в коллективной травле, и постоянно за это был бит. Впоследствии в романе Диккенса он стал адвокатом, защищающим людей от беззакония. Одноклассник Мо Янь скончался до того, как автор осознал постыдность своего поступка и покаялся учителю (*«Одноклассник этот умер лет за десять до того, и всякий раз, когда я вспоминал о нем, меня мучила совесть»*).

В финале своего выступления С. Алексиевич приводит «голоса» в форме сентенций, безличных уличных фраз, который может произнести любой потребитель средств «массовой информации». Они произносятся от имени безликой массы, некоего безличного «мы» (*«Честного человека у нас не найдешь, а святые есть»*). Между этими двумя полюсами – литературы персональной и имперсональной, многоликой и обезличенной, исходящей из личного опыта чувств и мыслей и отталкивающейся от массовой тенденции выносить вердикты осуществляет выбор современный автор.

Мо Янь повторяет: *«Я – сказитель»* и обещает продолжить свой рассказ: *«Отныне я и дальше буду рассказывать свои истории»*. То же произносит и С. Алексиевич: *«Теперь я не уверена, что дописала историю «красного» человека...»* – возможно писатель продолжит ее в стремлении передать все голоса времени для наиболее полнозвучной картины эпохи.

Если писатель современного Китая, достигшего за последние десятилетия высочайших результатов в экономическом и культурном процветании, передает оптимистический жизнеутверждающий взгляд на жизнь, то белорусский автор, связанный с кризисными реалиями современной истории Беларуси, России и Украины, скептически оценивает действительность.

Мо Янь не одобряет политизацию в литературе. Алексиевич не может избежать тенденциозных политизированных оценок относительно «красного человека», войны на востоке Украины, участия России в сирийской войне. В этом разница их писательского кредо.

Проза Алексиевич сопрягается с литературой исчезновения (*«Больше всего женщины говорят об исчезновении, о том, как быстро на войне все превращается в ничто. И человек, и человеческое время»*), с литературой свидетельства (*«Героев я не искала. Я писала историю через рассказ никем не замеченного ее свидетеля и участника»*), литературой травмы (*«Наш главный капитал – страдание»*).

Стилевые приемы повествования у Мо Яня менялись в зависимости, с одной стороны, от отношения автора к читателю, а, с другой стороны, от взаимодействия общемировой (западной модернистской) и китайской литературной традиции. *«Если мою раннюю прозу можно назвать разговорами с самим собой, а не с читателем, то в этом романе («Сандаловая смерть») я уже представлял, как стою на площади и веду живой и образный рассказ перед многочисленными слушателями. ...Стиль “Сандаловой смерти” и последующих романов продолжает традиции китайской классической прозы и в то же время использует опыт западных литературных приемов»*.

В стилевой манере С. Алексиевич также присутствует влияние модернистских приемов – особенно ярко прием парцелляции экспрессивного синтаксиса (намеренная градация текста пунктуационно и интонационно на семантически акцентные части).

Любое новаторское произведение, по мнению Мо Яня, имеет синтетическую природу: *«В области литературы новшество в основном и является результатом подобного смешения. Это не только смешение отечественной литературной традиции с литературными приемами других стран, но и привлечение иных видов искусства»* (например, приемы пекинской оперы, изящные искусства, музыка, акробатики). О той же синтетической природе текста говорит С. Алексиевич (содержание «рвет, ломает, меняет» форму в литературе, музыке, живописи, *«в документе слово вырывается за пределы документа»*).

Библиографические ссылки

1. Мо Янь. Сказитель. Нобелевская лекция // Иностранная литература. – № 5 – 2013. (пер. И. Егорова).
2. Алексиевич С. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] // URL: <https://nn.by/&c=ar&i=161300&lang=ru>
3. Гапова Е. Страдание и поиск смысла: «моральные революции» Светланы Алексиевич // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 99.

4. Тун-Хоэнштейн Ф. Поэтика неумолимости. Варлам Шаламов: жизнь и творчество. Пер. с нем. Ю. Чижова – Журнал «Восточная Европа» («Osteuropa»), 57-й год издания, выпуск 6, июнь 2007. С. 35-52.

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЗМА В НОВЕЙШЕЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ

Букатая А. М.

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kenga_bu@tut.by*

Прежде всего, требует уточнения терминологическое определение «новейшая китайская литература». Чэнь Сяомин (陈晓明) в монографии «Тенденции новейшей китайской литературы» (中国当代文学主潮) особое внимание уделяет данному вопросу и предлагает периодизацию новейшей литературы Китая, исходя из особенностей творческих методов. Так, новейшая литература с точки зрения Чэнь Сяомина ведет отсчет с 1942 года и делится на четыре периода [1, с. 5 – 13]. Исследователь поясняет, что определение «новейшая литература» (当代文学 *дандай вэньсюэ*) «имеет меньшую политическую и историческую окраску. По сравнению с терминами “литература Нового Китая”, “социалистическая литература”, “литература республики” оно нейтрально [1, с. 6]. Далее литературовед подчеркивает, что «весь XX век китайская литература отражала важные политические и исторические события» [1, с. 7].

В современной и новейшей китайской литературе судьба героя неразрывно связана с историей страны. Историзм «с китайской спецификой» является одним из определяющих критериев национальной специфики китайской словесности [2, с. 4]. Ключом к пониманию китайской национальной психологии А. А. Маслов называет именно историю [3, с. 9] и подчеркивает значение «чувства истории» и ее совместного «переживания» как консолидирующего фактора для китайской нации [3, с. 16–17]. Историзм китайской литературы объясняется тем, что «традиционное китайское мировоззрение всегда акцентировало внимание на контексте опыта ...» [4, с. 101]. История играет огромную роль в формировании каждого национального характера, но китайская нация не только осознает, но высоко ценит роль исторического контекста в своём формировании. В. А. Корсун называет историзм как одну из наиболее показательных черт для выделения

китайской идентичности и подчеркивает, что «для современного китайца, независимо от места его проживания, а также от степени его осведомленности о тонкостях и деталях исторического процесса, образ величайшей в мире империи и ощущение сопричастности к этой цивилизации являются источником впечатляющего патриотизма» [5, с. 71].

Показательно, что изначально понятие «история» подразумевало записи событий, описание прошлого, историческую прозу, позже – непосредственно сами события и факты. Долгое время история не воспринималась как наука, отсутствовала идея обусловленности и взаимозависимости исторических процессов. Русскому слову «история» в китайском языке соответствует 历史 *lishi* 历史, в котором первый иероглиф означает ‘былое, прошлое, история’, а второй – ‘история, анналы, летопись’. 历史 традиционно ассоциировалось не с самими историческими событиями и фактами и их точной фиксацией, а с субъективным описанием, интерпретацией прошлого. Летописная традиция имела беспрецедентное развитие в китайской литературе и именно она лежит в основе генезиса китайского романа. Первым памятником исторической прозы являются «Исторические записки» Сыма Цяня (司马迁“史记”) эпохи Хань (т. е. ‘записи, записки’ об истории), а значение 史 *shi* 史 и образованных от него слов только в конце XIX – начале XX вв. стало отождествляться с «историей самой по себе» и «исторической реальностью» [6, с. 105 – 106].

В настоящее время безусловным фактом признана историческая обусловленность китайской литературной традиции и влияние историографии на эволюцию национальной прозы [7; 8; 9]. Согласно китайской традиции, прошлое воспринимается как метафора настоящего, из чего следует тяготение к поиску параллелей и аналогий; предпочтение отдаётся прецеденту, а не выявлению взаимосвязи.

К истории обращаются как представители «материковой» литературы Китая, так и иммигрантской. Описывая личные переживания, современные писатели не отрицают значение коллективного опыта. Юй Хуа 余华 подтверждает: «Когда я пишу, то превращаю чужую боль в свою. Людям проще всего узнать друг друга через боль – ведь она начинается в сердце. В этой книге [«Десять слов про Китай» “十个词汇里的中国” 2010] я описал не только боль Китая, но и собственную боль. Потому что это одно и то же» [10, с. 221]. Через историю индивида переосмысливается история государства и общества. Главный герой повести «Мимоза» Чжан Сяньляна (张贤亮 “绿化树” 1984) замечает: «Как сказал мой лагерный знакомец, преподаватель: “Наши судьбы неотделимы от судеб нашей страны”» [11, с. 64]. Показательно, что

именно представитель интеллигенции, находящийся в заключении, выдвигает данное безапелляционное заключение. В автобиографической повести «Женщина – половинка мужчины» (“男人的一半是女人”1985) писатель утверждает: «Чтобы сделать шаг вперед, надо быть радостным и уверенным в себе. Для этого нужно примириться со своим прошлым» [11, с. 171].

В предисловии к книге-интервью «Десятилетие бедствий: записки о “культурной революции”» Фэн Цзицай (冯骥才“一百个人的十年” 1987) подчеркивает важность не только знания, признания и использования в будущем исторического опыта, писатель акцентирует, что «выяснение причины исторических ошибок – исключительная ценность; утратишь эту ценность – и легко снова погрузиться в темноту», а «исторические вопросы, оставшиеся без ответа, никогда не потеряют свою актуальность» [12, с. 28 – 29]. Так, выяснение причин исторических событий, мотивация ряда поступков, приведших к этому, анализ психологии поведения человека в различной степени представлены в знаковых произведениях новейшей китайской прозы. О своих интервьюерах Фэн Цзицай выразился весьма однозначно: «Это священная работа, которую они завершили вместе со мной: помнить прошлое и открывать будущее» [12, с. 30].

Следует отметить, что в последнее время (конец 2000-х – конец 2010-х гг.) показательной представляется тенденция к переводу на русский язык, изданию и переизданию целого ряда крупных китайских романов, в которых история и особенности переосмысления знаковых исторических событий становятся ключевыми аспектами проблемно-тематического поля. В большинстве случаев это произведения, затрагивающие явления конца XIX – XX вв. (например, «В долине лотосов» (1981) Гу Хуа 1942 г.р. (古华 “芙蓉镇”); «Старый корабль» (1986) Чжан Вэя 1955 г.р. (张炜 “古船”); «Метаморфозы, или Игра в складные картинки» (1987) Ван Мэна 1934 г. р. (王蒙 “活动变人形”); «Жить» (1992) Юй Хуа 1960 г.р. (余华 “活着”); «Цветы хлопка» (2006) Те Нин 1957 г.р. (铁凝 “笨花”)), в псевдоисторическом же романе «Последний император» (2006) Су Туна 1963 г.р. (苏童 “我的帝王生涯”) автор обращается к социокультурному контексту Древнего периода.

Гу Хуа в третьей части романа «В долине лотосов», посвященной 1969 году, восклицает: «Что это было за время! Подлинная красота смешивалась с приукрашенным уродством, правда с ложью, красное с черным; в одном котле, как говорится, варились коровья печенька и свиные легкие, волчье сердце и собачий желудок» [13, с. 174]. Так, атмосферу периода «культурной революции» писатель передает,

прибегая к контрастам, как образным, так и стилистическим. Чжан Вэй озвучивает задачу переписывания истории, передает попытки героев поиска самих себя, изображает процесс самоидентификации: «А ведь самое страшное для человека совсем не обрушивающееся небо или разверзающаяся бездна, не горные вершины – самое страшное он сам. И это так и есть. Тот, кто не верит моим словам, может обратиться к истории городка. Чего-то в ней нет, но это осталось в памяти народа. Только вот бояться нельзя, нужно докапываться до всего. Пролитые в Валичжэне реки крови – неужели они пролиты напрасно? Неужели нужно оставить прочерк в истории городка? <...> Люди должны хорошенько покопаться в самих себе. <...> Не обвинять сначала, не лить слезы. А сперва подумать, почему» [14, с. 294]. Герой Баопу уверен, что «болезнь коренится очень глубоко» [14, с. 290], и через физическую болезнь человека автор вполне очевидно указывает на болезнь общества. Ровно то же находим и у Гу Хуа: «В них [«современные суеверия»] нельзя винить какого-либо одного революционного вождя, как нельзя судить о своеобразных исторических условиях с позиции высоких абстракций. Необходимо углубленное, тщательное, объективное выявление корней болезни и ее лечение» [13, с. 191]. Итак, с тем, что в определенный период китайское общество страдало от болезни, скорее всего душевной, ряд писателей определился. Как один человек не является творцом истории, так и какая-либо отдельная личность не может быть единоличным ответчиком.

На русский язык среди прочих переведены романы лауреата Нобелевской премии по литературе 2012 года Мо Яня 1955 г.р. (莫言): «Красный гаолян» (“红高粱家族” 1987), «Большая грудь, широкий зад» (“丰乳肥臀” 1996), «Устал рождаться и умирать» (“生死疲劳” 2006). Писатель отмечает, что «в будущем, я думаю, те, кто изучает историю, должны будут обращаться к книгам по истории. Но если хочешь узнать что-нибудь о временах давным-давно минувших, о том, что люди чувствовали, как жили день за днем, – то такое знание следует искать в литературе. Если мои книги все еще будут читать через несколько сотен лет, их читатели все поймут про повседневную жизнь людей» [15].

Не только «материковые» авторы обращаются к историческому контексту, но и представители китайской литературы зарубежья на английском языке широко используют историческое прошлое Китая различных периодов, во-первых, в качестве катализатора человеческих взаимоотношений, во-вторых, – «лакмусовой бумажки» для проявления истинной сущности героя и осуществления им того или иного Выбора, в-третьих, как демонстрацию совокупности факторов, обусловивших формирование ряда особенностей национального китайского характера.

Примерами в данном случае являются «Воспоминания императрицы» (2016) Мин Анчи 1957 г.р. (Anchee Min “The Last Empress”), где писательницей предпринята попытка отобразить процесс взросления юной девушки, трансформации ее взглядов, становление характера и «превращение» в императрицу; «Дикие лебеди» (1991) Юн Чжан 1952 г.р. (Jung Chang, кит. 张戎, “Wild Swans”), где автор описывает судьбу представительниц трёх поколений одной семьи на фоне истории; и др.

У французскоязычной писательницы китайского происхождения Шань Са 1972 г.р. в романе «Александр и Алестрия» (Shan Sa “Alexandre et Alestria” 2006) переплетается реальное и вымышленное. В аннотации к переводу на русский язык данное произведение определяется как «историческая сага-фантазмагория», в которой главными героями выступают Александр Македонский и предводительница амазонок Алестрия, воплощая гармоничное взаимодействие мужского и женского начал, Запада и Востока, рационального и чувственного, прошлого и настоящего. Одновременно с деконструкцией истории звучат идеи глобализации и космополитизма: «Почему Запад закрыл дверь перед Востоком, назвав его варварским? Я, Александр, надену восточный наряд и выучу язык побежденных. Я хочу, чтобы наша кровь перемешалась. <...> Александр открывает свободный обмен между Западом и Востоком. <...> Я покорию народы, а они покорили меня. Я создам для них новый мир, подобный возрождающемуся из пепла Фениксу. Это будет новая цивилизация» [16, с. 75 – 76]. Герой говорит о себе и своей роли в истории в третьем лице: «Александр многолик. <...> Каждый народ оценивает его с позиций своей культуры, своей религии. Каждый человек понимает его, исходя из собственного воспитания, родственных связей, прошлого. <...> Все берут от Александра то, в чем нуждаются, и отрекаются, если им это выгодно» [16, с. 183]. Так, историческая личность предстает аллегорией исторического процесса и приобретает значение символа.

В китайскоязычном сегменте китайской литературы зарубежья также весьма показательным представлено осмысление исторического процесса Китая. Так, в романе «Схватки» (张翎 “阵痛” 2014) Чжан Лин 1957 г.р. в единое целое связывает историю страны и одной семьи, которые развиваются параллельно, дополняя друг друга. Произведение охватывает большой промежуток времени: действие первой части происходит в 1942 – 1943 годах, а последней – в 2008 году. Роман посвящен судьбе женщин, представляющих разные поколения одной семьи. Книга состоит из четырех частей, где в первых трёх описывается отрезок жизни одной из героинь, каждая из которых рождает девочку, героиню последующей части. В последней, самой короткой, объёмом в

одну страницу, части описывается лишь один эпизод из жизни семилетней девочки. Автор косвенно даёт понять, что судьба ее в некоторой степени predetermined, так как обусловлена историей и жизнью предыдущих поколений. Личный опыт прабабушки, бабушки и мамы глубоко врезался в сознание ребёнка. Женщины выступают очевидцами знаковых политических событий и общественных явлений: Война сопротивления японским захватчикам, образование КНР в результате победы КПК в гражданской войне, «культурная революция», движение борьбы с правыми элементами, политика «Большого скачка», культурная открытость Китая 1990-х годов и т. д. В контексте анализа исторического прошлого в творчестве Чжан Лин название романа представляется метафорой: в *схватках* времени и муках истории страна порождает нового человека.

В послесловии к роману Чжан Лин пишет, что обратилась к опыту своей бабушки, которая рожала одиннадцать раз и *выходила* десять детей (беспрецедентный процент выживаемости того времени): «Будучи ее внучкой и писателем, отделенная десятилетиями времени и пространства, я оглянулась на бабушкину жизнь и с грустью увидела слабую женщину, изо дня в день, из года в год ползком, на четвереньках, молча вскарабкивающуюся по дороге в беспокойный век катастроф и потрясений» [17, с. 335]. Писательница поясняет, что одним из поводов к написанию данного романа стало «ныне модное» словосочетание «генная память» [17, с. 335]. Но первостепенным было желание показать, что «страдания женщины навряд ли составляют страдания эпохи, но вот страдания эпохи обязательно заставляют страдать женщину» [17, с. 337].

Обращение к семейной триаде поколений соответствует не только традиционным культурным представлениям и влиянию патриархальной системы, но и иллюстрирует обусловленность *Настоящего Прошлым*, единство и взаимосвязь истории индивида, семьи и общества. В модели семьи это преобразуется в триединство «мой отец – я – мой сын». Патриархальная семейная система и доминирование общественного начала над индивидуальным порождает фамилизм. В отличие от семейственности, корнем которой является «семья», китайский фамилизм подразумевает в качестве высшей ценности всю родовую систему, весь клан, «три поколения под одной крышей». В рассматриваемом романе «Схватки» Чжан Лин маскулинная триада трансформируется в феминную: Шангуань Иньчунь – Сунь Сяотао – Сун Ушэн. Из трех поколений именно представительница старшего оказывается носителем исторической и семейной памяти.

Примером преемственности триады «общество (государство) – семья – индивид» в литературе КНР служат упомянутые выше романы

Мо Янь, в которых через частные образы воспроизводятся типичные для описываемой эпохи характеры. В романе «Красный гаолян» писатель совмещает мотив поиска семейных корней и историю рода на протяжении трех поколений, и «накладывает реальные исторические события (антияпонская война) на вымышленную историю «любви»» [18, с. 136]. В предисловии к роману «Большая грудь, широкий зад» Мо Янь пишет: «Для меня эта книга – дань не только моей матери, но и всем матерям Поднебесной. <...> Пусть этот образ матери немало разнится с образами матерей в произведениях прошлого, но все же я считаю ее великой матерью, более того – полагаю, что она еще в большей степени воплощает материнское начало, расширяя существующие стереотипные представления» [19, с. 7]. Через перерождения Симэнь Нао в романе «Устал рождаться и умирать» автор показывает перемены, которые сотрясли Китай во второй половине XX века. Герой буквально «застыл» во времени, перерождаясь в телах животных, и поэтому смог наблюдать смену поколений своей семьи и социокультурные метаморфозы в обществе.

Д. Н. Воскресенский считает закономерным, что китайская литература после 1980-х годов «наполнилась отголосками событий ... не слишком далеких лет», и «обращение к недавнему прошлому и его «критическое осмысление» (фаньсы) отразились во множестве сюжетов, которые мы находим не только у литераторов старшего поколения (таких, как Ба Цзинь, Ван Мэн, Чжан Цзе, Лю Синь, Фэн Цицай, Цзун Пу и др.), на себе ощутивших бессмысленную жестокость многих политических кампаний, но и у более молодых писателей (Юй Хуа, Су Тун, Мо Янь, Ван Аньи)» [20, с. 6]. В статье с говорящим названием «Китайская культура на пути возрождения» Ли Цзинцэ отмечает, что в настоящее время наследие прошлого переосмысливается, но «традиционная культура не восстанавливается в первоначальном виде, напротив – древняя классика, народная культура и искусство воспринимаются сейчас как источник творческих сил для обновления» [21].

Историзм «с китайской спецификой» в творчестве представителей новейшей китайской прозы соотносится с «новым историзмом» (新历史主义 *синь лишичжун*), или, как отмечает Е. А. Завидовская, «неисторизмом» китайской постмодернистской литературы: «“Неисторизм” прочно связан с сомнением части китайских писателей в принципе историзма, отражает кризис детерминизма. На место принципа научного историзма и классовой борьбы, лежавших в основе понимания исторического процесса, заступают индивидуальные воспоминания и вольная интерпретация истории, новая артикуляция символов национальной традиции» [22, с. 7–8]. Чэнь Сяомин подчеркивает, что

для понимания и описания истории необходима целостность, а «целостное понимание истории включает эволюционный и телеологический подходы. Модернистская концепция истории – это не что иное, как своеобразная форма проявления историзма», и далее исследователь приводит определение историзма как «способа мышления, издавна связанного с телеологическим подходом. Он конструирует исторические связи из внешне разрозненных, но таящих определенные цели идей» [1, с. 17]. Вслед за периодом историзации наступает «реисторизация» и «деисторизация», и как образно характеризует этот переход Чэнь Сяомин, «в запутанном клубке историзации и деисторизации литературы объект творчества то освобождается от истории, то втягивается в ее переосмысление и пытается найти дорогу в двойном языковом контексте – модернизма и постмодернизма» [1, с. 31].

Эта же тенденция переноса акцента с собственно истории на судьбу отдельной личности на фоне этой истории наблюдается в романе «Рис» («玉米» 2005) Би Фэйюя (毕飞宇) 1964 г.р., одного из показательных представителей литературы «постнового периода» / постмодерна. Встречается несколько вариантов перевода названия: «Юйми», «Рис», «Три сестры». Главную героиню зовут Юйми, что означает 'рис'. Поскольку имена двух других сестер Юйсю 玉秀 и Юйян 玉秧 соответственно означают 'колос, цветок, трава' и 'рисовая рассада, саженец', то представляется допустимым подчеркнуть в названии т. н. «единство корней» трех сестер, их связь с землей и малой родиной. Наконец, в предисловии, написанном авторитетным китайским литературоведом Ли Цзинцзэ (李敬泽), напрямую сказано, что книга могла бы называться «Три сестры» («三姐妹») с однозначной отсылкой к «Трём сёстрам» А. П. Чехова [23, с. 4]. Внимание Би Фэйюя концентрируется не на представительницах трех разных поколений, а на судьбе трех женщин примерно одного возраста. В данном романе автор сосредотачивается на проблеме социальной самоидентификации и положения женщины в обществе, где превалируют традиционные взгляды. Героини упорно сопротивляются жизненным обстоятельствам и «прорастают» даже на неблагоприятной почве.

Таким образом, представители различных сегментов новейшей китайской литературы обращаются преимущественно к фактам из современного и новейшего периодов истории Китая. За индивидом всегда следует прошлое его самого и его семьи. Несмотря на близкое знакомство с социально-политическими последствиями действия государственно-идеологической системы писатели не берут на себя роли пророков и судей. Зачастую авторы занимают позицию стороннего наблюдателя за развитием человеческих отношений. Для литературы

последних десятилетий не свойственно строгое деление героев, их поступков, исторических событий и периодов только на положительные и отрицательные. В рамках новейшей литературы историзм «с китайской спецификой» продолжает свое существование, однако видоизменяется. Представляется возможным утверждать, что применительно к новейшей китайской прозе сохраняет актуальность телеологический подход, в целом, свойственный китайскому мышлению. Вместе с тем возрастает тенденция к «персонализованному» творчеству [1, с. 448], исторической деконструкции (что не отменяет внимания, зачастую повышенного, к истории), росту интереса к человеческой индивидуальности и проблемам личностной репрезентации.

Библиографические ссылки

1. Чэнь, Сяоми́н. Тенденции новейшей китайской литературы / Чэнь Сяоми́н; пер. с кит. Никитиной А. А., Яковенко М. С., Батыгина К. В. – М.: Шанс, 2019 – 583 с.
2. Бука́тая, А.М. Национальная специфика современной китайской прозы / А.М. Бука́тая // Вестник Минского гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2015. – № 4 (77). – с. 119–126.
3. Маслов, А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А.А. Маслов. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 288 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cn888ru.com/media/maslov_a_a_nablyudaya_za_kitaicami_skrytye_pravila_povedeniy.pdf – Дата доступа: 25.01.2016. (126)
4. Корнилов, М.Н. Пространство, время и история в культурной традиции Китая / М.Н. Корнилов // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10, Китаеведение. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – №1. – с. 101 – 110. (95)
5. Корсун, В.А. Идентичность с «китайской спецификой» / В.А. Корсун // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 68 – 79. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3988&page_id=453 – Дата доступа: 09.11.2014. (98)
6. Крюков М. В., Малявин, В.В. Софронов, М.В. Китайский этнос на пороге средних веков / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Сафронов. – М.: Наука, 1979. – 328 с. (106)
7. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб.: изд.: «Лань», 2003. – 416 с.
8. Крюков, М. В. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Сафронов, Н. Н. Чебоксаров. – М.: Наука., Вост. лит., 1993. – 413 с.
9. Лисевич, И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков / И. С. Лисевич. – М.: Наука, 1979. – 266 с.
10. Юй, Хуа. Десять слов про Китай / Юй Хуа; пер. с кит. Р. Шапиро. – М.: Астрель, 2013. – 220 с.
11. Чжан, Сяньля́н. Избранные произведения / Чжан Сяньля́н; пер. с кит. З.Ю. Абдрахмановой, О.П. Родионовой, Д.А. Саприки, В.И. Семанова, И.С. Смирнова. – СПб: Гиперион, 2014. – 448 с.

12. Фэн, Цзицай. Десятилетие бедствий: записки о "культурной революции" / Фэн Цзицай; пер. с кит и вступит. ст. А.Н. Коробовой. – М.: ИВЛ, 2015. – 303 с.
13. Гу, Хуа. В долине лотосов / Гу Хуа; пер. с кит. Семанова В. И.; Предисл. Никольской С. В. – М.: Шанс, 2018. – 319 с.
14. Чжан, Вэй. Старый корабль / Чжан Вэй; пер. с кит. И. А. Егорова. – СПб.: Гиперион, 2016. – 480 с.
15. Лич, Джим. Настоящий Мо Янь / Джим Лич // Мо Янь. Отрывки из разных интервью. // «Humanities», January/February 2011 / Volume 32, Number 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greylib.align.ru/665/mo-yan-otryvki-iz-rznyx-intervyu-esse-i-roman.html> – Дата доступа: 09.09.2019.
16. Шань, Са. Александр и Алестрия / Шань Са; пер. с фр. Е. Клоковой. – М.: Текст, 2009. – 285 с.
17. 张翎. 阵痛 / 张翎。——北京：作家出版社，2014。——页数 340。(Чжан, Лин. Схватки / Чжан Лин. – Пекин: Писательское издательство, 2014. – 340 с.)
18. Цыренова, Д. С. Магический реализм в творчестве Мо Яня / Д. С. Цыренова // Вестн. Бурят. ГУ. – 2010. – № 8. – С. 134 – 137.
19. Мо, Янь. Большая грудь, широкий зад / Мо Янь; пер. с кит., примеч. И. Егорова. – СПб: Амфора, 2013. – 831 с.
20. Китайские метаморфозы. Современная китайская художественная проза и эссеистика; пер. с кит.; сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский. – М.: Вост. лит., 2007. – 525 с.
21. Ли, Цзинцзэ. Китайская культура на пути возрождения / Ли Цзинцзэ; пер. И. Чудновой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/e/eudnowa_irina_wiktorowna/lijingze.shtml. – Дата доступа: 12.09.2014.
22. Завидовская, Е. А. Постмодернизм в современной прозе Китая: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. / Е. А. Завидовская; ИВ РАН. – М., 2005. – 29 с.
23. 毕, 飞宇. 玉米 / 毕飞宇。——北京：人民文学出版社，2017。——页数 283。(Би, Фэйюй. Юйми / Би Фэйюй. – Пекин: Народная литература, 2017. – 283 с.)

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА В БЕЛАРУСИ: РЕЦЕПЦИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Жуковец В.В.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, veronazhukovets@gmail.com*

В данной статье будут рассмотрены особенности восприятия рецепции и переводов китайской прозы в белорусском культурном пространстве в соответствии со следующими выделенными периодами, что позволит увидеть закономерности данного процесса (подробнее смотрите [1]): I этап, или «зарождение» межкультурных связей (1910 – 1959 гг.); II этап, или «изоляция» (1960 г. – начало 1985 г.); III этап, или

«возрождение» (1985 – 1990 гг.); IV этап, или «укрепление» белорусско-китайских литературных связей (1991 г. – по настоящее время).

Точкой отсчёта художественного осмысления китайской словесности в культурном пространстве Беларуси следует считать 1910 год, когда после небольших заметок о социально-политической ситуации в Китае на страницах газеты «Наша Ніва» были опубликованы первые китайские сказки «Даос з гары Лао» [2] и «Гульня мячом у падводным царстве» [3] из древней книги рассказов Пу Сунлина. Над переводом с китайского языка работал В. Алексеев, а над его белорусской адаптацией, предположительно, В. Ластовский [4, с. 247].

Ряд известных историко-социальных событий почти на несколько десятилетий приостановили издание произведений китайских авторов в Беларуси. В этот период были опубликованы немногочисленные переводы прозы Ба Цзиня (巴金, 1904 – 2005 гг.) и Эми Сяо (萧三, 1896 – 1983 гг.). Рассказ Ба Цзиня «Хто я такі?» [5] был напечатан в газете «Літаратура і мастацтва» в 1937 г. (к сожалению, этот номер газеты утерян и на данный момент не восстановлен). Главной темой творчества Эми Сяо была национально-освободительная борьба китайского народа. В 1938 и 1939 гг. миниатюра о народной освободительной армии Поднебесной «Кітайская вёска» [6] и отрывок из рассказа «Цянь Цзо-мін маўчала» [7] были опубликованы на страницах журнала «Работніца і калгасніца Беларусі» (имена переводчиков не были указаны). В первом произведении автор описывает, как меняется жизнь в деревне с приходом народной армии. Отрывок из рассказа «Цянь Цзо-мін маўчала» посвящён героическому подвигу китайской женщины, которая ценой собственной жизни сохранила секретное местоположение партизанского отряда. Через образ Цянь Цзо-мин¹ китайский писатель продемонстрировал силу и непобедимость китайского народа на пути к построению нового общества. Стоит отметить тот факт, что в белорусскоязычных периодических изданиях 30-ых годов XX века имя Эми Сяо указывалось как Сяо Э, что усложняло индентификацию этого китайского писателя.

Новый этап в исследованиях и переводах классической и особенно новой литературы Китая («新文学») среди советских синологов приходится на конец 1940-х гг., в преддверии провозглашения КНР. Общность идеологических целей и задач способствовала созданию крепкой основы для развития дружеских отношений между КНР и СССР. Правительство Китая признавало социалистический реализм ведущим методом новой китайской литературы, что также сближало литературы

---

¹ Здесь и далее двухсложные китайские имена пишутся слитно согласно современным правилам транслитерации с китайского на русский язык.

дружественных стран в сфере идейно-художественной направленности произведений.

Общность идеологических целей и задач способствовала созданию крепкой основы для существования и развития дружеских отношений между КНР и СССР, что в свою очередь оказывало влияние на количественные и качественные параметры переводов китайской литературы и позволили отечественным читателям получить представление об изменениях в современной прозе Поднебесной.

В 1951 году журнал «Полымя» после долгого перерыва печатает рассказ Яо Цзиня «Пра самую вялікую любоў» [8] (автор перевода не был указан). В этом произведении китайский автор делает акцент на единстве многонациональных социалистических народностей в борьбе против общего врага. В 1953 году публикуется ряд китайских произведений (без указания имен переводчиков). Среди них – рассказ Мао Дуня (茅盾) «Вясеннія шаўкапрады» [9] (автор занимал в эти годы пост министра культуры КНР). Данное произведение является частью цикла «Деревенская трилогия» («农村三部曲»), написанного китайским писателем на протяжении 1932-1934 годов. Цикл состоял из трёх рассказов, повествующих о жизни крестьян провинции Цзянсу и их эволюции от покорных крестьян до повстанцев, борющихся против своих угнетателей.

Рассказ Ван Лии «Сталь» [10] был опубликован в газете «Мінская Праўда» без указания переводчика. Данный рассказ был приурочен к празднованию Первого мая и описывал будни рабочих мартеновского цеха, которые стремились с наибольшим рекордом выполнить месячный план по переплавке стали. В контексте данного рассказа поэтизация образов рабочих позволила читателю увидеть в героях участников масштабных производственных процессов, живущих интересами народа.

В журнале «Работніца і сялянка» публикуется рассказ Пань Чжицина «Маці і сын» [11]. В этом произведении образы матери и сына – старушки Дун и Дун Цзэ – противопоставлены друг другу. Дун Цзэ – молодой активист сельского комитета, участвующий в проведении земельной реформы в освобождённом районе, суть которой заключалась в борьбе против помещиков и разделении их земельных участков между крестьянами. Старушка Дун не может противостоять своему подсознательному страху перед бывшими хозяевами и по просьбе помещика укрывает в своем доме мешки с мукой.

В 1958 г. С. Дорский перевел рассказ Линь Чэньляня (林斤瀾, 1923–2009 гг.) «Дзяўчынка з Тайваня» («台湾姑娘») [12], в котором китайский автор исследует сложные общественные и политические процессы, происходящие на Тайване после завершения Японо-китайской

войны, а также отображает противостояние КПК и Гоминьдана в гражданской войне.

Газета «Чырвоная змена» (1959) опубликовала небольшой рассказ Ма Фэна (马烽, 1922–2004 гг.) «Калі загараюцца кастры» [13]. Образ главного героя этого произведения – секретаря местного комитета партии Ян Чэнлю – воплощает положительные черты прогрессивного начальника, ставящего интересы народа выше собственных.

В 1953 году был издан сборник «Апавяданні кітайскіх пісьменнікаў» [14], который включал в себя произведения молодых и перспективных китайских писателей в переводах А. Саприко (художественная адаптация текстов была осуществлена с русскоязычной книги «Рассказы китайских писателей», 1952 г.). Центральное место в рассказах Хэ Ку «Борьба продолжается», Ли На «Уголь», Лу Мэя «Два красных вымпела» и Юй Линь «Пускай знают все!» занимал образ представителей промышленного рабочего класса. Данные произведения описывают трудовые будни китайских рабочих на производстве, их героизм и патриотизм при возникновении непредвиденных ситуаций, а также процесс перевоспитания и формирования нового человека в условиях великих социальных перемен. Помимо уже переведённых ранее рассказов Пань Чжыцина «Мать и сын», а также Яо Цзина «Про самую великую любовь» (в белорусском переводе – «Шчасце»), в сборник вошли рассказы Лю Ицина «Вчера и сегодня» и Гу Юя «Рано сорванный плод горек», повествующие о социальных переменах в жизни деревни после земельной реформы в КНР, а именно: о прекращении следованию закоренелой традиции женить детей в несовершеннолетнем возрасте, которая противоречила общественным установкам нового государства. Завершал подборку рассказ Ма Фэна «Свадьба» («结婚»). Главные герои этого произведения – секретарь ячейки новодемократического союза молодежи Цянь Чуньшэнь и его невеста Ян Сяоцин – представляют собой прогрессивную молодежь, которая стремится к саморазвитию и зачастую ставит общественные нужды выше личных интересов. Сборник «Апавяданні кітайскіх пісьменнікаў» является ярким примером идейно-тематического содержания новой литературы Китая, которая была призвана отражать наиболее значимые события в жизни Поднебесной.

Знаменательным событием 1954 г. стало отечественное издание романа признанной китайской писательницы Дин Лин (丁玲, 1904 – 1986 гг.) «Сонца над ракой Сангань» («太阳照在桑干河上») [15] в переводе Л. Соловья. Это произведение занимает особое место в истории новой китайской литературы, так как в нём впервые были отображены исторические события земельной реформы 1946 года, свидетелем и

участником которых была сама писательница. Роман Дин Лин являлся образцовым произведением, написанным в духе социалистического реализма, где в обличительной форме представлены недостатки пережитков феодальной системы, против которых в единой борьбе восстаёт народная власть, чтобы продемонстрировать неизбежность поражения врагов коммунистической партии.

В 1956 году активно выходят публикации, посвященные 75-летию со дня рождения Лу Синя (鲁迅, 1898-1936 гг.), основоположника новой китайской литературы. Впервые на белорусском языке появляется сборник избранных произведений этого китайского прозаика «Апавяданні Лу Сіня» [16] (перевод был осуществлен Л. Соловьем с русскоязычного издания первого тома «Собрания сочинений» Лу Синя 1954 года). Предисловие к сборнику содержало общественно-политическую оценку творчества писателя-революционера, а также попытку литературоведческого анализа на основе биографического метода: «У сваіх лепшых мастацкіх творах, асабліва дваццатых гадоў, Лу Сінь як ніхто раней да яго даў шырокую, рэалістычна-праўдзівую карціну навакольнай рэчаіснасці, сродкамі мастацтва паказаў разлажэнне асноў канфуцыянскай маралі і сацыяльнай сістэмы ў цэлым і на гэтым фоне маладыя рэвалюцыйныя сілы камуністаў, якія заваёўвалі ўсё новыя і новыя пазіцыі ў краіне» [16, с.7-8]. В данном издании были также представлены рассказы из других сборников сочинений Лу Синя: «Клич» («吶喊», 1923 г.), «Блуждания» («彷徨», 1925 г.), «Дикие травы» («野草», 1927 г.).

Роман Мао Дуня «Перад світаннем» («子夜») вышел отдельной книгой в переводе В. Витки и Я. Казеки [17]. В этом произведении китайский прозаик всесторонне описывает борьбу против американской экспансии в сфере экономики, а также рисует достоверный портрет всех слоёв общества: от представителей буржуазии, владеющих крупным и мелкими предприятиями, до восставших крестьян и бастующих работников фабрик. По мере развития сюжета Мао Дунь показывает трагизм национальной буржуазии, банкротство, ввиду биржевых игр, что влечёт за собой потерю авторитета власти на всех уровнях деятельности и её неспособность вести народ к независимости и прогрессу.

В 1958 вышел роман Чжоу Либо (周立波, 1908-1979 гг.) «Ураган» [18] («暴风骤雨») (адаптация В. Витки с русскоязычного варианта). Роман «Ураган», как и произведение Дин Лин, можно рассмотреть в рамках «прозы о земельной реформе» (土改小说), где автор исследует становление нового человека в условиях проведения данной кампании.

Роман Чжоу Либо «Ураган» получил признание не только в Китае, но и в Советском Союзе (был удостоен Сталинской премии в 1951 году). Многие рассказы, переведённые в период с 1953 по 1959 годы, вошли в антологию китайской прозы и поэзии «Стагоддзе на знаёмства» (2014 г.) [19].

Таким образом, переводные произведения китайской прозы в Беларуси, изданные отдельными книгами на протяжении первого этапа, были в основном представлены основоположниками новой литературы Китая (Лу Синь, Мао Дунь), а также произведениями писателей, творчество которых соответствовало принципам социалистического реализма (Дин Лин, Чжоу Либо и др.). На данном этапе переводы китайской прозы на белорусский язык осуществлялись с русскоязычных вариантов.

Второй этап (1960 – начало 1985 гг.) был отмечен резким ухудшением отношений между правительствами КНР и СССР, что, несомненно, повлияло на возможность переводить и печатать китайских авторов. Лишь после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году постепенно начало происходить возобновление советско-китайского сотрудничества. На втором этапе ни одного перевода произведений китайской прозы в белорусских изданиях не было зафиксировано.

Начало Третьего этапа (1985 – 1990 гг.) было связано с изменениями в социально-политическом курсе СССР, что позволило постепенно восстановить культурные, экономические и политические отношения с КНР.

В 1985 – 1990-е годы китайская проза печаталась на страницах ежедельника «Літаратура і мастацтва»: в 1987 году были опубликованы два китайских рассказа, перевод которых был осуществлён с подстрочников, сделанных Г. Кашубой. Первое произведение – народное предание в переработке Дун Цзюньлуня и Цзян Юан «Сасна» [20]. Второе произведение под названием «Сямейная серэнада» («家庭小夜曲») [21] китайского писателя Фэн Чжана (凤章, 1930 г.) – яркий пример современной китайской литературы, или, как принято её именовать, «литературе нового периода» («新时期文学»). Рассказ «Сямейная серэнада» поднимает вопрос о «вечных темах» литературы, обращает внимание на то, что семейные отношения вне зависимости от описываемого периода времени могут осложняться различными конфликтами.

В 1992 году журнал «Кэмпо» печатает рассказ Пу Сунлина (蒲松齡, 1640-1715 гг.) [22] из сборника китайских новелл VIII—IX веков «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» («聊斋志异») в переводе академика А. Алексеева. Журнал «Нёман» опубликовал главы из книги

Ли Чжисуя (李志绥, 1919-1995 гг.) «Мао Цзэдун. Записки личного врача» («毛泽东私人医生回忆录») в художественной адаптации А. Скоморохова (перевод был осуществлен с английского языка) [23].

Знаковое событие – перевод Г. Кашубой повести Лу Вэньфу (陸文夫, 1927 – 2005) «Калодзеж» («井») современного китайского писателя Лу Вэньфу (陸文夫, 1927 – 2005) [24]. Лу Вэньфу через трагедию жизни главной героини Сюй Лисо раскрывает проблему феодальных предрассудков и классового давления со стороны общества, которое оставалось в сознании китайского народа на пороге 1980-х гг.

В 1996 году был издан полноценный сборник рассказов китайских авторов «Жизнь после смерти» [25], над которым переводчик Г. Кашуба работал в течение многих лет. Сборник «Жизнь после смерти» включает три тематических раздела: 1) проза 1985-1989 годов (Лу Вэньфу, Ван Цзэнци (汪曾祺), Су Шуян (苏叔阳), Фэн Дэин (冯德英), Чан Цзе (张洁), Я Дин (亚丁) и другие); 2) революционная героика в произведениях 1950-х годов, представленная в рассказах Ван Юаньцзяна (王愿坚); 3) древние басни, сказания и анекдоты. Тема жизни и смерти является лейтмотивом всех вошедших в сборник произведений. Сборник «Жизнь после смерти» представляет собой уникальное явление для отечественной синологии. Отобранные произведения китайских прозаиков были трансформированы с оригинальных текстов и фактически не имеют аналогов переводов на русский язык.

В 1999 году в Беларуси был издан знаменитый роман Лян Сяошэна (梁晓声) «Исповедь бывшего хунвэйбина» («一个红卫兵的自白») [26] в переводе Г. Кашубы. Роман «Исповедь бывшего хунвэйбина», изданный в 1988 году и тепло принятый китайскими критиками, представляет собой живой документ, написанный свидетелем и участником переломных событий в истории Поднебесной, а именно: о первых годах «культурной революции». Писатель анализирует психологию личности «хунвэйбинов» и общества в целом, раскрывает особенности быта и нрава китайцев, даёт представление о переменах, происходящих в Поднебесной с началом «культурной революции».

С начала 2000-х гг. основную задачу функцию по изданию переводной китайской литературы взял на себя ежемесячный журнал «Всемирная литература» [27]. Первоначально рубрика, посвященная художественному наследию мысли Поднебесной, носила название «Альманах китайской литературы “Великий дракон”» и являлась составной частью журнала наряду с другими произведениями зарубежной прозы и поэзии. На страницах журнала была опубликована китайская народная повесть XVII-XVIII вв. «Юй Боя, скорбя о друге,

разбивает цитру» (в переводе В. Вельгуса), а также «Мифы древнего Китая» в художественном переосмыслении авторитетного китайского ученого профессора Юань Кэ (над переводом работали Е. Пузицкий, В. Сорокин и др.).

Следующим шагом по распространению китайской прозы на территории Беларуси стали специальные выпуски «Всемирной литературы» (2001 – 2004 гг.), приуроченные к годовщине образования КНР. Публикации, представленные в первом отдельном издании журнала «Всемирная литература» [28], отражали становление «новой литературы» Китая (1917 – 1949 гг.) в первые десятилетия. Наследие корифеев китайской словесности XX в. Лу Синя и Мао Дуня, уже хорошо известное отечественному читателю, было объединено в рубрике «Новые переводы». Рассказ писателя Жоу Ши (柔石, 1902–1931 гг.) «Мать-рабыня» («为奴隶的母亲») также был опубликован на страницах журнала (перевод Л. Урицкой). В произведении китайский автор создал правдивый образ женщины-матери, представительницы среднего класса конца XIX – начала XX в., которая сталкивается с постоянным моральным и физическим насилием со стороны мужа и общества в целом. Мать-рабыня у Жоу Ши – это одинокая и беззащитная женщина, загнанная в тупик обществом, но способная на самопожертвования ради благополучия собственного ребёнка:

Рассказы Ба Цзиня «Неустрасимый боец» («坚强的战士») [22] и «Свет лампы» («灯») [23] были представлены в переводе М. Черкасовой и Г. Кашубы.

Впервые на страницах журнала «Всемирная литература» появляются рассказы Лао Шэ «Маленькое Божество» («微神») [212] и «Раздумья о Бэйпине» («想北平») [213] в переводе Г. Кашубы.

Во «Всемирной литературе» также были широко представлены произведения китайских писателей, которые являлись организаторами и активными участниками «Общества изучения литературы» («文学研究会», 1921–1932 гг.), среди них принято выделять упомянутых ранее Мао Дуня и Лао Шэ, а также Е Шэнтао (叶圣陶, 1894-1988; рассказ «Рис» «飯» в переводе Г. Кашубы) и Бинь Синь (冰心, 1900 – 1999 гг.; рассказ «Наивные рассуждения о любви к морю» («关于爱海的天真推理») в переводе Г. Кашубы).

В 1921 году параллельно «Обществу изучения литературы» была образована литературная группа «Творчество» («创造社», 1921 – 1929 гг.). Среди членов-учредителей нового общества помимо Го Можо, Тянь Ханя и других китайских авторов следует выделить художественный

талант писателя Юй Дайфу (郁達夫, 1896 – 1945 гг.), чей рассказ «Весенние ночи» («春風沉醉的晚上») – один из примеров раннего творчества китайского писателя – был опубликован на страницах журнала в переводе советского литературоведа-синолога О. Фишман.

В следующем выпуске журнала «Всемирная литература» [29], помимо уже известных белорусскому читателю прозаиков Лао Шэ, Лу Вэньфу, Ван Юаньцзяна и Дин Линь, появился ряд новых произведений китайских авторов – представителей литературного процесса второй половины XX века. В данном выпуске было опубликовано одно из ранних автобиографических произведений Ван Мэна (王蒙, 1934 г.) «В орготдел приехал молодой человек» («组织部来了个年轻人»). Рассказы Сунь Ли (孙犁, 1913 – 2002 гг.) «Воспоминание о горах» («山地回忆») и Лю Чжэнь (刘真, 1930 г.) «Длинный-длинный ручей» («长长的流») были представлены в переводе В. Барас. Произведения Лю Байю (刘白羽, 1916-2005 гг.) «Восход солнца» («太阳») и Цзинь Му (晋牧, 1919-1991 гг.) «Земля» («国土») были опубликованы в специальном выпуске журнала «Всемирная литература» в переводах О. Матюшонок. Выпуск журнала «Всемирная литература» завершали избранные главы из философского трактата «Луньюй» («论语»), который был составлен непосредственно учениками Конфуция, содержал его высказывания и беседы великого учителя Поднебесной.

«Всемирная литература» [30] за 2003 год была посвящена 54-й годовщине образования КНР и состояла из произведений, написанных преимущественно

в конце 1970-х – начале 1990-х гг., когда были осуществлены первые шаги «Политики реформ и открытости». Журнал открывался вступительным словом Чрезвычайного и Полномочного Посла Китайской Народной Республики Юй Чжэньци, в котором он утверждал, что рождение настоящего произведения является результатом созидательного труда писателя и основывается на его жизненном опыте.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. тема «культурной революции» занимала центральное место в творчестве многих китайских писателей, что привело к созданию большого количества произведений. Обличительное литературное течение, описывающее ужасы и последствия «мрачного десятилетия», сформировалось в «литературу шрамов» («伤痕文学»), названную по одноименному рассказу Лу Синьхуа (卢新华, 1954 г.) «Шрамы», который был издан в 1978 году (перевод Г. Кашубы). На страницах журнала также были опубликованы следующие произведения китайских писателей: «Платок, развевающийся на ветру» («飘逝的花头巾») Чэнь Цзяньгуна (陈建

功,1949 г.), дебютный рассказ «Тапу» («塔鋪») Лю Чжэньюня (刘震云, 1958 г.), «Та гора, тот человек, та собака» («那山 那人 那狗») Пэн Цзяньмина (彭見明, 1953 г.), «Янтарный костер» («琥珀色的篝火», 1985 г.) Ужээрту (乌热尔图,1953 г.).

Произведения Дин Лин «Цюй Цюбай, каким я его знаю» («我所认识的瞿秋白») [130] и Ай Цина «Воспоминания о старике Байши» («忆白石老人») имеют автобиографичную основу и описывают влияние на творчество китайских авторов таких известных культурных деятелей, как публицист Цюй Цюбо и художник Ци Байши на творчество китайских авторов. В рубрике «лавка букиниста» были опубликованы избранные речения из трактата Хун Цзычэна (洪自诚,1573-1620 гг.) «Вкус корней» («菜根谭»).

В последнем, специальном выпуске журнала «Всемирная литература» [31] (2004г.), посвящённом китайской литературе, был представлен широкий спектр произведений современных писательниц Поднебесной. На страницах «Всемирной литературы» была представлена проза следующих писательниц: Чжан Канкан (张抗抗, 1950 г.), Би Шуминь (毕淑敏, 1952 г.), Ван Аньи (王安忆,1954 г.), Ван Сяони (王小妮, 1955 г.), Те Нин (铁凝, 1957 г.), Чи Цзыцзянь (迟子建,1964 г.) и Сюй Кунь (徐坤, 1965 г.).

В журнале также были опубликованы рассказы Ван Мэна «Этюд о красивом шарфе», Дин Тяня (丁天, 1971 г.) «Детский сад» («幼儿园»), Чжоу Гопина (周国平, 1945 г.) «Девочка. Записки отца» («妞妞»), Лю Цинбана (刘庆邦, 1951) «Туфли» («鞋»), Ши Тэшена (史铁生, 1951-2010 гг.) «Воспоминания о храмах» («庙的回忆»).

Таким образом, рассказы и повести, опубликованные на страницах журнала «Всемирная литература», представляют собой образцы современной художественной прозы Китая. Эти произведения различных литературных течений, которые сформировались после провозглашения КНР и окончания «культурной революции», вызвали общественный резонанс и заслужили высокие оценки критиков Поднебесной. Среди публикаций переводов малоформатной прозы присутствуют художественные адаптации, не имеющие аналогов в постсоветском культурном пространстве. Данные произведения являются достойным вкладом в формирование нового этапа переводов китайской прозы в отечественной синологии. Важное место в парадигме переводов китайской прозы занимают произведения детской литературы, которые следует рассмотреть под отдельным ракурсом с учетом национальной специфики этого корпуса произведений, степени

эстетической функциональности и нравственно-дидактической направленности (см [32]).

Тем не менее, на современном этапе переводы китайской прозы в значительной мере уступают многочисленным качественным адаптациям поэзии: за последнее десятилетие появился лишь один специальный выпуск журнала «Нёман» (2014 г.) с переводами современной прозы Поднебесной [33].

Библиографические ссылки

1. Жуковец, В. В. Китайская литература в Беларуси: этапы и особенности рецепции / В. В. Жуковец // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2016. – №1. – С. 27-31.
2. Кітайская казка. Даос з гары Лао / пер. з кіт // Наша Нива. – 1910. – №23-24. – с.357-360.
3. Кітайская казка. Гульня мячом у падводным царстве / пер. з кіт // Наша Нива. – 1910. – №28. – с.423-425.
4. Кабыржыцкая, Т.В. Рагойша, У.В. Кітайская казка-прытча на старонках “Нашей нівы” / Издательский центр БГУ; науч. ред. И.А. Малевич. – Мінск, 2010. – Вып.8. – С.242-250.
5. Ба Цзін. Хто я такі? / Ба Цзін : пер. з кіт. / ЛіМ. – 1937. – № 27. – С. 4.
6. Эмі Сяо. Кітайская вёска / Эмі Сяо : пер. з кіт. / Работніца і калгасніца Беларусі. – 1939. – № 8. – С. 14–15.
7. Эмі Сяо. Цянь-цзо-мін маўчала / Эмі Сяо : пер. з кіт. / Работніца і калгасніца Беларусі. – 1938. – № 8. – С. 14–15.
8. Яо Цзін. Пра самую вялікую любоў / Яо Цзін ; пер. з кіт. // Польша. – 1951. – № 8. – С. 107–111.
9. Мао Дунь. Вясенні шаўкапрад / Мао Дунь : пер. з кіт. // Польша. – 1953. – № 11. – С. 82–98.
10. Ван Ліі. Сталь / Ван Ліі : пер. з кіт. // Мін. праўда. – 1953. – 1 мая. – С. 4.
11. Пань Чжыцін. Маці і сын / Пань Чжыцін ; пер. Г. Сапрыкі // Работніца і сялянка. – 1953. – № 7. – С. 15–16
12. Лінь Чынь-лань. Дзяўчынка з Тайваня / Лінь Чынь-лань ; пер. з англ. С. Дорскага // Работніца і сялянка. – 1958. – № 11. – С. 16–18.
13. Ма Фэн. Калі загараюцца кастры / Ма Фэн : пер. з кіт. // Чырвоная змена. – 1959. – 1 кастр. – С. 4.
14. Апавяданні кітайскіх пісьменнікаў / пер. А. Сапрыкі. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1953. – 172 с.
15. Дзін Лін. Сонца над ракой Сянгань / Дзін Лін ; пер. Л. Салаўя ; ред. І. Грамовіч. – Мінск : Дзяржвыд БССР. – 1954. – 341 с.
16. Лу Сінь. Апавяданні / Лу Сінь ; пер. Л. Салаўя. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1956. – 380 с.
17. Мао Дунь. Перад світаннем / Мао Дунь ; пер. В. Віткі, Я. Казекі. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1959. – 555 с.

18. Чжоу Лі-бо. Ураган / Чжоу Лі-бо ; пер. В. Віткі. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1959. – 352 с.
19. Стагоддзе на знаёмства:зб. / уклад. А. Бадак. – Мінск : Звязда, 2014. – 304 с.
20. Дун Цюань, Цзян Юань. Сасна: народнае паданне / пер. з кіт. // ЛіМ. – 1987. – №50. – С. 14.
21. Фэн Чжан. Сямейная серанада / Фэн Чжан; пер. Р. Кашубы //ЛіМ. – 1997. – №50. – С.14-15 .
22. Пу Сунлин. Искусство наваждений / Пу Сунлин; пер. В.М. Алексеев // Кэмпі. – 1992. – №4– С.32-33.
23. Ли Чжисуй. Мао Цзэдун. Записки личного врача / Ли Чжисуй; пер. с англ. А. Скоморохова // Нёман. – 1996. – №17. – С. 101-186.
24. Лу Вэньфу. Калодерж / Лу Вэньфу ; пер. Р. Кашубы // Полымя. – 1993. – № 11. – С. 124–163.
25. Кашуба, Г. Жизнь после смерти. Китайская проза 1958–1989 / Г. Кашуба. – Минск : МППО им. Я. Коласа. – 1996. – 229 с.
26. Лян Сяошэн. Исповедь бывшего хунвэйбина / Лян Сяошэн ; пер. Г. Кашуба. – Минск : Лимариус, 1999. – 446 с.
27. Всемирная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал / Ред-изд.уч. «Литература и искусство» под. ред. Г.Бубнова. –Минск, 2000. – №10. – 180 с.
28. Всемирная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал / Ред-изд.уч. «Литература и искусство» под. ред. Г.Бубнова. –Минск, 2001. – №9. – 185 с.
29. Всемирная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал / Ред-изд.уч. «Литература и искусство» под.ред. Г.Бубнова. – Минск, 2002. – №9-10. – 190 с.
30. Всемирная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал / Ред-изд.уч. «Литература и искусство» под.ред. Г.Бубнова. – Минск, 2003. – №9. – 191с.
31. Всемирная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал / Ред-изд.уч. «Литература и искусство» под.ред. Г.Бубнова. – Минск, 2004. – №5. –223 с.
32. Жуковец, В.В Рецепция детской китайской литературы в Беларуси>// Белорусско-китайский культурный диалог : история, и современное состояние: сборник научных статей / редкол.: Ван Дацзюнь и др; под. ред. Хмельницкого Н.Н. – Минск: РИВШ, 2017 – С. 37 – 50.
33. Нёман: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал / под.ред. А. Черота. – Минск: Звезда, 2014. – №10. – 224 с.

«ИЗВЕЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ДУШИ»: ФРАНЦ КАФКА И ЦАНЬ СЮЭ

Крылова С.И.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь*

Говоря о китайской литературе, сразу же на ум приходят такие известные имена как Конфуций, Ли Бо, Лу Синь, Лао Шэ, чьи произведения вошли в сокровищницу мировой литературной классики. Однако литература развивается вместе с обществом, чутко реагируя на все происходящие в нем процессы. И, несмотря на то, что в последние годы в Беларуси наблюдается всплеск интереса к китайскому языку, все еще остается много белых пятен в исследовании китайской культуры и литературы как классической, так и «нового периода» (1978-1989 гг).

Начиная с к.70-х гг. XX в. китайская литература стала развиваться под влиянием следующих социально-политических и культурных факторов: во-первых, окончание мрачного периода «культурной революции» дало толчок развитию направления «литературы шрамов», а второй фактор связан с проникновением в Китай философских идей и литературных принципов западноевропейского модернизма, оказавшего влияние на творчество китайских писателей и поэтов нового поколения. Наиболее яркими представителями китайского модернизма 80-х гг. являются Лю Сола, Сюй Син, Чжан Синсинь, Цань Сюэ. Именно Цань Сюэ с полным правом можно назвать яркой представительницей современной китайской литературы, а ее творчество представляет собой один из интереснейших феноменов современности. По словам Ван Мэна, «это особенная писательница, чья акупунктура мгновенно нащупывает нужную болевую точку в сознании человека» [1].

Цань Сюэ начала писать в нач.80-х гг. Самыми известными ее произведениями являются романы «Диалоги в раю», «Старое плывущее облако», «Улица пяти ароматов». В 1996 г. были изданы сборники статей «Дешифровка Борхеса», «Одинокий странник в Аду», «Возмездие искусства», посвященных исследованию творчества Данте, Борхеса, Шекспира, Итальяно Кальвино. В своих статьях и многочисленных интервью Цань Сюэ говорит о необходимости использовать опыт европейской литературы, чтобы создавать яркие и многогранные произведения, и не скрывает, что творчество западных писателей оказало огромное влияние на ее литературные взгляды и принципы, помогли сформироваться ей как писательнице. Используя философские идеи,

художественные изобразительные средства и приемы западноевропейской литературы, Цань Сюэ воспринимает их с точки зрения китайской системы мировосприятия. Такой синтез помогает писательнице создать свой неповторимый стиль. Для нее важным является не воссоздание деталей и подробностей реального мира, а изображение реальности чувств, так как, по мысли Цань Сюэ, единственно реальным является мир души человека [4].

Творчество Цань Сюэ ассоциируется прежде всего с Ф. Кафкой. В 90-е г. в Китае вышло несколько статей, посвященных исследованию творчества Цань Сюэ, в которых неоднократно упоминалось о влиянии творческого метода Ф. Кафки на формирование эстетической и философской направленности произведений писательницы. Но при этом ее произведения – это не просто слепое копирование или подражание, но воплощение творческой индивидуальности и стиля, попытка выразить проблемы и идеи, волнующие автора. Она неосознанно впитывала все, что давал Запад.

В 1999 г. Цань Сюэ опубликовала монографию «Замок души. Понять Кафку», в которой она называет Франца Кафку своим учителем. Училась она, исследуя его произведения. Она читала произведения Кафки снова и снова, постоянно размышляя, пытаясь проникнуть в самую их суть, и ей удалось создать свой, уникальный и неповторимый, образ великого писателя. Она видела его «чистым литератором», пропуская его рассказы и произведения через свое подсознание, пыталась их разгадать. В итоге она приходит к мысли, что ключевая задача, стоящая перед современными китайскими писателями, – «прорывать оковы традиции, овладеть человеческой психикой» [3].

Как отмечает Дэн Сяоман в своей книге «Цань Сюэ и Кафка», «они [Цань Сюэ и Кафка] способны понимать друг друга сердцем. <...> У каждого из них есть собственный, дерзкий характер, есть мужество пройти через тяготы и страдания, но защитить одинокую душу, сражающуюся за истину. Их пронзительность и прозорливость превосходят пронзительность и прозорливость обычных людей. Внутренним ориентиром для них служат самоанализ и самоисследование, стойкость и способность вынести любую боль. Они способны посмеяться над собой, посмеяться над своей искренней решимостью, над демоном слез и страдания, как над чем-то действительно смешным. Есть у них и угрюмость и отчаяние, безудержная дерзость из крошечной тьмы добровольно еще глубже погрузиться во мрак. Они дробят свое «Я» на кусочки, сознательно

создавая ситуации неразрешимых противоречий, и радуются этим злым шуткам» [3].

Общим для произведений Кафки и Цань Сюэ является идея познания собственной души. Каждое из произведений писательницы представляют собой зарисовку, очень сложную для понимания, жизненного удела человека во всех своих проявлениях, напоминают крепости, выстроенные из чувств, страхов и переживаний. С первой страницы читатель попадает в эту крепость души, наполненную тайнами и загадками бытия.

Абсурдность и стремление соединить несоединимое присущи произведениями Кафки и Цань Сюэ. Абсурд – это воплощение непонимания человека человеком, стремление раскрыть человеческое несовершенство, уродливость. Как пишет китайский исследователь творчества Цань Сюэ Чэнь Сыхе: «Она использует искаженные чувства, чтобы отразить абсурдный, деформированный мир, мир-кошмар. Печали и страхи, туманные намеки и тревоги извращенной психики человека, охваченного манией преследования, ненависть и распри – все переплетается в произведениях Цань Сюэ. В них не только рассказывается о трагедии человеческого существования, но и раскрываются безобразные стороны человеческой сущности. Именно эта особенность произведений писательницы сближает их с произведениями западной литературы абсурда» [6].

Темы одиночества и бесприютности, страха и беспомощности характерны и для творчества Кафки и для произведений Цань Сюэ. Прозу Франца Кафки можно назвать одним большим эссе о страхе, о состоянии человека во враждебном ему мире, человека, обреченного в любой его попытке достичь справедливости, даже если он и проявит активность. Из этой психологии страха вырастает философия человеческого бытия, стоящего вне политики и классовых теорий. Вот эту вселенскую несвободу человечества, окутанного социальными, идеологическими, психологическими и нравственными цепями, и воссоздает в своих произведениях Ф.Кафка. Страх, чувство дискомфорта, ощущение, что кто-то извне постоянно наблюдает за тобой, контролирует тебя, также характерно и для произведений Цань Сюэ. Окружающий мир, изображенный Цань Сюэ в рассказе «Хижина в горах», темный, угрюмый, в доме темно: «Когда мои глаза привыкли к темноте, царящей в комнате, они (домашние) уже спрятались. Они прятались и смеялись» [5]. Благодаря цветовым образам, создается образ мрачного, темного, болезненного мира: например, несколько раз в рассказе упоминается человек с фиолетовыми кругами вокруг глаз; глаз

сестренки вдруг позеленел, а затылок Рассказчика покрывается красными волдырями под взглядом матери.

Идея тотальной отчужденности личности, согласно Кафке, заключается в трагедии извечного одиночества личности, неспособной «сжиться» с миром. Эта идея тотального отчуждения, неустранимого ни при каких обстоятельствах, присутствует и в творчестве китайской писательницы, хотя и претерпевает некоторые трансформации. Как считает Цань Сюэ, для того, чтобы познать себя, свою душу, человек должен отстраниться от себя, взглянуть на себя со стороны. Именно этой идее следует Цань Сюэ в своих произведениях: например, когда герой смотрит на себя, а видит незнакомца. В рассказе «Хижина в горах» Цань Сюэ использует образ зеркала, который можно рассматривать в качестве символической детали, занимающей важное место в реализации художественной концепции Цань Сюэ – необходимость самоанализа, стремление исследовать внутренний мир героя. «Вернувшись, постояла немного у двери. Из зеркала на меня смотрел человек. На его туфли налипли комки глины, вокруг глазниц растекались большие фиолетовые круги» [5]. Важным здесь является тот факт, что в зеркале Рассказчик увидел не себя, а «постороннего человека». Есть еще один эпизод, в котором фигурирует зеркало: отец смотрится в зеркало после того, как попытался достать из колодца нож: «Ну и как-то пошел к колодцу, осторожно спускаю ведро, а веревка тяжелая, скользкая, пальцы разжались, ведро возьми и полети вниз. Я опрометью в комнату, глянул в зеркало – наполовину седой, вот тут, слева» [5]. Обратим внимание, что герои смотрятся в зеркало после значимых событий, произошедших с ними, и как бы видят себя со стороны.

Произведения Кафки – это спокойное, сдержанное описание-повествование, в то время как тексты Цань Сюэ – это эмоциональный водоворот чувств и ощущений, сдерживаемый разумом. Но, несмотря на различие в стилях, они действительно способны пробуждать в читателях тревожные чувства. Причины этой непохожести различны и связаны, на наш взгляд, прежде всего с историческим контекстом: так в образах и коллизиях произведений Кафки воплощены трагическое бессилие, обреченность «маленького человека» и вместе с тем беспощадная жестокость и нелепость буржуазного общества, его законов, обычаев, морали. Поскольку Кафка творил в условиях духовного кризиса и предчувствия приближающейся катастрофы, в его произведениях присутствуют пессимизм и ощущение подавленности. Герои Кафки – борцы, но их борьба бессмысленна» [2]. Для Цань Сюэ всё иначе. Как отмечалось выше, ее творчество – это своеобразный вызов пережиткам прошлого. Хотя в ее произведениях есть место жестокости, равнодушию,

но ее герои, противостоящие этому абсурду, не оставляют попыток преодолеть его, даже если эти попытки тщетны.

События, образы, мысли, поступки героев в произведениях Ф.Кафки связаны между собой чаще всего совершенно алогично, словно видения бредового сна, отрывки мыслей и представлений шизофреника, которые рождаются то в самых простых, то в очень сложных ассоциациях. В «Замке» переплетаются сон и явь. Заснеженный пустынный край, таинственный недосыгаемый замок, странные люди, лабиринты коридоров, горы бумаг и рассыпанные листки. Но этот мир состоит из обыкновенных вещей, в персонажах узнаваемы черты живых людей, все происходит в обстановке простейшего быта. Мистика соседствует с реальностью. Даже личность главного героя остается неясной до конца, откуда он явился, тоже неизвестно. В романе он засыпает и просыпается, ночует всегда на новом месте, выспаться ему удается редко, что подчеркивает впечатление грез наяву [2]. То же можно сказать и о произведениях Цань Сюэ, но все же имеются и некоторые структурные особенности. Согласно концепции самой писательницы, эта хаотичность лишь иллюзия, но подчиняется она жесткой логике. По словам Цань Сюэ, у каждого писателя-модерниста есть своя определенная художественная система, в рамках которой он творит [6].

Как отмечает Н. К. Хузиятова, в своем творчестве Цань Сюэ исследует глубинные пласты сознания отдельно взятой личности. В ее произведениях такие основополагающие элементы реализма, как сюжет, прорисовка характера и даже здравый смысл сведены к минимуму, а то и вовсе отсутствуют; реализуется небольшой диапазон тем, которые она рассматривает в последовательном, но чрезвычайно своеобразном стиле [3]. Главная тема всего творчества писательницы – бесконечное познание себя в противопоставлении другим. Также в круг ее тем входят тема одиночества, тема тщетности и несбыточности надежд, тема страха, абсурдности всего происходящего вокруг. Но вместо того, чтобы, как это делали другие китайские писатели-реалисты, подчеркивать социально-политические причины, которые привели к появлению в сознании человека извращенных межличностных отношений, Цань Сюэ концентрирует внимание именно на этих отношениях, изображая их с помощью гротеска. Поэтому ее произведения, благодаря тому, что социально-политические причины вынесены на периферию повествования, заставляют читателя фокусировать внимание на последствиях общественных, социально-политических событий для человека, его сознания. Именно данный аспект и представляет собой новаторскую попытку Цань Сюэ исследовать метафизические, а не

политические или исторические аспекты существования индивидуума в современном китайском обществе.

Безусловным является тот факт, что для произведений Ф. Кафки и Цань Сюэ характерны аналогичные приемы построения хронотопа. Сочувствуя страданиям человека и человечества, Кафка предпочитал изображать эти беды не в реальных соотношениях и взаимосвязях, а сквозь призму сна, видения, фантастического или мистического миража. У Цань Сюэ и вовсе отсутствует какое-либо указание на время действия, да и место действия указано условно (как, например, в «Хижине на горе»). Для ее произведений также характерно переплетение сна и реальности. По этой причине – трудности понимания и расшифровки многих произведений этих писателей. Как утверждает Цань Сюэ, чтение – это не только средство общения между писателем и читателем, но и способ заставить читателя размышлять, не соглашаться и спорить. Ведь если читатель прочел книгу от начала до конца, и у него не возникло ни одного вопроса или сомнения, то это чтение было бессмысленно, а время потрачено впустую [6].

Несмотря на кажущуюся алогичность, все произведения Цань Сюэ подчиняются определенной художественной системе, основной принцип которой – это противостояние человека и мира абсурда, поиск в этом противостоянии новых смыслов и новых ответов на вопросы бытия.

Обратимся к рассказу «Хижина на горе». Образ «хижины» практически полностью подчиняет себе все действия Рассказчика: залезть на гору и посмотреть, кто же заперт в хижине, становится его навязчивой идеей. Через оппозицию героев в рассказе на прагматическом уровне реализуется идея автора об извращенности, абсурдности действительности. Эта концепция противостояния раскрывается и через хронотоп произведения. Мир, изображенный в рассказе, отличен от привычного нам. Системы времени и пространства искажены, время делится на день и ночь, но это деление весьма условно, поскольку границы между сном и реальностью стираются. Восприятие движения времени в сознании Рассказчика, а значит, и в сознании читателя, изменяется. Невозможно понять, как долго длятся описанные в рассказе события. Ярким примером является эпизод с ножом. Отец утверждает, что уронил нож в колодец, и каждый раз во сне он твердо решает его достать. Но, проснувшись, понимает, что все не так, и ножа он никогда не ронял, да и жена его в этом уверяет: «Во сне понимаю, что вроде бы достать надо. А проснусь, твоя мать начинает убеждать, что ничего такого не было, не ронял я никакого ножа, померещилось. Я соглашаюсь, а ночью – все тот же сон. Лежу, переживаю, нож-то ржавеет на дне, а я не лезу за ним... Долго меня это мучило, вон какие морщины

по лицу побежали. Ну и как-то пошел к колодцу, осторожно спускаю ведро, а веревка тяжелая, скользкая, пальцы разжались, ведро возьми да и полети вниз» (пер. С.Торопцева) [5]. То есть ход событий реальной жизни продолжает свое течение даже во сне, и, наоборот, события сна влияют на реальность. Рассказчик говорит о том, что «с горы камни летят, барабнят в стенку, у вас вон от страха пятки потеют», при этом камни, по его утверждению, летят с горы в реальности, а пятки потеют у всех во сне [5]. Интересна еще одна параллель. Кроме рассказчика до горы нет никому дела, никто на нее не лазит. Получается, что он пытается забраться на вершину в действительности, но при этом слышит, как камни летят с горы во сне. Таким образом, можно говорить о том, что герои живут, двигаясь по собственной пространственно-временной системе координат.

Следует отметить, что Кафка был не единственным писателем, кто оказал влияние на развитие и становление Цань Сюэ как писательницы. Начиная с 90-х гг., в ее произведениях отчетливо ощущается влияние Х.Борхеса, одного из основателей авангардизма в латиноамериканской литературе. Например, она начала активно использовать прием «лабиринта». В данном случае следует отметить, что многие ее произведения – это своеобразные лабиринты. Но у Борхеса лабиринт не влияет на течение сюжета произведения; для его лабиринтов характерна запутанность и таинственность, но всегда есть выход. У Цань Сюэ лабиринт – это образ замкнутого мира, это лабиринт мыслей, полный тупиков, и выхода из него нет.

Опираясь на опыт западноевропейских писателей, Цань Сюэ активно использует мифологизацию. В рассказе «Хижина в горах» мифологизм реализуется через мотив «оборотничества» (отец – волк), нарушение причинно-следственных связей, причудливое совмещение различных временных и пространственных пластов. Мифологическую основу имеет и подъем на гору, что можно толковать, используя параллели с мифом о Сизифе или восхождением Иисуса Христа на Голгофу.

Кроме того, для творчества Х. Борхеса и Ф. Кафки характерным было воссоздание глубинных мифо-синкретических структур мышления (нарушение причинно-следственных связей, причудливое совмещение разных времен и пространств, двойничество и «оборотничество» персонажей), целью которого было обнаружить сверхлогическую основу бытия. И все же творчество Ф.Кафки несомненно стало основой формирования творческого метода Цань Сюэ. Несмотря на то, что она переняла у Кафки некоторые стилистические и композиционные приемы (схожий хронотоп, кольцевая композиция, гротеск, натуралистичность),

поднимает в своих произведениях аналогичные проблемы, ей все же удалось создать свой неповторимый стиль, который характеризуется использованием следующих художественных приемов: 1) прием абсурда; 2) нарушение причинно-следственных связей на всех уровнях произведений, стремление к сочетанию несочетаемого; 3) смещение пространственно-временных координат, соединив категории сна и действительности; 4) прием лабиринта; 5) иносказательность, символизм; 6) использование художественных деталей.

Библиографические ссылки

1. Воскресенский, Д. «Ван Мэн: чувствую, что попал к старым друзьям»/ Д. Воскресенский // Иностранная литература. – 2005. №4.
2. Дмитриева, Л. Проблематика романа Ф.Кафки «Замок»/Л.Дмитриева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prosa.ru.:8004/texts/2003/03/04-117.html>.
3. Хузиятова, Н.К. О влиянии абсурдистской прозы Франца Кафки на творчество современной китайской писательницы Цань Сюэ/Н.К.Хузиятова // Филология и человек. – 2008. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asu.ru/files/documents/00001220.pdf>.
4. Хузиятова Н.К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе/ Н.К.Хузиятова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/137/023.pdf>.
5. Цань Сюэ. «Хижина в горах» //Журнал «Азия и Африка сегодня». – 1990, № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/SUE/hutamong.txt>.
6. Can Xue. “The Aesthetic Activity in Modern Fiction”, unpublished interview by Jonathan Griffith, February 2010. [Электронный ресурс]. – <http://web.mit.edu/ccw/can-xue/files/Can-Xue-Interiew.pdf>.

РОЛЯ НУМЕРАЛОГІЎ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КІТАЙСКАЙ ПАЭЗІЇ НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРЧАСЦІ ЛІ БАЯ

Баравік М. А.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь*

Духоўная культура Старажытнага і сярэднявечнага Кітая ўяўляе сабой цэльны, сінкрэтычны феномен, у якім суіснуюць і ўзаемапранікаюць навуковыя, лагічныя, касмаганічныя, паэтычныя, эстэтычныя, філасофскія сістэмы. Традыцыйная кітайская культура адзначаецца зачаткавай (маісцкай і будыйскай) ступенню развіцця

лагічных катэгорый і апорай на вынаходніцтвы канфуцыянскага варажбітнага канона “Іцзін”. У рамках станаўлення кітайскай метадалогіі (II – III стст. н.э.) менавіта нумералогія і яе класіфікацыйныя схемы стаюць універсальным катэгарыяльным апаратам.

Вучэнне пра сімвалы *сян шу чжы сюэ* (象数之学) з’яўляецца ўніверсальнай і агульнапрынятай метадалогіяй філасофскіх і навуковых ведаў у традыцыйным Кітаі [1, с. 419]. Менавіта сімвалы *сян* (象), а не словы і пісанні лічыліся здольнымі вычарпальна выражаць вышэйшыя ідэі *і* (意).

Нумералагічная метадалогія непарыўна звязана з асаблівым кітайскім феноменам універсальнага класіфікацыянізму. Сінолаг Тань Аашуан сцвярджае, што лічбы выступаюць ключавым элементам у канцэптуалізацыі свету кітайцамі, што ярка адлюстроўваецца ў структуры кітайскай мовы і тэкстаў на ёй [2, с. 77]. Уплыў нумералогіі на архітэктоніку гістарычных літаратурных помнікаў праяўляецца ў гранічнай фармалізаванасці, прасякнутасці шаблоннымі фразамі, схемамі і структурамі выказвання. Яскравым прыкладам ужывання нумералагічных сродкаў у рамках спекулятыўнай думкі служыць наступная цытата з трактата “Хуайнаньцзы” (《淮南子》, II ст. да н.э.): “Неба – адзін, зямля – два, чалавек – тры. Тройчы тры – дзевяць. Дзевяць разоў па дзевяць – восемдзсят адзін” [3, с. 79].

Заходняя і савецкая сіналогія па меры свайго развіцця і станаўлення па-рознаму апісвала значэнне нумералагічнай сістэмы ў традыцыйным кітайскім мысленні. М. Гране лічыў нумералогію метадалогіяй “карэлятыўнага мыслення”, але разумеў яе пазаматэматычна. А. Грэм указвае на ўсечалавечую ўніверсальнасць нумералагічнага мыслення. Сярод савецкіх даследчыкаў кітайскай нумералогіі выдзяляюць У. Спірына, А. Карапецьянца і А. Кобзева. А. Карапецьянц лічыць нумералогію псеўданавуковай гульні з лічбамі і супрацьпастаўляе ёй *сі тун* (系统) – метанавуковы апарат. А. Кобзеў уводзіць паняцце нумералагічнай метадалогіі, у якой спалучаюцца сінкрэтычнае адзінства думкі, пачуцця і ацэнкі, антропацэнтрызм і калектывізм [4].

У аснове кітайскай нумералогіі ляжаць тры тыпы аб’ектаў (гл. табліцу).

Аб’екты кітайскай нумералогіі

Сімвалы	Лічбы	Анталагічныя праявы сімвалаў і лічбаў
<ul style="list-style-type: none"> • трыграмы, <i>ба гуа</i> (八卦); • гексаграмы; 	<ul style="list-style-type: none"> • дзесятковай групы (一, 二; 百, 千 і г. д.); • групы зямных галін 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>інь ян</i> (阴阳); • <i>у сін</i> (五行:

Сімвалы	Лічбы	Анталагічныя праявы сімвалаў і лічбаў
	(子, 丑, 寅, 卯 і г. д.); • групы нябесных слупоў (甲, 乙, 丙, 丁 і г. д.);	火, 水, 木, 金, 土).

Гуа з’яўляюцца адной з самых арыгінальных і фундаментальных агульнаметадалагічных катэгорый кітайскай філасофіі, якая адначасова азначае канстытутыўныя элементы дзвюх універсальных класіфікацыйных схем (8 трыграм і 64 гексаграмы) [5, с. 8]. Гуа аб’ядналі ідэі геаметрычнай сімвалізацыі і лічбавай камбінаторыкі, якія генетычна звязаны з квадратам-табліцай *ло шу* (洛书) – нумералагічным квадратам для геамантыі, у якім янскія (няцотныя) лічбы размяшчаюцца на вузлавых пазіцыях, а кожны рад лічбаў у суме дае 15.

У кітайскай нумералогіі выдзяляецца чатыры класіфікацыйныя экстрэмуны: 1, 5, 8, 12. Апошні лік утварае групу зямных галін *дзі чжы* (地支) – цыклічных знакаў эпохі Шан-Інь (XVI – XI стст. да н. э.), адпаведных дванаццаці месяцам календара і ўжываня ў рытуальных практыках. Восем і дванаццаць выступаюць базавымі светапогляднымі кітайскімі дамінантамі, якія адсылаюць да старажытных касмалагічных уяўленняў пра касмічны актаэдр [6, с. 39].

Паводле Э. Ліп, лічба 1 асацыюецца з пачаткам усіх рэчаў, карэлюе з адносінамі непадзельнасці і ўяўленнямі пра дасканалую існасць [7, с. 15]. Парадаксальнасць кітайскага нумералагічнага мыслення выяўляецца ў адносінах паміж лічбамі 1 і 5: пяць мае ў сваім складзе адзін, але адзін больш за пяць. Асаблівасць нумералагічнай лічбы 1 заключаецца ў тым, што яна не ўтварае асобнай класіфікацыйнай схемы. Пры гэтым лічба і адпаведны ёй лічэбнік суадносіцца з нумералагічнай катэгорыяй “*тай цзі*” (太极) – манадычнай катэгорыяй “*вялікая граніца*”, якая мае сваё паходжанне ад кітайскіх касмаганічных уяўленняў і ўвасабляе непадзелены стан сусвету. Адзін – гэта пачатак сусвету і аснова “*дзесяці тысяч рэчаў*” (万物): “*Даа спараджае адно, адно спараджае два, два спараджае тры, тры спараджае процьму рэчаў*” [8, с. 237]. Такім чынам, паводле Лаа-цзы, адзінка выклікае спараджэнне сусвету. Падобную ідэю атрымліваюць у спадчыну і пазнейшыя помнікі кітайскай філасофскай думкі, напрыклад, трактат “*Хуайнаньцзы*”: “*Адзін было сутнасцю ўсіх пачаткаў*” [3, с. 284].

У аснове стандартных для традыцыйнага Кітая нумералагічных схем ляжаць тры фундаментальныя лічбы: 2, 3 і іх сума 5. Дадзеную

іерархічнасць нумералагічных схем і лічбаў адзначае старажытны летапіс “Цзочжуань” (《左传》, VI ст. да н.э.). Мы выдзяляем тры класіфікацыйныя матрыцы кітайскай філасофіі і нумералогіі:

- двайковую: пара натурфіласофскіх першапачаткаў інь ян, што выражае ідэю парнасці, якая прыпісваецца ўсяму існаму;

- тройчыю: трыяда, элементамі якой з’яўляюцца паняцці Неба *цянь* (天), Чалавека *жэнь* (人), Зямлі *дзі* (地);

- пяцярковую: пяць элементаў.

Лічбы 2, 3 і 5 прадстаўляюць адпаведныя этапы космагенезу і канструююць пэўную касмалагічную структуру, цесна звязаную з трыма асноўнымі нумералагічнымі катэгорыямі:

- дзядычнай катэгорыяй *лян і* (两仪), што ўвасабляецца ў парах інь-ян, неба-зямля, праяўляе сябе ў адносінах творчасці і выканання, выцягнутасці і прадоўжанасці;

- трыядычнай катэгорыяй *сань цай* (三才), якая адпавядае трыядзе “неба-зямля-чалавек” і ключавому кітайскаму натурфіласофскаму паняццю трох пнеўмаў (三气): іньскай, янскай і гарманізаванай;

- пентадычнай катэгорыяй *у сін* (五行), якая спараджае паняцці пяці радоў, пяці сіл і пяці фаз.

Лічба 2, як адзначае Т. Аашуан, сімвалізуе біпалярнасць космасу, жаночы і мужчынскі пачаткі, гармонію і стабільнасць у сусвеце [2, с. 72]. У дадзенай нумералагічнай лічбе заключаны паняцце парнасці і ідэя сіметрыі. Сярод усіх кітайскіх лічэбнікаў толькі “два” мае асобныя лексічныя адзінкі для выражэння адпаведна парадкавага (二) і колькаснага (两) значэння. Дзялімасць і падваенне праяўляецца ў кітайскім падзеле часу. Кожны год у традыцыйным кітайскім летаблічэнні характарызуецца двума цыклічнымі знакамі з груп зямных галін (地支 – *дзі чжы*) і нябесных слупоў (天干 – *цянь гань*), якія, у сваю чаргу, у спалучэнні ўтвараюць шаснаццацірычны цыкл (十六甲子) кітайскага сельскагаспадарчага календара.

Фундаментальнай метадалагічнай катэгорыяй нумералогіі Кітая з’яўляецца *сань у* (三五 – літаральна “тры-пяць”), згодна з якой светабудова ўяўляецца заключанай ў рамкі ўніверсальнай прасторава-лічбавай мадэлі [6, с. 228-287]. *Сань у* выступае адзінствам адрознага, злучанага ў супрацьстаянні на вышэйшым, узнятым узроўні. Катэгорыя *сань у* адначасова ўтварае пятнаццацірычную схему 3x5. Устойлівасць катэгорыі, яе фундаментальнасць пацверджваецца пранікненнем у архітэктоніку літаратурных тэкстаў. У прыватнасці, арганізацыя раздзелаў, колькасць паэтычных тэкстаў, колькасць радкоў і знакаў

канфуцыянскага канона “Шыцзін” дае падставы сцвярджаць, што ён пабудаваны на аснове траіста-пяцярычнай катэгорыі.

Тэтрадычная катэгорыя *сы сян* (四象) фармулюе рад касмалагічных і метадалагічных паняццяў: малы і вялікі ян, малая і вялікая інь, – суадносіцца з прасторава-часавай арганізацыяй сусвету (чатыры бакі свету 四方 і чатыры пары года 四时).

Кітайскае паняцце пяці элементаў і адначасова пентадычная катэгорыя *у сін* цесна знітавана з канцэпцыяй ўзаемнага спараджэння і пераадолення стыхій, якая прадугледжвае розныя віды класіфікацыйных элементаў. Пры гэтым даследчыкі выдзяляюць розныя класіфікацыйныя парадкі пад аднымі і тымі ж назвамі. Так, калі схема спараджэння (дрэва – агонь – зямля – метал – вада – дрэва) супадае ў версіях А. Кобзева і Т. Аашуан, то схема пераадолення мысліцца даследчыкамі ў процілеглай паслядоўнасці. Больш за тое, А. Кобзеў сярод асноўных выдзяляе таксама парадак метал – дрэва – вада – агонь – зямля [6, с. 287-338].

Лічбавы рад ад аднаго да дзесяці лічыцца найбольш асэнсаваным і важлівым, але нумералагічныя сродкі па-за яго межамі таксама набываюць пэўную семантыку і родавыя адпаведнасці. Гэта перадусім рад ступеняў лічбы 10: дзесяць увасабляе дзесятковую паўнату (十全) і адносіны завершанасці; лічба 100 сімвалізуе даўгалецце і ўвесь народ (老百姓). Ключавой лічбай у дадзеным радзе выступае нумар 10 000 (万) – унікальная пяціразрадная нумералагічная лічба, паказчык вышэйшага разрада ў кітайскім пяціразрадным вылічэнні, сімвал найбольш дыферэнцыяванага ўзроўня класіфікацыі. Узгаданая лічба суадносіцца з уласнай катэгорыяй мірыяды (万物, 万事).

《短歌行》

白日何短短，百年苦易满。苍穹浩茫茫，万劫太极长。
麻姑垂两鬓，一半已成霜。天公见玉女，大笑亿千场。
吾欲揽六龙，回车挂扶桑。北斗酌美酒，劝龙各一觞。
富贵非所愿，与人驻颜光。 [9]

Ва ўстаўным пяціслоўным вершы Лі Бая “Кароткая песня” прысутнічаюць тры лічэбнікі дзесятковай групы (1 і 6), тры лічэбнікі вышэйшых разрадаў (100, 1 000 і 10 000) і чатыры цыклічныя знакі (двойчы ю 酉, сюй 戌 (група зямных галін) і і 乙 (група нябесных слупоў)). Лічэбнік 1 адпавядае першаснаму этапу касмагенічнага станаўлення сусвету, таму Лі Бай ужывае яго для ілюстрацыі першароднага, па-боску вечнага існавання і фундаментальных законаў прыроды: старэння, смяротнасці і аслаблення. Лічба 6 складаецца з дзвюх троек, таму адпавядае тройчай матрыцы “неба-чалавек-зямля”;

шасцёрка драконаў транслюе імпэт лірычнага героя і перавагу жыцця над смерцю, яго жаданне аб’яднаць сусветную трыяду: 《吾欲揽六龙，回车挂扶桑》 (“Жадаю закілзаць я шэсць драконаў, // Калёсамі вярнуцца да фу-сан“)¹. Лічэбнікі 100 і 10 000 Лі Бай ужывае дзеля гіпербалізацыі часовых дыстанцый, стварэння прасторава-часавай велізарнасці сусвету, антытэтычнага зменліваму і няўстойліваму чалавечаму жыццю.

Цыклічны знак зямных галін *сюй 戌* адпавядае першаэлементу зямля; ён ужываецца пры апісанні даоскай бессмяротнай феі Ма-гу, сімвалізуючы перарыўнасць і нявечнасць боскага існавання.

《答湖州迦叶司马问白是何人》

青莲居士谪仙人，酒肆藏名三十春。

湖州司马何须问，金粟如来是后身。 [9]

Верш Лі Бая “Адказваючы ваяводзе Хучжоу, кім ёсць Бай” арганізуецца, як лексічна, так і нумералагічна, у адпаведнасці з будыйскай тэматыкай твора. Сяміслоўная структура радка, неўласцівая аўтарскаму лаканізму, адсылае да будыйскай ідэі ўзыходжання да вышэйшага, да сямі крокаў Буды па касмічных прыступках. У Палійскім каноне фіксуецца спіс з сямі буд мінулага, у якім Гаўтама-буда з’яўляецца сёмай, найбольш поўна ўвасобленай праявай Прасветленага [10, с. 53]. Такая нумералагічная парадыгма адпавядае агульнаму зместу верша, у якім лірычны герой прытрымліваецца ідэй перараджэння і нявечнасці сансарычнага свету : 《金粟如来是后身》 (“З Татхагатам хутка // Нявартае цела з’яднаю”).

Верш адкрываецца намінацыйным пералічэннем трыяды метафарычных мянушак аўтара: пустэльнік сіняга лотаса (*цынлянь цзюйшы*), выгнаны жыхар неба (*чжэсянь*) і святы (*сяньжэнь*). Лічэбнікі ўсіх трох груп лакалізуюцца ў другім радку верша: 《酒肆藏名三十春》 (“У шынках трыццаць вёснаў // Уласнае імя прыкрывае”) Класіфікацыйны экстрэмум 3 у дадзеным творы перагукаецца з трыма характарыстыкамі чалавечага існавання: часовай прыродай ўсіх рэчаў, пакутамі і адсутнасцю ўласнага Я [10, с. 15].

У тым жа радку верша прысутнічаюць нумералагічныя лічбы груп зямных галін і нябесных слупоў: лік ю 酉 (酒), які звязваецца з сусветным накірункам на 270° на захад; лічба нябесных слупоў 戌 у складзе іерогліфа 藏, што карэлюе з адрэзкападобным земляным пачаткам і цэнтраімклівым накірункам. Лі Бай з дапамогай нумералагічных сродкаў фарміруе тыповы для яго творчасці інтраспектыўны рух паэтычнага тэкста. Ужываючы знакі металу і зямлі, ён падкрэслівае канчатковасць чалавечага існавання, яго нязначнасць на

¹ Тут і далей пераклад наш – Баравік М.

фоне магчымасці прасветленага, незямнога і сузіральнага жыцця. Дадзеная ідэя выяўляецца таксама ва ўказанні на захад, які асацыюецца са смерцю, замагільным жыццём і месцазнаходжаннем багоў.

《月下独酌四道·其一》

花间一壶酒，独酌无相亲。举杯邀明月，对影成三人。
月既不解饮，影徒随我身。暂伴月将影，行乐须及春。
我歌月徘徊，我舞影零乱。醒时相交欢，醉后各分散。

永结无情游，相期邈云汉。[9]

Усе тры першыя натуральныя лічбы наяўныя ў вершы “*Пад месяцам п’ю ў самоце віно*”, пры гэтым назіраецца іх узаемны пераход, прасякнуты тонкім сімвалізмам. Ва ўступнай частцы твора ўскосна ўводзіцца вобраз лірычнага суб’екта, чый самотны настрой прыпадабняецца адзінокаму чайніку віна: 《*花间一壶酒，独酌无相亲*》 (“*У марнасці выпіваю чайнік віна, // П’ю ў самоце, адрываючы ад блізкіх*”). Паводле трактата “*Хуайнаньцзы*”, “*адзінка – гэта карань “дзесяці тысячы рэчаў”*”, “*гэта Шлях, што не мае супернікаў*” [3, с. 30]. Вобраз творцы ў сваёй самадастатковасці і адзінкавасці ўяўляе сабой бязмежную стваральную сілу. Ідэя прадуктыўнасці паэтычнага таленту падмацоўваецца класіфікатарам групы *дзічжы*, увасобленай у матыве віна ў тым жа радку (графема 酉).

Далей вобразны змест Лі Бая набывае чыста нумералагічны характар, засяроджваецца на метамарфозе з лічбамі: 《*举杯邀明月，对影成三人*》 (“*Падыхваю келіх, клічу яркі месяц – // Пара ценяў зняцаку патройваецца*”). Іерогліф 对 ‘пара’ ў дадзеным тэксце азначае дуальнасць лірычнага суб’екта. У той жа час кантрасная дыяда суадносіцца з цёмным пачаткам *інь* і можа быць трактавана як апісальнік фантастычна-лірычнай сітуацыі сустрэчы з месяцам, які ў кітайскім светаразуменні валодае жаночымі, а ў творчасці Лі Бая – яшчэ і эратычнымі рысамі. Двайковая матрыца арганічна пераходзіць у тройчую, для якой характэрна ўпарадкаванасць светлага пачатку *ян*.

《寄东鲁二稚子》

吴地桑叶绿，吴蚕已三眠。我家寄东鲁，谁种龟阴田？
春事已不及，江行复茫然。南风吹归心，飞堕酒楼前。
楼东一株桃，枝叶拂青烟。此树我所种，别来向三年。
桃今与楼齐，我行尚未旋。娇女字平阳，折花倚桃边。
折花不见我，泪下如流泉。小儿名伯禽，与姊亦齐肩。
双行桃树下，抚背复谁怜？念此失次第，肝肠日忧煎。

裂素写远意，因之汶阳川。[9]

Пранізлівая аўтабіяграфічная танальнасць верша “*Двум юнакам з Усходняга Лу*” дасягаецца ўжываннем нумералагічных сродкаў у

лексічнай і кампазіцыйнай структурах тэксту. Душэўны цяжар лірычнага героя, абумоўлены разлукай з сям’ёй, канфліткам доўга і пачуцця, грамадскага і індывідуальнага падвяргаецца серыяцыі, нагнаеца і гіпербалізуецца з дапамогай анафары (《折花倚桃边》, 《折花不见我》 – “Зрываеш кветкі, // кранаючы ствол станам гнуткім. // Зрываеш кветкі – // а не бачыш мяне навакол...”), бінарных і тэрнарных лексічных паўтораў (叶, 三; 楼, 桃); графічных рыфмафонаў (向 і 尚, 寄 і 倚). Кампазіцыя верша заснавана на адносінах паўтора і падабенства ў рамках нумералагічных матрыц. Верш Лі Бая адзначаецца дваістасцю вобразаў: лірычны герой і яго сям’я, шынок і персікавае дрэва, дачка і сын. У тэксце лічба 2, змешчаная непасрэдна ў назве верша, суадносіцца з гармоніяй, упарадкаванасцю, якую імкнецца вярнуць лірычны суб’ект. Кітайская дыяда *лян і* выражае творчыя сілы героя, прадстаўніка канфуцыянскага грамадства, у чыёй сістэме маралі выкананне прынцыпу *сяа* (孝) з’яўлялася імператывам.

Для выражэння часавых прамежкаў у вершы двойчы выкарыстоўваецца нумералагічны лічэбнік 3: 《吴蚕已三眠》 (“У княстве У // вусені тройчы праспалі”), 《别来向三年》 (“Ужо тры гады // як пакінуў яго [персікавае дрэва] самотным”). У кітайскіх помніках дадзены лічэбнік часта ўжываецца ў значэнні няпэўнай колькасці: “Цзі Вэньцзы тройчы абдумваў кожную справу, перад тым як прыступіць да яе ажыццяўлення” [11, с. 192]. Трыядычная гарманізаваная катэгорыя *сань цай* узмацняе горыч героя, акцэнтуюе ўвагу на перажываннях і ўзмацняе лірычную танальнасць.

У вершы прысутнічаюць лічэбнікі групы зямных галін у складзе іерогліфаў 酒 (ю 酉), *вэй* 未 і 字 (цзы 子). Цыклічныя знакі паслядоўна адпавядаюць стыхіям металу, зямлі і вады. Парадак пераходу адной стыхіі ў іншую адлюстроўвае адносіны разбурэння, што перагукаецца з тэматыкай верша. “Вада” ў вершы з’яўляецца метафарай слёз лірычнага героя: 《泪不如流泉》 (Спадаюць слёзы твае, // нібы крынічная плынь).

《蜀道难》

噫吁嚱，危乎高哉！蜀道之难，难于上青天！蚕丛及鱼凫，开国何茫然！尔来四万八千岁，不与秦塞通人烟。西当太白有鸟道，可以横绝峨眉巅。地崩山摧壮士死，然后天梯石栈相钩连。上有六龙回日之高标，下有冲波逆折之回川。黄鹤之飞尚不得过，猿猱欲度愁攀援。青泥何盘盘，百步九折萦岩峦……[9]

Проза-паэтычны твор “Цяжкі шлях да Шу” камбінуе рэгулярныя пяці- і сяміслоўныя фразы з нерэгулярнымі ўстаўкамі прозы *саньвэнь* (散文). Лі Бай прысвячае твор сябру, што адпраўляецца на службу ў гарыстыя мясціны, дзе ў эпоху Трох Царстваў (220-280 гг.) знаходзілася

царства Шу. У гэксце паэт выяўляе характэрны для яго творчасці сінтэз канфуцыянскай і даоскай вобразнасці, захоўваючы каштоўнасці доўгу і гістарычныя рэферэнцыі, аздобленыя аніمالістычнымі вобразамі з трактата “Чжуанцзы”, згадкамі пра даоскую багіню Сіхэ і шэсць драконаў.

У творы “Цяжкі шлях да Шу” сустракаецца састаўны лічэбнік 48 000: 《尔来四万八千岁》 (“Нядаўна сорак восем тысячаў год табе [дзяржава] споўнілася”). Той жа лічэбнік прысутнічае ў вершы “Хаджу ў сне па Цяньму, чытаючы вершы” (《梦游天姥吟留别》), толькі ў ім ён служыць для апісання і гіпербалізацыі прасторавых, а не часавых паняццяў. У абодвух разрадах лічэбніка знаходзяцца *іньскія* лічбы, якія адлюстроўваюць магутнасць і неспасцігальнасць часавага прамежка. Лічба 4 ў кітайскай мове традыцыйна мае негатыўную афарбоўку, будучы амонімам да слова “смерць”. Так, у вершы лірычны герой рушыць у небяспечнае падарожжа па абрывах, знаходзячыся блізка да магчымай смерці. У лічбе таксама змяшчаецца адзін васьмярычны экстрэмум, які, паводле кітайскіх уяўленняў, выражае квадрат і зямную паверхню, гэта значыць паўнату і ўсёахопнасць.

Лі Бай выкарыстоўвае лічэбнік дзесятковага рада 100 для выражэння прыблізнай адлегласці, няпэўнага прасторавага прамежку: 《百步九折萦岩峦》 (“За сто крокаў ён [пыл блакіту] дзевяць разоў ахінае стромкія скалы”). У проза-паэтычным утапічным творы паэта Таа Юаньміна “Персікавая крыніца” прысутнічае наступны радок, у якім нумар 100 таксама дэнатуе няпэўную колькасць: 《夹岸数百步》 (“...[персікавыя дрэвы] абступілі берагі на некалькі соцень крокаў...”) [12]. У тым жа радку Лі Бай ужывае лічэбнік 9 у спалучэнні з назоўнікам “выгін”, ілюструючы небяспечнасць падарожжа лірычнага героя. Лічба 9 выступае фундаментальным лічыльным класіфікатарам, фармантам кітайскай табліцы множання “цзю цзю” [6, с. 79].

У творы “Цяжкі шлях да Шу” лічэбнік 10 000 выконвае не толькі гіпербалічную, але і візуалізацыйную функцыю, удзельнічае ў раскрыцці вобразнай сістэмы тэкста. У першым выпадку нумералагічная лічба ўжываецца з назоўнікам “бездань” (《砮崖转石万壑雷》 – “Дзесяці тысяч безданяў навальніца”), у другім выпадку – з назоўнікам “ваяр” (《一夫当关, 万夫莫开》 – “Адзін муж утрымае цэлую заставу – // Дзесяць тысяч ваяроў непрыяцеля”). Нумералагічны сэнс вышэйшага разрада ўвасабляе грандыёзнасць і цяжкасць шляху лірычнага героя, прыўносіць у верш міфалагічна-хтанічныя матывы. Адзінкаваць супрацьпастаўляецца космасу, які адкрываецца перад лірычным героем, што выражаецца ў антытэзе лічбаў 1 і 10 000. Пры гэтым пейзаж *гор і*

рэк (山水) увасабляецца ў адпаведнасці лічэбнікаў груп зямных галін і нябесных слупоў пэўным стыхіям. Іерогліф 仰 змяшчае ў сабе лічэбнік 卯 са значэннем стыхіі дрэва, знак 猛 мае ў сваім складзе лічэбнік стыхіі вады 子, а ў слове 城 знаходзіцца нумералагічная лічба зямной стыхіі 戊.

Аналіз ролі кітайскай нумералогіі ў творах Лі Бая выявіў:

- дэтэрмінаванасць тэматыкі, праблематыкі, архітэктонікі, сістэмы тропаў і стылістычных фігур нумералагічнымі матрыцамі, класіфікацыйнымі канатацыямі і карэлятыўнасцю;
- традыцыяналізм кітайскай літаратурнай думкі і ўстойлівасць класічных мастацкіх прыёмаў;
- неабходнасць ужывання аналізу нумералагічных сродкаў у кітайскім літаратуразнаўстве, спалучэння агульнай літаратуразнаўчай метадалогіі з кітайскай унутрымоўнай і літаратурнай спецыфікай.

У прааналізаваных паэтычных і проза-паэтычных творах Лі Бая пераважаюць катэгорыі *лян і, сань цай, у сін* і адпаведныя ім дваіковая, тройчая і пяцярковая нумералагічныя схемы. Аўтар актыўна ўжывае катэгорыю метадалагічную катэгорыю *сань у* ў яўных (кампазіцыя рэгулярнага верша, экспліцытнае ўжыванне адпаведных лічэбнікаў) і няўных (цыклічныя знакі ў складзе іерогліфаў, суаднесенасць кампазіцыі з ідэалагічнай арыентацыяй твора, разнастайныя віды паралелізмаў і г.д.) формах, што ўпісвае яго творчасць у традыцыю канфуцыянскіх і даоскіх канонаў “Шыцзін”, “Іцзін”, “Цзочжуань”, “Хуайнаньцзы”, “Даадэцзін”. Значнае месца сярод нумералагічных сродкаў у творчасці Лі Бая займаюць лічбы, якія не ўтвараюць уласнай схемы (1, 4 10 і г.д.). Творы Лі Бая выдзяляюцца карэлятыўнымі адносінамі паміж лічэбнікамі, узаемаабумоўленасцю канатацый, а таксама фарміраваннем уласнай нумералагічнай сістэмы (лічэбнік 48 000). Лічбы ў творах Лі Бая найчасцей выступаюць у якасці гіпербалы, эпітэта і сінекдахі. Велізарная колькасць канатацый нумералагічных сродкаў абумоўлена канфесійным сінкрэтызмам творчасці Лі Бая. Выкарыстанне нумералагічных сродкаў у форме графічнай амаграмы ў творах Лі Бая выконвае нязначную ролю. Нумералагічныя лічбы выконваюць мастацкія, метадалагічныя і класіфікацыйныя функцыі, раскрываюць хранатоп твораў і ўводзяць вобразы-міфалагемы. Нумералагічныя лічбы груп зямных галін і нябесных слупоў часцей назіраюцца ў якасці графем ў складзе іерогліфаў, нясуць шэраг уласцівых ім канатацый: накірунак, пара году, адпаведнасць прыроднай стыхіі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. – 2006. – 727 с. С. 419 – 421.
2. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с. С. 71 – 86.
3. Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы. Пер. Л. Е. Померанцевой, сост. И. В. Ушаков. – М.: Мысль, 2004. – 430 с.
4. Рыков С. Ю. Проблема методологических оснований китайской классической философии в современной синологии. / С. Ю. Рыков // История философии. – 2009. – С. 123 – 142.
5. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Щуцкий // 2-е издание под ред. А. И. Кобзева. – М.: Наука, 1993. – 629 с.
6. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии / Кобзев А. И. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 432 с.
7. Лип Э. Китайская нумерология. / Э. Лип // Пер. с англ. М. Горячевой, пер. с кит. М. Богачихина. – М.: Экс-Пресс, 2003. – 136 с.
8. Лаоцзы. Даодэцзин / Сост., пер. И. И. Семенов. – М.: Республика, 1999. – 445 с.
9. 诗词名句网 (Тэксты вершаў і вядомых выслоўяў) [Электронны рэсурс] 李白的诗词全集 (Поўны збор паэзіі Лі Бая). – Рэжым доступу: <http://www.shicimingju.com/chaxun/zuozhe/1.html>. – Дата доступу: 16.04.19.
10. Слово Будды. Обзор учения Будды словами Палийского канона / Сост., пер. на англ. и коммент. Ньянатилоки, пер. с англ. А. Л. Титова и Д. А. Ивахненко под ред. В. Г. Павлова. – М., Содружество буддизма традиции Тхеравада, 2005. – 63 с.
11. Переломов Л. С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н. э. – XXI в.) / Л. С. Переломов. – М., «Стилсервис», 2009 г. – 704 с.
12. 古诗文网 (Сайт старажытнай паэзіі) [Электронны рэсурс] 桃花源记原文 (Арыгінальны тэкст “Персікавай крыніцы”). – Рэжым доступу: <https://so.gushiwen.org/shiwen/73add8822103.aspx>. – Дата доступу: 16.04.19.

РЕИНКАРНАЦИЯ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «УСТАЛ РОЖДАТЬСЯ И УМИРАТЬ»: СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ-ПЕРСОНАЖЕЙ

Альшевская А. С.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, 77schevskaya@mail.ru*

Роман китайского писателя Мо Яня «Устал рождаться и умирать» неоднократно признавался лучшим произведением писателя, а также был удостоен премии Ньюмена по китайской литературе. Роман сочетает

в себе как исторические события, так и мифологию. История рассказана от лица богатого землевладельца Симэнь Нао, казнённого во время земельной реформы 1950 г., который, перерождаясь в различных животных, наблюдает за историческими событиями коммунистического Китая в течение 50 лет.

В основу сюжета положено представление о реинкарнации (лат. *reincarnatio* – «повторное воплощение») – переходе бессмертной души из одного тела в другое. Представление о переселении душ характерно для буддизма – одной из трех религий, распространенных в Китае. Закон причинно-следственной связи гласит, что за благие дела душа воплощается в высших мирах (например, в человека), а за плохие – в низших: станет животным и будет страдать, отрабатывая карму, чтобы потом переродиться на высшей ступени – человеком. Так, главный герой Симэнь Нао принимает облики различных животных: «осла с его вольностью и разнузданностью, вола с непосредственностью и упрямством, свиньи с алчностью и свирепостью, пса с преданностью и заискиванием, обезьяны с проворностью и озорством» [1, с. 122], и только в конце перерождается человеком – большеголовым ребёнком Лань Цяньсуем.

Повествование начинается с того момента, когда главного героя романа Симэнь Нао, не признавшего своей вины и продолжающего утверждать, что с ним поступили несправедливо, после двух проведенных лет в аду отпускают на землю, но уже не в человеческом, а в зверином облике – отрабатывать кармический долг.

Согласно законам реинкарнации положительные поступки, мысли влекут за собой благоприятные последствия, а отрицательные действия – плохие. Об этом говорит и Яньло-ван (владыка ада в китайском фольклоре): «Слишком многие в мире людей живут с ненавистью в душе... Мы не хотим, чтобы ненавидящая душа вновь перерождалась человеком» [1, с. 665]. Именно ненависть Симэнь Нао к своим убийцам, нежелание смириться, стремлением отомстить («Хочу снова стать Симэнь Нао и свести счёты со всеми!» [1, с. 25] – заявляет он) является причиной необходимости стольких его перевоплощений в животных. Следовательно, целью подобного перевоплощения души является ее эволюция.

Почти в каждом из обликов Симэнь Нао пребывает около десяти лет, причем каждое из них соотносится с определенным периодом китайской истории. В романе описана целая эпоха из истории Китая: создание первых сельскохозяйственных кооперативов, борьба с подрывными элементами, культурная революция, смерть Мао Цзэдуна.

Возникает вопрос: «Почему главный герой перевоплощается именно в этих животных и почему именно в данной последовательности?» Вероятно, каждое животное способствует наиболее полному отражению характера той или иной десятилетки в истории коммунистического Китая. Например, перерождение хрюком происходит «в золотой свинский век», когда «немало людей захотят переродиться в этот мир свиньями, а ещё больше родившихся людьми будут страдать от того, что живут хуже свиней» [1, с. 272]. Данный период отражает события, происходившие по всей стране в период Большого скачка, заканчивающегося в результате провалом. Именно рассказ от имени животного дает автору возможность показать все негативные проявления того времени, никого не жалея, не стесняясь в выражениях.

Повествование в романе ведется от первого лица. В начале создается впечатление, что рассказ осуществляется от лица антропоморфного нарратора (о таком явлении, как антропоморфность нарратора, пишет В. Шмид в книге «Нарратология») – рассказчиком является не человек, а животное. В. Шмидт отмечает, что «повествующая инстанция может быть личностной, но в то же время не быть человеком» [2, с. 40]: «нарратор может стоять «ниже» человека, быть животным» [2, с. 40]. Например, в постмодернистском романе Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», где в первой главе «Безбилетник» в качестве повествователя выступают личинки червя древоточца, которые рассказывают свою версию событий, происходящих во время всемирного потопа. В качестве классического примера повествующего животного В. Шмид приводит «Золотого Осла» Апулея, аргументируя это тем, что «во всех этих текстах нарратор повествует в образе осла, в которого он был превращен» [2, с. 40], что с нашей точки зрения является неверным, поскольку данный персонаж изначально был человеком, который под воздействием зелья принял зооморфный облик, следовательно, является не антропоморфным существом, а человеком в облике животного, то есть пассивным метаморфом – подвергшимся метаморфозам (превращениям). Данное утверждение верно и относительно героя романа Мо Яня. Симэнь Нао перед перевоплощением в осла, не желая забыть все горести и страдания из своей человеческой жизни, отказывается выпить напиток, который заставляет забыть прошлое. «Пусть все горести, тревоги и озлобление остаются в моём сердце, иначе возвращение в мир людей теряет всякий смысл» [1, с. 11], – заявляет он. В результате его человеческая душа оказалась заключена в теле животного. По этой причине его, как и нарратора в произведении Апулея, нельзя отнести к категории

антропоморфных нарраторов.

Но при дальнейшем чтении романа оказывается, что на самом деле нарратором является большеголовый ребёнок Лань Цяньсуем (далее – Большеголовый), в которого после пяти животных жизней перерождается Симэнь Нао. Это становится понятно из вставленной в основное повествование беседы сына бывшего батрака Симэнь Нао Лань Цзефана и Большеголового. Но не все так однозначно, так как каждая история, рассказанная данным нарратором, – это три совершенно разные истории осла, свиньи, собаки, которые обладают разным мировоззрением, характером, темпераментом, следовательно, и язык повествовательной манеры каждого в значительной степени отличается: общее настроение рассказа, лексика (например, осёл использует большое количество ругательных слов) и т. п. По этой причине нельзя однозначно воспринимать повествование Большеголового о своей жизни в шкуре осла, свиньи, собаки как рассказ от имени одного нарратора, так как каждый раз при перевоплощении развивается новая личность индивидуума, но одновременно определённая часть его человеческого «Я» остаётся неизменной, переходя из одного воплощения в другое.

В роли рассказчика выступает не только сам Симэнь Нао в образе различных животных, но и сын бывшего батрака Симэнь Нао Лань Ляня и его наложницы Инчунь – Лань Цзефан. Именно он, а не сам герой рассказывает историю жизни вола. Выбор рассказчика мотивируется тем, что когда Симэнь был волком, то они с ним почти не разлучались, поэтому всё, что происходило с ним во время данного перевоплощения, ему хорошо известно.

Первая история рассказана от лица осла, который хорошо помнит свою человеческую жизнь и людей из своего прошлого воплощения. Его ослиные мысли и переживания чередуются с человеческими воспоминаниями, переживаниями и восприятием окружающей действительности.

Как замечает сам нарратор, подвергающий анализу особенности сочетания в себе человеческого и животного начал: «болтаешься между человеком и ослом. Ослиное сознание и человеческая память мешаются... Настрадавшись от воспоминаний о человеческой жизни, тут же радуешься ослиной» [1, с. 27].

Анализируя свое внутреннее состояние и восприятие мира, Симэнь Нао приходит к выводу, что именно внешние жизненные факторы влияют на то, какая из его внутренних «Я» начинает доминировать в определенный момент. Занимаясь тем, что связано с жизнью животных, он воспринимает мир с соответствующей позиции. Например, «стоит попасть в рот свежепожаренным соевым бобам,

смешанным с мелко нарезанной соломой, – и я безотчётно принимаюсь жевать их, испытывая при этом чисто ослиную радость» [1, с. 27]. А вот появление людей из прошлой человеческой жизни, наоборот, вызывает в нем воспоминания и пробуждают человеческие чувства и стремления: «Тут в загоне появилось ужасно знакомое лицо, я весь затрепетал, одновременно распахнулись шлюзы памяти, и на меня хлынуло прошлое. «Синьэр, ты жива!» – громко воскликнул я» [1, с. 267].

Животные инстинкты и потребности накладывают на человеческую душу Симэнь Нао определенный отпечаток. Именно поэтому он при перерождении в свинью упирается, когда его пытаются покормить свиным молоком: «Взяв в рот сосок животного, я наполовину утрачу человеческое и безвозвратно погружусь в пучину животного мира» [1, с. 261]. Он не желает, чтобы в нем победило свинское начало, «свинский нрав, свинские предпочтения, свинские желания» [1, с. 261], потому что это превратит его в «свинью с небольшим остатком человеческих воспоминаний» [1, с. 261–262].

При перевоплощениях в животных Симэнь Нао общается не только с людьми, но и с другими животными, причем это происходит способами, характерными именно для животного мира: с помощью запаха, языка тела и т. п. Подробно описывает, как во время своей собачьей жизни он познает мир через запахи.

Приобретение главным персонажем зооморфного облика в процессе реинкарнации в разных животных приводит к постепенной зооморфизации мировосприятия персонажа. Свою оценку сочетания человеческого и животного в поведении и восприятии окружающего мира в пределах одного индивида дает читателям главный герой-повествователь. Например, он отмечает, что «свиньёй я осознавал себя чётко и ясно, человеком – смутно» [1, с. 469].

Если сравнивать все зооморфные ипостаси Симэнь Нао, то в рассказе про осла он больше человек в ослиной шкуре, чем животное: «Из-за опыта прежней жизни человеком осёл из меня всё же необычный получился. Страшно привлекало всё, происходящее в жизни людей» [1, с. 52].

Симэнь Нао, несмотря на свое животное воплощение, продолжает переживать о близких ему людях. Например, о сыне своем Цзиньлуне и дочке Баофэн: «Детки мои детки, как папа тосковал о вас!» [1, с. 25]. Он страдает от того, что они стали детьми других родителей, а он, их отец, превратился в осла.

Он переживает и за судьбу своей жены, раскаивается, что не всегда поступал с ней так, как она того заслуживала: «Ну нет больше сил терпеть, невыносимо слышать плач жены, от её рыданий я и страдал, и

испытывал угрызения совести – как жаль, что не относился к ней по-доброму!..» [1, с. 62–63] Симэнь сожалеет, что с появлением в доме наложниц, Инчунь и Цюсян, совсем перестал уделять ей внимание. Он все время стремится защитить свою жену от издевательств, которым она часто подвергается, нападая в зооморфном облике на ее обидчиков. «Не смей бить мою жену!» [1, с. 106] – кричит он им на зверином языке, но его никто не понимает.

В каждом своем новом животном облике он постоянно подвергается унижениям, всевозможным издевательствам, причем особенно со стороны своего кровного сына Симэня Цзиньлуна. Читатель может только догадываться, насколько тяжело Симэнь переживает такое отношение именно со стороны одного из самых близких ему людей – сына: «А ты, Вол Симэнь, что ты чувствуешь, когда родной сын так жестоко обращается с тобой?» [1, с. 252] – спрашивает его Цзефан. Но даже жестокое обращение с ним сына в период воплощения в вола не заставило Симэнь Нао причинить ему вред. Он терпел все издевательства сына со смирением: «Подоспевший Цзиньлун, размахнувшись, резко опустил кнут на твой круп. Он хлестал, не переставая и всякий раз оставляя кровавый рубец. Но ты не обернулся и не сопротивлялся» [1, с. 152–153], – отмечает Цзефан.

Несмотря на это он продолжает переживать за сына. Так, когда сильно пьяный Цзиньлун подходит к генератору и склоняется над крутящимся маховиком, он готов в любой момент броситься ему на помощь: «Осторожно, сынок!» – рвался из меня крик, и я напрягся всем телом, чтобы, если потребуется, рвануться к нему на помощь» [1, с. 349]. В облике пса он только несколько раз начинает воспринимать себя человеком, забывая, что он не человек. Первый раз, когда увидел сильно избитого Цзефана («Я забыл, что я – вымазанный в уличной грязи пёс, я ощущал себя человеком, связанным с вами общей судьбой» [1, с. 605]); второй раз во время похорон своей бывшей наложницы Инчунь, являющейся матерью двух его детей: «В эти дни из глубин памяти то и дело всплывали затерявшиеся там воспоминания о прошлом, связанные с Симэнь Нао.... Иногда я забывал, что позади уже четыре перевоплощения: мне казалось, что я хозяин усадьбы Симэнь, что горюю по умершей жене» [1, с. 644].

Если говорить о внешнем восприятии главного героя-животного другими персонажами, то их представление о нем имеет антропоморфизирующий характер. Так, несмотря на зооморфное воплощение, его хозяин Лань Лянь относится к нему, как к человеку. Главный герой приходит к умозаключению, что если осла кормят новогодними пельменями с хозяйского стола, то, следовательно, «за

человека я у хозяев, за члена семьи» [1, с. 83]. Когда Лань Ланю предлагают продать травмировавшего ногу осла мясникам, то он заявляет: «А если бы отец твой ногу поранил, ты бы его тоже к мясникам потащил?» [1, с. 144], более того хозяин собственноручно делает для своего осла протез на сломанную ногу. Лань Лянь неоднократно заявляет, что он ему «как сын, как человек, а не как скотина» [1, с. 157], отмечая, что он и «по характеру, как человек» [1, с. 157]. По словам его сына Цзефана, «они жили душа в душу, как братья» [1, с. 127]. Лань Лянь единственный, кто замечает, что у осла и у вола одинаковые глаза, и понимает что вол – это его переродившийся осел Черныш. Лань Лянь верит в реинкарнацию, он рассказывает своему сыну несколько историй о перерождении людей в животных. Так, в одной из них речь идет о человеке, которому умерший отец во сне сообщил о своем скором перерождении в вола.

Как видим, это история о любви и уважении крестьянина к домашнему скоту, разделяющему с ним все тяготы крестьянской жизни. Лань Лянь, как и главного героя Симэнь Нао, не сломали ни система, ни общество. В итоге духовное родство оказывается сильнее кровного. На протяжении всей книги Симэнь Нао вновь и вновь рождается и умирает в родной деревне, в окружении одних и тех же людей: «Перерождаясь из Симэнь Нао в Симэня Осла, Симэня Вола, Симэня Хряка и Симэня Пса, я всегда был тесно связан с этим клочком земли, похожим на одинокий островок в океане» [1, с. 581]. От начала и до конца оставались ему верными чужие по кровному родству люди: его батрак Лань Лянь, первая жена Урождённая Бай и сын батрака Лань Цзефан. А родной сын Цзиньлун в лучшем случае не обращает на него внимания, а в худшем издевается и калечит, а при воплощении в вола и вовсе забывает до смерти.

Антропоморфизированное восприятие персонажа-животного остальными людьми вызвано реакцией на несвойственное для животного поведение. Реакция осла на речь Ван Ляюня, обращенную к нему, вызывает у того ощущение, что осел все понимает: «Э-э, да он, похоже, человеческую речь понимает» [1, с. 93].

Непонятное людям поведение и упорство вола Симэня, его негибкость перед лицом смерти приводит толпу, наблюдающую за ним, к мысли: «Может, это человек, обернувшийся волком? Или дух какой-нибудь?» [1, с. 249]. Особенно их поражает тот факт, что смертельно раненый вол Симэнь поднимается и из последних сил уходит с земли коммуны на землю «единственного во всём Китае единоличника» [1, с. 252] и только там умирает.

Мо Янь подчеркивает разницу между внутренним состоянием

персонажа и внешним восприятием данного состояния окружающими, их интерпретацией событий. Лань Цзефан, рассказывая об одном эпизоде из жизни вола, отмечает: «В этот момент я услышал донёсшийся из-под навеса странный звук – не то плач, не то смех, не то вздох. Его издал вол. Ты что тогда – всплакнул, засмеялся или вздохнул?» [1, с. 194] В ответ получает возражение: «Наверное, не стоит так всё усложнять... Может, у меня тогда ком травы в горле застрял» [1, с. 195].

Во время воплощения в теле свиньи Симэнь Нао целенаправленно демонстрирует окружающим, что он необычная свинья: «Я пошлёпал губами, широко зевнул, закатил глаза и потянулся. В толпе раздался смех, и кто-то сказал: «Э-э, разве это свинья? Ну совсем как человек, всё умеет!» [1, с. 323]. Таким способом он стремится «втиснуться в своём свинском образе в человеческую историю» [1, с. 387].

Как видим, «природный объект «очеловечивается», когда его наделяют признаками, необходимыми в данной культуре, чтобы отнести его к категории «человекоподобных» [4, с. 233]. Например, хряк Симэнь мог «свободно вставать вертикально и ходить на задних ногах, как человек» [1, с. 272]. Как он сам подчеркивает, «далеко не каждого, кто умеет ходить вертикально, можно считать человеком» [1, с. 272]. Так, в повести-притче английского писателя Дж. Оруэлла «Скотский уголок» свиньи перенимают привычки и нормы поведения людей: они переезжают жить в дом своего бывшего хозяина, надевают на себя его одежду, начинают ходить на задних ногах, но подобное «очеловечивание» носит формальный характер, затрагивая только внешнюю сторону процесса антропоморфизации.

После четырёх перерождений человеческие воспоминания Симэнь Нао хотя и не пропали полностью, но на них наложилось уже достаточно много событий из его животных воплощений. В результате пес Симэнь ведет себя в соответствии с тем, кем является. Его интересуют больше события из жизни собак, чем людей: он радуется встрече со своими братьями-собаками, переживает смерть своей матери-собаки.

Изображая мир животных изнутри, Мо Янь создает антропоморфизированное мироустройство (социоморфизм) мира зверей. Подобное явление можно наблюдать, например, в повести-сказке С. Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», сказке Р. Киплинга «Маугли», где показан самый настоящий мир животных.

Так и в романе Мо Яня в собачьем обществе есть определенная социальная иерархия: ядром являются овчарки, а пес Симэнь их председателем, у которого есть заместители (Ма и Люй), а также «десяток начальников филиалов» [1, с. 546]. Организовываются периодически собрания собак, которые проводятся как по поводу

печальных событий, например, смерти одного из псов («В этом месяце, – продолжал я, – нас, к сожалению, покинул наш любимый брат мастиф, поэтому давайте все вместе трижды пролаем, чтобы проводить его душу на горние пастбища» [1, с. 546], так и с целью отпраздновать какие-либо важные события. Например, в честь месяца со дня появления трёх детишек у сестры пса Симэня. Собаки тайно от людей собираются по ночам, чтобы «петь, танцевать, беседовать, пить вино, есть пирожные» [1, с. 546].

Они соблюдают определенный этикет, например, «удовлетворённо кивнув, я попрощался с Ма за лапу» [1, с. 550]. Пес Симэнь, обращаясь к собакам, называет их братьями и сёстрами. Подчеркивая социальную разницу между собаками, он отмечает, «мелкобуржуазный дух» пекинесочки Мэри, называющей собак, состоящих в данном сообществе, некультурными. «Вот мы, пекинские собаки, на party лунного света являемся в шикарных украшениях и прекрасно проводим время. Все танцуют, говорят об искусстве. Если пьют, так красное вино понемножку или воду со льдом» [1, с. 548], – заявляет она.

Как видим, некоторые эпизоды романа, посвященные жизни собак, напоминают отдельные моменты романа Э. Т. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра», где «официальное немецкое общество изображено как царство животных» [4, с. 30], а описание ночных сборищ собак «кошачьи бурши, с попойками, пением песен, заздравными и надгробными речами, гимнастическими занятиями, любовными похождениями, драками и дуэлями» [4, с. 32], являющиеся пародией на «немецкие студенческие союзы – буршеншафты» [4, с.32].

При своем последнем перевоплощении в животное Симэнь Нао перерождается в обезьяну, что, по словам Яньло-вана, «уже очень близко к человеку» [1, с. 665]. Согласно Дарвину, человек произошел от обезьяны. Вероятно, по этой причине Р. Киплинг в сказке «Маугли» изображает негативную сторону человеческого общества на примере обезьяньего народа, а французский писатель П. Буль в романе «Планета обезьян» противопоставляет антропоморфизированных обезьян и зооморфизированных людей друг другу, меняя их местами.

Каждое новое перерождение даёт душе главного героя необходимое успокоение. Если осёл Симэнь жаждет мести, старается защищать Урождённую Бай, ревнует свою бывшую наложницу Инчунь к Лань Ляню, ненавидит предавшую его У Цюсян, то свинью Симэнь уже в большей степени волнует удовлетворение своих личных животных потребностей, а собака уже не вмешивается в жизнь людей, понимает, что к ней всё это не имеет никакого отношения, поэтому ограничивается лишь выполнением своих непосредственных собачьих обязанностей.

Стоит разграничить такие понятия, как «личность» и «индивид». «Индивид – это человек как отдельно взятый представитель человеческого рода в целом» [5, с. 357]. «Личность – это человек в аспекте его социально значимых и индивидуально-психических характеристик» [5, с. 357]. Следовательно, быть по своей биологической природе человеком – это еще не значит быть личностью. Большинство испытываемых чувств Симэнь Нао по своему характеру деструктивны, жизнеотрицательны, следовательно, изначально он еще не личность. Он хочет отомстить всем своим обидчикам, а «личность всегда озабочена утверждением жизни и противостоит жизнеотрицанию» [6, с. 20], причем самые жизнеутверждающие взаимоотношения между людьми построены на любви и дружбе.

Только при перерождении собакой Симэнь Нао смиряется и начинает иначе относиться к происходящему: «попадаешь куда-то – поступай как там принято. Родился в свинарнике и не сосёшь материну титьку – помрёшь с голоду. Родился в конуре и не жмёшься к материнскому брюху – подохнешь от холода» [1, с. 494]. Самый главный вывод, который делает Симэнь Нао, заключается в том, что «люди должны смотреть вперёд и меньше возвращаться к старым счетам истории» [1, с. 580]. Следовательно, необходимо перестать жить обидами.

Перерождения в животных сделали бывшего землевладельца человечнее: в осле Симэнь ещё так много человеческих обид и негодования от несправедливости, но пёс Симэнь забыл о ненависти и смотрит на мир с большей мудростью, спокойствием и любовью. Следовательно, побывав в шкуре разных животных, его душа эволюционировала, сделав его духовно развитой личностью. В итоге седьмым перевоплощением героя становится рождение человеком, а сам роман заканчивается началом повествования Большоголового своей истории реинкарнации Цзефану.

Вывод: Приобретение главным героем романа зооморфного облика в результате процесса реинкарнации и перерождения разными животными приводит к постепенной зооморфизации его мировосприятия. Если говорить о внешнем восприятии главного героя-животного другими персонажами, то их представление о нем имеет антропоморфизирующий характер. Только при воплощении собакой главный герой перестает воспринимать мир, как человек. В результате и восприятие его окружающими перестает быть антропоморфизированным. Повествование от лица персонажа-животного вызывает антропоморфизацию мироустройства и взаимоотношений между животными. Особенно наглядно это видно на

примере сообщества собак, которое возглавляет, перевоплотившийся в пса, главный герой романа. Несмотря на внутреннюю зооморфизацию, душа Симэнь Нао эволюционирует, претерпевает личностный рост, переходя на более высокий уровень духовного развития.

Библиографические ссылки

1. Мо Янь. Устал рождаться и умирать: [роман] / Мо Янь; [пер. с кит., примеч. И. Егорова]. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – 703 с.
2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
3. Морозов, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма) / И. А. Морозов. – М.: «Индрик», 2011. – 352 с., ил.
4. Миримский, И. Эрнст Теодор Амадей Гофман / И. Миримский // Гофман, Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра: Роман. Золотой горшок; Щелкунчик и мышинный король: Повести: Пер. с нем. И. Миримского. – Мн.: Маст. літ., 1989. – 528 с.
5. Философия: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.С. Стёпин [и др.]; под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ, 2006. – 624 с.
6. Андреев, А. Н. Основы теории литературно-художественного творчества: пособие для студентов филол. фак. / А. Н. Андреев. – М.: БГУ, 2010. – 216 с.

КИТАЙ И БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И СТРАНОВЕДЕНИЕ

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Морозов А.В. , Морозова Т.А.

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Калиновского, 12, 220086, г. Минск, Беларусь, morozoff.bel@mail.ru
Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, morota2012@yandex.ru*

В истории человечества взаимодействие цивилизаций Востока и Запада было представлено в широком диапазоне – от мирного взаимовлияния до самоизоляции и открытого противостояния. Основа устойчивого развития в XXI столетии стран и народов, относящихся к цивилизациям Востока и Запада, – социокультурное созидание и интенсификация межкультурного диалога.

В начале XXI века межкультурный диалог стал ключевым понятием международной и внутренней политики; в условиях кризиса доминировавшей на Западе на протяжении последних десятилетий политики и практики мультикультурализма межкультурный диалог рассматривается (цитируя координатора Совета Европы по вопросам межкультурного диалога, с июня 2012 года – заместителя генерального секретаря Совета Европы Габриелу Баттаини-Драгони) как «профилактический метод предотвращения конфликтов внутри общества, как политический ответ на угрозы, вызванные культурным многообразием, как противодействие социальному расслоению, стереотипам, расизму и дискриминации» [1, с. 1].

7 мая 2008 года в Страсбурге на 118 сессии Комитета министров иностранных дел стран-членов Совета Европы была утверждена «Белая книга» по межкультурному диалогу» [2] (в 2013 году осуществлён перевод «Белой книги» на белорусский язык).

В «Белой книге» содержатся концептуальные основы и условия межкультурного диалога, политические принципы, рекомендации и ориентиры для его продвижения. Межкультурный диалог понимается как «открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и

языковой принадлежности, имеющими разными исторические корни» [2, с. 10].

«Белая книга» закрепила основные необходимые условия межкультурного диалога [2, с. 20-23]:

1. Соблюдение прав человека, демократия и верховенство закона: этнические, культурные, религиозные и лингвистические традиции не могут быть основанием для того, чтобы препятствовать индивидам в осуществлении их основных прав или участия в общественной жизни, закон же обеспечивает защиту прав и недопустимость дискриминационных решений.

2. Соблюдение равного достоинства и взаимоуважения: межкультурный диалог предполагает открытость к размышлению, способность посмотреть на себя глазами других, требует уважения к индивиду как человеческому существу, равного признания равных ценностей, а также беспристрастного отношения в рамках разделяемых всеми правил.

3. Гендерное равенство: равенство между мужчинами и женщинами является неотъемлемой частью прав человека, и дискриминация по половому признаку препятствует осуществлению прав и свобод человека.

4. Борьба с барьерами, препятствующими межкультурному диалогу: преодоление сложностей общения на нескольких языках, а также политических и административных проблем, связанных с дискриминацией, бедностью, маргинальным положением отдельных групп и эксплуатацией, проявлений расизма, ксенофобии, различных форм нетерпимости, а также дискриминации.

Развитие межкультурного диалога может вестись в пяти взаимосвязанных направлениях [2, с. 42-58]:

- 1. Демократическое управление культурным многообразием;**
- 2. Демократическая гражданственность и участие;**
- 3. Изучение и преподавание навыков межкультурного диалога;**
- 4. Пространства для межкультурного диалога;**
- 5. Международные отношения.**

В рамках концепции межкультурного диалога **интеграция** (социальная интеграция, вовлечённость) понимается как двусторонний процесс и способность людей жить вместе, уважая достоинство каждого индивида, принципы общего блага, плюрализм и многообразие, на основе солидарности и отказа от насилия, а также как их способность принимать участие в социальной, культурной, экономической и

политической жизни. Понятие интеграции охватывает все аспекты социального развития и все направления политики [2, с. 11].

Учитывая специфику историко-культурного развития Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, основополагающие принципы межкультурного диалога этих стран и населяющих их народов могут быть сформулированы следующим образом:

1. Принцип признания самоценности культуры каждого народа, так и общего культурного наследия Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

На страницах «Белой книги» много говорится о самоценности для Европы и мировой цивилизации в целом любой культуры: утрата уникальных традиционных основ невосполнима. Диалог наиболее эффективен в том случае, когда его участники осознают не только имеющиеся различия этнического, культурного, религиозного, языкового и иного характера, но и существование многовековых политических, экономических и культурных связей между государствами и народами Востока и Запада.

2. Принцип толерантности.

Означает принятие, правильное понимание и уважение других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Толерантное отношение рассматривается как социальная ценность, обеспечивающая права человека, свободу и безопасность. Толерантность представляет собой норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и обеспечивает сохранение разнообразия, естественного права на отличность, непохожесть, специфику.

На территории Республики Беларусь и Китайской Народной Республики необходимо совершенствовать (и в тактическом, и в стратегическом плане) политику межкультурного диалога во всех типических проявлениях данного процесса (этнической толерантности как терпимости в отношениях между представителями разных этносов; политической – между субъектами политики; толерантности в пространстве взаимоотношений «резидент – мигрант»; толерантности в аспекте «регионы – центр» и др.).

3. Принцип эмпатии.

В современной теории межкультурных коммуникаций межличностный аспект эмпатии понимается как разделение (сопереживание) чужих чувств и состояний в качестве инструмента познания человека иной культуры. Эффективная культурная политика должна формироваться на основе активизации в обществе эмпатийной

составляющей духовной культуры как стремления к взаимопониманию сосуществующих и даже противоборствующих, конфликтующих индивидуумов, сообществ, конфессий, социокультурных групп и т.п.

Овладение культурой эмпатических отношений является одним из условий успешного осуществления процесса межкультурного диалога, в том числе на межцивилизационном уровне. Ярко выраженная эмпатия является одной из составляющих готовности к межкультурному диалогу, которая рассматривается нами как интегрированное качество личности, характеризующееся наличием систематизированных знаний в сфере межкультурного взаимодействия (когнитивная составляющая), мотивацией к совместной деятельности в условиях диалога культур (мотивационная составляющая), проявлением этнической толерантности по отношению к представителям различных культур (этическая, поведенческая составляющие), владением практическими приемами этой деятельности (операционально-технологическая составляющая). В целом, готовность к межкультурному диалогу можно рассматривать в качестве компетентности современного специалиста.

4. Принцип многоуровневости.

Необходимо развитие диалога на всех уровнях – внутри обществ, между обществами, отдельными группами и гражданами государств – Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Межкультурный диалог имеет первостепенное значение для интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза [3].

Культурно-исторический опыт модернизаций второй половины XX – начала XXI веков свидетельствует о том, что путь преобразования как залог устойчивого развития любого общества должен быть основан на духовных традициях и исторически сложившемся укладе жизни народа. Специфика модели устойчивого развития конкретного государства определяется национальными интересами внутривнутриполитической стабильности и внешней безопасности, сохранения и развития ценностей материальной и духовной культуры народа.

Интересам национальных государств Республики Беларусь и Китайской Народной Республики отвечает внедрение в духовную культуру и социально-политическую практику основополагающих условий межкультурного диалога. Прежде всего, важно, чтобы усвоение прогрессивного опыта происходило при сохранении цивилизационных особенностей каждого сообщества, его традиционного образа жизни, культуры и менталитета. Кроме того, элементы иной цивилизации, перенесенные на национальную почву, должны творчески

перерабатываются под влиянием местных традиций и ценностных ориентаций.

В результате межкультурного диалога цивилизаций Востока и Запада современная мировая цивилизация приобретает не только форму целостной системы, но и внутреннее многообразие при сохранении идеалов гуманизма в качестве доминанты развития. На укрепление межкультурного диалога Республики Беларусь и Китайской Народной Республики должен быть направлен комплекс научных, образовательных и культурных мероприятий. Многообразные научные форумы, фестивали, концертно-зрелищные и спортивные мероприятия объединяют в общем созидательном действии представителей различных народов, культур. Творческий диалог с теми, кто готов принимать участие в межкультурном диалоге, может и должен стать отправной точкой эффективного процесса взаимодействия и взаимовлияния.

Одной из эффективных форм сохранения этнокультурной идентичности и одновременно осуществления межкультурного диалога являются фестивали: кинофестивали, театральные, фольклорно-этнографические и т.п.

Огромный культурно-исторический опыт по формированию этнокультурной идентичности, сохранению межнационального согласия и активизации межкультурного диалога был накоплен в Республике Беларусь со второй половины 90-х гг. XX века при организации и проведении ставшего традиционным Республиканского фестиваля национальных культур. Данный фестиваль сближает и объединяет все национальные меньшинства, проживающие на территории нашей страны, способствует сохранению национальной самобытности и, вместе с тем, взаимопониманию и взаимообогащению культур. Организационной особенностью данного фестиваля является его многоэтапность: каждый раз его проводят в течение двух лет, сначала в районах, затем в областях республики и, наконец, заключительные мероприятия в столице праздника – многонациональном городе Гродно – областном центре на границе с Польшей и Литвой.

Фольклорно-этнографические фестивали помогают приобщить широкие слои населения к лучшим традициям народного искусства и, кроме того, способствуют воспитанию межэтнической толерантности. Следует распространить опыт проведения подобного фестиваля на всём евразийском пространстве СНГ.

Таким образом, проведённый анализ позволил сформулировать следующие выводы:

1. Межкультурный диалог – это динамичная форма культурного обмена, залог устойчивого цивилизационного развития, толерантных отношений в обществе, сохранения и преумножения культурных ценностей в условиях глобализирующегося мира;

2. Конкретные направления, формы и методы межкультурного сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики определяются основополагающими принципами межкультурного диалога: признания самоценности как отдельной культуры, так и общего мирового культурного наследия; толерантности; эмпатии; многоуровневости;

3. Интенсификация диалогической парадигмы является инструментом решения проблем национальной и международной безопасности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, при сохранении идеалов гуманизма в качестве доминанты социального прогресса;

4. Политиками, деятелями науки, образования и культуры должна быть разработана система мероприятий, реализация которой будет призвана активизировать межкультурный диалог Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

Библиографические ссылки

1. Баттаини-Драгони, Г. Содействие межкультурному диалогу: «Белая книга» Совета Европы // Совет Европы [Электронный ресурс]. – Страсбург, 2012-2013. – Режим доступа: [http:// www.coe.int](http://www.coe.int). – Дата доступа: 24.11.2015.

2. «Белая книга» по межкультурному диалогу: Утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118 сессии Комитета министров, Страсбург, 7 мая 2008 года // Информационный офис Совета Европы в России [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.coe.ru>. – Дата доступа: 24.11.2015.

3. Морозов, А.В. Теория и практика межкультурной коммуникации в процессе реализации идеологии евразийства // Традиційная і сучасная культура Беларусі: гісторыя, актуальны стан, перспектывы: матэрыялы навук. канф. (Мінск, 6 снеж. 2012 г.) / Мін-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; рэдкал.: В. Р. Языковіч (старш.) [і інш.]. – Мінск: БДУКМ, 2013. – С. 13-18.

БЕЛАРУСКАЯ МОВА Ў КІТАІ ЯК КРАІНАЗНАЎЧЫ РЭСУРС

Шахаб В. В.

*Тяньцзиньский университет иностранных языков,
г. Тяньцзинь, Китай, feifeizai@yandex.by*

Захаванне нацыянальнага аблічча Беларусі, нацыянальнай ідэнтычнасці, назапашванне айчыннага навуковага, культурнага і адукацыйнага патэнцыялу, развіццё і змястоўнае нападўненне сучасным гучаннем – надзвычай важны складнік развіцця нашай краіны як раўнапраўнага суб’екта міжнародных стасункаў. «Агульнавядома, што пры пашырэнні колькасці кантактаў і інтэграцыі краіны ў сусветную супольнасць фонавыя ўяўленні і веданні палітычных і эканамічных рэалій, сацыяльных тэндэнцый набываюць важнае значэнне. Кожнае грамадства валодае асаблівай, характэрнай толькі для яго аднаго карцінай свету, якая адпавядае духоўным, фізічным, этычным, тэхналагічным, эстэтычным і розным іншым патрэбам чалавека ў свеце. Мова ўяўляе адзін са сродкаў фарміравання, а таксама сацыялізацыі гэтай карціны» [1].

Беларусь як развітая еўрапейская дзяржава, яе культура, эканамічны і сацыяльна-палітычны лад цікавяць сёння і жыхароў Кітая. Створаны дзесяць Цэнтраў даследаванняў Беларусі. Першы Цэнтр быў адкрыты ва Усходне-Кітайскім педагагічным універсітэце Шанхая яшчэ ў 2012 годзе па ініцыятыве прафесара Бэй Вэнлі, які пэўны час працаваў у Беларусі. Цэнтр стаў першай навуковай установай па даследаванні Беларусі. У 2015 годзе ў Другім Пекінскім інстытуце замежных моў таксама пачаў працаваць аналагічны цэнтр. Спачатку была наладжана праца факультатыва па вывучэнні беларускай мовы з беларускім выкладчыкам. У 2017 годзе ўжо ў Цяньцзінскім універсітэце замежных моў адкрыўся Цэнтр даследаванняў Беларусі і кафедра беларускай мовы. Упершыню ў Кітаі адбыўся набор студэнтаў на спецыяльнасць бакалаўрыяту “Беларуская мова”. У тым жа годзе ў межах супрацоўніцтва з Інстытутам філасофіі НАН Беларусі ў Лінанскім педагагічным універсітэце распачаў працу чацвёрты цэнтр. Ён стаў важнай платформай для навуковага і культурнага абмену паміж дзвюма краінамі. Астатнія цэнтры з’явіліся ўжо ў 2018-2019 гадах, і на сённяшні дзень яны актыўна развіваюцца.

Пачатак 2019 года надаў новы імпульс беларуска-кітайскім адносінам – бягучы год аб’яўлены годам адукацыі Беларусі ў Кітаі. З нагоды Года адукацыі Беларусі ў Кітаі ў Цяньцзінскім універсітэце

заможных моў 17–18 мая 2019 года адбыўся Фэстываль беларускай культуры і Міжнародная навуковая канферэнцыя «Літаратура ў культурнай прасторы Беларусі і Кітая», прысвечаная народнаму паэту Беларусі Якубу Коласу. Арганізатарамі выступілі Цяньцзінскі ўніверсітэт замежных моў (Кітай) і Нацыянальны інстытут адукацыі (Беларусь). Мерапрыемства набыло вялікі рэзананс і з’явілася знакавай падзеяй, бо падчас яго па ініцыятыве Цяньцзінскага ўніверсітэта замежных моў (ЦУЗМ) сумесна з Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэтам (МДЛУ) быў створаны першы ў Кітаі Цэнтр Якуба Коласа.

З’яўленню Цэнтра Якуба Коласа, Цэнтра даследавання Беларусі і кафедры беларускай мовы ў ЦУЗМ усебакова спрыяла Пасольства Рэспублікі Беларусь у Кітаі. З улікам ініцыятывы “Адзін пояс – адзін шлях” было вырашана стварыць навукова-метадычны і адукацыйны цэнтр для падрыхтоўкі беларускамоўных спецыялістаў. Самым адметным сталася тое, што беларуская мова на сёння выступае як прадмет і сродак навучання студэнтаў і асноўны краіназнаўчы рэсурс у Кітаі. Намаганні абодвух Цэнтраў ЦУЗМ накіраваны найперш на вучэбна-метадычнае і навуковае забеспячэнне спецыяльнасці. Асноўныя задачы, якія павінны быць вырашаны падчас навучання беларускай мове кітайскіх навучэнцаў, – авалоданне імі мовай як знакавай сістэмай, навучанне відам маўленчай дзейнасці, азнаямленне з беларускім культурным кодам.

Попыт на кваліфікаваныя кадры ў сферы перакладу, міжмоўных камунікацый, выкладання замежных моў абумоўлівае відавочную неабходнасць распрацоўкі актуальнай і эфектыўнай метадыкі навучання беларускай мове як замежнай. Таму даследаванні па тэорыі і метадыцы навучання беларускай мове як замежнай з’яўляюцца першаснымі. Ужо рыхтуецца першая калектыўная манаграфія. Акрамя таго, праводзіцца аўтарскае даследаванне, мэта якога – тэарэтычна абгрунтаваць і распрацаваць лінгваметадычную сістэму навучання беларускай мове як замежнай, накіраваную на авалоданне перцэптыўнымі (чытанне, аўдзіраванне) і прадуктыўнымі (гаварэнне, пісьмо) відамі маўленчай дзейнасці, практычна рэалізаваць прапанаваную сістэму ва ўстановах вышэйшай адукацыі Кітайскай Народнай Рэспублікі і Рэспублікі Беларусь. У даследаванні мы абапіраемся на лінгвакультуралагічны, тэкстацэнтрычны і камунікатыўна-дзейнасны прынцыпы, цесную сувязь тэорыі з практыкай пры захаванні пераёмнасці і перспектыўнасці.

Сумесна з беларускімі калегамі выдадзена хрэстаматыя па краіназнаўстве Беларусі і падрыхтаваны падручнік для кітайскіх студэнтаў спецыяльнасці “Беларуская мова” і шырокага кола

зацікаўленых. Асаблівая ўвага нададзена прэзентацыі лінгвакраіназнаўчай інфармацыі праз беларускую мову, якая з’яўляецца яе “носьбітам”, і раскрыццю гуманітарнага і тэхналагічнага патэнцыялу абедзвюх краін.

Выкладчыкі і выпускнікі актыўна працуюць у напрамку міжкультурнага абмену. Напрыклад, паводле праекта філасофскіх і грамадскіх навук горада Цяньцзіня выканана навуковае даследаванне «Актуальнасць і перспектыва абмену кітайскай і беларускай літаратуры ў межах ініцыятывы “Адзін пояс – адзін шлях”». Актыўна перакладаюцца творы сучасных беларускіх і кітайскіх пісьменнікаў. Так, у літаратурна-мастацкім альманаху АВЕ Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта ўжо апублікаваны тры апавяданні – Чжу Цыціна “Постаць”, Сань Маа “Рэстаран у пустыні” і Чжана Цзяцзя “Незабыты ліст каханья”. Перакладаюцца гісторыі пра паходжанне кітайскіх ідыём, публіцыстыка і г.д. Цікавае да мастацкага і публіцыстычнага перакладу абумоўлена ўзаемным імкненнем глыбей пазнаёміцца з менталітэтам краіны-партнёра і яе сучасным літаратурным працэсам, што спрыяе з’яўленню на літаратурнай прасторы абедзвюх краін перакладных твораў сучасных аўтараў.

Беларуская мова як спецыяльнасць на сёння існуе ў Цяньцзінскім і Сіянскім універсітэтах замежных моў, што бачыцца немалаважным крокам на шляху ўмацавання беларуска-кітайскіх сувязяў у гуманітарнай і эканамічнай сферах. Важна канстатаваць, што Беларусь і Кітай імкнуцца глыбей спасцігаць культуру і менталітэт аднаго, каб больш эфектыўна ажыццяўляць дзелавыя і партнёрскія зносіны. Таму феномен беларускай мовы заканамерна разглядаецца ў кантэксце жыццядзейнасці беларусаў як носьбітаў пэўнай культуры, прадстаўнікоў канкрэтнага этнасу са спецыфічнай этнічнай свядомасцю і менталітэтам, уласным досведам ва ўзаемадзеянні з прадстаўнікамі іншых народаў. Мова, якая іх аб’ядноўвае, не толькі з’яўляецца крыніцай інфармацыі, але і стымулюе пазнавальную актыўнасць студэнтаў.

У Цяньцзінскім універсітэце замежных моў беларуская мова вывучаецца нароўні з іншымі (на сённяшні дзень іх трыццаць тры, і колькасць моў вывучэння штогод павялічваецца) і ўсведамляецца найперш як інструмент наладжвання эфектыўных сувязяў і кантактаў. Статус беларускай мовы як замежнай патрабуе ўзмацнення прагматычных аспектаў яе вывучэння, інакш кажучы, магчымасцяў і сітуацый рэальнага маўленчага выхаду на носьбітаў іншай культуры. У сваю чаргу рост кітайска-беларускіх стасункаў пашырае спектр прымянення прафесійных і іншых кампетэнцый, набытых падчас навучання. Гэта і культура, і эканоміка, і палітыка, і сацыяльныя зносіны.

Агульнавядома, што засваенне мовы адбываецца натуральна і прадуктыўна, калі чалавек знаходзіцца сярод яе носьбітаў. Таму якасць ведаў, набытых студэнтамі-беларусістамі Кітая, будзе абумоўлена перш за ўсё запатрабаванасцю набытых імі кампетэнцый у практычных стасунках з носьбітамі мовы. Але тут паўстае відавочная праблема: а як самі беларусы ставяцца да роднай мовы? Што чакае кітайскіх студэнтаў пасля заканчэння навучання па спецыяльнасці “Беларуская мова”? Ці жадаем мы, беларусы, ажыццяўляць прафесійныя кантакты на сваёй роднай мове?

Для адказу на гэтыя пытанні варта ўзгадаць не толькі пра беларускія этнакультурныя і моўныя традыцыі, але і пра надзвычай важны элемент, актуальны для кітайскага светаўспрыняцця – “захаванне іміджу” (面子 – miànzi). Традыцыйна для кітайцаў гэта больш важна, чым прафесійныя дасягненні чалавека, і сведчыць пра яго сацыяльны статус, надзейнасць. Беражлівыя адносіны да традыцый кожнай асобы і дзяржавы ў цэлым і ўмелае спалучэнне іх з сучаснасцю дазваляюць Кітаю дынамічна развівацца, захоўваючы свой аўтарытэт, што заканамерна выклікае захапленне сусветнай супольнасці.

Імідж дзяржавы, інакш кажучы, яе рэпутацыя, набываецца паступова і цяжка, але яго надзвычай лёгка страціць. Беларусь як дзяржава-партнёр набыла заслужаную павагу ў Кітаі ў сучасных складаных гандлёва-эканамічных стасунках, а вывучэнне кітайцамі беларускай мовы як сродку прафесійных зносін і выкарыстанне яе ў якасці краіназнаўчага рэсурсу сведчыць пра тое, што супрацоўніцтва будзе пашырацца і паглыбляцца. Таму для беларусаў асабліва важна захаваць мову як гонар дзяржавы і сведчанне ўласных адносін да сваёй краіны і яе рэпутацыі ў свеце. Ад гэтага залежыць і стаўленне да Беларусі з боку іншых дзяржаў, у тым ліку і такой магутнай, як Кітай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Флеров О.В. Лингвострановедение и лингводидактика: точки соприкосновения // Психология, социология и педагогика. 2016. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2016/10/7217> (дата обращения: 07.02.2019)

СОТРУДНИЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С КИТАЕМ: ВЫСТАВКИ И ДРУГИЕ КУЛЬТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Власюк Ю.Л., научный руководитель – доцент Медяник, В.И.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, yuri_vlasyuk@mail.ru*

Ли Цзиньминь, научный руководитель – доцент Бэй Вэньли

Актуальность исследования процессов сотрудничества Национального исторического музея Республики Беларусь с китайской стороной обусловлена рядом объективных обстоятельств. После установления дипломатических отношений между странами в 1992 г. белорусско-китайские контакты характеризуются высокой интенсивностью на политическом, экономическом, гуманитарном и культурном уровнях. Важным направлением культурного взаимодействия между странами является сотрудничество в музейной сфере, которое проводится, прежде всего, между ведущими музеями двух стран. Одним из таких музеев является Национальный исторический музей Республики Беларусь, входящий в число наиболее популярных музеев страны, в том числе среди китайских туристов.

На площадке музея в минувшие два десятилетия было проведено множество международных проектов и выставок, имеющих своей целью познакомить белорусского зрителя с культурой, историей и искусством народов Китая. Руководством музея в последние годы активно налаживаются контакты с ведущими музеями КНР. По этой причине в настоящем исследовании была поставлена цель изучить историю проведения тематических выставок в НИМРБ с выявлением их особенностей, а также проследить историю взаимоотношений музея с учреждениями-коллегами из КНР.

История тематических выставок, проводившихся в Национальном историческом музее Республики Беларусь и рассказывающих о истории, культуре и искусстве Китая начинается в 1990-е годы. Потребность в проведении подобных выставок обуславливается тем, что с момента установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и КНР в 1992 г. в белорусском обществе отмечается все возрастающий интерес к различным аспектам и проявлениям китайской культуры [2, с. 447]. Этот интерес во многом определил тематику

выставок, которые были проведены на площадке Национального исторического музея Беларуси.

Так, в 1999 году была открыта выставка китайской вышивки и вееров [2, с. 451]. Интерес ее организаторов к данной теме неслучаен: с 1990-х годов был отмечен растущий интерес в белорусском обществе к традиционной культуре Китая, находивший свое проявление в стремлении многих жителей Беларуси украсить внутренние помещения своих домов предметами китайского декоративно-прикладного искусства [2, с. 451]. В этом контексте тематика заявленной выставки соответствовала существовавшему в обществе интересу, что имело следствием внимание к данному мероприятию со стороны посетителей и печатных СМИ [3].

В последующем выставки, посвященные китайской тематике, стали проводиться в музее практически каждый год. Так, с 18 октября 2002 г. по 15 января 2003 г. была проведена фотовыставка «100 крупнейших археологических находок XX ст. в Китае» [4, с. 123], а следующая выставка, посвященная китайской тематике, была проведена спустя месяц после предыдущей, и была посвящена персонажам Пекинской оперы [4, с. 122]. На выставке были представлены объемные изображения персонажей оперы, через знакомство с которыми посетители музея могли глубже познакомиться с особенностями этого древнего вида китайского искусства.

В январе 2004 г. в музее открывается выставка «Современная китайская акварель» [9, с.132]. На выставке были представлены акварельные работы современных китайских художников с разных провинций республики.

Затем, в марте-апреле 2005 г. была проведена выставка «Китайские музыкальные инструменты», на которой экспонировалось более 40 самых экзотических и самых типичных старинных и современных китайских музыкальных инструментов [9, с. 133].

С 30 ноября 2006 по 16 января 2007 г. в музее действовала выставка «Иероглифы – от надписей на черепаших панцирях до компьютеров» [6, с. 116]. На ней рассказывалось об истории развития китайской грамоты от изобретения иероглифической письменности до современной эпохи компьютерных технологий, которые разрешили сложную проблему сохранения иероглифической информации. Также следует отметить, что в рамках данной выставки 19 декабря 2006 г. был проведен вечер «Китайский язык и иероглифика», на который были приглашены учащиеся минских гимназий №10 и №25, студенты Минского государственного лингвистического университета и Белорусского государственного университета [6, с. 110].

Следующая выставка по китайской тематике проходила с 21 декабря 2007 по 10 января 2008 года. Она носила название «Шелковый сад», и ее экспозицию составляли разнообразные виды китайских шелковых тканей, изготовленные на предприятиях Китая (главным образом в г. Сучжоу), а также предметы декоративно-прикладного искусства [6, с. 120].

С 23 декабря 2008 по 1 февраля 2009 года в музее проводилась фотовыставка «Китай: 30 градусов северной широты», которая знакомила своих посетителей с уникальными памятниками культурного наследия Китая, размещенными на 30 параллели [7, с. 164].

После нее в 2009 году с 10 по 27 сентября проводилась выставка «Новые образы: современная китайская живопись тушью», проходившая в рамках Дней культуры Китайской Народной Республики в Республике Беларусь [7, с. 167]. На ней экспонировались работы 22 авторов из галереи изобразительного искусства г. Гуанчжоу, которые позволили проследить как общие моменты, характерные для китайской живописи, так и оригинальность индивидуального стилистического почерка мастеров.

С 17 мая по 27 июня в музее была проведена фотовыставка «Экспо-2010 в Шанхае», целью которой было познакомить посетителя с национальными павильонами, отдельными экспонатами и мероприятиями на международной Всемирной выставке в Шанхае [7, с. 170; 8].

В следующем, 2011 г. в музее проводилась выставка, носившая название «Современное китайское искусство волокна» [2, с. 451]. Искусство ткачества, представленное на выставке, демонстрировало традиции и инновации в текстильных изделиях китайских мастеров. Авторами работ являлись известные художники, преподаватели и студенты из 18 ведущих китайских художественных ВУЗов, которые своими произведениями отразили разные стороны меняющегося мира и свое понимание китайской истории, культуры и экологического сознания.

Кроме этого, в феврале 2011 г. в музее была проведена выставка китайских народных костюмов, на которой была представлена коллекция из 30 костюмов разных народностей, проживающих в Китае, а также куклы в национальной одежде и фотографии [9]. На открытии выставки выступили китайские студенты, обучающиеся в белорусской академии музыки.

24 сентября 2013 г. в филиале Национального исторического музея «Доме-музее I съезда РСДРП» открылась выставка «Земля Поднебесной», которая также была посвящена предметам быта и

традиционной одежде этносов, населяющих Китайскую Народную Республику [10].

21 сентября 2016 г. в музее была открыта выставка «Промышленная цивилизация реки Сучжоу» [11]. На ней экспонировалась плакатная живопись старейших шанхайских художников, показавших на своих плакатах жизнь трудящихся сер. – 2 пол. XX века, а также готовивших афиши для китайских фильмов, в которых повествовалось о сопротивлении китайского народа японской оккупации в годы Второй мировой войны, и о послевоенном восстановлении народного хозяйства и промышленности.

Следует отметить, что ведущим организатором и спонсором практически всех проводимых в Национальном историческом музее Республики Беларусь выставок, посвященных Китаю, являлось посольство КНР в Минске. Кроме него подготовкой к проведению некоторых выставок заминалось Государственное Информационное Агентство Синьхуа.

Следующие, 2017 и 2018 гг. стал знаковым не только в деле проведения выставок на китайскую тематику в НИМРБ, но и в налаживании связей и установлении сотрудничества музея с ведущими музеями Китайской Народной Республики.

Так, 25 января 2017 г. в филиале Музее современной белорусской государственности, являющегося филиалом НИМРБ и расположенного в здании администрации Президента РБ, открылась выставка «Беларусь и Китай: 25 лет успешного сотрудничества» [12]. Учитывая повод, по которому была проведена данная выставка, и место ее проведения, на ней были представлены экспонаты соответствующего уровня. Так, было представлено более 60 экспонатов, связанных с темой сотрудничества РБ и КНР в различных сферах, а также подарки, врученные Главе государства, правительству и народу Беларуси высшими лицами, дипломатами и организациями КНР. В частности, в экспозиции представлены орден Дружбы КНР, сертификат пребывания на великой Китайской стене Президента РБ Александра Лукашенко, марка, выпущенная в честь 20-летия установления дипломатических отношений, ваза – подарок Председателя КНР Ху Цзиньтао, уникальные средневековые вазы, восстановленные совместно белорусскими и китайскими учеными с применением новейших технологий. Ряд предметов был предоставлен из фондов музея Дворца Независимости. Партнерами при создании выставки выступали Институт Конфуция по науке и технике БНТУ и Институт Конфуция МГЛУ. Некоторые предметы экспонировались впервые [13].

В мае этого же года в Национальном историческом музее начала проводиться подготовка к визиту в музей делегации из Национального музея Китая – ведущего музея КНР и первого по посещаемости музея мира, – во главе с его директором, Люй Чжаншэнем [14]. Визит состоялся 29 мая 2017 г [14]. В его рамках был подписан Меморандум о сотрудничестве между Национальным музеем Китая и Национальным историческим музеем Республики Беларусь для сохранения, изучения и популяризации культурного наследия, а также углубления научных и культурных связей между КНР и Республикой Беларусь [15].

Следует также сказать, что в соответствии с Приказом Министерства Культуры Республики Беларусь №12 от 18.01.2017 г. Национальный исторический музей РБ начал вести работу по созданию в Пекине Центра культуры Беларуси [1]. Торжественное открытие Центра произошло 30 мая того же года. Расположился Центр в здании посольства РБ в Пекине. Цель деятельности Центра – организация культурных мероприятий, включая выставки, представления, концертные программы, демонстрации фильмов, содействие распространению белорусского языка и культуры с помощью образовательных мероприятий, открытия библиотек, читальных залов [1].

23 октября 2017 г., в филиале НИМРБ «Дом-музей I съезда РСДРП» состоялось открытие выставки «Минск 1917», посвященной истории города в революционный 1917 г [16]. Примечательно, что среди приглашенных гостей на открытии выставки присутствовала делегация руководства Мемориального музея I съезда КПК (г. Шанхай). Еще более примечательным является тот факт, что в тот же день, 23 октября между филиалом Дом-музей I съезда РСДРП и Мемориалом Первого Национального конгресса КПК был подписан Меморандум о сотрудничестве, совместных исследованиях и обмене опытом, а также проведению совместных экспозиционных проектов [17; 18].

18 мая 2018 г. в работе Международного форума руководителей музеев, проводившимся в Шанхайском историческом музее в рамках Международного дня музеев, принял участие директор НИМРБ Павел Сапотько [18]. В ходе данного визита состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве между Национальным историческим музеем Республики Беларусь и Шанхайским историческим музеем [20], прошел ряд рабочих встреч с руководством Шанхайского художественного музея, Музея ЭКСПО и музея г. Сучжоу, а также были проведены переговоры с вице-президентом Международного совета музеев ИКОМ Ан Лаишуном и др [19].

Данный визит был организован при содействии Генерального консульства Республики Беларусь в Шанхае. Он содействовал

укреплению партнерских контактов с китайскими коллегами, знакомству с опытом работы учреждений культуры и субъектов индустрии туризма в рамках популяризации исторического наследия регионов КНР, изучению экономической составляющей музейной отрасли Китая [19].

Директор НИМРБ П. Сапотько после подписания Меморандума выказал желание провести в НИМРБ выставки, которые могут быть составлены из экспонатов, переданных для временного экспонирования из Шанхайского исторического музея [19]. Среди таких экспонатов, по словам директора, может быть китайское холодное оружие, монеты разных исторических эпох и др. В свою очередь, по словам директора, НИМРБ может предложить выставку, рассказывающую про развитие белорусской культуры, на которой могут быть представлены такие экспонаты, как Пояс Витовта, коллекции белорусского шляхетского костюма, монеты, бывшие в обращении на территории Беларуси в разные исторически периоды [19].

Стоит подчеркнуть, что июле 2018 г. в Национальный исторический музей Республики Беларусь прибыла делегация из Шэньянского финансового музея, с которой 11 июля руководством НИМРБ был подписан Меморандум о сотрудничестве [21].

Продолжением наметившегося сотрудничества НИМРБ с китайской стороной явилось посещение музея в 2018 г. двумя делегациями из КНР. Так, 30 июля музей посетила делегация Министерства общественной безопасности КНР. В ходе визита делегация в составе детей погибших при исполнении служебного долга сотрудников Министерства познакомились с основными и временными экспозициями музея [22].

Затем, 26 сентября в рамках белорусско-китайского года туризма музей посетила делегация Шанхайского исторического музея, для которой это посещение явилось ответом на визит делегации из НИМРБ во главе с его директором в мае того же года [23].

Следующим событием особой важности стало присутствие делегации НИМРБ на первой конференции Международного союза музеев Шёлкового пути, проведенной 24 ноября 2018 г. в Фучжоу [24]. Следует отметить, что годом ранее Республика Беларусь присоединилась к деятельности организации «Один пояс – один путь», по причине чего многие учреждения Республики к настоящему моменту принимают деятельное участие в проектах и организациях, действующих в рамках данной организации. Не стал в этом исключением и Национальный исторический музей РБ, делегацией которого на вышеупомянутой конференции было подписано Соглашение с Международным Союзом музеев стран Шелкового Пути [25].

Данный Союз объединяет представителей 16 стран мира, в чьих коллекциях и фондах содержатся артефакты, найденные по маршруту легендарного Великого Шёлкового пути из Восточной Азии в Средиземноморье [26]. Таким образом для музеев, объединенных общей тематикой, создаются условия для плодотворного сотрудничества, проведения исследований, реставрации уникальных экспонатов. Кроме этого, в планах руководства НИМРБ организовать в ноябре 2020 г. выставку в одном из музеев Китая, состоящих в Союзе музеев стран Шелкового Пути, на которой будут представлены экспонаты, рассказывающие как о истории Беларуси, так и о торговле белорусских земель в эпоху Средневековья со странами Востока [26].

Наконец, в начале текущего, 2019 г. в НИМРБ была открыта фотовыставка «Китай вчера и сегодня. Историческая и современная китайская архитектура» декана архитектурного факультета БНТУ, доктора архитектуры, профессора А.С. Сардарова. Выставка посвящена 70-летию образования КНР. На ней были представлены фото архитектурных объектов, сделанные автором в Пекине и Шэнчжэне в 2017 году [27].

Таким образом, на протяжении последних двух десятилетий в Национальном историческом музее Республики Беларусь на проводившихся тематических выставках были широко представлены темы, рассказывающие о традиционной китайской культуре и искусстве, а также о современной жизни страны. Кроме этого, в течение последних двух лет НИМРБ были заключены договора о сотрудничестве с несколькими крупными музеями и музейными организациями Китая, а также им было подготовлено открытие Центра культуры Беларуси в Пекине. Все это, несомненно, послужит надежным фундаментом для развития более тесных взаимоотношений между музеями Китая и Беларуси, что может быть выражено в проведении новых тематических выставок и проектов, научных мероприятий и обменов, и, в перспективе, позволит рядовым гражданам более детально познакомиться с богатством истории и культуры наших стран.

Библиографические ссылки

1. Об открытии Культурного Центра Беларуси в г. Пекине / Новости / Посольство // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/bd36d524db78527c.html> – Дата доступа: 09.12.2018.

2. Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко; Нац. акад. Наук

Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Фил. «Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». – Минск: Беларуская навука, 2016. – 539 с.: ил.

3. Марадудина, Н. Подари на счастье веер / Н. Марадудина // Вечерний Минск. – 1999. – №245. – 4 окт. – С.3.

4. Музейны веснік: Выпуск 1 / Укл. М. Казанцава, Л. Мяртвішчава; Нац. музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мн.: Юніпак. 2003. – с. 144. [16] л. іл.: іл.

5. Музейны веснік: Выпуск 3 / укл. Н. Калымага, А. Ладзісаў; Нац. музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мн.: Юніпак, 2006. – 168 с.: іл.

6. Музейны веснік: Выпуск 4 / укл. Н. Калымага, А. Ладзісаў; Нац. музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мн.: Юніпак, 2008. – 148 с.: іл.

7. Музейны веснік: Выпуск 5 / укл. Н.У. Калымага, А.І. Ладзісаў, М.А. Плавінскі; Нац. гістарычны музей Рэспублікі Беларусь. – Мн.: М 89 Артыя Груп, 2011. – 200 с.: іл.

8. Фотовыставка «Экспо – 2010 года в Шанхае» / Новости // Государственное учреждение «Национальный исторический музей Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.museum.by/node/13123> – Дата доступа: 05.12.2018.

9. Выставка китайских народных костюмов открылась в историческом музее Беларуси / В России и СНГ // Газета «Жэньминь жибао» онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31519/7289317.html> – Дата доступа: 08.12.2018.

10. Выставка «Земля Поднебесной», посвященная культуре Китая, открылась в Минске / Выставки / Культура // Беларусь. БЕЛТА – Фотохроника Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://photobelta.by/ru/photos?rubric_id=40&theme_id=39988&id=199225&page=1 – Дата доступа: 08.12.2018.

11. Презентация выставки «Промышленная цивилизация реки Сучжоу» и выставка плакатной живописи / Новости // Национальный исторический музей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://histmuseum.by/ru/news/658> – Дата доступа: 09.12.2018.

12. Выставка «Беларусь и Китай: 25 лет успешного сотрудничества» проходит в Минске // «Минск-новости» – информационное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsknews.by/vyistavka-belarus-i-kitay-25-let-uspeshnogo-sotrudnichestva-prohodit-v-minske/> – Дата доступа: 09.12.2018.

13. Визит делегации из Национального музея Китая во главе с директором Zhangshen Lu / Новости // Государственное учреждение «Национальный исторический музей Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.museum.by/node/41736> – Дата доступа: 10.12.2018.

14. Национальный исторический музей Беларуси и Национальный музей Китая планируют совместные проекты / События, факты, анонсы / Пресс-центр // Официальный сайт Республики Беларусь. Belarus.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/natsionalnyj-istoricheskij-muzej-belarusi-i-natsionalnyj-muzej-kitaja-planirujut-sovmestnye-proekty_i_0000058175.html – Дата доступа: 10.12.2018.

15. Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Внутренняя опись. – Документы о выполнении договоров, соглашений о культурном сотрудничестве с организациями иностранных государств и международными

организациями (отчеты, обзоры, информации, справки, сведения и др.). – Дело №10-01-10. – 29. 29.05.2017. Меморандум №б/н о сотрудничестве ГУ «НИМРБ» и Национальным музеем Китая.

16. Выставка «Минск 1917»: реальные фото, награды и дневники / Новости // Центр Минска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blizko.by/notes/vystavka-minsk-1917-realnye-foto-nagrady-i-dnevniki> – Дата доступа: 09.12.2018.

17. Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Внутренняя опись. – Документы о выполнении договоров, соглашений о культурном сотрудничестве с организациями иностранных государств и международными организациями (отчеты, обзоры, информации, справки, сведения и др.). – Дело №10-01-10. – 35. 23.10.2017. Меморандум №24 о сотрудничестве ГУ «НИМРБ» и Мемориальный музей I съезда КПК.

18. Подписание Меморандума / Новости // Национальный исторический музей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.domusmuseum.histmuseum.by/ru/news/71/> – Дата доступа: 09.12.2018.

19. Бренд Национального исторического музея Беларуси должен быть узнаваем в мире / Интервью // БЕЛТА. Новости твоей страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/brend-natsionalnogo-istoricheskogo-muzeja-belarusi-dolzhen-byt-uznavaem-v-mire-6264/> – Дата доступа: 09.12.2018.

20. Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Внутренняя опись. – Документы о выполнении договоров, соглашений о культурном сотрудничестве с организациями иностранных государств и международными организациями (отчеты, обзоры, информации, справки, сведения и др.). – Дело №10-01-10. – 37. 17.05.2018. Меморандум о сотрудничестве между НИМРБ и Шанхайским историческим музеем.

21. Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Внутренняя опись. – Документы о выполнении договоров, соглашений о культурном сотрудничестве с организациями иностранных государств и международными организациями (отчеты, обзоры, информации, справки, сведения и др.). – Дело №10-01-10. – 39. 11.07.2018. Меморандум аб супрацоўніцтве паміж НГМРБ і Шэньянскім фінансавым музеем (Кітай).

22. 30.07.2018 – Визит делегации из КНР/ Новости // Национальный исторический музей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://histmuseum.by/ru/news/1521/> – Дата доступа: 09.12.2018.

23. Делегация Шанхайского исторического музея побывала в Национальном историческом музее Беларуси // СБ Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/delegatsiya-shankhayskogo-istoricheskogo-muzeya-pobывala-v-natsionalnom-istoricheskom-muzee-belarusi.html> – Дата доступа: 09.12.2018.

24. 首届丝绸之路国际博物馆联盟大会召开 / 文物要闻 / 新闻资讯 // 国家文物局 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.sach.gov.cn/art/2018/11/25/art_722_152867.html – Date of access: 18.12.2018.

25. Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Внутренняя опись. – Документы о выполнении договоров, соглашений о культурном

сотрудничестве с организациями иностранных государств и международными организациями (отчеты, обзоры, информации, справки, сведения и др.). – Дело №10-01-10. – 41. Соглашение с Международным Союзом музеев стран Шелкового Пути. 24.11.2018.

26. Национальный исторический музей присоединился к Международному союзу музеев Шёлкового пути / Культура // Столичное телевидение – СТБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/novosti-minska-i-minskoy-oblasti/nacionalnyu-istoricheskiy-muzey-prisoedinilsya-k-mezhdunarodnomu> – Дата доступа: 09.12.2018.

27. Китай вчера и сегодня. Историческая и современная китайская архитектура / Выставки // Афиша TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/delegatsiya-shankhayskogo-istoricheskogo-muzeya-pobyvala-v-natsionalnom-istoricheskom-muzee-belarusi.html> – Дата доступа: 19.04.2019.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕКУНЫ ДОМА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУСОВ И КИТАЙЦЕВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Фу Сюеин, Прохоров С. В.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, cangjie@mail.ru*

Историко-типологическое изучение традиционной народной культуры приобретает особенно важное значение в условиях глобализационных процессов, развития более тесных взаимоотношений между западными и восточными странами, в данном случае между Беларусью и Китаем.

При всей несопоставимости исторического развития этих стран их народная культура содержит ряд универсальных концептов, среди которых наиболее ярким и значимым является концепт Дома. И у белорусов, и у китайцев с ним связаны представления о семейном благополучии, достатке, защищенности, уюте. С родным домом у человека связаны самые лучшие, самые светлые воспоминания. «Мой родны кут, як ты мне мілы» – эти слова Якуба Коласа, безусловно, найдут отклик в душе любого китайца в силу многозначности слова «кут»: прежде всего это дом, где человек родился, причем дом, гармонично вписанный в ландшафт, но также самое почетное место в доме и в то же время – родной край. Кут становится для белоруса символом собственной хаты.

Нет ничего удивительного в том, что в народной культуре Беларуси и Китая дом является одним из самых семиотически значимых объектов, каждая часть которого наделяется особым смыслом в плане защиты от злых сил. Одни элементы внутреннего пространства рассматриваются

как «закрывающие» (стены, крыша), другие как «открывающие» (дверь, окна), а также «пограничные» (в особенности порог). Однако центральным топосом жилища в любой культуре были очаг, печь, причем не имело значения, где они находились, – в одном из углов дома или в его центре. Обращается на себя внимание метафорическое обозначение печи в русских и белорусских загадках как толстой матери, где с определением «толстуха» связывается коннотация «добрая», «заботливая». В китайских же загадках дом предстает местом, полным благополучия: "Есть дверь, есть окно, есть кровать, есть стены, все живут вместе, счастливо и в добром здравии".

В последнее время тема дома становится в белорусской науке особенно актуальной. Назовем такие книги, как «Таямніцы беларускай хаты» (2007), «Дом во времени и пространстве» Я. Ю. Ленец (2009), «Бацькоўская хата» А. М. Ненадовца (2015), «Паняцце Дом у сучаснай беларускай мове» Я. Козловской-Дода (2015). Данной теме посвящены статьи белорусских ученых А. Г. Алферовой, Т. В. Володиной, Р. М. Ковалевой, Е. А. Колесниковой, В. А. Лобача, В. С. Новак и др. Актуальная данная тема и для китайских исследователей: известны работы Доу Цзиньсяна «Особенности китайского дома», Чжуан Куншао «Язык пространства – традиционное строительство домов национальных меньшинств». Однако стоит отметить, что эти китайские ученые уделяют первостепенное внимание особенностям архитектуры, а не философии и метафизике домашнего пространства.

Народные верования, связанные с жилищем, – важная часть культуры любой страны. В условиях политической, экономической и культурной интеграции Беларуси и Китая изучение мифологии и традиционного миропонимания партнеров представляется крайне важным, поскольку помогает преодолевать культурный барьер, когда реалии другой стороны воспринимаются экзотическими и могут вызывать непонимание.

Как в Беларуси, так и в Китае существует представление, что в доме с хозяином сосуществует целый сонм различных духов и божеств. Дом и его обитатели требуют особой защиты, поддержки в жизненных трудностях. В ряде случаев эта роль возлагается на невидимых существ.

В представлениях о духах жилища у белорусов и китайцев есть общие элементы. Прежде всего это двойственное отношение к данным сущностям как к добрым, благожелательным и как к злым, опасным. У белорусов все духи относятся к разряду *нячысцікаў*. По всей вероятности данный факт связан с влиянием христианской идеологии, поскольку наряду с ним сохраняются представления о домашнем духе как умершем хозяине дома, заботящемся о здоровье и благополучии его

обитателей. По сути, здесь представлен частный случай генетической связи духов дома с родовыми предками-опекунами.

Дух в китайском языке раскрывается в нескольких понятиях: шэнь, сянь, гуй. Для китайцев, с одной стороны, это божества, способные помогать людям защищать их, а с другой – сущности, наносящие вред. В «Полном собрании китайских праздничных обычаев» отмечается: "Древние считали, что процветание либо бедность как одной семьи, так и отдельного человека зависит от существ потустороннего мира, и ко всему происходящему духи имеют непосредственное отношение. Отсюда происходит жертвоприношение предкам в первый день Нового года. Фактически, традиция сводится к задабриванию духов, чтобы обеспечить себе благополучный год." (古人认为，一家一户乃至一人的否泰穷通，都是由冥冥之中的神灵所决定的，神灵有大有小，各有所司。故于元旦祭拜之。实际上是想以媚神手段，以求一年平安，一年好运。)[12, с.33] В современном Китае наибольшей популярностью пользуются такие домашние божества, как Бог очага и Бог-хранитель входа.

Древние домашние духи не воспринимаются белорусами как божества, которым поклоняются. Белорусы молятся Господу Богу, Пречистой, Иисусу Христу и Святым заступникам, чьи иконы находятся на *покуці*, которая называется также *чырвоным кутам*. Совокупность икон (*абразоў*) называется *бажніцай*. Особо почитаются иконы Богородицы, всеобщей заступницы. С трепетным чувством относятся к местным святыням – *Божай Маці Жыровіцкай, Божай Маці Вострабрамскай*.

Белорусы сходны с китайцами в новогоднем почитании предков, которых называют *святымі дзядамі*. Существует особый ритуал их приглашения *на куццю*.

Бога очага у белорусов нет, хотя некоторые фольклористы склонны выделять *Жыжсая (Жыжа)* как бога огня, присутствующего и в домашнем очаге, но другие считают, что для подобной реконструкции нет оснований. Вместе с тем сохранились описания обряда "*Жаніцьба коміна*", который трактуется как акт почитания домашнего огня в его проекции на священный космический огонь.

Бог очага занимает важное место в обрядах и представлениях народностей Китая.

"Народ считает пищу своим небом", и потому роль очага в жизни китайцев крайне важна. В провинции люди относятся к нему с особым уважением и благодарностью, персонифицируя в образе древнейшего Бога очага. "Примечательно, что на социальный характер божеств указывает персонификация природных и антропогенных объектов, например, ворот, печей, колодцев, откуда и происходят соответствующие

божества." (将某种自然物或非自然物(经过人化的自然物,如门、灶、井等)的属性人化,就创造出了自然神或非自然神。这种人化,本身就预示了神的社会性)[11, с.225] Согласно исследованиям китайских ученых, божество очага в ряде случаев тождественно божеству кухни. Первоначально божество кухни представлялось старухой, затем превращающейся в обворожительную красавицу, и только потом сделалось мужчиной, женатым и имеющем дочь. Сегодня изображения Бога очага мужского и женского пола зачастую сочетаются, что демонстрирует китайскую гармонию инь и ян. Если говорить о функциях Бога очага, то изначально они не распространялись за пределы кухни. Затем к его локальной роли повара добавилось "представительство в резиденции Небесного владыки каждой семьи, донесение о семейных делах для поощрения или наказания." (天神上帝居人世每个家庭的派出人员,司察人们之功过,然后报告上帝,予以奖惩。)[12, с.231] Таким образом, Бог очага трансформировался из простого образа в "чиновника", что добавило трепетного отношения людей к данному духу. В праздничный период Богу очага подносятся жертвоприношения, и делается это с очевидной целью подкупа, чтобы божество не рассказало Небесному владыке о плохих вещах, происходящих в доме и, напротив, представило хозяев в лучшем свете, а "возвратившись с неба, принесло в дом богатство". (且请他从天上归来时,多带点儿财富到此家)[12, с.327] На каждый 23-й или 24-й день нового года по лунному календарю люди готовят божеству очага такие подношения, как пельмени, маньтоу, кунжутный рулет и рисовая водка. Кунжутный рулет обладает высокой вязкостью, после его употребления слипаются зубы, а крепкая водка приводит к опьянению. Смысл этих угощений в том, чтобы заставить Бога очага улыбаться и молчать, когда он полетит к Нефритовому владыке. Таким образом, дух никогда не сможет пожаловаться на своих хозяев. В современном обществе все меньше людей, поклоняющихся Богу очага, однако привычка есть пельмени и кунжутные рулеты сохранилась среди других новогодних обычаев. Стоит отметить, что поведение людей, подкупающих божество, указывает на фамильярное обращение: его не боятся и относятся к нему с юмором, а значит, образ духа достаточно положительный. В ряде регионов Китая Бог очага считается защитником семьи и помогает хозяевам в достижении целей, например, в поиске работы. В китайском языке "пиала с рисом" является метафорой работы, и потому нетрудно понять значимость божества для китайцев.

На наш взгляд, ближе всего к божеству очага, а ретроперспективно, видимо, духу очага, находится белорусский *хатнік* (*домовый, дамавік, гаспадар, надпечнік*). Высказывалось предположение, что его образ является первичным по отношению к таким функционально сходным с

ним персонажам, как *гуменнік, хлеўнік, еўнік, лазнік*, а сам он генетически восходит к духу домашнего огня (В. Лобач). Основой данного предположения послужил локус домовика – *запечны кут, падпечча, пячны слуп*.

Весьма интересна гипотеза происхождения духов, приведенная этнографом С. В. Максимовым в работе "Нечистая, неведомая и крестная сила": "Когда Господь, при сотворении мира, сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попадали нечистые духи. При этом неизвестно, отобрались ли сюда те, которые были подобнее прочих, или уж так случилось, что приселившись поближе к людям, они обжились и обмякли, но только эти духи не сделались злыми врагами, как водяные, лешие и прочие черти, а как бы переродились: превратились в доброхотов и при этом даже оказались с привычками людей веселого и шутливого нрава. Большая часть крестьян так к ним привыкла, так примирилась с ними, что не согласна признавать домовых за чертей и считает их за особую отдельную добрую породу." [3, с. 32]

Пограничное положение домовика – «ад чарцей адстаў, а да людзей не прыстаў» – определило его двойственную характеристику и амбивалентное восприятие. Внешность его вполне человеческая: "Хатнік мае выяву старэнькага дзядка з сівай барадой і сівымі кудлатымі валасамі, апранутага ў белую кашулю, падперазаную лыкам. Улетку і ўзімку ён ходзіць босы, без шапкі..."[2, с. 204] А в некоторых регионах Беларуси домового называли подпечником, представляя в виде страшной собаки с красной головой.

Хатник обычно выходит из своего убежища лишь ночью либо в отсутствие хозяев дома. Злыми людьми и плохим хозяевам дух может явиться в ужасных образах, бегать по стенам и летать над головами.[2, с. 206] Если же подружиться с хатником, тот может предупредить о приближающейся беде.

С интересной особенностью связан образ домовика на Полесье: местные жители называют этим словом живущего под домом ужа. Образ в некоторых районах трансформировался в клетника. Этот вид домового похож на большого ужа, однако "увесь нібыта залаты, гарыць як агонь".[1, с. 247]

Пространство, расположенное рядом с домом, также требовало покровительство духов. В восточнославянской традиции сложился образ дворового. Что характерно, в зависимости от региона он может различаться. Так, например, С.В. Максимов отмечает, что дворовой является видом домового, и называет этого персонажа народных поверий

дворовой-домовой: "Дворовой-домовой получил свое имя по месту обычного жительства, а по характеру отношений к домовладельцам, он причислен к злым духам, и все рассказы о нем сводятся к мучениям тех домашних животных, которых он не взлюбит <...> Это его, наконец, стараются улаживать всякими мерами, предупреждать его желания, угождать его вкусам".[3, с. 44]

В некоторых представлениях белорусов сохранился положительный образ дворового, который помогает по хозяйству и защищает подворье от вторжения опасных духов. Так, ему посвящен начинающийся с величания заговор: "Цар-бацюшка, дваравы! Царыца-матушка, дваравіца! І дарую я цябе хлебам і соллю, і нізкім паклонам, а што сам ем, п'ю, цем цябе дару. А ты, хазяюшка-бацюшка і хазяюшка-матушка, мяне берагі і скацінку блюдзі!" [1, с. 136]

Что касается Древнего Китая, то ареал и функции духов двора весьма своеобразны: здесь есть бог колодца, богиня отхожих мест Цзыгу, а также ряд других. Бог колодца оберегал чистоту и вкусовые качества воды, богиня отхожих мест гарантировала благополучие в доме. В определенные дни данным божествам приносили жертвы, вымаливая у них безопасность, здоровье и благополучие. При детальном рассмотрении можно обнаружить, что эти существа весьма схожи с богом Очага, ведь все они подают людям лучшие надежды.

Базовой потребностью людей является безопасность жилища. И "дверь" является залогом этой безопасности, залогом которой является дверь. Так в Китае возник образ бога-хранителя входа 门神. Это божество, часто изображаемое на дверях, призвано "быть у дверей, изгоняя злых духов".(他们守在门口, 主要任务是驱鬼辟邪)[12, с.23] В "Каталоге гор и морей" описываются горы Бохайского моря, в которых находятся Врата Демонов. Сверху располагается Шэньшу (дух-хранитель дома), за безопасность отвечают два духа-хранителя Юй-Люй, прогоняющие демонов. Это и есть легендарные боги-хранители входа из древних источников. Последующие поколения китайцев наделили образ воинственного божества чертами защитника семьи. "Роль бога-хранителя входа заключается в защите семьи и изгнании злых духов. Однако со временем народ, испытывая неудовлетворение, постоянно добавлял в этот образ праздничное наполнение. Например, пожелания мира и спокойствия, исполнения всех желаний, привлечения богатства и сокровищ и др.(门神的职责是驱鬼辟邪, 保护家庭。但是, 发展到后来, 人们渐渐地不满足于此, 往往再加上一些祝吉庆贺的内容……如 '四季平安'、'万事如意'、'招财进宝')[12, с.26] На двери стали наноситься изображения с целью защиты семейства, что гарантировало отсутствие духов в доме. Примечательно, что в китайских традициях сохраняется большое

количество табу, касающихся домашнего пространства. Например, нельзя держать ребенка под карнизом, поскольку там его душу может похитить дух Яньдяогуй, названный по месту обитания. Запреты распространяются на область порога и передних ступеней. Так, "Женщины народа хань после свадьбы внимательны к божествам дома мужа. Особенно важным объектом является порог. В частности, невеста не должна наступать на порог при входе в дом".(汉族新婚迎娶, 新娘子进男家门时特别忌讳触犯各种神灵, 尤以门槛为最要小心之处。新娘子绝对不能用脚踏在门槛上)[10, с. 102] Характерно, что для китайцев "божества" и "духи" отличаются в значительной степени. Так, сосуществование с божествами приемлемо и даже желательно по причине возможной помощи от него, а с духом – опасно. Именно духи оказываются неподконтрольными человеку и могут вносить в его жизнь беспорядок. В белорусской культуре духи жилища могут мирно сосуществовать с людьми, их характер более близок к человеческому, при этом они обладают всеми присущими людям качествами. Что же касается китайских духов жилища, то они в большей степени олицетворяют человеческие желания. Этих духов можно назвать "людьми" высшего уровня, желания и надежды народа обрели исполнителей, материализованных в образе домашних духов, способных защищать и наделять благами.

Образы белорусских духов двора, в свою очередь, сильно отличаются, делая их едва похожими на китайских «коллег». Как правило, при достойном обращении с ним дух жалуется хозяев и помогает им, в обратном же случае – жестоко мстит.

Что касается белорусских (славянских) духов жилища, то с ними вполне возможно найти общий язык и выработать мирный образ сосуществования. При этом, в отличие от китайских божеств, они не подотчетны высшим силам, что гораздо удобнее для хозяина дома.

Образы духов жилища обрели широкое распространение в фольклоре, литературе, декоративно-прикладном искусстве и даже массовой культуре. В то же время, народные верования, связанные с духами домашнего пространства, помогают глубже понять характер народа, его менталитет и традиции. Таким образом, на наш взгляд, данная работа представляет интерес для студентов, изучающих культуру Беларуси и Китая, а также для специалистов, вовлеченных в проекты межкультурного взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мнск.: Беларусь, 2004. – 592 с.

2. Дучыц, Л. Язычніцтва старажытных беларусаў / Людміла Дучыц, Ірына Клімковіч. – Мінск: Харвест, 2018. – 368 с.; 287 іл.
3. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. / С. В. Максимов. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1903. – 529 с.
4. Міфалогія беларусаў / Пад рэдакцыяй В. С. Новак – Гомель: Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт, 2005. – 252 с.
5. Ненадавец, А. М. Каму пакланяліся продкі/ А. М. Ненадавец. Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – 239 с.
6. Никифоровский, Н. Я. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Вильна: Типо-Литография Товарищества и. ф. «Н. Маць и Ко». 1907.
7. Новік Г. Дыялогавая функцыя вобраза дамавіка ў сучаснай беларускай літаратуры. Код доступу: <http://bit.ly/2knw0m4>. Дата доступу: 16 июня 2019 г.
8. Чароўны свет: з беларускіх міфаў, паданняў і казак / Рэд. Г. П. Пашкоў; маст. В. П. Славук. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П.Броўкі, 2008. – 216 с.
9. Шамак, А. А. Міфалогія беларусаў / А. А.Шамак – Мінск: Інстытут культуры Беларусі, 2013. – 256 с.
10. 余耀东编写. 民俗禁忌 (Под ред. Юй Яодуна. Табу в фольклоре / Юй Яодун – Хэфэй.) / 余耀东. –合肥: 黄山书社, 2012. – 186 с.
11. 赵杏根.中国百神全书(Антология всех китайских богов и духов) / 赵杏根. –海南: 南海出版社, 1993. – 452 с.
12. 赵杏根.中国节日风俗全书 (Полное собрание китайских праздничных обычаев) / 赵杏根. –合肥: 黄山书社, 1996. – 349 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

МЕТАДАЛОГІЯ І ПРАКТЫКА РЭАЛІЗАЦЫІ ПЕДАГАГІЧНАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ МУЗЕЯ ПРЫ НАВУЧАННІ КІТАЙСКІХ СТУДЭНТАУ РУСКАЙ МОВЕ

Грынько С.Д.

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Элизы Ожешко 22, 2300223 Гродно, Беларусь, s.grinko@inbox.ru*

Нарастанне тэмпу жыцця, павелічэнне аб'ёму інфармацыі, з якім чалавек сутыкаецца кожны дзень, дыктуе неабходнасць змены сучасных падыходаў да сістэмы адукацыі, якая павінна адпавядаць запатрабаванням часу. Аб'ектыўныя заканамернасці існуючага тэхнагеннага грамадства, якое хутка развіваецца, ставяць задачы перад асобай, нацэленай на поспех у соцыуме XXI стагоддзя. На жаль, сучасная школа, нягледзячы на ўкараненне інавацыйных тэхналогій, усё ж прытрымліваецца традыцыйнага навучання, рэалізуючы сваю асноўную мэту – фарміраванне ведаў, уменняў, навыкаў, а не на раскрыццё і развіццё патэнцыялу асобы, якая павінна рэалізавацца ў існуючым свеце. У выпадку традыцыйнага навучання засвойванне вучэбнага матэрыялу абапіраецца на механічнае запамінанне, на рэпрадуктыўныя здольнасці навучэнцаў, часта абмяжоўваючы самастойны пошук, творчыя здольнасці, індывідуальныя асаблівасці развіцця.

Гэта ўказвае на неабходнасць унясення змен у арганізацыю педагагічнага працэсу, які павінен забяспечваць развіццё асобы, здольнай рабіць самастойны выбар і арыентавацца ў полікультурным свеце, абапіраючыся на гуманістычныя каштоўнасці. Такія навацыі адразу ж ставяць задачы іншага парадку перад педагогам у працэсе адукацыі – навучыць арыентавацца ў патоку інфармацыі, выбіраючы галоўнае, важнае ў культурным кантэксце і каштоўнае для самой асобы.

Ва ўмовах страты вартасці маральных чалавечых якасцей (а рынкавыя адносіны часта спараджаюць у грамадстве меркантильнасць, цынізм, спажывецкае стаўленне, амаральнасць і ўседазволенасць) вельмі важна ва ўстановах адукацыі надаваць увагу фарміраванню духоўнасці асобы, паколькі менавіта духоўная сутнасць вылучае чалавека з усяго матэрыяльнага свету. І менавіта ад пераўтваральнай дзейнасці яго будзе

залежыць змяненне навакольнай рэальнасці, а значыць – якасць жыцця любога грамадства.

Таму альтэрнатыўнымі ведаваму падыходу ў адукацыі, які ляжыць у аснове традыцыйнай дыдактычнай сістэмы, могуць стаць асобасна-арыентаваны і культуралагічны. У межах гэтых падыходаў навучэнец разглядаецца як суб'ект адукацыі і культуры: ён сам можа выбіраць дзейнасць, абапіраючыся на набытыя ім раней веды і выкарыстоўваючы свой уласны творчы стваральны патэнцыял, памнажаючы пры гэтым духоўныя і матэрыяльныя набыткі грамадства. Роля педагога пры гэтым заключаецца ў далучэнні асобы да свету культуры, у фарміраванні яе маральных якасцей, у стварэнні ўмоў для самастойнага выбару, у мадэляванні сітуацыі поспеху, у падтрымцы яго пры прыняцці рашэння, у выпрацоўцы лініі сваіх паводзін.

Далучэнне навучэнцаў да культурных здабыткаў грамадства, засваенне творчага гістарычнага вопыту свайго і іншых народаў, разуменне складанасці і неадназначнасці гістарычных працэсаў – неабходныя структурныя элементы адукацыйнага працэсу, так як у аснове гістарычна значных падзей і стварэння геніяльных твораў усіх відаў мастацтваў знаходзіцца асоба, то гэта, безумоўна, узвышае чалавечае прызначэнне на зямлі і служыць жывым прыкладам для пераймання, пры гэтым перашкаджае фарміраванню эгаізму і цынічнасці ў маладога пакалення і, безумоўна, адпавядае нацыянальнаму характару педагагічнага працэсу.

На наш погляд, рэалізаваць асобасна-арыентаваны і культуралагічны падыходы магчыма з дапамогай выкарыстання ў навучанні і выхаванні сродкаў музея. Як адзначае І. А. Калеснікава, «музей па сваёй сутнасці гуманітарны, паколькі яго наведванне набывае індывідуальна-асобасны сэнс толькі на аснове дыялогу, але асаблівага, дзе суразмоўцы, разнесеныя ў часе, злучаныя Месцам, Прасторай, Культурай» [1, с. 7]. Менавіта ў музеі ажыццяўляецца пагружэнне асобы ў свет гістарычных рэальнасцей, культурнага багацця грамадства, насычэнне свядомасці вобразамі шляхам зрокавага ўспрымання, пабудовы дыялогу з экспанатам, атрымання значымай для асобы інфармацыі. Такім чынам кожны чалавек будзе для сябе музейную прастору, дзе ёсць прадметы культуры, асабістыя каштоўнасці і месца для творчасці.

У музеі экспазіцыя аказвае адначасова эмацыйнае, нагляднае і інфармацыйнае ўздзеянне на наведвальнікаў. Менавіта тут яны вучацца суадносіць гістарычна значымае з імгненным, важнае з неістотным, эстэтычнае з пасрэдным, рэальнае з уяўным.

Мадэрнізацыя і інавацыі ў дзейнасці музеяў, якія характарызуюцца адкрытасцю і агульнадаступнасцю, інтэрактыўнасцю метадаў зрабілі «храм музаў» вядучым сацыяльным інстытутам па фарміраванні духоўнасці асобы. Даследчык М. В. Нагорскі вызначае гэтую функцыю музея як першасную, якая стаіць перад адборам, сходам, захоўваннем і экспанаваннем каштоўнасцей гісторыі і культуры, паколькі сучасны музей абапіраецца ў сваёй дзейнасці на «дасягненні гісторыі, археалогіі, культуралогіі, мастацтвазнаўства, псіхалогіі, педагогікі, дызайну, тэорыі камунікацыі, тэорыі кіравання і іншых навук» [2, с. 353]. Такім чынам, з дапамогай рэалізацыі адукацыйных магчымасцей гэтай установы фарміруецца грамадзянскасць і маральныя якасці асобы, якія вызначаюць светапогляд і накіраванасць усёй яе дзейнасці.

Выкарыстанне музейна-педагагічнай дзейнасці ў адукацыйным працэсе (розныя формы ўзаемадзеяння з музеем: экскурсіі, лекцыі, кансультацыі, урокі, музейныя заняткі з элементамі гульні, віктарыны, сустрэчы з вядомымі людзьмі, вечары, святы і г.д.) аказваюць значнае ўздзеянне на фарміраванне асобы, а пры мэтавым і сістэмным іх выкарыстанні выбудоўваецца суцэльнае і шматграннае ўздзеянне на асобу: фарміраванне рэальнай, бачнай карціны свету з дапамогай яркіх наглядных вобразаў прадметаў; рэтрансляцыі значнасці прадметаў, іх каштоўнасна-сэнсавы сутнасці з дапамогай прыкладаў і каларытных слоўных вобразаў; ўсведамленне ролі асобы (народа, этнасу) у гістарычнай эпосе як яркі прыклад для пераймання; фарміраванне ў свядомасці асацыятыўных сувязяў з людзьмі дадзенай мясцовасці, з лакальнымі падзеямі; праекцыя гістарычна значнага на паўсядзённае; уплыў на эмацыянальны стан асобы, сферу яе цікавасцей, перакананняў, светапогляд; актывізацыя самастойнай пазнавальнай і крэатыўнай дзейнасці; набліжэнне ведаў навучэнца да ўзору, ідэалу; выхаванне эстэтычнага густу; фарміраванне культуры паводзін, зносін.

Так, з дапамогай адукацыйных сродкаў музея, фарміруецца рознабакова развітая асоба: маральная, патрыятычная, інтэлектуальная, актыўная, творчая, якая мае эстэтычны густ.

На думку даследчыка І. А. Малахавай, «творча актыўныя людзі з'яўляюцца нацыянальным здабыткам, багаццем краіны», бо менавіта гэта якасць асобы з'яўляецца «сістэмаўтваральным элементам эканамічнага, сацыяльнага і культуралагічнага ўладкавання грамадскага жыцця» [3, с. 1].

Такім чынам, музейна-педагагічная дзейнасць спрыяе рознабаковаму фарміраванню асобы, патрэбнай і карыснай грамадству, а таксама адпавядае рэалізацыі асобасна-арыентаванага і культуралагічнага падыходу ў адукацыйным працэсе.

На наш погляд, вельмі важна выкарыстоўваць усе перавагі супрацоўніцтва музея і ўстановы адукацыі ў рабоце з кітайскімі студэнтамі, калі яны вивучаюць рускую мову. З аднаго боку, усе прыярытэты рэалізацыі адукацыйнай функцыі “храма музаў” у педагагічным працэсе, азначаныя вышэй, тут таксама відавочныя: фарміраванне маральнай і творчай асобы, арыентаванай на агульначалавечыя каштоўнасці і культурныя здабыткі грамадства. З другога боку, у выпадку, калі замежныя студэнты вивучаюць рускую мову, навучальны працэс павінен насіць міжкультурны характар, гэта значыць павінен быць накіраваны на фарміраванне павягі да традыцый, абрадаў і звычак іншага народа. Вельмі важна, што працэс уваходжання чалавека ў чужую культуру адбываецца праз мову, бо гэта і ёсць самы старажытны набытак народа, у якім адлюстравана яго гістарычная памяць. Мова – неад’емная частка агульнай культуры грамадства, у якой чалавек развіваецца і выходзіць. Усё, што створана чалавекам, можа быць пазначана мовай, і ўсе прадукты культуры выяўляюцца дзякуючы здольнасці чалавека карыстацца ёй. Пад час вивучэння рускай мовы як замежнай студэнты не проста авалодваюць пэўнай знакавай сістэмай, тэарэтычнымі і практычнымі ўменнямі ўжывання пэўных граматычных формаў, але і вучацца разумець славянскую культуру і яе прадстаўнікоў, усходніх славян, у прыватнасці рускіх і беларусаў. Гэта таксама дазваляе фарміраваць здольнасць пераадольваць абмежаванасць уласных ментальных звычак, разумець разнастайнасць свету і бязмежнасць духоўнага ўдасканалення чалавека.

Таму асноўнай задачай вивучэння рускай мовы як замежнай з’яўляецца не толькі моўныя веды, а і культуралагічныя, якія адлюстроўваюць спецыфіку менталітэту іншага народа. Асноўная супярэчнасць у гэтым працэсе заключаецца ў тым, што, з аднаго боку, у кожнага чалавека ёсць усведамленне ўласнай, нацыянальнай ідэнтычнасці, а з другога боку, – універсальнае. У сувязі з гэтым, на наш погляд, неабходна пашыраць адукацыйную прастору асобы студэнта так, каб стымулявалася развіццё яго ўласнай ідэнтычнасці і ў той жа самы час развівалася агульначалавечае, тое, што ёсць паміж рознымі культурамі і этнасамі. Выхаванне грамадзянскасці і патрыятызму заўсёды спалучаецца з фарміраваннем талерантных адносін да прадстаўнікоў іншых народаў, бо ў гэтым і заключаецца адна з прадстаўнікоў розных культурных традыцый.

Праца са студэнтамі з КНР, як і з прадстаўнікамі іншых краін, якая вядзецца на кафедры рускай мовы як замежнай Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, ахоплівае некалькі накірункаў:

- навучальная праца, якая ўключае заняткі са студэнтамі па дысцыпліне “Руская мова”, якія спалучаюцца з экскурсіямі па горадзе, наведваннем выстаў;
- выхаваўчая праца, якая ўключае як спецыяльна арганізаваныя экскурсіі ў Гродна ці з выездам у іншыя гарады Беларусі, так і ўдзел у мерапрыемствах, якія праводзяцца ва ўніверсітэце (канцэртныя праграмы, спартыўныя мерапрыемствы, акцыі, прысвечаныя дню роднай мовы, дню нараджэння ўніверсітэта, дзяржаўным святам і інш.);
- навукова-даследчая дзейнасць (кіраўніцтва напісаннем навуковых артыкулаў, выступленняў на канферэнцыі).

Аднак пад час інтэрв’ю з загадчыкам гэтай кафедры Ірынай Мікалаеўнай Кавінкінай, кандыдатам філалагічных навук, дацэнтам, нам давалося высветліць некаторыя асаблівасці ў рабоце менавіта са студэнтамі з Кітая пад час выкладання рускай мовы. Як правіла, яны мэтанакіравана вывучаюць новы матэрыял, гатовы задаваць пытанні, здольны класіфіцыраваць паняцці, актуалізаваць атрыманыя веды, дысцыплінавана запісваюць матэрыял у сшыткі (часта заводзяць іх некалькі для розных раздзелаў і заданняў). Моладзь з гэтай краіны, па вызначэнні Ірыны Мікалаеўны, праяўляе цікавасць да культуры другога народа, актыўна ўдзельнічае ў дыскусіях, вельмі любіць спаборнічаць і, канечне, перамагаць.

Усе гэтыя асаблівасці кітайскіх студэнтаў, безумоўна, трэба ўлічваць пры арганізацыі і правядзенні заняткаў па рускай мове. Не складаюць выключэння і формы супрацоўніцтва з музеем, якія выкарыстоўваюць выкладчыкі. Наколькі ж эфектыўным з’яўляецца выкарыстанне адукацыйнага патэнцыялу музея са студэнтамі-кітайцамі? Па вызначэнні І. М. Кавінкінай, музейна-педагагічную дзейнасць недаацаніць цяжка: студэнты задавальняюць сваю цікавасць да краіны, у якой атрымліваюць адукацыю, разумеюць гістарычны кантэкст ужывання лексікі, атрымліваюць эстэтычнае задавальненне, лепш засвойваюць незразумелыя словы. Аднак гэты від дзейнасці, на яе думку, патрабуе ґрунтоўнай падрыхтоўкі ад выкладчыка, які павінен ведаць і самі экспанаты, і інфармацыю пра іх, падрыхтаваць некалькі заданняў на аснове экспазіцыі, распрацаваць элементы інтэрактыўнасці для студэнтаў, дзе яны самі могуць нешта патлумачыць, расказаць, разгледзіць. Гэту выснову загадчык кафедры робіць згодна свайму вопыту працы (педагагічны стаж – 27 гадоў) і тым недахопам, якія яна назірае ў рабоце экскурсаводаў пад час правядзення экскурсіі ў музей: цяжкая для ўспрымання інфармацыя для замежных студэнтаў, адсутнасць эмацыянальнасці ў расказе, аднастайнае правядзенне экскурсіі без прыцягнення да ўдзелу ў ёй наведвальнікаў.

Для ацэнкі супрацоўніцтва выкладчыкаў кафедры з музеем у рабоце са студэнтамі з Кітая намі была распрацавана анкета і апытана 7 чалавек, якія маюць вопыт выкладання рускай мовы гэтым студэнтам.

Пытанні наступныя:

1. Як часта Вы выкарыстоўваеце музей у працэсе работы з замежнымі студэнтамі з Кітая?

2. Што, на Ваш погляд, пры наведванні музея аказвае найбольшы ўплыў на асобу студэнта-замежніка?

3. Якім чынам музей аказвае ўздзеянне на студэнта з Кітая ў адукацыйным працэсе?

4. Якія якасці фарміруюцца ў кітайскіх студэнтаў у адукацыйным працэсе пры наведванні музея?

5. Якая форма музейнай работы з'яўляецца самай эфектыўнай для вывучэння рускай мовы як замежнай студэнтамі-кітайцамі?

6. Якія формы работы музея са студэнтамі з Кітая Вы выкарысталі на занятках па рускай мове?

7. Што, на ваш погляд, аказвае найбольшы ўплыў на развіццё цікавасці да прадмета "Руская мова" пры наведванні музея?

8. Якія з ніжэйпералічаных музеяў Вы калі-небудзь наведвалі са студэнтамі з КНР?

9. Як музей уплывае на веданне рускай мовы кітайскіх студэнтаў?

10. Як Вы лічыце, ці ўплывае музей на развіццё маўлення ў такіх студэнтаў?

Толькі адзін рэспандэнт адказаў, што не выкарыстоўвае музей як адукацыйны сродак у сваёй педагагічнай дзейнасці з дадзенай катэгорыяй студэнтаў. Нягледзячы на гэта, выкладчык адзначыў, што экспанаты музея аказваюць уплыў на студэнтаў, назваў самую эфектыўную форму супрацоўніцтва з гэта ўстановай – экскурсію. Хіба што, гэты педагог мае аднабаковае ўяўленне аб дзейнасці музея, бо лічыць, што музей спрыяе выхаванню толькі дысцыплінаванасці ў кітайскіх студэнтаў, хаця пры гэтым адзначае, што яны лепш там засвойваюць новыя матэрыял і словы.

Большасць апытаных выкладчыкаў (6) выкарыстоўваюць музейна-педагагічную дзейнасць у сваёй працы ў залежнасці ад мэты, якая рэалізуецца. Пры гэтым адзін з іх гэта робіць па заданні кіраўніцтва. Гэтая ж колькасць рэспандэнтаў лічыць, што на асобу ў музеі найбольшы ўплыў аказваюць экспанаты. У гэты пералік некаторыя ўключаюць інфармацыю, працу экскурсавода па ўзаемадзеянню з наведвальнікамі.

Уздзеянне на асобу кітайскіх студэнтаў выкладчыкі ацанілі дастаткова рознабакова: фарміруе ўяўленне аб культуры іншага народа,

актывізуе і пашырае слоўнікавы запас, павышае зацікаўленасць студэнта ў вывучэнні прадмета, стварае ў свядомасці цэласны зрокавы вобраз, садзейнічае сацыялізацыі. Аднак, на жаль, ніхто не адзначае, што музей, уздзейнічаючы на эмацыянальную сферу асобы, яе каштоўнасці і перакананні, часта штурхае да самастойнай даследчай і пошукавай працы. Хіба што, гэта тлумачыцца тым, што прадстаўнікі іншай краіны схільны больш параўноўваць сваю культуру і іншую, чым глыбока вывучаць культурную спадчыну той краіны, у якой яны вучацца.

Сярод якасцей, якія фарміруюцца ў кітайскіх студэнтаў пры наведванні музея, рэспандэнты называюць: дапытлівасць, назіральнасць, акуратнасць, дадаюць пры гэтым: здольнасць класіфікаваць паняцці, агульная культура паводзін. Найбольш эфектыўнай формай супрацоўніцтва з гэтай установай культуры апытання лічаць, канечне, экскурсію. Важнымі з'яўляюцца музейныя заняткі з элементамі гульні (дадаюць саборніцтвы), а таксама вечары і сустрэчы. Да выкарыстаных форм музейна-педагагічнай дзейнасці пры выкладанні рускай мовы большасць выкладчыкаў адносяць экскурсію, называюць таксама лекцыі, вечары, сустрэчы, тэатралізацыі ў музеі.

Па меркаванні большасці апытаных, на развіццё цікавасці да прадмета “Руская мова” аказвае ўплыў нестандартная форма правядзення заняткаў, называюць таксама экспанаты, экспазіцыю, уменне экскурсавода ўтрымліваць увагу наведвальнікаў. Як бачым, педагогі, якія працуюць з кітайскімі студэнтамі станоўча адносяцца да выкарыстання сродкаў музея ў сваёй дзейнасці, разумеюць эфектыўнасць выкарыстаных форм супрацоўніцтва. Напэўна, таму пералік гэтых устаноў, якія наведвалі выкладчыкі са студэнтамі з Кітая, дастаткова вялікі: Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей, Музей Максіма Багдановіча, Мінералагічны музей “Карат”, Музей гісторыі Гарадніцы, Музей гісторыі рэлігіі, Аптэка-музей, Музей гісторыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, Музей Вялікай Айчыннай вайны, музей у Несвіжскім замку, Музей Янкі Купалы ў Мінску, музей у Лідскім замку.

На пытанне аб тым, як музей уздзейнічае на веданне прадмета “Руская мова”, большасць адказалі, што кітайскія студэнты лепш засвойваюць новы матэрыял, веды становяцца больш трывалымі і слоўнікавы запас пашыраецца, адзначалася таксама, што развіваецца пазнавальная цікавасць да прадмета.

Пра развіццё маўлення ў працэсе наведванняў музея ў студэнтаў-кітайцаў адказы былі пра тое, што слоў яны ўжываюць больш і лепш разумеюць камунікатыўную сітуацыю.

Як паказалі вынікі праведзенага апытання, амаль ўсе выкладчыкі кафедры рускай мовы як замежнай выкарыстоўваюць адукацыйны патэнцыял музея ў сваёй дзейнасці, лічаць гэту працу эфектыўнай, станоўча ацэньваюць яе ўплыў на асобу кітайскіх студэнтаў, іх веданне прадмета, на фарміраванне іх якасцей. Пералік музеяў, якія выкарыстоўваюць у педагагічным працэсе выкладчыкі наогул уражвае, гаворыць аб вялікім аб'ёме музейна-педагагічнай дзейнасці са студэнтамі з Кітая.

Такім чынам, выкарыстанне сродкаў музея ў навучанні студэнтаў-кітайцаў рускай мове, на наш погляд, мае шэраг пераваг:

- могуць лепш зразумець культуру беларускага і рускага народа;
- ёсць магчымасць свядома засвоіць лексіку;
- больш зразумелай становіцца камунікатыўная сітуацыя, звязаная з вывучанай тэмай;
- садзейнічае развіццю пазнавальнай цікавасці да прадмета;
- фарміруе ў свядомасці асобы цэласны вобраз прадмета;
- прадастаўляе магчымасць засвоіць матэрыял у нетрадыцыйнай форме (гульня, тэатралізацыя, віктарына);
- выходзіць культуру паводзін.

Такім чынам, выкарыстоўваючы ўсе перавагі музейна-педагагічнай дзейнасці ў навучанні студэнтаў з КНР рускай мове можна рэалізаваць асобны і культуралагічны падыход да адукацыі, пры гэтым забяспечыўшы трываласць і свядомасць засвоеных ведаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Колесникова, И. А. О феномене музейной педагогики // Художественный музей в образовательном процессе. – СПб. : СпецЛит, 1998. – С. 6-8.
2. Нагорский, Н. В. Музей в духовной жизни общества. – Санкт-Петербург, 2004. – 432 с.
3. Малахова, И. А. Развитие креативности школьников в процессе любительской художественной деятельности : автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.05. – Минск, 2011. – с.444/

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Дылевская В. Ю.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь,
valentinadylevskaja42@gmail.com*

Одной из методических проблем развития устной речи студентов-иностранцев в связи с изучением литературы является композиционная структура занятий. Можно с успехом использовать словарную работу, беседу, диалоги. Также этому способствуют упражнения по развитию связной речи: конкурсные пересказы, рассказы, выразительное чтение стихотворных текстов, конкурс, рассматривание и обсуждение иллюстраций, рассказы о художниках, суждения об иллюстрациях, отзывы, рецензии. Сравнение поэтических текстов также дает возможность оценить их достоинства. Это, в свою очередь, способствует переносу знаний и умений, литературному развитию, а также развитию устной речи. В процессе сопоставления (исторического и эстетического) могут быть затронуты самые разнообразные, практически все аспекты существования литературного явления. Темы, идеи, способы изображения, исторические судьбы произведений и т.п. становятся материалом сопоставлений. Язык является первоэлементом художественной литературы, научить студента понимать и чувствовать художественное соответствие слова – значит создать главные условия для выработки и развития навыков эстетически осмысленного чтения. Чем глубже почувствуют и правильно поймут студенты-инофоны семантическое богатство и экспрессивно-стилистическую функцию художественного слова в произведении, тем богаче будут их эстетические переживания и речевая активность.

Обращаясь к методу сопоставления, необходимо учитывать, что сопоставляются как синхронные, которые совпадают по времени, литературные факты и явления, так и несинхронные, разделенные временным интервалом. Но всегда нужно следовать принципу историзма. Можно сопоставлять те или другие явления в литературах, произведения писателей, близкие тематически, стилистически. Например, занятия по развитию устной речи, основанные на сопоставлении произведений русской и китайской классической поэзии (на примере творчества А. С. Пушкина и Ду Фу: образы и мотивы времен года). На основе сравнительного анализа функционирования образов и мотивов времен

года нашли много общих черт как в описании природного явления, так и одинаковое выражение в поэтическом языке (метафорах, эпитетах, семантике, пословицах, сходство даже некоторых словесных образов): «Унылая пора». «Очей очарованье». «Пышное природы увяданье», поэтому и восприятие двойственное: прекрасная, унылая, славная, скучная. В китайском языке многозначное, совпадает с русским, отражает признаки погоды, время сбора урожая, а также философские понятия. Это же характерно и для других времен года. Подобные сопоставления повышают интерес студентов к литературным произведениям, учат их понимать закономерности литературного процесса. Перед такими занятиями студенты получили задание самостоятельно найти примеры для сопоставления, связей творчества писателя, художественного явления русской (белорусской) литературы с произведением зарубежного автора, продумать и объяснить природу, возникновение этих связей. Можно обращать внимание на сюжетно-творческие аналогии между фольклором, между образами, характерами героев русской (белорусской) и зарубежной литератур. Можно поставить и более сложные задачи: отличать в подобных литературных явлениях черты национальной специфики, оригинальности, неповторимости, анализировать примеры близости литератур в процессе изучения таких сложных вопросов теории литературы, как стиль писателя, литературное направление, художественный метод.

Совершенствование речевой деятельности студентов при сравнительном изучении поэтических текстов требует опоры на самые разные виды и жанры высказываний на литературные темы, которые при обучении создают условия для разностороннего речевого и эстетического развития личности студента. Из монологических высказываний на литературные темы можно использовать репродуктивные высказывания (творческие пересказы художественного текста, мемуарных материалов, литературно-критических статей); продуктивные высказывания (сообщение, доклад, литературное обозрение, критический этюд, ораторское выступление и др.); пересказы художественных текстов (подробный, сжатый, выборочный, творческий, научный); доклады и сообщения (информативные, исследовательские, проблемно-дискуссионные) [1,с.376]. Развитие устной речи иностранных студентов осуществляется также и в процессе их диалогического общения при сопоставительном анализе художественных произведений (в том числе русских и китайских, русских и туркменских). В немалой степени этому способствуют образцы диалогов литературных героев. С целью развития речи используются учебно-критические, литературоведческие и художественные диалоги. В учебно-критических

диалогах студенты сопоставляют отдельные произведения поэтов. Этот вид диалога ориентирован на сопоставление личностных оценок. Литературоведческий диалог требует овладения терминологией, проникновения в поэтику художественного произведения.

Овладению речевыми жанрами способствует правильный выбор речевых ситуаций или речевых заданий для занятий по сравнительному изучению литературы. Они способствуют обогащению словарного запаса, развитию эмоционально-образной речи студентов.

Задание может иметь общий характер, предоставляя студентам свободу в выборе параметров сравнения (тема, содержание, литературный метод, лирический герой и т.п. Сопоставление ведущих персонажей эпохальных литературных произведений проводится большинством студентов без особого труда, а определение черт сходства и отличия оказывается более сложной задачей. Например, после изучения лирики Лермонтова предложить сравнить его стихотворения и стихотворения Байрона. Многие эпизоды, ситуативные детали в поэзии Лермонтова легко сопоставимы с мотивами байроновских произведений («Боярин Орша» – «Абидосская невеста», «Гяур» – «Каллы», «Парус» – «Из дневника в Кефалонии», «Расстались мы...» – «В альбом» и др.). Главное, чтобы студенты поняли, что Лермонтов не подражал и не заимствовал в прямом смысле слова, а использовал некоторые всеобщие поэтические элементы, сюжетные линии, эпизоды. [2,с.71] Важна принципиальная общность идей и настроений, роднящая творчество Байрона и Лермонтова, в первую очередь общность тематическая. Речь должна идти о высоко поэтическом примере, который направляет творческие поиски Лермонтова как самостоятельного творца на создание оригинальных произведений. В процессе сопоставления интенсивней работает воображение, порой необходимо домыслить обстановку, в которой создавались сравниваемые произведения. При сопоставлении литературных произведений у студентов вырабатываются навыки самостоятельного анализа, осознанного и аргументированного суждения, понимание многообразия возможных подходов к решению близких тем в литературных произведениях.

Знакомство с биографией поэта обладает большими возможностями для совершенствования речевой деятельности студентов. Этому поможет мемуарная литература, письма, документы эпохи, дневники, послания, критическая литература. Все это будет способствовать обогащению лексического запаса студентов. Художественно-биографический рассказ должен занимать достойное место в системе изучения творчества поэта [3,с.46]. Это несомненно поможет постичь внутренний мир писателя, его творческую

индивидуальность. Трудно переоценить образовательное, воспитательное и развивающее значение художественно-биографического рассказа.

На занятиях спецкурса «Методика сравнительного изучения литературы» (3 курс, «русская филология») при изучении историко-биографических связей сообщения студентов были следующими: Характеристика творчества А. С. Пушкина и Тао Юань-мина – одного из представителей знаменитой в китайской литературе идилической поэзии, основателя этого жанра; С. А. Есенина и Хай Цзы. Деревенская тема, к природе роднит Хай Цзы с русским поэтом. Хай Цзы написал цикл стихотворений «Поэт Есенин», называет себя «китайским есениным».

Библиографические ссылки

1. Богданова О. Ю. и др. Методика преподавания литературы: Учеб. для студ. пед. вузов / О. Ю. Богданова, С. А. Леонов, В. Ф. Чертов; Под ред. О. Ю. Богдановой. – 2-е изд., – М., 2002. – 400 с.
2. Коровина В. В. Развитие устной речи учащихся./ В. В. Коровина. – М., 1978.
3. Мальцева К. В. Развитие устной речи учащихся на уроках литературы / К. В. Мальцева. – Киев, 1987 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ В КУРСЕ РКИ (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ И БАЗОВЫЙ УРОВНИ)

Игнатович Т.В.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь*

В публикациях по педагогическим проблемам последних лет [3, 4 и др.] очень часто мы встречаемся с неразличением понятий *электронное* и *дистанционное* обучение. Действительно, в содержании обоих много общего, то есть это близкие понятия, но отнюдь не тождественные.

В основе электронного обучения – определенная виртуальная среда, которую называют платформой, в базе данных которой содержатся учебные материалы и средства мониторинга (электронные журналы с отметками и форма для решения тестов). Сайт, через который происходит подключение к учебному серверу, носит доменное имя «.edu».

Электронные системы используются как для дистанционного обучения (заочного), так и для студентов очной формы обучения.

Таким образом, понятие *дистанционное* обучение отражает форму обучения, а понятие *электронное* обучение – средства обучения.

Сегодня известно более 400 обучающих платформ. Закрытые платформы предполагают покупку программного обеспечения, открытые предоставляют его бесплатно. Лучшей из открытых программ (используется в 214 странах, адаптирована под 78 языков) считается платформа MOODLE. Именно на ней созданы электронные образовательные ресурсы в БГУ (dl.bsu.by), Лицее БГУ (e-lyceum.by), Национальном институте образования (e-vedy.adu.by) и др.

LearningApps.org – приложение Web 2.0 для поддержки процесса преподавания с помощью интерактивных модулей (упражнений, тренажёров). Существующие в коллекции тренажёры (именно такое название наиболее точно отражает педагогическое предназначение модулей) можно непосредственно включать в содержание обучения (например, в ЭОРы – электронные образовательные ресурсы: Национальный образовательный портал <http://e-vedy.adu.by> и другие аналогичные), а также можно по готовому образцу создавать в оперативном режиме свои (то есть использовать готовые шаблоны). Одна из целей приложения LearningApps.org – создание базы интерактивных упражнений и возможность сделать их общедоступными. Именно по этой причине такие тренажёры (так называемые приложения, или упражнения) не включены ни в какие обучающие программы или конкретные образовательные сценарии (например, их можно включать в ЭОР через qr-коды, как это делается в современных учебниках для школы, выпускаемых в Республике Беларусь (см., например, [2]) . Хотелось подчеркнуть, что они имеют свою ценность, а именно – интерактивность.

Сервис Learningapps.org создан с целью поддержки учебного процесса с помощью интерактивных приложений.

В работе И. А. Авиловой и В. Г. Струковой подробно рассказано о преимуществах сервиса для создания электронного и дистанционного обучения на основе образовательной платформы MOODLE [1]

Технология создания приложений по подобию раскрыта и в комментариях самого сервиса Learningapps.org. Необходимо зарегистрироваться, прочитать рекомендации разработчиков, познакомиться в свободном доступе тренажёрам по искомой проблеме и можно пробовать создавать собственные. Для этого вы выбираете тренажёр (в сервисе он называется приложением), содержание и форма которого соответствуют поставленным вами задачам. Открываете его и

слева ниже окна задания находите вкладку «Создать подобное приложение». Далее можно, изменив название, задания, картинки, форму помощи и подсказок, опубликовать задание в своем хранилище или представить его для публичного ознакомления.

С помощью тренажеров сервиса Learningapps.org возможно решение задачи эффективного интегрирования в систему традиционного обучения. Покажем это на примере собственного опыта применения этой технологии на уроках РКИ в Китае.

Сразу констатируем, что в университете, в котором я работаю (Хэнаньский университет науки и технологий), для изучения языков электронное обучение не применяется. Функцию площадки, для выкладки материалов, поддерживающей специфические виды контента (тексты, веб-страницы, аудио- и видеоматериалы, произвольные файлы, рассылки, форумы, чаты, коммуникацию между пользователями), выполняет Weechat (переводится как «микрорасписание») – мобильной коммуникационной системы для передачи текстовых и голосовых сообщений на базе операционных систем iOS и Android, разработанной китайской компанией Tencent (первый релиз был выпущен в 2011 году) как «мобильное приложение на все случаи жизни». Каждый преподаватель, и я в том числе, организует виртуальное общение в том темпе и объеме, которые удобны все участникам. Из огромного разнообразия применяемых форм организации дистанционных занятий (чат-занятия, веб-занятия, телеконференции, телеприсутствие, рассылка учебно-методических материалов и др.) на уроках РКИ активно используется последнее – мобильная рассылка.

Обратиться к возможностям сервиса Learningapps.org меня побудила ещё одна серьёзная проблема – повальная зависимость молодёжи Китая гаджетами, главным из которых стал мобильный телефон. В кабинетах университета есть специальные приспособления (стенды с ячейками) для хранения телефонов во время занятий, однако фантазия студента позволяет победить боевой настрой любого преподавателя. Группы изучения русского языка как иностранного здесь традиционно большие – от 30 до 60-70 учащихся (скажем, в России и Беларуси в группе 12-15 студентов), что не способствует контролю за использованием телефона, тем более что есть необходимость использования телефона хотя бы одним из студентов для оперативного перевода сложного слова или выражения по ходу занятия. Преподаватель на уроке постоянно говорит с учащимися, включает-выключает необходимые текстовые, аудио- и видеоресурсы, пишет на доске, вовлекает в речевую деятельность студентов. В такой ситуации появилась возможность использовать интерес обучаемых к гаджетам для

выполнения тех или иных учебных задач на уроке и после урока. Это возможно благодаря интерактивности тренажёров и их невключенности ни в какие образовательные сценарии.

Каждое упражнение сервиса Learningapps.org имеет свой qr-код, который может быть представлен учащимся на бумажном носителе (я делаю рабочие тетради и размещаю в них qr-коды тренажёров), оно может быть презентовано в электронном виде на экране компьютера, в микрорисунке в группе Weechat и других источниках.

При изучении твёрдых и мягких согласных во вводно-фонетическом курсе РКИ используют схемы обозначения мягкости согласных на письме. Для практической отработки навыка произнесения мягких согласных мы предлагаем тренажёр, локализуемый в рабочую тетрадь через qr-код. С помощью qr-сканера любой желающий может его выполнить. Тренажёр предполагает неоднократное использование в любое время по необходимости. Компоненты содержимого тренажёра представляются обучаемому расположенными в случайном порядке, что обеспечивает достаточно высокий показатель новизны при неоднократном выполнении.

после твёрдых согласных 在硬辅音之后

[м] + а, о, у, э, ы матч, мол, мул, мыло

[м'] + я, ё, ю, е, и, мяч 球; меч 剑; медведь 熊; метла

ь 扫帚; мешок 口袋; медаль 奖章;

мёд 蜂蜜; семь 七

после мягких согласных 在软辅音之后

Тренажёры используются на занятии не только в качестве тренировочного упражнения, но и в качестве средства контроля за усвоением материала по текущей теме или теме прошлого урока. QR-коды могут быть представлены на бумажном носителе, на экране компьютера, переданы через любые средства связи, выложены в открытый доступ. Так, при усвоении образования и употребления родовых форм и форм числа притяжательных (и других) местоимений (*мой, твой, свой, чей* и др.) может быть использован тренажёр для мгновенной проверки сформированности навыка.

Возможности сервиса Learningapps.org постоянно развиваются, в нём появляются новые шаблоны для создания самых разных упражнений, растёт база выложенных в открытый доступ приложений, что даёт возможность для сокращения времени на создание трудоёмких вариантов через использование уже готовых, совершенствование упражнений других авторов.

Сервис Learningapps.org предлагает много шаблонов для создания огромного количества вариантов готовых упражнений. Наибольшей популярностью среди преподавателей пользуются шаблоны «Заполни пропуски», «Найти пару», «Классификация», «Викторина с выбором правильного ответа», «Пазл "Угадай-ка"», «Кроссворд».

Приведем примеры упражнений, созданных по указанным шаблонам.

«Заполни пропуски» – выбрать из нескольких в выпадающем окне вариантов правильный.

«Найти пару» – установить соответствие между членами разных подмножеств.

«Кроссворд»

«Викторина с выбором правильного ответа»

«Ввод текста»

«Соответствия в сетке»

Следует отметить, что нет прямого соответствия между темой, материалом и формой подачи его в шаблоне. Так, определенную сложность китайские студенты испытывают при освоении русской системы числительных. Например, для разграничения схожих по определенным параметрам чисел первой сотни мы выбрали шаблон «Найти пару», причём пару составляют записанное число и его звуковое оформление (аудиозапись произнесения). А для освоения чисел первой и второй сотни мы выбрали шаблон «Викторина с выбором правильного ответа».

«Найти пару» (числа от 1 до 99)

Викторина с выбором правильного ответа» (числа от 1 до 199)

Для некоторых шаблонов («Скачки», «Где это находится») возможен выбор разных режимов выполнения: «играть в одиночку» и «играть с друзьями», что позволяет организовать работу в коллективном варианте.

Применение в урочной и внеурочной работе упражнений сервиса Learningapps.org при изучении РКИ позволило интенсифицировать формирование навыков обучаемых по лексике, грамматике, говорению, аудированию; вызвать интерес учащихся к использованию в учебных целях телефонов и планшетов; ввести интерактивные формы работы со студентами; индивидуализировать работу с отдельными учащимися в зависимости от уровня владения языком и т. д.

Предложение ознакомиться с возможностями образовательных ресурсов на платформе MOODLE и опытом их использования в Республике Беларусь (электронные образовательные ресурсы в БГУ, Лицее БГУ, Национальном институте образования и др.) руководством университета было принято с одобрением.

Библиографические ссылки

1. Авилова И.А., Струкова В.Г. Использование образовательной платформы eXe-Learning для разработки электронных образовательных ресурсов // Молодежный научный форум: Технические и математические науки: электр. сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(40). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_tech/11\(40\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_tech/11(40).pdf) (дата обращения: 09.06.2019)
2. Мурина, Л.А. Русский язык : учеб. пособие для 8 кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина [и др.]. – Минск : НИО, 2018.
3. Программное обеспечение eXelearning. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.usavm.ac.ru/software/eXe/intro.htm> (Дата обращения: 13.12.18).
4. Разработка цифровых образовательных ресурсов нового поколения //Российский общеобразовательный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.of.ru/> (Дата обращения: 06.12.18).

ЭЎРЫСТЫЧНЫЯ МЕТАДЫ ПРЫ НАВУЧАННІ КІТАЙСКІХ СТУДЭНТАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ ЯК ЗАМЕЖНАЙ

Праскаловіч В. У.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, praskalovich@tut.by*

Сучаснае грамадства і адпаведная яму новая адукацыйная парадыгма зацікаўлены ў фарміраванні крэатыўнай асобы, здольнай да самарэалізацыі і самаразвіцця. У Кодэксе Рэспублікі Беларусь аб адукацыі зафіксавана, што мэтамі адукацыі, акрамя фарміравання ведаў,

уменьняў і навыкаў, з'яўляюцца інтэлектуальнае, маральнае, творчае і фізічнае развіццё навучэнца, выхаванне ўсебакова развітай, творчай асобы (глава 3, артыкул 11) [1].

Ва ўстановах вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь рэалізацыю названай мэты забяспечвае крэатыўнае навучанне. Безумоўна, што арыентацыя сучасных ВНУ на развіваючую стратэгію крэатыўнага навучання забяспечыць яму жыццяздольнасць і зробіць яго вядучай тэхналогіяй навучання.

Ужо сёння ў Беларускім дзяржаўным універсітэце шырокае прызнанне знаходзіць крэатыўнае навучанне, якое прадугледжвае фарміраванне творчых якасцей асобы студэнта, вызначае неабходнасць падрыхтоўкі будучага спецыяліста, педагогічна дзейнага як «акушэра думкі» (Сакрат), што валодае крэатыўнымі, кагнітыўнымі, аргдзейнаснымі якасцямі асобы і прафесіянала. Як адзначаецца ў дакладзе рэктара БДУ А. Д. Караля «Аб мэтах і задачах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на 2019–2020 навучальны год», «адным з ключавых напрамкаў развіцця Белдзяржуніверсітэта з'яўляецца ўзмацненне крэатыўнага кампанента ў змесце адукацыі» [2].

На філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта маецца досыць паспяховая практыка ўкаранення метадыкі крэатыўнага навучання, пра што сведчаць ужо арганізаваныя мерапрыемствы, прысвечаныя рэалізацыі інавацыйных падыходаў да выкладання філалагічных дысцыплін. У межах гэтай метадычнай ініцыятывы розныя структурныя падраздзяленні факультэта прапануюць свае навукова-практычныя распрацоўкі. Вынікі гэтых мерапрыемстваў размяшчаюцца ў новай рубрыцы сайта філалагічнага факультэта – «Інавацыі ў філалагічнай адукацыі» (<http://philology.bsu.by/ru/news/inavatsyi-u-filalagichnaj-adukatsyi>), а таксама на міжвузаўскім адукацыйным партале «Метадалогія, змест, практыка крэатыўнай адукацыі».

Рэалізуючы канцэптальныя падыходы да крэатыўнага навучання, педагогічны калектыў філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта абапіраецца на наступныя ідэі А. В. Хутарскога, аўтара метадыкі эўрыстычнага навучання (або тэхналогіі дыдактычнай эўрыстыкі): асобасная арыентацыя навучання, у працэсе якога навучэнец не засвойвае гатовыя веды, а сам адкрывае іх у выніку даследавання пэўнай прадметнай рэальнасці (стварае ўласны адукацыйны прадукт); вядучым суб'ектам адукацыйнага працэсу прызнаецца навучэнец; адукацыя найперш арыентуецца на развіццё здольнасцей і індывідуальнасці навучэнцаў; навучанне грунтуецца на эўрыстычнай тэхналогіі дзейнасці згодна з прынцыпамі асобаснага мэтавызначэння, сітуацыйнасці і суправаджальнага навучання, адукацыйнай рэфлексіі [3].

Разглядаючы эўрыстычнае навучанне, А. В. Хутарской адрознівае заданні кагнітыўнага, крэатыўнага і аргдзейнаснага тыпу [3, с. 87]. *Кагнітыўныя заданні* накіраваны на фарміраванне адпаведных пазнавальных якасцей навучэнца, *крэатыўныя* – на стварэнне навучэнцамі творчых адукацыйных прадуктаў, *аргдзейнасныя* закліканы падрыхтаваць навучэнцаў да самаарганізацыі.

На думку А. В. Хутарскога, вучэбная дзейнасць навучэнцаў па выкананні заданняў не заканчваецца атрыманнем выніку ў выглядзе вырашанай задачы, напісанага сачынення, зробленай мадэлі і г. д. Вядомы расійскі вучоны прапанаваў алгарытм дзейнасці навучэнцаў па стварэнні імі адукацыйных прадуктаў і супастаўленні іх з адпаведнымі культурна-гістарычнымі аналагамі [3, с. 124], згодна з якім арганізуецца прадуктыўная дзейнасць навучэнцаў.

Фактычна кожнаму навучэнцу прапануецца пакрокавы алгарытм дзейнасці: 1) вучэбная матывацыя і мэтавызначэнне; 2) вучэбнае заданне і яго выкананне з дапамогай адпаведных дзеянняў; 3) інтэрыярызацыя (усведамленне ўзору); 4) экстэрыярызацыя (практычная дзейнасць, накіраваная на развіццё здольнасцей); 5) самаактуалізацыя (індывідуальная творчасць); 6) рэфлексія.

Асаблівае значэнне *выкарыстанне эўрыстычнага навучання* набывае пры *выкладанні беларускай (рускай) мовы як замежнай*.

Арганізацыя працэсу навучання беларускай мове як замежнай у вышэйшай школе традыцыйна адбываецца на аснове камунікатыўна-дзейнаснага падыходу. *Камунікатыўна-дзейнасны падыход*, грунтуючыся на камунікатыўнай функцыі мовы, спрыяе фарміраванню ў студэнтаў камунікатыўных уменняў на аснове авалодання маўленчай тэорыяй і культурай маўлення. Асноўная ўвага на практычных занятках накіравана на развіццё навыкаў вуснага маўлення кітайскіх студэнтаў. Беларускую мову яны вывучаюць з мэтай авалодання ёю для элементарных зносін. Па гэтай прычыне ў навучанні беларускай мове як замежнай мэтазгодна разглядаць *прынцып апасродкавай камунікатыўнасці* ў якасці дамінуючага. Наша ўяўленне карэльнае з пазіцыяй М. Г. Яленскага, які лічыць, што ў вывучэнні замежнай мовы граматыка поўнаасцю падпарадкавана камунікатыўнаму акту ў аб'ёме, дастатковым для элементарнага суразмоўніцтва на пэўную тэму [4, с. 171]. У гэтым выпадку пры навучанні беларускай мове як замежнай прадугледжваецца *выкарыстанне эўрыстычных тэхналогій*, ключавой, сутнаснай асаблівасцю якіх, на думку А. Д. Караля, з'яўляецца іх камунікатыўны складнік [5, с. 163].

Расійскі вучоны В. І. Андрэеў разглядае *эўрыстычныя метады*, як сістэму эўрыстычных правіл дзейнасці педагога (метады выкладання) і

дзеінасці навучэнца (метады навучання), распрацаваныя з улікам заканамернасцей і прынцыпаў педагагічнага кіравання і самакіравання ў мэтах развіцця інтуітыўных працэдур дзейнасці навучэнцаў у рашэнні творчых задач [6].

Прыкладзём прыклады эфектыўных, як паказала практыка, эўрыстычных метадаў і форм навучання беларускай мове як замежнай.

Метад ролевай і дзелавой гульні. Рэалізуецца ў наступных формах: разыгрыванне стэрэатыпных камунікатыўных сітуацый. Фарміраванне камунікатыўных уменняў студэнтаў ажыццяўляецца ў квазісітуацыях, максімальна набліжаных да рэальных. У змесце большасці крэатыўных заданняў з камунікатыўнай устаноўкай студэнтам прапануецца псеўдажыццёвая або псеўдапрафесійная сітуацыя: педагог у школе, перакладчык на перамовах, экскурсавод у музеі, выдавец, журналіст, дыктар радыё (тэлебачання) і г. д. Як сцвярджае В. Д. Мітрафанав, «падобная вучэбная камунікацыя, ці “псеўдакамунікацыя”, фарміруе навыкі выкарыстання канструкцый і слоў ва ўмовах, набліжаных да рэальных жыццёвых сітуацый, садзейнічае эфектыўнасці навучання [7, с. 18]. У методыцы гэты спосаб атрымаў назву камунікатыўнага мадэлявання, ці мадэлявання маўленчага выказвання. Пры гэтым спецыяльна створаная квазісітуацыя не разглядаецца як самадастатковая, г. зн. безадносна да таго лінгвістычнага матэрыялу, які вывучаецца.

Напрыклад, дзякуючы гульнявым формам заняткаў («Інтэрв’ю», «Прэс-канферэнцыя», «Прэзентацыя», «Радыёперадача», «У краме», «У гасцях» і да т. п.) замацоўваюцца веды аб рытміка-меладычных і арфаэпічных асаблівасцях сучаснага беларускага маўлення. Акрамя таго, на занятках разглядаюцца беларускія стэрэатыпныя (у тым ліку этыкетныя) формулы, што адпавядаюць асноўным тыпам маўленчых сітуацый. Засвойваючы правілы беларускага маўленчага этыкету, традыцыйныя формулы прывітання, развітання, прабачэння, падзякі (у тым ліку і нацыянальна маркіраваныя: *Як маешся? Дабранач!* і інш.), кітайскія студэнты практыкуюцца ў іх ужыванні ў псеўдажыццёвых сітуацыях. Напрыклад, «Ветліва, інтэлігентна адкажыце на наступныя прабачэнні: *Прабачце, я вас, здаецца, ітурхнуў* і інш.»; «Звярніцеся да незнаёмага чалавека (*да прадаўца кветак з просьбай выбраць вам букет для сяброўкі*) і пад.». Тыпы камунікатыўных сітуацый і адпаведных камунікатыўна-сітуацыйных задач падрабязна разгледжаны ў працах такіх беларускіх вучоных-метадыстаў, як Г. М. Валочка, Л. С. Васюковіч, Л. М. Гамеза, В. У. Зелянко, С. В. Мартынкевіч, І. М. Саматыя, С. М. Якуба, М. Г. Яленскі і інш.

Метад калектыўнага абмеркавання і яго формы: круглы стол, брэйнстормінг («мазгавы штурм»), каманднае абмеркаванне і інш.

У працэсе навучання беларускай (рускай) мове як замежнай неабходна мець на ўвазе, што ў працы з кітайскімі студэнтамі адбываецца калектывісцкі тып мыслення. У прыватнасці, у кітайскіх універсітэтах пачынаюць уводзіць курс, які на Захадзе завецца *criticalthinking*. Іншымі словамі, вучэбная дзейнасць разгортваецца ў працэсе калектывнай мыслядзейнасці. Развіццё індывідуальных камунікатыўных здольнасцей адбываецца ў выніку мэтанакіраванага ўзаемадзеяння, дзе кожны з суб'ектаў мае права на выказванне ўласнай думкі, яе аргументацыю. Карысным для ўзмацнення камунікатыўнай дзейнасці з'яўляўся брэйнстормінг, калі выкладчык першы выказваў загадзя памылковую думку, спрабуючы яе фармальна аргументаваць. Кожны са студэнтаў аргументаваў сваю пазіцыю. Акрамя таго, любая вучэбная камунікатыўная сітуацыя (М. Г. Яленскім [4]) заўсёды дэтэрмінавалася патрэбай практычнага асваення моўных сродкаў – фанетычных, лексічных, граматычных.

Метад эўрыстычнага дыялогу. Рэалізуецца ў шматлікіх формах: складанне пісьмовых дыялогаў (інтэрв'ю), дапісванне фрагментаў дыялогаў, стварэнне і прамаўленне ўласных тэкстаў-дыялогаў, інсцэніроўка дыялагічных тэкстаў і інш.

У прыватнасці, студэнтам раілася скласці дыялог на адну з тэм: «Сустрэча з адкурснікам», «У кнігарні», «Пасля спектакля» і інш. Пры гэтым кітайскія студэнты пры стварэнні ўласных тэкстаў-дыялогаў вучацца ветліва даваць станоўчыя адказы на рэпліку-стымул: *Слушыная прапанова!*; *Маеце рацыю!*; *На жаль, мушу адмовіцца!*; выказваць захапленне: *Выдатна!*; *Цудоўна!*; *Слаўна!*; *Хараства!* замест слэнгавых: *Крута!*; *Клёва!*; *Клас!*; *Супер!* [8] і інш.

Фарміруючы ў студэнтаў уяўленне пра адметнасць беларускага маўленчага этыкету ў параўнанні з кітайскім, звяртаем да *культуразнаўчых тэкстаў*, што валодаюць культурным патэнцыялам – схаванымі магчымасцямі, рэсурсамі зместу, граматычнага ладу, лексікі, словаўтварэння, якія адлюстроўваюць ментальны вопыт, культурныя асаблівасці таго ці іншага народа, закладзеныя ў ім [тэксце] аўтарам, і якія могуць быць інтэрыярызаваны студэнтамі самастойна пры чытанні тэксту ці пад кіраўніцтвам выкладчыка ў працэсе спецыяльна арганізаванай працы [9].

Асаблівасці моўных зваротаў, праяўленне беларускага маўленчага этыкету ў параўнанні з кітайскім паказвалася ў час працы над тэкстамі з кнігі Аляксея Маслава «Назіраючы за кітайцамі. Утоенныя правілы паводзін» [10]. Змест тэксту дазваляе арганізаваць *эўрыстычную гутарку*, у ходзе якой параўноўваюцца традыцыі маўленчых паводзін беларусаў і кітайцаў. На аснове зместу культуразнаўчых тэкстаў

адбываецца не толькі выпрацоўка моўных і камунікатыўных уменняў, але і асэнсаванне студэнтамі культурнага вопыту народа, этычнае і эстэтычнае ўздзеянне на іх думкі, пачуцці і паводзіны.

Камунікатыўна арыентаванай дзейнасці на практычных занятках садзейнічалі *дыялагавыя эўрыстычныя заданні* (А. Д. Кароль). З гэтай мэтай выкарыстоўваліся заданні на складанне (дапісванне) фрагмента дыялогу паміж апанентамі. Напрыклад, студэнтам прапаноўвалася ў пары прыдумаць фрагмент дыялогу па пытаннях маўленчых паводзін у розных выпадках жыцця. Заўважым, што студэнтам паказваецца прыклад таго, як можна расказаць пра пэўную падзею, удала выкарыстоўваючы моўныя сродкі і веды ў пабудове ўласнага дыялогу з тэксту-ўзору.

Цікавым матэрыялам для гэтага быў тэкст выступлення на навуковай канферэнцыі вядомага беларускага вучонага прафесара Адама Яўгенавіча Супруна:

У лінгвістычнае выхаванне ўваходзіць фарміраванне пэўных этычных норм маўленчых паводзін у розных выпадках нашага жыцця. Можна сфармуляваць некаторыя нормы, але яны, зразумела, ніяк не прэтэндуюць на вычарпальнасць:

- *любі сваю родную мову, ніколі не саромейся яе;*
- *авалодвай усім багаццем сваёй мовы, вывучай іншыя мовы;*
- *паважай усе мовы, у тым ліку мову твайго субяседніка. Мова – не асабістая ўласнасць, яна – уласнасць цэлага народа, дрэнных народаў не бывае. Разам з тым, кожная мова – частка агульначалавечай скарбніцы ведаў і культуры;*

- *ніколі не выказвай адмоўных ці зняважлівых ацэнак чужых моў: яны прыцыпова памылковыя, бо кожная мова мае свае адэкватныя сродкі перадачы з'яў рэчаіснасці ці можа пры неабходнасці іх развіць;*

- *імкніся карыстацца мовай народа, сярод якога жывеш ці часова знаходзішся. Калі гэта немагчыма, шукай агульную мову (лепей нейтральную);*

- *не навязвай сваёй мовы іншым. Яна заслугоўвае любові і павагі, а не прымусу;*

- *імкніся да ўзаемаразумення, не адмаўляйся зразумець твайго нават выпадковага субяседніка;*

- *імкніся да правільнасці мовы. Іншаземцы прабачаць табе агрэхі ў сваёй мове, а землякі не даруюць іх, калі ты будзеш звяртацца да іх на чужой мове. Да сваіх трэба звяртацца на агульнай роднай мове, нават не пазбаўленай памылак [11, с. 194–195].*

Практычная вартасць такога дыдактычнага матэрыялу заключаецца ў яго скіраванасці на рэалізацыю творчага патэнцыялу

асобы студэнта. Праяўляецца ў тым, што пасля знаёмства з культурнымі ўзорамі рашэння той жа праблемы студэнтамі ствараюцца ўласныя адукацыйныя прадукты творчай дзейнасці, арганізуецца супастаўленне іх з адпаведнымі культурна-гістарычнымі аналагамі (А. В. Хутарскай), даецца ацэнка і праводзіцца рэфлексія.

Нарэшце, працэс навучання дэтэрмінаваны выкарыстанымі выкладчыкам *педагагічнымі тэхналогіямі*. Узрастае запатрабаванасць у *электронных* (лічбавых) *сродках навучання з крэатыўным кампанентам*. Прынцыпова па-новаму арганізаваць вучэбны працэс дазваляць *электронныя навучальныя рэсурсы на беларускай мове*. У сувязі з гэтым выкарыстоўваўся сайт «Вывучаем беларускую: з любоўю да мовы»: <http://by.lang-study.com/about/practice/> (аўтар, кіраўнік і вэб-распрацоўшчык праекта – дацэнт кафедры прыкладной лінгвістыкі філалагічнага факультэта БДУ *Елісеева Вольга Яўгеньеўна*).

Такім чынам, вылучаныя намі эўрыстычныя метады пры навучанні беларускай мове як замежнай не могуць быць прызнаны вычарпальнымі. Яны падаюцца найперш з улікам стратэгічнай мэты вышэйшай адукацыі, якая б задавальняла патрэбы сучаснасці. Ніхто не стане аспрэчваць, што ідэя крэатыўнага навучання з’яўляецца найбольш прагрэсіўнай і перспектыўнай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : Кодекс вступает в силу с 1 сент. 2011 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 488 с.
2. Король, А. Д. О целях и задачах Белорусского государственного университета на 2019–2020 учебный год [доклад на Совете университета] / А. Д. Король [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bsu.by/ru/main.aspx?guid=235131&detail=1041733>. – Дата доступа : 16.09.2019.
3. Хуторской, А. В. Развитие одарённости школьников: методика продуктивного обучения: пособие для учителя / А. В. Хуторской. – М.: Владос, 2000. – 383 с.
4. Яленскі, М. Г. Лінгвадыдактычная парадыгма асобасна арыентаванага навучання мове ў сучаснай школе / М. Г. Яленскі. – Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2002. – 212 с.
5. Король, А. Д. Диалог в образовании: эвристический аспект: науч. изд. / А. Д. Король. – М.: Эйдос, Иваново : Юнона, 2009. – 260 с.
6. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития: Инновационный курс / В. И. Андреев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1996. – Кн. 1. – 568 с.
7. Митрофанова, О. Д. Основные положения методики обучения русскому языку / О. Д. Митрофанова // Методика: Лекции / под ред. А. А. Леонтьева, Т. А. Королевой. – М.: Рус. яз., 1982. – С. 11–20.

8. Важнік, С. Наш адказ Чэмберлену, або Як навучыцца ветліва пагаджацца і адмаўляць / С. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 5. – С. 42–46; Важнік, С. Малайчынка, Буслік! – Цудоўна, Цімоша! : спосабы выражэння захаплення, ухвалення і зычлівасці / С. Важнік // Роднае слова. – 2008. – № 8. – С. 51–55.

9. Зелянко, В. У. Методыка навучання беларускай мове на аснове лінгвакультуралагічнага падыходу (10–11 класы): дыс. ... канд. пед. навук : 13.00.02 / В. У. Зелянко; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2010. – 137 с.

10. Маслов, А. А. Наблюдая за китайцамі. Скрытыя правілы паведзення / А. А. Маслов [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://sv-scena.ru/Buki/Nablyudaya-za-kitayitsami-Skrytyye-pravila-povyedyeniya.html#Nablyudaya-za-kitayitsami-Skrytyye-pravila-povyedyeniya-Index>. – Дата доступа : 07.03.2019.

11. Беларуская мова : вуч. дапам. для 9 кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / Валочка, Г. М., Васюковіч, Л. С., Зелянко, В. У., Якуба, С. М., Байкова, С. І. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2019. – 216 с.

ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Саматыя И. Н

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, irinas2015@tut.by*

Подходы к изучению языков развивались и модернизировались. Раньше чтение и последующий перевод адаптированных текстов были наиболее популярными способами изучения языка, но коммуникативная методика сместила предпочтения студентов в направлении разговорной речи. Методисты считают, что языком следует овладеть путем устного общения. Живые язык должны усваиваться через живую речь. От устной речи надо переходить к письменной, от пассивных форм владения языком (чтение, слушание) к активным формам (говорение, письмо).

Чтение рассматривается как вид речевой деятельности, поставленной на службу устной речи, что диктуется методическим принципом коммуникативности. Читательская грамотность – это способность человека понимать и использовать письменные печатные и электронные тексты, размышлять об их содержании, заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности участия в социальной жизни.

В самых новейших учебно-методических комплексах (УМК), учебниках по обучению чтению авторы, руководствуясь принципом подачи материала от простого к сложному, вначале предлагают тексты небольшого объема с минимальным количеством лексических и

грамматических единиц, затем происходит постепенное включение сравнительно больших текстов с расширенной лексической и грамматической базой.

Например, нами в рамках спецсеминара «Коммуникативно-ориентированное изучение филологических дисциплин: теория и методика»

использовались идеи Н.Б.Каравановой, представленные в пособии «Читаем и всё понимаем». Система подачи языкового материала представлена определенным количеством тематических уроков. Каждый урок содержит 5-7 текстов на определенную тему. Методика подачи материала следующая: в первых уроках используются 3 рубрики. В рубрике «**Готовимся читать!**» представлены предтекстовые упражнения по активизации тематической лексики и соответствующего грамматического материала для подготовки к чтению текста. Рубрика «**Читаем!**» – это сами тексты. Рубрика «**Проверяем!**», включает послетекстовые упражнения, в которых проверяется понимание прочитанного и закрепляется лексико-грамматический материал, на котором был построен текст.

Начиная с 8-го урока добавляется рубрика «**Для тех, кто хочет знать больше**», представляющая собой более развёрнутые тексты, и в предтекстовые упражнения добавляется новый лексический и грамматический материал.

Для отработки техники чтения (правильного произношения слов, словосочетаний, предложений и уяснения их значения) и понимания прочитанного в пособие включены соответствующие упражнения. Например:

читайте правильно слова, словосочетания, предложения (объем прочитанного текста увеличивается с нарастанием); читайте правильно даты; читайте правильно сложносокращенные слова; читайте правильно названия улиц; читайте правильно номера телефонов и т. д.

На проверку понимания прочитанного предлагаются задания типа: *ответьте на вопросы к тексту; вместо точек вставьте нужные слова из текста; соедините правильно части фраз и т. д.*

Затем предлагаются вопросы по содержанию текста, предполагающие ответы, активизирующие устную речь, затем предлагается пересказ текста и написание своего текста на данную тему и рассказ его.

Тексты не подстраиваются под какие-либо грамматические конструкции, чтобы язык текста оставался живым и вызывал удовольствие от прочитанного. Запоминание учебного материала происходит эффективнее на фоне интересных текстов.

Нами предлагались студентам тексты, по содержанию связанные с реальными временными событиями. Например, во время праздников Пасха, День Победы, День поминания предков – Радуница проводилось занятие по теме «Праздники. Поздравления». Кроме того, что студенты работали (по описанной выше методике) с текстами «Как принято поздравлять с праздниками», «Праздники в Беларуси», они имели возможность увидеть, как проходит празднование воочию.

Дополнительно велась работа с интернет источниками. Студенты находили в сети интернет значение неизвестных слов в онлайн-словарях, знакомились с поздравительными открытками и поздравительными надписями на них, составляли собственные тексты.

Как показала практика, такое соединение чтения и выход на устную и письменную речь студентов очень эффективный способ овладения русской речью китайскими студентами.

Общеизвестно, что жить в чужой стране – большая школа. Китайские студенты-филологи, изучающие русский язык, это подтверждают. Русский язык, наряду с белорусским, является государственным языком в Республике Беларусь. Но окружают студентов белорусские реалии, которые необходимо понимать для комфортного существования. Поэтому является очень актуальным включение лингвокультурологического материала в содержание курсов обучения русскому студентов-иностранцев. Этот аспект усвоения предмета очень важен ещё и потому, что от него зависит, как будущие дипломированные специалисты, вернувшись на родину, будут представлять нашу страну землякам.

Многие методисты советуют изучающим языки читать книги вслух. Чтение вслух довольно сложно для неподготовленного человека. Лицевые мышцы и связки не привыкли усиленно работать. Кроме того, так сложнее усваивать новые знания. Читая молча, студенты легко вникают в текст. А читая вслух, нужно подключать слух и речь. На самом деле, это преимущества, а не недостатки чтения вслух. Чтение книг вслух развивает одновременно три речевых навыка: чтение, говорение и аудирование.

Чтение книги на иностранном языке делает этот процесс еще более полезным.

На занятиях семинара «Коммуникативно-ориентированное изучение филологических дисциплин: теория и методика» студенты 3-го курса специальности «Русская филология (иностранцы)» делали мини-сообщения для однокурсников, получив задание подобрать материал для мотивации чтения вслух. Используя разные источники, студенты

выступили со следующими сообщениями, мотивирующими чтение вслух:

Чтение вслух улучшает произношение! Если иностранец уверенно говорит на русском языке, у него все же могут появляться трудности с произношением звуков, которых нет в своем языке. «Громкое» чтение можно сравнить с посещением тренажерного зала, после чего обучающийся будет ощущать себя все более и более уверенно, работая с тяжелыми текстами. Кроме того, читая про себя, не надо заботиться о том, как звучат произнесенные слова, ведь их не проговаривают. Читая вслух, будут возникать сомнения насчет произношения того или иного слова, а значит надо посмотреть в словарь, чтобы проверить себя.

Увеличение словарного запаса. Чтение – эффективный способ усваивать новую лексику. Текст должен соответствовать или ненамного превышать уровень знания языка студента. Желательно, чтобы тематика материала была разнообразной, тексты разных жанров и стилей. Это позволит запомнить больше лексических единиц и использовать их в речи.

Изучение грамматики. Чтение вслух приближает к темпу, обычному для повседневного разговора, что дает возможность естественно усваивать большее количество грамматических тонкостей. Чем чаще студент читает на иностранном языке, тем он увереннее себя ощущает, работая с грамматическими структурами. Читая статьи в оригинале с прекрасной грамматикой, изучающий язык усовершенствует свою речь.

Улучшение письма. Чтение вслух на русском языке важное звено между говорением и письмом. Этот вид работы эффективен, поскольку для чтения выбираются не адаптированные тексты в учебнике, а тексты, написанные для того, чтобы заинтересовать человека, предоставить действительно полезную информацию или развлечь. А все, что требуется – это уделить некоторое время чтению выбранной книги или газеты. Важно понимать, что при знакомстве с материалами разных жанров, усваиваются правила пунктуации и привычные стандарты написания определенных текстов. К примеру, статьи, научные доклады, эссе и прочие работы в разных языках и оформляются по-разному.

Отработка скорости речи. Этот пункт связан с предыдущим. «Громкое» чтение позволяет в кратчайшие сроки набрать темп.

При общении на русском языке китайскому студенту необходимо говорить и одновременно размышлять над тем, что сказать далее. Читая вслух мозг не должен генерировать идеи, замедляя речь. Проговаривая подготовленный текст работа идет только над темпом речи.

«Громкое» чтение оказывает сильный синергетический эффект от одновременной деятельности различных отделов мозга во время чтения вслух. В одно и то же время работают моторные, слуховые и зрительные отделы. Большое количество разных источников информации позволяет скорее запоминать детали. Четкое, выразительное, эмоциональное чтение – одно из лучших упражнений для развития речи. Тихое чтение гарантирует только поверхностное усвоение мозгом информации, чтение вслух гарантирует тренировку речи, языковую практику и лучшее усвоение новых знаний.

При чтении «про себя» большая часть информации не запоминается и помечается мозгом как неважная. «Громкое» чтение позволяет освоить навык точного выражения мыслей, увеличивает словарный запас, улучшает дикцию, правильности речи, интонацию и так далее.

«Громкое» чтение помогает избавиться от акцента и серьезных дефектов речи. Мощнейшим инструментом для коррекции иностранного акцента – является параллельное (одновременное) чтение с «мастерами слова». Дефекты устраняются достаточно быстро и эффективно, если стараться точно имитировать все голосовые характеристики «эталонного спикера».

Образование должно вдохновлять, мотивировать к учебной деятельности, повышать интерес к изучаемому предмету. Современному творческому преподавателю на помощь приходят мобильные приложения и сайты, позволяющие реализовывать различные творческие задания при обучении чтению на основе изучаемых художественных произведений

В статье Т. П. Хрусталева [2] описан интересный материал по использованию альтернативных форм книг для повышения читательского интереса. Существуют сайты [3, 4] позволяющие не просто читать книги, но и погружаться в мир звуков художественного произведения. Листая страницы виртуальной книги, читатель не просто видит строки о том, как хлопнула входная дверь и раздался скрип половиц, но и слышит это. Изданы книги со звуковым сопровождением, которые позволяют расширить словарный запас студента, проиллюстрировав, например, чем слово «тарахтеть» отличается от слова «шуршать». Исследования подтверждают, что чтение с саундтреками улучшает понимание текста на 17%.

Помимо специализированных платформ разрабатываются обучающие мобильные приложения, помогающие разнообразить работу над художественным произведением и позволяющие студентам знакомиться с текстом не только линейно, но и интерактивно. Компания

Samsung совместно с лингвистами группы TolstoyDigital и школой лингвистики НИУ «Высшая школа экономики» в 2015 году выпустили приложение «Живые страницы» для мобильных телефонов, планшетов на базе Android. Библиотека приложения включает классические произведения русской литературы. Студент помимо текста, работая с приложением, может изучить хронологию событий, портретные характеристики персонажей, сюжетные линии и их пересечения, обратиться к справочной информации, сыграть в игру по мотивам произведения, поделиться полученными результатами в социальных сетях. Это лишь несколько примеров использования альтернативных форм книг.

Но каждая инновация и альтернативная методика должна интегрироваться в учебный процесс с учетом индивидуальных параметров и требований конкретной образовательной среды.

Библиографические ссылки

1. Караванова, Н.Б. Читаем и всё понимаем: Пособие по чтению и развитию речи для иностранцев, изучающих русский язык. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2015. – 168 с.
2. Хрусталева, Т.П. Использование альтернативных форм книг для повышения читательского интереса : Проблемы современного филологического образования : Сборник научных статей. Выпуск XVI / Ответ. ред. В.А. Коханова. – М.: МГПУ, Ярославль: Ремдер. 2018. С. 143—148.
3. booktrak.com
4. <https://play.google.com/store/apps/details>

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТАМИ РУССКИХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Саникович И. М.

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, irinasanikovitch@tut.by*

Благодаря кумулятивной функции язык является своеобразным хранилищем культурного наследия, именно поэтому в нем находят отражение все духовные и материальные достижения того или иного народа. Наиболее ярко кумулятивная функция проявляется в области лексики, так как именно слово непосредственно связано с предметами и явлениями окружающей действительности.

При изучении иностранного языка происходит знакомство обучаемых с лексическими единицами, отражающими особенности

традиционного быта, к которым примыкают национальные игры, обычаи, обряды, а также особенности национального этикета (вербальные и невербальные). Таким образом, происходит формирование социокультурной компетенции студентов-инофонов, которая предполагает «знание культурных особенностей носителей изучаемого языка, их привычек, традиций, норм поведения и вербального и невербального этикета, умение понимать и адекватно использовать их в процессе общения, оставаясь при этом носителем собственной национальной культуры» [1, с. 163–164].

Формирование социокультурной компетенции происходит в процессе работы с аутентичными текстами, благодаря чему обучаемые знакомятся с образом жизни, культурными традициями и моральными ценностями другого народа, также возникает возможность дискуссии по разнообразным проблемам [2]. Русская народная сказка представляет собой один из примеров аутентичных текстов, анализ которых на занятиях способствует формированию социокультурной компетенции студентов-инофонов.

Как известно, сказки условно делятся на три группы: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые новеллистические сказки [3, с. 164–199]. Сказки о животных выделяются из сказочного эпоса прежде всего своей системой образов. Это произведения, в которых основными действующими лицами выступают животные и птицы. Со временем система образов расширилась за счет включения людей, но одним из главных персонажей сказочного повествования всегда остается животное или птица.

Характерной особенностью сказок о животных является выделение сходных особенностей у человека и зверя (речь – крик, поведение – повадки) и совмещение в образах животных их качеств с качествами человека: животные говорят и ведут себя так, как люди. Такое совмещение привело к типизации характеров животных, которые стали воплощением определённых качеств: *лиса* – хитрость, *волк* – глупость и жадность, *медведь* – доверчивость, *заяц* – трусость и т. д. С течением времени сказки приобрели иносказательный смысл: под животными стали подразумеваться люди, носители определенных черт характера.

Еще одной особенностью сказок о животных является то, что они достаточно краткие: в центре сюжета, как правило, – один-два эпизода, действие развивается быстро, без промедления; события, которые служат предметом повествования, при всей их нелепости, странности, комичности совершаются в правдоподобной жизненной обстановке.

Таким образом, очеловечивание персонажей-животных, небольшой объем и сравнительная простота сюжетов позволяют сделать вывод о целесообразности использования сказок о животных при работе со студентами-инофонами. Рассмотрим возможности формирования социокультурной компетенции на примере работы с текстом сказки «Снегурушка и лиса» [4].

Жили-были старик со старухой. У них была внучка Снегурушка.

Собрались подружки в лес по ягоды и пришли звать с собой Снегурушку. Старик со старухой долго не соглашались, но наконец отпустили её. Только, говорят, не отставай от подруг.

Пришли девушки в лес, стали собирать ягоды. Деревце за деревце, кустик за кустик. Снегурушка и отстала. Подружки аукали, аукали, но Снегурушка не слыхала.

Как стемнело, подружки домой пошли. А Снегурушка ходила, ходила по лесу, совсем заблудилась. Поняла она, что осталась в лесу одна, залезла на высокое дерево, уселась на ветку и стала горько плакать да припевать.

*Ау, ау, Снегурушка!
Ау, ау, голубушка!
У дедушки, у бабушки
Была внучка Снегурушка.
Ее подружки в лес заманили,
Заманили – покинули!*

Идет медведь и спрашивает:

– О чем ты, Снегурушка, плачешь?

– Как мне, медведюшка, не плакать? Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка. Меня подружки в лес заманили, заманили да покинули!

– Слезай вниз, я тебя отнесу к дедушке и бабушке!

– Нет, медведь, я тебя боюсь: ты меня съешь!

Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, плачет да приговаривает:

Ау, ау, Снегурушка! <...>

Идет волк, спрашивает:

– О чем ты, Снегурушка, плачешь?

– Как же мне не плакать? Меня подруженьки в лес завели, да одну и покинули...

– Слезай вниз, я тебя отнесу к дедушке и бабушке! – говорит волк.

– Нет, волк, я тебя боюсь: ты меня съешь! Волк и ушел.

А Снегурушка! опять заплакала, плачет да приговаривает:

Ау, ау, Снегурушка! <...>

Бежит мимо лисичка. Услыхала Снегурушкин голосок и спрашивает:

– Чего ты, Снегурушка, плачешь?

– Как же мне, лисонька, не плакать! Меня подружки в лес заманили, заманили да одну и покинули.

– Слезай вниз, я тебя отнесу к бабушке и дедушке! Снегурушка слезла с дерева, села на лису, лисица и побежала.

Прибежала к Снегурушкиному дому, стала хвостом стучаться в калитку.

– Кто там? – спрашивают дедушка и бабушка.

– Это я, лисица, внучку вашу привезла!

– Ах ты, лисонька ты, наша дорогая! Ах ты, лисонька ты, наша хорошая! Войди к нам в избу! Где нам тебя посадить, чем тебя угостить?

Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А потом простились и дали ей на дорогу еще курочку.

При знакомстве с сюжетом данного произведения китайская аудитория обращает внимание на трехкратное повторение ситуации (песня Снегурушки и предложение персонажа-животного помочь добраться до дома). «Верность сказочного повествования числу “три” остается непонятной» [3, с. 188], однако эта особенность сюжета характерна для всех видов русских сказок (и не только русских), она отражает сохранившуюся древнюю веру человека в числа.

Рассмотрим **лексические единицы**, знакомство с которыми может расширить знания о культуре русского народа иностранных обучающихся. Объяснение лексического значения представленных слов базируется на данных «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [5].

1. Жили-были – начальное устойчивое выражение, характерное для русских сказок; восходит к утраченной русским языком форме давнопрошедшего времени (плюсквамперфект), которая до сих пор сохранилась во многих европейских языках.

2. Междометие ау, ау – восклицание, которым перекликаются люди в лесу, чтобы не потерять друг друга. От него образовался глагол *аукать* (кричать «ау»). Отметим, что для китайских магистрантов, с которыми анализировалась сказка «Снегурушка и лиса», данные русские лексические единицы стали открытием.

3. Потчевать – предлагать что-либо съесть или выпить, т.е. угощать; на современном этапе развития русского языка слово считается устаревшим.

4. *Творог* – кисломолочный продукт (сгустившиеся частицы кислого молока), традиционный для Восточной и Северной Европы. Использование творога не характерно для китайской национальной кухни.

В тексте сказки содержатся ценные сведения об **особенностях речевого поведения**, присущих русскому народу:

1. Обращения с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов *медведюшка*, *лисонька*. Этим подчеркивается воспитанность главной героини, которая даже в случае отказа (ситуация с медведем) сохраняет вежливый тон общения.

2. И персонажи-звери, и сама Снегурушка называют старика и старуху «*дедушка*» и «*бабушка*». Если в ситуации с девочкой, которая так называет своих кровных родственников, это вполне объяснимо (хотя в тексте сказки вполне могли бы быть употреблены и менее вежливые лексемы «*дедка*» и «*бабка*»), то в ситуации с персонажами-зверями такое наименование родственников Снегурушки подчеркивает уважительное отношение к пожилым людям.

К особенностям поведения относятся **национальные обычаи и традиции**. Два эпизода анализируемой сказки способны сообщить студентам-инофонам такую информацию:

1. Приглашение лисы за стол иллюстрирует характерный русский обычай – радушный прием гостей. Хозяева готовы не только отдать лучший кусок гостю, но и разделить с ним последнее, что у них есть. Принять, накормить, спать уложить, да еще и напоследок дать что-то в дорогу (*дали ей на дорогу еще курочку*) – такое проявление гостеприимства было вполне естественным для русского человека.

2. *Ходить по грибы и по ягоды* (на современном этапе развития языка – *ходить за грибами или за ягодами*). Если сейчас собирание ягод и грибов – скорее приятный отдых, то раньше это был один из способов заготовки продовольствия на зиму. С наступлением сезона целые деревни уходили в лес на сбор ягод и грибов. Собранные дары леса либо добавляли в другие блюда (например, пироги с ягодами или грибами), либо из ягод варили варенье, а грибы солили на зиму.

Работа по формированию социокультурной компетенции может сочетаться с работой по расширению и обогащению словарного запаса и развитию речи студентов-инофонов. Приведем примеры таких заданий:

1. *Прочитайте текст, во время чтения вставьте описания внешности героев сказки.*

2. *Опишите дом, в котором жила Снегурушка.*

3. *Во что была одета девушка, когда пошла в лес? Что она взяла с собой?*

4. *Представьте, что вам надо нарисовать 6 иллюстраций к тексту. Расскажите, что будет изображено на каждой картинке?*

При выполнении таких заданий неизбежно встанет вопрос о лексических единицах, с помощью которых можно описать:

- а) внешний вид героев сказки (*борода, коса, глаза, рот* и др.);
- б) их одежду (*сарафан, рубаха, платок, лапти* и др.);
- в) жилище Снегурушкиной семьи и его обстановку (*калитка, изба, крыльцо, сени, печь, лавка* и др.);
- г) детали быта (*корзинка, лукошко, тарелка, кувшин* и др.).

Кроме этого, студентам-инофонам можно предложить следующие задания, с помощью которых на занятиях реализуется коммуникативно-деятельностный подход к обучению русскому языку. В рамках такого подхода преподаватель «обеспечивает усвоение учебной информации путем творческого общения участников образовательного процесса» и «организует применение знаний, формирование учебно-языковых, речевых, коммуникативных, лингвокультуроведческих и правописных навыков и умений в процессе речевой деятельности» [6, с. 46].

1. Покажите, как бабушка и дедушка Снегурушки угощали лисоньку.

2. Разыграйте по ролям один из фрагментов сказки.

Подобные задания позволяют лучше познакомиться с особенностями вербального и невербального общения (например, как усадить дорогого гостя за стол, как затем ухаживать за ним) и впоследствии усвоить их.

Таким образом, тексты русских сказок о животных предоставляют богатый материал, с помощью которого можно обеспечить формирование социокультурной компетенции иностранных обучаемых.

Библиографические ссылки

1. Колесникова, И.Л. *Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков* / И.Л. Колесникова, О.А. Долгана. – СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 2001. – 224 с.
2. Акинина, Н.В. *Формирование социокультурной компетенции обучающихся на основе английского юмора как фактора отражения ментальности британцев* / Н.В. Акинина, Н.В. Ряполова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2018. – № 4. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27814> – Дата доступа: 10.05.2019.
3. Аникин, В.П. *Русское народное творчество: пособие для студентов* / В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов. – Л.: «Просвещение», Ленингр. отделение, 1987. – 479 с.

4. Русская народная сказка «Снегурушка и лиса». – Режим доступа: <http://hyaenidae.narod.ru/story1/039.html> – Дата доступа: 03.05.2019.
5. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
6. *Литвинко, Ф.М.* Методика преподавания русского языка в школе: учеб. пособие / Ф.М. Литвинко. – Минск: Вышэйшая школа, 2015. – 448 с.

СЕМАНТИКА РУССКОГО ИМПЕРАТИВА В АСПЕКТЕ УСВОЕНИЯ ЕЕ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Скворцова Н. Н.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, sonato4ka@mail.ru*

В теории и практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) коммуникативную проблематику контекстов с императивами (формами повелительного наклонения) неправомерно сводить только к одному аспекту – побудительному. С одной стороны, предназначенность императива в русском и других языках, в том числе китайском, выражать побуждение предопределяет первоочередное внимание именно к прямому (основному, системообразующему) значению формы. С другой стороны, то, что в лингводидактике проблематика русского императива нередко ограничивается общим указанием на выражение побуждения к действию, дает основание утверждать следующее: в таком случае не учитывается не только богатство оттенков общего значения побуждения, выражаемых формами повелительного наклонения, но и целый комплекс вторичных, или переносных (транспозиционных, не прямых) значений, весьма существенных для успешной коммуникации.

Семантика и употребление русского императива (здесь и далее речь идет о морфологическом императиве, т. е. о формах 2-го лица ед. и мн. ч. повелительного наклонения) входят в круг тех грамматических тем, которые в национально ориентированной методике преподавания РКИ традиционно относятся к так называемым «трудностям русской грамматики» (тема сложна преимущественно для тех обучающихся, в родном языке которых нет категории вида). Объективность такого отнесения не вызывает сомнений хотя бы потому, что в китайском языке (изолирующий тип), а также в японском и корейском (агглютинативные языки) побудительные конструкции (форма побудительного залога в

японском языке; специальные частицы и побудительные глаголы в китайском языке) более или менее однозначны: они не употребляются, в отличие от конструкций с формами повелительного наклонения в русском языке, в неимперативных (переносных) значениях. Это объясняет, почему явление транспозиции русского императива вызывает у носителей китайского (равно как и японского, корейского) языка значительные трудности при усвоении парадигмы значений повелительного наклонения. В целом, типологическим различием русского и китайского языков, их разноструктурным характером обусловлены многочисленные ошибкоопасные зоны в речи на русском языке китайских учащихся. (Данная проблематика, безусловно, затрагивает не только саму природу знака, но и различные аспекты межкультурной коммуникации, однако в статье акцент делается на языковом и методическом характере проблемы.)

Между тем столь частое и вполне объяснимое отсутствие поля пересечения лингвистических компетенций носителей русского и китайского языков дает возможность совершенствовать методику презентации в китайской аудитории русского императива, обладающего разветвленной системой прямых (первичных) и переносных (вторичных) значений. Наблюдаемое нами количество и характер ошибок в употреблении носителями китайского языка русских императивов убеждает в том, что практически вся семантическая парадигма императива (как минимум, весь комплекс прямых значений) должна быть в центре внимания составителей учебников и авторов любых рациональных методик обучения китайцев русскому языку как иностранному.

В практике преподавания РКИ традиционной является презентация на начальном этапе императива как основного средства выражения побуждения в русском языке (с указанием преимущественно грамматического различия между формами повелительного наклонения). На основном этапе обучения РКИ (бакалавриат) вводится весь комплекс значений императива (в начале основного этапа – прямые значения, к концу основного этапа – переносные), при этом внимание учащихся обращается на то, что формы повелительного наклонения 2-го лица ед. и мн. ч. являются наиболее распространенным средством экспликации побуждения к действию. Они выражают «общее значение побуждения» и «оттенки общего значения побуждения» (в метаязыке практической грамматики РКИ). Важно отметить, что в употреблении императивов с отрицанием (с частицей *не*, в общеотрицательных предложениях) есть особенности, проявляющиеся также и на семантическом уровне. Так, если без отрицания императив совершенного вида (СВ) выражает

(1) просьбу, (2) требование, приказ или (3) совет-рекомендацию, то с отрицанием он реализует другие значения: (4) предупреждение и предостережение. (О смысловозначительной роли интонации – просьба? требование, приказ? – будет сказано ниже.) Например:

(1) **Передайте**, пожалуйста, профессору эти книги. **Будьте добры, напиши(те)** свой адрес и телефон. **Прочитайте**, пожалуйста, что здесь написано: без очков я не вижу.

(2) **Встань**: с тобой разговаривает учитель! **Уйди(те)!** **Закрой(те)** дверь!

(3) **Обратитесь** к коменданту, если потеряли пропуск в общежитие. **Посмотри(те)** этот фильм: он оставит неизгладимое впечатление. **Прочитай(те)** эту книгу: в ней много интересной и полезной информации.

(4) **Не опоздай** на спектакль! **Смотри не опоздай** на поезд! **Не забудь(те)** передать ему эти книги. **Не потеряй(те)** ключи от сейфа.

Значения же просьбы, приказа или совета не совершать то или иное действие ('не делай(те), не нужно делать'), а также запрещения действия ('нельзя делать') выражаются посредством императива несовершенного вида (НСВ) с отрицанием:

Пожалуйста, не открывайте окно: мне будет холодно.

Не оставляйте мусор в учебных аудиториях.

Не читайте лёжа: это вредно для глаз.

Императив НСВ, помимо выражения побуждения к повторяющемуся действию, используется носителями русского языка и для побуждения к действию, которое не повторяется (так называемое «единичное действие»). Сравним:

Каждый день делайте зарядку. Волеизъявление, касающееся регулярного действия.

Сегодня читайте с ребенком в течение двух часов. Волеизъявление, касающееся процесса (продолжительного действия).

Пишите же, я жду. Побуждение к началу действия (часто – к немедленному началу).

Почему ты замолчал? Говори, я слушаю. Побуждение к продолжению прерванного действия.

Приходите на мой концерт. Приглашение.

Поправляйтесь, выздоравливайте. Пожелание.

Говорите тише, вы нам мешаете. Побуждение к изменению характеристики действия (как правило, образа, способа действия).

Указанные выше значения были выделены на основании анализа многочисленных контекстов и ситуаций (как типичных, так и специфических) использования носителями русского языка форм

повелительного наклонения, с учетом всех элементов, составляющих эти ситуации, особенностей «речевых событий», вербализованных и подразумеваемых целей, эксплицированных реакций, различных аспектов коммуникативного акта, значений самих видов и других факторов. Даже с учетом того, что «различие в значениях форм повелит. накл. глаголов сов. и несов. вида не относится к области устойчивых и строгих правил» [1, с. 623], иные лингвистические интерпретации представляют собой дрейф от филологии в сторону «любительской» (наивной) лингвистики (хотя когнитивные механизмы неверного истолкования понятны и могут быть объяснены).

На наш взгляд, на основном этапе обучения РКИ методически целесообразна системная подача данного грамматического материала в китайской аудитории. Системно-структурный подход в организации и представлении языкового материала соответствует не только сложившимся национальным образовательным традициям, но и специфике когнитивно-познавательного стиля китайских учащихся.

Основными формами представления анализируемого языкового материала являются речевые образцы, схемы, таблицы, комментарии к таблицам и схемам. Методически облегчить задачу восприятия и анализа прямых значений императива (семантики видов глаголов в повелительном наклонении) в китайской аудитории могут следующие таблицы (уместно давать их в параллели с русскоязычными вариантами).

Таблица 1

命令式第二人称单数和复数通常表示要求对方进行某一行为。

他们表示普通的要求和不同程度要求进行的某一行为。

俄语动词命令式体的意义

意义	表达方式	例子
一.表达意愿, 经常重复的行为 二.表达意愿, 一次且不重复的行为动作	未完成体	每次课间休息要打开窗户. 每天要做操.
1. 进行的某一行为	完成体	请转交下纸条.
1) 请求	完成体	站起来!
2) 命令	完成体	开始值日吧.
3) 建议, 劝告		
2. 表示 允许 完成某一行为	未完成体	可以进来吗? 请进.
3.	未完成体	
1) 要求或催促对方开始某一行为 (局部快速的开始)	未完成体	写完了吗? 开始读吧!
2) 要求 继续 由于某种原因 中断的行为	未完成体	为什么不说话? 请说, 继续说.
4. 邀请	未完成体	明天请过来吧. 请进来. 脱下外套吧.
5. 祝愿	未完成体	祝您健康. 祝您健康.

Материалы первой таблицы помогают китайскому студенту не только «увидеть» наличие семантических зон, но и соотнести выражение этих смысловых отношений императивами СВ (‘побуждение к неповторяющемуся действию’: 1) просьба; 2) требование, приказ; 3) совет, рекомендация) и императивами НСВ (‘побуждение к повторяющемуся действию’: ‘побуждение к единичному, или неповторяющемуся, действию’: 1) побуждение начать (немедленно начать) действие или продолжить прерванное действие; 2) разрешение совершить действие; 3) приглашение; примыкает к ним 4) пожелание). Данную таблицу уместно дополнить еще одним значением, реализуемым императивом НСВ, – ‘побуждение к изменению способа или образа неповторяющегося действия’: *Говорите тише, пожалуйста: вы нам мешаете; Пишите аккуратнее (разборчивее)! В некотором смысле оно соотносится с другими значениями, и прежде всего со значением ‘побуждение к началу действия’, однако оно именно соотносится, но не отождествляется с ними.*

Данные второй таблицы в наглядной форме дают понять китайскому студенту, что отрицание существенно меняет значения форм повелительного наклонения глаголов СВ и НСВ: с отрицанием императив несовершенного вида может передавать (1) просьбу, (2) приказ, требование или (3) совет, рекомендацию не совершать действие, выражать запрет действия, а императивы совершенного вида с отрицанием – предупреждение, предостережение.

Таблица 2

命令式否定用法

意义	表达方式	例子
表示禁止对方进行请求 (或者命令、建议、劝告) 等一行为	未完成体	请不要关窗户, 这里很闷.
预告, 预防或警告	完成体 (+动词原形完成体)	别来晚了. 看好时间别来晚了.

Таким образом, аспектуальные значения форм изъявительного наклонения и форм повелительного наклонения не только пересекаются (в общей семантике «повторяющееся / неповторяющееся действие»), но и расходятся, причем при усвоении китайскими (и не только) студентами темы «Императив» информация о выражении глаголами СВ и НСВ соответственно конкретно-фактического и общефактического значений оказывается едва ли не методически бесполезной, «неработающей», поскольку не может служить базой для практического усвоения оттенков

общего значения побуждения, выражаемых видовыми парами глаголов, равно как и одновидовыми, и двувидовыми глаголами.

Усвоение китайскими студентами прямых значений императива (при условии методически и лингвистически правильного подхода к работе над данной темой) не вызывает столь значительных трудностей, как усвоение ими вторичных (переносных, транспозиционных) значений, поскольку в китайском языке императивные конструкции в переносных значениях не употребляются [2, с. 102]. (Транспозиция русского императива в аспекте восприятия и усвоения китайскими учащимися рассмотрена в статье Ли Яфэй [2].)

Иногда в методических целях инофонам, изучающим русский язык, предлагается предельное упрощенное понимание семантики и ситуаций использования императива в прямом значении. Так, в рассуждениях о типовых аспектуальных контекстах и семантике видов в императиве (см., например, работу «Логика грамматики (к проблеме обучения иностранцев употреблению видов глагола русского языка)» [3]) встречаются тезисы и комментарии (и даже иллюстративные примеры), не всегда соответствующие истине или хотя бы близкие к ней, а зачастую и вовсе не выдерживающие ни лингвистической, ни методической критики. *«Возьмем, к примеру, употребление видов глагола в императиве. Учащимся бывает очень трудно определить значения императива (что такое совет, просьба, приглашение, приказ) и в соответствии с этим выбрать глагол правильного вида. А нужно ли это? Большая часть значений вида в императиве с точки зрения носителя русского языка укладывается всего в два:*

*1. В конкретной ситуации: **Сделайте (обязательно)!** (СВ) – (исключение – приказ, когда употребляется глагол НСВ с интонацией приказа) для меня это очень важно!, или*

*2. **Делайте (если хотите)!** (НСВ) – мне все равно (в общей ситуации)!»* (Пунктуация источника сохранена.)

Столь упрощенная схема не только не отражает всей сложности семантической структуры русского морфологического императива, но и, наоборот, затемняет «истинное положение дел» с комплексом прямых значений форм повелительного наклонения глаголов СВ и НСВ. На наш взгляд, далеко от истины утверждение автора, что «учащимся бывает очень трудно определить значения императива (что такое совет, просьба, приглашение, приказ)». Семантические оттенки (подзначения) общего значения побуждения, смысл просьбы, приказа, совета как раз и не составляют трудностей. Если совет и является в некотором роде «темной лошадкой» побуждения, то приказ и просьба легко дифференцируются, причем уже на уровне звучащей речи благодаря разнице в

интонационных рисунках (типах ИК, или типах интонационных конструкций): **Откройте окно!** С ИК-2 – это требование, приказ, а с ИК-3 – просьба).

Другие ошибочные суждения автора статьи, отрывок из которой приведен выше (например, «*приказ, когда употребляется глагол НСВ с интонацией приказа*», понятие «общая ситуация», применяемое в данном контексте), как нельзя ярче демонстрируют, что даже среди тех, кто имеет отношение к преподаванию РКИ, нет единого понимания значений императива и соответствующих ситуаций их реализации.

Этот тезис подтверждает и проведенный нами сравнительный анализ учебной литературы для иностранцев, владеющих русским языком в объеме уровня В1 (по европейской классификации уровней владения иностранным языком). Выборка учебников и учебных пособий включает издания 1976–2011 гг., в том числе вышедшие в Китае (указанные здесь учебные книги реализуют как национально ориентированную методику РКИ, так и универсальную, или методику «РКИ для всех»).

Анализ показал, что в презентации данной темы (прямое употребление императива) наблюдаются – наряду с совпадениями – расхождения, причем иногда принципиальные и весьма значительные. Расхождения касаются не только способов и форм презентации грамматического материала, но и семантической (смысловой) интерпретации и метаязыка. Например, в учебнике Е. И. Войновой, В. М. Матвеевой, Г. Н. Аверьяновой (он адресован иностранным студентам филологических специальностей) [4] показан почти полный спектр прямых значений императива, причем как с отрицанием, так и без него; отсутствует только значение побуждения к изменению характеристики действия, выражаемое императивами НСВ, а также некоторые периферийные в данной теме явления. Вместе с тем был бы отнюдь не лишним хотя бы минимальный комментарий модусных смыслов высказываний «*И не говори!*» (согласие) и «*Не скажи!*» (несогласие), а также описание употребления императива НСВ для выражения безразличного отношения к намеченному действию (к угрозе совершения действия): «*Я всё расскажу твоим родителям!* – «*Ну и рассказывай!*» или «*Мы пожалуемся администратору!* – *Жалуйтесь!*». Впрочем, эти явления не отражены и в другой учебной литературе, анализируемой нами, поскольку к выражению в русском языке побуждения они не имеют непосредственного отношения (хотя в коммуникативном плане весьма значимы).

В учебнике Г. И. Володиной, М. Н. Найфельд, Е. А. Блинцовской [5] спектр прямых значений сужен, что объясняется, возможно,

предназначенностью учебника: он написан для иностранных учащихся средних специальных учебных заведений, и определенная минимизация учебного материала необходима. Имеющиеся расхождения в метаязыке (ср.: «*Побуждение к началу (частично немедленному началу) действия*» в учебнике Е. И. Войновой, В. М. Матвеевой, Г. Н. Аверьяновой [3] и «*Предложение приступить к действию*» в данном учебнике) не носят принципиального характера и не искажают правильного толкования семантики императива.

Издание «Употребление видов глаголов в русском языке» [6] является не учебником, а учебным пособием, адресованным иностранцам, которые продолжают изучать русский язык. Употребление императива – одна из ключевых тем в пособии, поэтому хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, приводимый пример «*Напишите к среде сочинение о поездке в Петербург*» и комментарий «*Глаголы СВ могут выражать просьбу, совет, требование, приказ и т. д. довести действие до результата*» вызывают, по крайней мере, два вопроса. 1) Что подразумевается под клише «и т. д.»? Рекомендация (наряду с советом)? Мольба или увещание как оттенки просьбы? Распоряжение (как одно значений семантической зоны «Требование, приказ, распоряжение, команда»)? Или иное? 2) А как выражается «просьба, совет, требование, приказ и т. д.» не довести действие до результата, если этот смысл (таким образом сформулированный) вообще выражается? Кроме того, это авторское пояснение не раскрывает коммуникативной разницы между просьбой, приказом и советом.

Во-вторых, тезис «*Глаголы НСВ в повелительном наклонении могут употребляться для побуждения ... к действию в его процессе*» (иллюстративный пример: «*Пишите внимательнее, не спешите*») вряд ли можно считать удачным как с точки зрения языка описания, так и в плане соответствия иллюстративному контексту. Более точными, по нашему мнению, являются формулировки «*Побуждение к изменению образа и способа действия*» или «*Побуждение к изменению характеристики действия-процесса*» (ср.: «*Говорите медленнее!*» и т. п.).

В-третьих, не совсем удачным представляется комментарий «*Побуждение к началу действия может реализоваться и как разрешение приступить к действию*» (к примеру «*Можно войти? – Входите!*»). Такие двойственные формулировки не помогают китайскому студенту, а, наоборот, запутывают его в разграничении значений императива НСВ и соответствующих ситуаций употребления.

В-четвертых, пример «Уже 8 часов! **Вставай!** Можешь опоздать на занятия!», в сущности, лишь еще одна иллюстрация значения ‘побуждение к началу (немедленному началу) действия’, поэтому пояснение этого примера – «Побуждение к началу действия ... может зависеть от определённого временного фактора (в значении ‘пора начинать’)» – также не облегчает, а затрудняет усвоение языкового материала.

Наконец, приводимое автором пособия примечание «Глаголы НСВ в повелительном наклонении могут вносить в высказывание оттенок вежливой просьбы, приглашения (**Вставай, пожалуйста!** Вредно много спать!)» вовсе дезориентирует китайских студентов, изучающих русский язык, уже потому, что ‘просьба’ и ‘приглашение совершить действие (действие, предполагаемое в данной ситуации)’ суть два разных «оттенка общего значения побуждения». Кроме того, при употреблении императива НСВ в подобных контекстах (см. приводимый выше пример в скобках) ни «просительная» интонация, ни наличие «вежливого слова» (*пожалуйста*) не меняют значения употребляемого императива – ‘побуждение начать действие’ (или ‘побуждение к началу действия’, ‘побуждение приступить к действию’).

В пособии А. Д. Кривоносова и Т. Ю. Редькиной «Знаю и люблю русские глаголы» [7] перечень прямых значений императива предельно сокращен. Для форм несовершенного вида (без отрицания) указаны: 1) значение побуждения к началу (немедленному) началу действия и 2) значение побуждения к повторяющемуся действию; причем расхождения в метаязыке весьма существенны (ср.: «Глаголы НСВ в императиве могут передавать значение действия, желаемого или возможного в данный момент: **Включай** телевизор немедленно»). Объяснение же употребления императивов совершенного вида (без отрицания) и приводимый речевой образец оставляют желать лучшего: «Глаголы СВ в императиве могут передавать значение желаемого или возможного действия в будущем (как в ближайшем, так и отдаленном): **Включи** телевизор через час / сегодня вечером / немедленно». При указании на значения императивов с отрицанием авторы не ограничиваются формулировками значений («запрещение какого-либо действия» – для императивов НСВ и «предостережение от действия, которое может произойти случайно, нечаянно, без чьего-либо желания», «предупреждение» – для императивов СВ), а приводят, помимо примеров, список активно употребляемых в речевой практике носителей русского языка некоторых императивов СВ с отрицанием: *не забудь, не разбей, не проглоти, не урони, не упади, не простудись, не замёрзни, не сломай, не разлей, не наступи, не опоздай, не проболтайся, не*

проговорись и т. д. Указывается также возможность наличия при таких императивах со значением предупреждения частицы *смотри(те)*: *Смотри не сделай [ошибки]*). Минимальный набор контекст-примеров и значений императивов можно объяснить тем, что пособие предназначено для курсов русского языка (краткосрочное обучение РКИ).

В учебнике «[Русский язык как иностранный](#)» [8] комплекс прямых значений императивов (как с отрицанием, так и без него), в целом, представлен, однако описание нуждается в определенном упорядочении и систематизации, а некоторые фрагменты требуют корректировки, например: «*Повелительное наклонение (императив) является словоизменительной грамматической категорией, которая служит для обозначения волеизъявления говорящего в форме просьбы, приказа или побуждения к действию*»; «*Игорь, **реши** задачу (НСВ; нейтральное побуждение к действию)*. *Игорь, **реши** мне, пожалуйста, задачу (СВ; побуждение к действию с оттенком просьбы)*»; «***Слушайте**, что я вам говорю (НСВ; приказание)*. ***Послушайте** мой совет: прочитайте своему ребёнку эту книгу (СВ; совет, рекомендация)*».

В учебнике «Университет. Ступень 1» [9] приводятся базовые значения императивов СВ и НСВ (соответственно ‘побуждение к неповторяющемуся (единичному) действию’ и ‘побуждение к повторяющемуся действию’), а также семантические оттенки императивов СВ и НСВ, за исключением значения ‘разрешение совершить действие’, выражаемого императивом НСВ. Комплекс значений императивов с отрицанием представлен в полном объеме. Высказывания «*И не говори!*» и «*Не скажи!*» в этом учебнике, как и в других, не приводятся, и их модусный смысл также никак не комментируется.

Учебное пособие Е. Ю. Парешнева «Употребление императива в русском языке» [10] заслуживает особого внимания. На наш взгляд, выбор преподавателем РКИ этого издания в качестве методического подспорья при работе в китайской аудитории над данной темой вряд ли можно считать целесообразным и, в целом, рациональным. Модель описания комплекса значений императива и модусных смыслов, выражаемых императивными конструкциями, трудно назвать дидактически приемлемой, а саму интерпретацию языкового явления и некоторые речевые образцы – лингвистически точными. Так, в пособии представлены императивы: 1) «целостности», с одной стороны, и «процесса и факта», с другой; 2) «кратности»; 3) «вежливости»; 4) «совета»; 5) «побуждения», с одной стороны, и «сигнала к действию», с другой; 6) «мотива»; 7) «ситуации». Такая презентация темы – пример того, как «сложности обучения усложняют и без того имеющиеся

сложности учения», при этом также возникает ряд вопросов не только методического, но и языкового характера. Например: 1. Чем различаются называемые автором «императивы мотива» в контекстах «*Что случилось? Расскажи!*» и «*Что случилось? Рассказывай!*»? Легко видеть, что на самом деле здесь императив СВ может выражать – в зависимости от коммуникативных условий и других факторов в своей совокупности – либо просьбу (с ИК-3 и соответствующими элементами ситуации), либо требование (возможно, довольно категоричное; с ИК-2), а императив НСВ – побуждение к началу действия (вариант – к безотлагательному, немедленному действию). Еще вопросы. Какова принципиальная разница между следующими значениями императивов НСВ с общей семантикой ‘сигнала к действию’ (в терминах автора): «внимание на начальной фазе» («*Ну, теперь рассказывай, что там случилось?*») и «немедленно» (*Включайте телевизор. Уже восемь часов*)? Справедливо ли, что, по мысли автора пособия, императив СВ с обстоятельством «несколько раз» выражает значение ограниченной кратности, а императив НСВ с обстоятельством «редко» – значение многократности? Как объяснить носителю китайского языка (и не только ему) этот явно противоречивый уже на уровне формальной логики факт? Или еще вопрос: почему в примере «*Бегайте по утрам*» императив НСВ выражает «совет, как что-то делать, сколько раз что-то делать», а не значение побуждения к повторяющемуся действию? Ряд вопросов может быть продолжен. Вместе с тем в интерпретации семантики и особенностей употребления императивов с отрицанием нет глобального расхождения авторской позиции с имеющимся в лингвистике и лингводидактике описанием значений императивов (см. [1, с. 623–625] и [11]), скорее наоборот: пояснение автора пособия нацеливает на более точное понимание этих значений. Сравним с предыдущими: «*Неконтролируемая ситуация, действие может произойти случайно, нечаянно, без желания кого-либо, при невнимательности человека*» (об императиве СВ с отрицанием) и «*контролируемая ситуация, действие полностью зависит от человека, от его намерения, желания, человек внимателен при совершении действия*» (об императиве НСВ с отрицанием).

В пекинском издании «Русский язык: Основной курс» [12] употребление императивов СВ и НСВ иллюстрируется речевыми образцами побудительных предложений («*Позвоните мне завтра утром*» и «*Звоните мне. По вечерам я обычно дома*») с краткими комментариями. Акцентируется внимание на перефразировании высказываний с императивами СВ, выражающими просьбу: «*Скажите, пожалуйста...*» → «*Вы не скажете..?*» Указание на семантические

оттенки побуждения к единичному (неповторяющемуся) действию, выражаемые императивами НСВ, отсутствует, равно как нет сведений об употреблении императивов с отрицанием.

Не совсем точной является формулировка авторов еще одного учебного пособия, адресованного китайским студентам, изучающим русский язык: *«Для выражения просьбы, совета или приказа существует особая форма глагола, которая называется повелительным наклонением»* [13, с. 36]. Это верно лишь в отношении императива СВ.

Как видим, выбираемые авторами способы презентации столь значимой в коммуникативном плане темы русской грамматики разнятся в силу объективных причин (целевая аудитория, этап обучения РКИ, учебные задачи, организационные формы обучения и другие методические характеристики, с одной стороны, и сложность семантической парадигмы русского императива, особенности его функционирования, с другой) и субъективных факторов (их можно объединить понятием «уровень лингвистической компетенции» авторов учебников и учебных пособий). Однако и объективные факторы, определяющие предельную полноту или предельную минимизацию языкового учебного материала, методическую целесообразность или нецелесообразность введения и практического усвоения тех или иных аспектов грамматической темы, следует соотносить с постулатом: «Учебники являются одним из центральных звеньев в учебном процессе» [14, с. 75], а потому от их качества во многом зависит качество учебного процесса, и «их [учебников и учебных пособий] улучшение становится эффективным путем оптимизации процесса обучения» [там же].

Проведенный сопоставительный анализ только укрепляет убеждение в том, что практическое усвоение носителями китайского языка семантики и функционирования русского морфологического императива отнюдь не частный вопрос, рассматриваемый в контексте отдельных, узко направленных наблюдений. Данный вопрос имеет отношение ко многим аспектам употребления глагольного вида (семантический, функциональный, прагматический) и представляет собой для носителя китайского языка магистральный путь решения задачи побуждения к действию посредством императива – основного носителя этого значения в русском языке, ядра функционально-семантического поля императивности.

Корректное пояснение языковых явлений и фактов, методически удачная подача лексико-грамматического материала, сбалансированное количество языковых упражнений и коммуникативных заданий – всё это позволяет китайским студентам безошибочно опознавать

коммуникативные ситуации, различать «речевые события» и жанры и строить в соответствии с ними адекватное речевое поведение.

Библиографические ссылки

1. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1982. – Том 1. – 784 с.
2. Ли, Яфэй. Особые значения формы повелительного наклонения в аспекте восприятия и усвоения китайскими учащимися / Ли Яфэй // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. IV. В 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Цуй Цимин (зам. отв. ред.). – Минск: РИВШ, 2015. – С. 102–104.
3. Поляков, В.Н. Логика грамматики (к проблеме обучения иностранцев употреблению видов глагола русского языка) / В.Н. Поляков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://euroasia-science.ru/filosofskie-nauki/logika-grammatiki-k-probleme-obucheni/>. – Дата доступа: 14.06.2019.
4. Войнова, Е.И. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Основной курс (первый год обучения) / Е.И. Войнова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова. – Изд. 2-е, испр. – М.: Рус. яз., 1985. – 314 с.
5. Володина, Г.И. Учебник русского языка для иностранных учащихся средних специальных учебных заведений / Г.И. Володина, М.Н. Найфельд, Е.А. Блинцовская. – Изд. 2-е, испр. – М.: Рус. яз., 1976. – 416 с.
6. Скворцова, Г.Л. Употребление видов глаголов в русском языке: учеб. пособие для иностранцев, изучающих русский язык / Г.Л. Скворцова. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 136 с.
7. Кривоносов, А.Д. Знаю и люблю русские глаголы: пособие для курсов русского языка / А.Д. Кривоносов, Т.Ю. Редькина. – 7-е изд. – СПб.: Златоуст, 2009. – 88 с.
8. Лебединский, С.И. Русский язык как иностранный: учебник / С.И. Лебединский, Г.Г. Гончар. – 2-е изд., доп. и перераб. – Минск: БГУ, 2007. – 470 с.
9. Университет: Ступень 1: учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Первый год обучения / Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, Т.Е. Чаплыгина; под ред. Л.В. Красильниковой, В.А. Марковой. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 348 с.
10. Парешнев, Е.Ю. Употребление императива в русском языке: учеб. пособие для иностранцев / Е.Ю. Парешнев. – СПб.: Златоуст, 2006. – 56 с.
11. Слесарева, И.П. Выражение побуждения / И.П. Слесарева // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А.В. Величко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – С. 372–384.
12. Русский язык: Основной курс: книга для студентов. – Часть 1. – Пекин: 1980. – 395 с.
13. Смирнова, Т. Начальный курс русской грамматики для иностранцев: учеб. пособие для начинающих / Т. Смирнова, Н. Гоголина. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2008. – 224 с.
14. Ли Лэйжун. Методы и пути повышения качества подготовки китайских студентов-русистов / Ли Лэйжун // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 71–75.

**ОТБОР ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ
КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РКИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
НА ОСНОВЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ИХ МЕТОДИЧЕСКОГО,
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА**

Рубаник Т. В., Тянь Хуэй

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, tatyana-rubanik@mail.ru
Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь*

Публицистический текст представляет собой оригинальный, или аутентичный текст, который обязательно отражает важные мыслительно-вербальные характеристики носителей языка при осмыслении политических, социальных или экономических вопросов.

Аутентичные тексты ценны с точки зрения методики, так как содержат коммуникативно-значимые частотные единицы лексики для типичных речевых ситуаций, богаты оценочной и фоновой лексикой, устойчивыми разговорными оборотами, словами с национально-культурной составляющей. В аутентичных текстах реализуется активный словарный запас носителей языка. Текст создается в процессе обработки информации и ее вербализации, то есть базируется на деятельностном строе говорения, а значит, и способствует развитию говорения.

При отборе публицистических текстов для занятий с китайскими студентами мы учитывали их лингвокультурологический потенциал, поэтому ориентировались на общенациональные СМИ Беларуси. Размещенные там тексты позволяют расширить лексический запас, автоматизировать навыки чтения, а также значительно дополнить знания о белорусской и русской культурах. Это помогает иностранным обучаемым комфортнее чувствовать себя в социокультурном пространстве Беларуси.

С учетом рекомендаций Л. Н. Чумак [1, с.209], в основу отбора публицистических текстов для чтения и других видов речевой деятельности с иностранными обучаемыми были положены следующие принципы:

- 1) содержание статьи должно соответствовать познавательным и эмоциональным потребностям студента, уровню владения языком;
- 2) тексты должны быть разными по тематике и жанрам;

3) извлеченная информация может пригодиться в жизни или использоваться для обучения другим дисциплинам (лингвострановедению, литературе, истории и т. д.);

4) статья должна отражать текущие события в Республике Беларусь;

5) содержание текста должно соответствовать интересам иностранных студентов, стимулировать их к обсуждению и дискуссии;

б) статья должна побуждать будущих молодых специалистов к самоопределению и профориентации.

Публицистические тексты, используемые в методических целях, обязаны строго соответствовать определенному жанру публицистики, иметь четкую, легко поддающуюся анализу структуру; речевое оформление должно отвечать нормам литературного языка; экспрессивность и эмоциональное воздействие на аудиторию должны быть богатыми и разнообразными.

Публицистика – это информационное поле, в котором представлены сведения разного рода. Мы отбирали тексты СМИ о Республике Беларусь, руководствуясь такими целями:

– создать у студентов-инофонов представление о стране, ее достопримечательностях;

– раскрыть национальные традиции белорусов, колорит проводимых обрядов и праздников, чтобы сориентировать иностранцев, облегчить и ускорить их адаптацию в Республике Беларусь;

– рассказать о важнейших исторических событиях, знание которых является обязательным для всех носителей языка в Беларуси;

– отразить современные реалии Республики Беларусь;

— сформировать представление китайских студентов об особенностях функционирования современного русского языка в публицистике;

– затронуть общечеловеческие проблемы, обсуждение которых даст возможность консолидировать иностранных обучаемых и белорусских студентов и окажет на них воспитательное воздействие.

Отбор содержания текстов на основе такого целеполагания обеспечивает не только изучение языка, но и повышение мотивации учебного процесса. Когда иностранец начинает понимать и может объяснить мотивы речевого поведения носителей языка, это стимулирует интерес к обучению.

Рассмотрим тематические блоки отобранных публицистических текстов и раскроем содержание каждой статьи.

В блок *«Актуальные вопросы и социальные проблемы»* вошли следующие публикации:

1) «Тяжело. Но ты выкарабкаешься», источник – «Знамя юности», 30.11.2017 (рассказ бывшей наркоманки о том, как она избавилась от зависимости, живет с ВИЧ и помогает другим бороться);

2) «Спасите наши уши. И глаза», источник – «Народная газета», 30.03. 2018 (о грамотности пользователей интернета);

3) «Риски сведены к минимуму», источник – «Сельская газета», 18 марта 2018 (как и на сколько белорусы могут увеличить свои пенсии. Пояснение от Министерства труда);

4) «Эмоциональные заметки о хамстве», источник – «СБ Беларусь Сегодня», 14.10.2017 (бравирование хамством говорит о духовной незрелости личности. Общество не может считаться культурным, если хамство в нем – надежное средство общения);

5) «Не слушайте никаких советов», источник – «Знамя юности», 19.10.2017 (о чтении, потому что «молодежи нужно смотреть в будущее, и хорошая литература этому помогает»);

6) «Наказания не избежать», источник – «Знамя юности», 30.11.2017 (о жестоком обращении с животными, а также правовая оценка подобных поступков);

7) «Двое в лодке», источник – «Знамя юности», 26.10.2017 (рассуждения психолога Павла Зыгмантовича о том, почему молодежь не спешит создавать семью и как выстроить нормальные отношения);

8) «Долго и счастливо» – источник «Знамя юности», 26.10.2017 (о фактах в цифрах: готова ли молодежь к семейной жизни? Какие качества в будущем избраннике их привлекают больше?). Статья подготовлена на основании масштабного опроса полутора тысяч студентов с разных курсов из нескольких вузов Республики Беларусь сотрудниками факультета философии и социальных наук БГУ);

9) «Труд, ты крут!», источник – «Знамя юности», 2.03.2017 (стартовал молодежный проект БРСМ «Выбираем студотряд»);

10) «Специалист красит место», источник – «Советская Белоруссия» 9.02.2017 (вузы обсуждают «Большой разговор с Президентом» о школьных программах и университетской подготовке).

Блок «*Природные ресурсы*»:

«Выгоду извлекают из корня», источник – «Народная газета», 10 МАРТА 2018 (умножение лесного богатства невозможно без сложения усилий).

Блок «*Удивительные места Беларуси*»:

1) «Появилась мода «старить» белорусские города», источник – «КП в Белоруссии», 27 декабря 2007 (возраст Лиды «отодвинули» назад на 57 лет, а Жодино «повзрослело» на 320 лет);

2) «Какие тайны хранят развалины Новогрудского замка», источник – «Комсомольская правда в Белоруссии» 23.11.2011.

Блок «**Праздники**»:

«Мы вами гордимся!», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10 марта 2018 (награждение многодетных матерей).

Блок «**Истоки**»:

1) «Из какой криницы выросла «Живица»», источник – «Сельская газета», 10 ноября 2018 (история народного ансамбля народной песни «Живица»).

Блок «**Обряды, поверья, еда, отдых**»:

1) «А кто-то любит погорячее», источник – «Союз Беларусь – Россия», 11.10.2018 (главный банщик Беларуси поведал о сходствах и различиях российской и белорусской парной);

2) «На Лепельщину – к теще на клецки», источник – «Союз / Беларусь – Россия», 4.10.2018 («клечки» (комочки теста) – простейшее блюдо, которое в разных вариациях могут приготовить во многих странах мира, белорусы сделали собственным брендом);

3) «Ты вертись, веретено», источник – «СБ Беларусь сегодня», 23.11.2018 (календарь и традиции: 26 ноября – 2 декабря 2018 года);

4) «В гостях у жевжика с евником», источник – «СБ Беларусь сегодня», 24.02.2017 (о мифологических белорусских персонажах).

Блок «**Международные новости и сотрудничество**»:

1) «В Китае открыли самый длинный морской мост в мире», источник – «СБ Беларусь сегодня», 23.10 (морской мост протяженностью 55 километров связал Гонконг, Макао и город Чжухай провинции Гуандун);

2) «Проложили рельсы», источник – «Союз «Беларусь – Россия»», 8.10.2018 (ректор БГУ Андрей Король – о совместных проектах с МГУ);

3) «Один пишем – два в уме», источник – «Союз «Беларусь – Россия»», 11 октября 2018 (выпускники МГУ и Белорусского госуниверситета теперь смогут получать двойной диплом о высшем образовании);

4) «Наше молоко в китайские стаканы», источник – «Сельская газета», 10 ноября 2018 (о реализации белорусской сельскохозяйственной продукции в Китае);

5) «Перевод с китайского? Никаких трудностей», источник – «Знамя юности», 26.10.2017 (в индустриальном парке «Великий камень» подвели итоги конкурса молодых переводчиков китайского языка);

6) «Пламя мира», источник «СБ Беларусь сегодня», 04.05.2019 (вчера в Риме зажжен огонь II Европейских игр, который 21 июня будет доставлен на главную арену Игр, минский стадион «Динамо»).

Блок «*Наша Родина*»:

1) «Родина крупным планом», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10 марта 2018 (СТВ объявляет конкурс на лучшее признание в любви к родным местам);

2) «Время Сутина», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10 марта 2018 (благодаря живописцу Хаиму Сутину маленькие Смиловичи превратились в центр культурного туризма);

3) «Карта Родины: 5 причин приехать в Брестскую крепость», источник – «СБ Беларусь сегодня», 28.09.2015 (в крепости-герое живет вековая история).

Блок «*Наша история*»:

1) «Я – «Крепость». Ведём бой...», источник – «Во славу Родины», 7 мая, 20016, вып. № 84 (о мужестве защитников Брестской крепости в Великой Отечественной войне);

2) «Сто лет окончания Первой мировой: Война невыученных уроков», источник – газета «Союзное вече», 14 ноября 2018 года;

3) «В гетто выживали, умирали и сражались», источник – «Народная газета», 19.10.2018 (о жизни в гетто: работающим узникам Минского гетто в день выдавали 150 граммов хлеба, 30 граммов муки и 3 грамма соли);

4) «Хроника пылающей деревни», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10 марта 2018 (о сожженной в годы войны Хатынь);

5) «Плач местечка Шамово», источник – «СБ Беларусь сегодня», 27.01.2017 (за одну ночь война забрала жизни 437 жителей местечка Шамово).

Блок «*Национальные традиции*» самый обширный и включает следующие подразделы:

«Характер белорусов, их отношение к жизни, работе»:

1) «Мгновения на спасение», источник «Народная газета», 19.10.2018 (рискуя жизнью, из горящего дома Андрей Лисовский вынес трех человек);

2) «Лось понимал, что ему помогают, и даже дал себя погладить», источник – «Комсомольская правда» в Белоруссии» 18.12.2018 (в Мядельском районе спасли животное, провалившееся под лед);

3) «Парень из нашего города», источник – «СБ Беларусь сегодня», 31.10.2017 (больше помочь было некому»: рассказ 15-летнего подростка о том, как он спасал 9-летнего мальчика на Свислочи).

«Военный долг»:

1) «Порядок в строю», источник – «СБ Беларусь сегодня», 18.12.2018 (о принятии воинской присяги в Беларуси, солдатском быте и повышении статуса военнослужащего срочной службы);

2) «Спецназ не только снится», источник – «Сельская газета», 10 ноября 2018 (Логойский военный комиссариат в день призывника организовал для будущих воинов экскурсию в расположение 7-го зенитно-ракетного дивизиона, чтобы они смогли поближе познакомиться с условиями службы солдат).

«Даты»:

1) «60 лет на острие пера», источник – «СБ Беларусь сегодня», 18.12.2018 (сегодня Белорусский союз журналистов отмечает свое 60-летие);

2) «Красный Крест придет на помощь», источник – «СБ Беларусь сегодня», 18.12.2018 (18 декабря в мире отмечается как Международный день мигранта);

3) «Это нужно живым», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10.05.2019, (герои не умирают, когда о них помнят, в Минске состоялась закладка четырех мемориальных капсул в крипте Храма-памятника в честь Всех Святых);

4) «Сберечь связующую нить между поколениями», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10.05.2019 (выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на церемонии возложения венков к монументу Победы по случаю 74 годовщины Великой Победы 9 мая 2019 года);

5) «Герои рядом с нами», источник – «СБ Беларусь сегодня», 10.05.2019 (весь вчерашний день пользователи социальных сетей делились фотографиями родственников, которые воевали во время Великой Отечественной войны. К республиканской акции «Беларусь помнит» в интернете подключились известные общественные деятели, спортсмены, телеведущие, актеры, блогеры).

Представленные тексты позволяют решать многие образовательные и воспитательные задачи:

- формируют культуру речевого поведения;
- способствуют социальной адаптации иностранных студентов;
- осуществляют правовое и этическое воспитание молодежи;
- расширяют кругозор;
- знакомят с историей и национальными традициями и обычаями Республики Беларусь, ее удивительными людьми.

Подборка аутентичных публицистических статей представлена креолизованными текстами, сохраняющими по возможности специфику оригинала. Имеющиеся рисунки и вставки выступают в качестве «самостоятельного носителя информации» [2, с. 98] и значительно облегчают понимание содержания статьи иностранным студентам. Тексты сопровождаются выходными данными источника, поэтому при

желании или методической необходимости иностранные обучаемые могут обратиться к архивам соответствующих изданий СМИ в интернете и дополнить сведения другими публикациями на данную тематику.

Библиографические ссылки

1. Чумак, Л.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб пособие / Л.Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2009. – 304 с.

2. Удод, Д.А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста [Текст] / Д.А. Удод // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 97-99. – URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/78/3254/> (дата обращения: 11.05.2019).

КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА ЭУМК ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ «ВОСТОЧНЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК (КИТАЙСКИЙ) (ВВОДНЫЙ УРОВЕНЬ)»

Татьяненко М.А.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, maryjane5@mail.ru*

XXI век можно смело назвать веком информационных технологий, так как сегодня они задействованы во всех без исключения сферах жизни общества: экономике, промышленности, государственном управлении, медицине, транспорте, культуре и образовании. Тенденции развития общества указывают на то, что в XXI веке основная ставка делается не на развитие производства товаров, а на получение новых знаний и создание новых технологий. Поэтому современное образование должно делать всё возможное, чтобы идти в ногу со временем, быть гибким и эффективным, обеспечивать потребности экономики.

С активным развитием информационных технологий меняется и роль преподавателя в образовательном процессе. Если раньше ввиду сложности поиска информация его основной задачей было передать знания и умения учащимся, то сегодня преподаватель должен научить тому, как добывать знания, формировать самостоятельную учебную деятельность, направить мышление обучающихся в русло совершенствования собственного профессионализма, рассказать о стратегиях поиска и освоения знаний. Перед современным

преподавателем стоит непростая задача сформировать активную личность, заинтересованную в учебном процессе.

Различные стороны глобализации мирового сообщества показали, что процесс обучения трудно реализовать без использования в нём современных гаджетов: компьютеров, ноутбуков, смартфонов, планшетов, электронных книг и т. д. Чтобы идти в ногу со временем, преподавателю необходимо совершенствоваться в области использования современных технологий в образовании, технологий дистанционного обучения.

Внедрение новых информационно-коммуникационных и педагогических технологий в учебно-воспитательный процесс высших учебных заведений позволяет говорить о принципиально новом измерении образовательной среды, одной из характерных черт которой является возможность студентов и преподавателей обращаться к структурированным электронным учебно-методическим комплексам по дисциплинам своего учебного заведения в любое время и в любой точке пространства. Главным преимуществом использования ЭУМК является то, что он включает в себя проверенную всеобъемлющую современную информацию по тому или иному вопросу, что позволит избежать усвоения студентами непроверенной, искажённой информации, которая очень часто встречается на просторах сети Интернет.

Современный ЭУМК комплексно воздействует на обучающихся путём сочетания концептуальной, иллюстративной, справочной, тренажёрной и контролирующей частей. ЭУМК по дисциплине позволяют оказывать помощь студентам в изучении и систематизации теоретических знаний, формировании практических умений и т. д.

С целью оказания методической помощи студентам в освоении и систематизации учебного материала в процессе подготовки к итоговой аттестации по курсу на кафедре китайской филологии БГУ был подготовлен электронный учебно-методический комплекс «Восточный иностранный язык (китайский) (вводный уровень)». Данный комплекс успешно внедрён в образовательный процесс и используется студентами 1 курса филологического факультета специальности восточная (китайская) филология. Опыт использования данного ЭУМК показал, что стало возможным:

- **индивидуализировать** процесс обучения студентов с учётом их способностей, индивидуальных особенностей и скорости усвоения материала, интересов и потребностей. Студенты обладают различными типами темперамента, что влияет на скорость обработки новой информации, зачастую ввиду разных причин обучающиеся не задают преподавателю вопросы, оставляя, таким образом, пробелы в

собственных знаниях. Использование ЭУМК даёт возможность восполнить данные пробелы, ещё раз в спокойной обстановке и в удобном темпе изучить пройденный во время аудиторных занятий материал, задать преподавателю интересующие вопросы в глобальной сети Интернет.

- **изменить характер** познавательной деятельности учащихся в сторону её большей самостоятельности и поискового характера. Теперь преподаватель имеет возможность размещать ссылки как на собственные, так и на Интернет презентации, материалы, электронные учебники. В подготовленном нами ЭУМК представлена система гиперссылок на собственные презентации по различным темам, а также более чем на 11 ресурсов электронного обучения, которые могут быть полезными студентам в процессе обучения.

- **стимулировать** стремления учащихся к постоянному самосовершенствованию и готовности к самостоятельному обучению. Некоторые теоретические темы (языки байхуа и вэньянь, грамматология: понятие, разделы, этапы развития науки и др.) предполагают самостоятельного их изучения студентами. Использование ЭУМК может сократить время на поиски нужной информации в сети Интернет, дать полные и всеобъемлющие знания по нужным темам.

- **повысить мобильность учебного процесса**, обеспечить своевременную обновляемость учебной информации. Доступ к Интернет-ресурсам для студентов возможен с любого устройства и в любое время, что значительно повышает эффективность обучения.

К достоинствам разработанного нами ЭУМК по дисциплине «Восточный иностранный язык (китайский) (вводный уровень)» можно отнести: четкую структуру курса, упорядоченность, возможность отслеживания связей между элементами, наглядность, индивидуальный подход к обучению, гибкость представления информации, развитие продуктивного мышления, возможность самоконтроля и самооценки.

Разработанный ЭУМК «Восточный иностранный язык (китайский) (вводный уровень)» состоит из четырёх разделов.

1. **Теоретический раздел** представляет собой краткий конспект курса, в котором отражены все основные понятия для теоретического изучения дисциплины. Всего нами изложено 12 основных тем, которые являются основополагающими на начальном этапе изучения китайского языка: общие сведения о китайском языке; особенности фонетической системы китайского языка; понятие, разделы, этапы развития грамматологии; модуляция тонов; понятие и основные функции эризации; глаголы-связки в китайском языке; способы выражения продолженного состояния в китайском языке; модальные глаголы;

способы выражения побуждения; виды и способы постановки вопросов в китайском языке. Данный раздел снабжён схемами, цветными рисунками для систематизации и запоминания студентами пройденного материала. К каждой теме прилагается список дополнительной литературы для углубленного её изучения, а также список контрольных вопросов, ответив на которые студенты смогут оценить уровень своих знаний.

2. В **практическом** разделе собран перечень текстов, рекомендуемых для чтения и пересказа; дан примерный перечень заданий, выполняемых на практических занятиях по курсу; предоставлен примерный список вопросов для подготовки к устной части экзамена; перечислен список ста часто используемых глаголов китайского языка, необходимых для усвоения студентами 1 курса, разработана серия электронных тестов на отработку грамматического, лексического иероглифического материала, пройденного в течение первого семестра обучения.

Тексты для чтения и пересказа совпадают с темами устной части экзаменационной работы первого семестра и включают такие темы, как:

- 1)我们学校
- 2)我的生活
- 3)我的一天
- 4)在白俄罗斯购物
- 5)我爱我家
- 6)在图书馆借书
- 7)我的朋友
- 8)我不能去上课

После каждого текста студентам предлагается выполнить контрольные задания для проверки усвояемости материала.

В перечень проверочных заданий включены задания на заполнение пропусков в предложениях, задания на перевод, задания на исправление ошибок в предложениях.

Нами также разработан список вопросов и ситуаций для контроля усвояемости студентами лексического материала. Список содержит следующие вопросы:

- 1)介绍一下自己。
- 2)介绍一下你的兴趣爱好。
- 3)介绍一下你的家人。

- 4) 介绍一下你的好朋友。
- 5) 你喜欢旅行吗? 你去过哪些国家?
- 6) 描述你的一天。
- 7) 你喜不喜欢逛街? 你一般买什么?
- 8) 感冒的时候你一般做什么?
- 9) 介绍一下你的学校生活。 每天有几节课? 你最喜欢的可是什么课?
- 10) 你想做什么工作? 你有什么打算?

Наибольший интерес представляют разработанные электронные тестовые задания, которые размещаются на yandex.disk. Данные задания можно выполнять как в аудитории под контролем преподавателя, так и самостоятельно внеаудиторно.

Список и описание тестовых заданий:

1) тест №1 «графемы» (тестовое задание на знание основных графем китайского языка, из выпадающего списка необходимо выбрать соответствующий вариант перевода графемы на русский язык);

2) тест №2 «графемы человек» (к предложенной в задании графеме нужно подобрать соответствующий вариант картинки, 1 вариант из 4 является правильным);

3) тест №3 «голова, части лица» (к предложенной в задании картинке нужно подобрать соответствующий вариант графемы, 1 вариант из 5 является правильным);

4) тест №4 «руки, ноги человека» (к предложенной в задании картинке нужно подобрать соответствующий вариант графемы, 1 вариант из 5 является правильным);

5) тест №5 «модальные глаголы» (заполнить пропуски в предложениях правильным вариантом модального глагола, вариант глагола необходимо выбрать из выпадающего списка);

6) тест №6 «тест на предлоги» (заполнить пропуски в предложениях правильным вариантом предлога, вариант глагола необходимо выбрать из выпадающего списка);

7) тест №7 «тест с 1 по 12 урок» (включает в себя задания на проверку знаний лексического, иероглифического, грамматического материала по пройденным в первом семестре урокам);

8) тест №8 «лексика» (текст, заполнить пропуски предложенным вариантом слова из выпадающего списка).

3. **Раздел контроля знаний** содержит материалы для текущей и

итоговой аттестации, позволяющие определить соответствие учебной деятельности обучающихся требованиям образовательных стандартов высшего образования и учебно-программной документации, в т.ч. материалы для подготовки к экзамену, материалы для самоконтроля. Вопросы, возникающие при выполнении данных заданий, можно задать преподавателю во время семинарских занятий, либо при помощи глобальной сети Интернет.

4. **Вспомогательный раздел** включает учебно-программные материалы (учебную программу с точным указанием количества часов на изучение той или иной темы, а также информационно-аналитические материалы, список рекомендованной литературы, перечень электронных ресурсов их адреса и др.). Данный раздел поможет студентам представлять структуру курса, рационально распределять время на самостоятельное изучение предложенных тем.

Использование информационных технологий помогает разнообразить образовательный процесс. В нашей перспективе внедрение в процесс системы дистанционного обучения Moodle, что позволит обеспечить наивысшую эффективность и качество образования.

Библиографические ссылки

1. Балабанов, В.Б., Балабанова, Т.Н. Общие черты эволюции методики преподавания иностранных языков в условиях активного использования современных информационных технологий / В.Б. Балабанов, Т.Н. Балабанова, // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/09/7851>. Дата доступа: 08.05.2019.

2. Бордовский, Г. А., Громова, Л. А., Трапицын, С. Ю., Тимченко, В. В. Качество образования и профессиональный стандарт / Г. А. Бордовский, Л. А. Громова, С. Ю. Трапицын, В. В. Тимченко // Дополнительное профессиональное образование. – М.: Гос. акад. инноваций м-ва образования РФ, 2003. – С. 17–18.

3. Васюкевич, В.В. Методика создания электронных учебно методических комплексов по дисциплине. Технология, инструментальные средства / В.В. Васюкевич. – Мурманск: МГПУ, 2009. – 40 с.

4. Власова, Е. З. Дидактический потенциал технологий электронного обучения / Е.З. Власова // Вестник Герценовского университета. – 2010. – №1. – С. 113–116.

5. Кавинкина, И.Н. Развитие коммуникативной компетентности магистрантов-иностранцев / И.Н. Кавинкина // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы V Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 16–17 июня 2011 г. / редкол.: С.И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 49 – 51.

6. Кавинкина, И. Н. Использование мультимедийных технологий для развития самостоятельной деятельности студентов [Электронный ресурс] / И. Н. Кавинкина // Совершенствование профессионально-педагогической подготовки выпускников университета в образовательном пространстве учреждения образования: сб. научн.

ст. // ГрГУ им. Я. Купалы, ВПУ; редкол.: В. П. Тарантей, О. Монкевичиене (гл. редакторы) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 6 – 13.

7. Кавинкина, И.Н. Совершенствование качества преподавания лингвистических дисциплин: проблемы и перспективы внедрения ЭУМКД /И.Н. Кавинкина // Психолого-педагогическое сопровождение личности в образовательном пространстве: в 2 ч. Ч. 1 : материалы Междунар. науч.- практ. конф., Соликамск, 14 декабря 2013 г. – Соликамск : СГПИ, 2013. – С.47-51.

8. Патрушев, Е.М. Концепция электронного учебно-методического комплекса кафедры информационных технологий / Е.М. Патрушев // Ползуновский альманах. – Барнаул : АлтГТУ, 2007. – № 3. –С. 145-146.

9. Репина, Л. В., Реутова, Е. Г. Тенденции развития образования в XXI веке в условиях современной глобализации / Л.В. Репина, Е.Г. Реутова// Педагогическое мастерство: материалы VII Междунар. науч. конф., Москва, ноябрь 2015 г. / – Москва: Буки-Веди, 2015. – С.22-24.

10. Сергеева, Н.И. Применение электронного учебно-методического комплекса на занятиях по иностранному языку / Н.И. Сергеева // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 1(74). – С. 216- 222.

11. Шалкина, Т.Н. Электронные учебно-методические комплексы: проектирование, дизайн, инструментальные средства/ Т.Н. Шалкина, В.В. Запорожко, А.А. Рычкова. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2008. –160 с.

ОБУЧЕНИЕ ЛЕКСИКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Шантарович С. А.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, svetlana_sha@list.ru*

Как известно, лексика любого языка представляет собой открытую систему, а количество единиц обучения студентов-инофонов на лексическом уровне бесконечно. В силу этого изучение и обучение лексике должно быть определённым образом управляемым, дидактически организовано.

Методические приёмы обучения лексике базируются на следующих базовых принципах:

1) слова должны усваиваться не изолированно, а в их лексических и грамматических связях;

2) необходимо учитывать особенности родного языка, трудности для данной национально-лексической группы, необходимо вести специальную работу над употреблением их в речи;

3) учитывать лексические явления мотивированные и немотивированные [1].

Пассов Е.И. называет несколько стадий формирования лексического навыка:

-восприятие слов в процессе его функционирования, создаётся звуковой образ слова;

-осознание значения слова или имитация в изолированном виде или контексте предложения;

-обозначение, направленное на самостоятельное называние объектов определяемым словом;

- комбинирование (слово вступает в новые связи);

-употребление слова в различных контекстах [1].

По мнению М. Т. Баранова, необходимо учитывать трёхэтапное изучение лексики: начальный, специальный, повторный этапы.

В рамках изучения иностранными студентами предмета «Риторика», одна из задач которого – помочь иностранным студентам освоить навыки владения УПР (устной публичной речью), проводится активное освоение лексики.

По мнению методистов, для прочного рецептивного усвоения лексической единицы необходимо многократное повторение её (до 25 повторений). Одним из способов организации применения лексики на занятиях по курсу «Риторика» является включение как языковых, так и коммуникативных упражнений – отработка определённого материала, распознавание и реализация его в речи. Навыки владения лексикой в процессе устной речи проявляются на многих интегрированных заданиях. Во-первых, учитывается применение определённого лексического уровня по ситуации произнесения:

- официальная/неофициальная;

- социально-политическая;

- академическая;

- бытовая и др.

Упражнения для активизации лексики в речи.

Студенты, ориентируясь в ситуации произнесения устной речи, могут варьировать различные этикетные формулы приветствия и прощания в официальной обстановке. Учатся правильно начинать и завершать коммуникацию, применяя определённые речевые формулы. Изучают и применяют лексические единицы, способствующие взаимодействию со слушателями, используя формулы выражения понимания собеседника.

Данные упражнения учат ориентироваться в речевой ситуации, учитывать не только место произнесения, но и условия, социальный статус и социальные роли партнёров по общению. Что позволяет сформировать лексическую компетенцию в различных сферах общения.

Помогают овладеть тактиками общения при решении определённых задач в официальных и социально-бытовых сферах.

Во-вторых, коммуникативные упражнения развивают умение вести диалог. На наш взгляд, при обучении лексике необходимо руководствоваться принципом «соединения обучения с воспитанием», поэтому одним из условий ведения диалога является применение корректной лексики, а также владение лексическими единицами, помогающими правильно слушать во время диалога.

В-третьих, расширению продуктивного словарного запаса помогают чтение и творческие задания. Любые учебные тексты при обучении РКИ необходимо адаптировать в соответствии с этапами коммуникации, её задачами. При изучении языковой палитры художественного текста хорошо отрабатывается повторение и расширение лексических единиц.

В процессе ознакомления с темой «Тропы и фигуры речи» в качестве дидактического материала предлагается рассмотрение рассказа

И.С. Тургенева «Бежин луг». Многие методисты весьма удобным жанром для анализа считают рассказ, отличающийся небольшим объёмом и сравнительно несложным сюжетом.

Проиллюстрируем дидактическую организацию и виды упражнений для работы с лексическими средствами выразительности в тексте рассказа «Бежин луг».

На **предтекстовом** этапе вводится информация, помогающая восприятию рассказа.

1. История создания произведения. Рассказ о жизни писателя по роману Б. Зайцева «Жизнь Тургенева».

2. Предлагаются ассоциативные задания на восприятие текста. В дневниковых записях И. С. Тургенев писал: «Прежде чем лечь спать, я каждый вечер совершаю маленькую прогулку. Все различные звуки, которые я слышал: шум дыхания и крови в ушах, шорох, неустанный шёпот листьев. Треск кузнечиков: их было четыре в деревьях и на дворе...» [3].

- Какие ассоциации возникают у вас летним вечером?

3. Определите основное коммуникативное намерение автора текста рассказа (сообщить новую информацию, убедить, воздействовать)?

На **текстовом** этапе – чтение вслух отрывков из текста, помогающее восприятию лексических и грамматических единиц. Приведём примеры вопросов, приводимых во время фронтальной беседы:

- На что обращает внимание автор при описании утра, полудня и вечера?

- Как меняются краски в описании? Делаем вывод: *светлая часть – это яркий свет; ясность, покой и кротость души.*

- Найдите и зачитайте текстовые подтверждения *...кроткий румянец, солнце не огнистое, не раскалённое, не тускло-багровое, а лучезарное (сверкающее, сияющее), ровная синева, лазурный светло-синий цвет.*

- Перечислите основные цвета палитры? Как видим, яркое, богатое, полное жизни и движения мир, описываемый автором. Чтобы передать всё это, мало использовать семь цветов палитры, нужны ещё тона, полутона, движения и переходы цвета, света, очертаний света, очертаний, которые сильны только мастеру.

- Найдите текстовые соответствия.

- *не зелёные холмы – а зазеленевшие холмы;*
- *не зелёные кусты – а сверкающие, обжаренные кусты;*
- *не синяя река – а стыдливо синеющая из-под редящего тумана.*

Упражнения на дифференцирование языковых средств выразительности.

– Какие изобразительно-выразительные средства помогают писателю в создании этой картины?

- Найдите и классифицируйте данное средство выразительности.

- К каким средствам выразительности автор прибегает чаще всего?

Часто использует эпитеты: *был прекрасный июльский день.* Метафоры: *солнце... мирно всплывает, облака – почти не трогаются с места, краски все смягчены.* Обращает внимание на большое количество сравнений: *облака исчезают ...как дым; как бережно несомая свечка и др.*

Как известно, одним из средств семантизации лексики является подбор синонимов. Предлагается выбрать из текста коннотативные синонимы.

Природа отражает состояние охотника, поэтому используемые писателем средства речевой выразительности создают атмосферу не только благодушия, но и, порою, внутреннего трепета и страха.

- Найдите в тексте и зачитайте такие выражения?

Обращает внимание, что мы не только видим природу, но и слышим её. Писатель даёт нам возможность «поговорить» со многими представителями окружающего мира.

Конструктивные упражнения.

- Перечислите, каких животных мы слышим в рассказе? Разговор ведут пищущие мыши, шорох крыльев ястребков, и в ночи приходят звуки таинственные, создающие атмосферу сказочности.

- Перечислите, кого вы слышали летней ночью?

- Какие из перечисленных, описанных фактах вы узнали впервые?

Упражнения на развитие умения выражать оценочные суждения:

- Выразите своё отношение к прочитанному описанию утра.

- Зачитайте предложения, помогающие понять всю красоту природы.

- Какие из описанных фактов вы узнали впервые?

Послетекстовый этап предполагает проведение упражнений на применение новых знаний с использованием изученной лексики.

1. Проверка понимания прочитанного. Вербальная переработка информации:

- ответы на вопросы, фронтальная беседа по прочитанному тексту;

- составление плана пересказа текста, пересказ текста;

- нахождение и выписывание основных мыслей текста;

- диалог-обсуждение;

- беседа о самом лучшем летнем дне, задание мысленно представить себя в поле, в лесу, на берегу реки в яркий солнечный день.

2. Невербальная и вербальная переработка информации:

- устное словесное иллюстрирование по картине В.Е. Маковского «Ночное».

3. Создание собственных устных и письменных текстов на основе полученных впечатлений: в жанре «отзыв», «эссе».

Данная методика в реализации расширения словарного запаса иностранных студентов применима на различных этапах обучения РКИ.

Постижение языковых особенностей рассказа И.С. Тургенева, способствовало установлению лексического ряда доминантных ассоциаций, эмоциональных реакций в связи с определённым явлением. При этом развивается речевая эрудиция иностранных студентов, в частности, понимание семантических оттенков слов. Коммуникативные упражнения снимают многие языковые трудности, позволяют правильно впоследствии организовать свой текст, применять полученные знания в собственных монологических устных и письменных высказываниях, обращает внимание студентов на особенности применения средств выразительности в речи.

Библиографические ссылки

1. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М., 1989.
2. Тургенев И.С. Записки охотника. – М., 1978.
3. Щукина А.Н. Методика преподавания русского как иностранного для зарубежных филологов-русистов /под. ред. А.Н. Щукина. – М., 1990/.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕЙ ШКОЛЫ

Шахаб К.С.

*Тяньцзиньский университет иностранных языков,
г. Тяньцзинь, Кунтай, feifeizai@yandex.by*

В современном мире изучение китайского языка как иностранного в течение последних десятилетий приобрело огромную популярность, что стало значительным шагом в развитии и укреплении международных отношений между Китаем и другими странами. С каждым годом в мире насчитывается всё больше учащихся школ и университетов, которые проявляют большой интерес к культуре и языку Китая. Благодаря этому появляются новые учебные материалы по изучению китайского языка, развивается область методики преподавания, растёт потребность в специалистах этого профиля.

Традиционная методика обучения иностранному языку ориентирована в основном на овладение грамматическими конструкциями, расширение лексического запаса и развитие навыков чтения и письма. Речевая деятельность на любом языке условно делится на четыре одинаково важные части: аудирование, чтение, письмо и говорение. Зачастую именно письму и говорению в процессе обучения уделяется меньше всего внимания, хотя умение выражать свои мысли на иностранном языке справедливо можно назвать половиной владения языком.

Одним из самых актуальных вопросов для учителей и преподавателей китайского языка является развитие устной речи учеников. Известно, что эффективнее всего изучать иностранный язык в стране, население которой на нём говорит: благодаря стабильной и неизменной языковой среде человек каждую секунду слышит и воспринимает правильное произношение слов, запоминает самые часто употребляемые грамматические конструкции и тренируется узнавать и

вычленять слова на слух. Всё это может происходить в свободной и естественной форме, без постоянного заучивания новой лексики (очень часто без контекста, что влечёт за собой ещё больше ошибок) и прописывания иероглифов без понимания того, что они значат. Но обеспечить каждого учащегося естественной языковой средой невозможно, поэтому важная задача заключается в том, чтобы преподаватель сам стал искусственной языковой средой. Это поможет учащимся разбираться в речевых особенностях изнутри, чётко и ясно произносить звуки и научиться понимать языковой контекст.

На вопрос о том, почему устная речь так же важна, как и остальные языковые навыки, можно привести один показательный пример. Только что родившийся ребёнок с первых секунд оказывается внутри социума, где первое, что от него ожидается и требуется – это не умение писать и читать, а способность говорить, высказывать свои мысли и контактировать с другими людьми. Посредством устного общения ребёнок исследует и узнает мир, параллельно запоминая и копируя манеру речи окружающих. Говорение – это самый главный и нужный навык для взаимодействия с другими социальными единицами. Письмо и чтение также происходят из устной речи, ведь без неё потребности в письменности не должно было бы существовать в принципе.

Учащиеся младших школ по-другому воспринимают процесс изучения иностранного языка. Для большинства детей это не «процесс изучения», а интересное и увлекательное времяпровождение, эффективность которого в огромной степени зависит от индивидуального подхода и профессиональных навыков преподавателя.

Ключевым звеном в преподавании китайского языка является подбор материала для уроков и учебных пособий для детей. Общеизвестен факт, что детям нравятся яркие изображения, иллюстрирующие тему урока, а также занимательные и познавательные истории о культуре Китая. Ученики проявят интерес к овладению иностранным языком, если урок будет проводиться в игровой форме. Благодаря сочетанию запоминающихся фактов о Китае и одновременному изучению нового материала ребёнок будет связывать изучение культуры и языка между собой, видеть это единым неделимым процессом. Таким образом учащийся сможет узнавать культурные особенности страны и одновременно повышать уровень владения языком, не испытывая при этом нежелания учиться.

Эффективность обучения зависит не только от методов преподавания, но и от используемых материалов, в особенности от предоставленных для учащихся тренировочных и проверочных заданий,

которые должны быть направлены на развитие всех четырех видов речевой деятельности.

Рассматривая самые частые виды упражнений, используемых в практике обучения китайскому языку в младшей школе, можно отметить, что основной упор чаще всего делается на чтение текстов различных уровней сложности и использование тех или иных грамматических конструкций, построение предложений и исправление ошибок. Безусловно, изучение грамматики – это важный и нужный элемент обучения. Настолько же полезны упражнения на тренировку навыков чтения. Но развитие одного вида деятельности без параллельного упора на другие не приносит желаемого результата. Наоборот, это мешает учащимся полностью воспринимать язык со всеми его составляющими, ограничивает возможность воспринимать и использовать лексику в реальных ситуациях, самим выразить свои мысли и вести диалог.

Стоит выделить несколько специфических ошибок, которые могут присутствовать у практикующих преподавателей, обучающих китайскому языку:

1. Уроки чрезвычайно загружены однообразными упражнениями, ориентированными только на один из видов речевой деятельности (в большинстве случаев такого типа задания только замедляют процесс овладения новой информацией);

2. Ограниченно используются коммуникативные упражнения, такие как моделирование живых речевых ситуаций, изучение языкового контекста посредством общения с преподавателем на иностранном языке, подражание фонетическим особенностям носителей языка и т. д.;

3. Приводится мало наглядных примеров с использованием новых выученных слов и выражений, из-за чего дети не понимают, как правильно пользоваться своим лексическим запасом;

4. Не в полном объеме формируются базовые знания (черты и порядок их написания, ключи, тоны и т. д.);

5. Уделяется мало внимания таким темам, как происхождение иероглифов, значение фразеологизмов, влияние культурных особенностей на использование часто употребляемых выражений и т. д.;

6. Зачастую преподаватели недостаточно внимательны к произношению учащимися тонов, звуков и слов, что может негативно сказаться на уровне устной речи;

7. На уроках иногда преобладает «лекционная» форма изложения материала, что не согласуется с психологическими основами речемыслительной деятельности учащихся младших классов.

Остановимся подробнее на каждом из вышеописанных вопросов и рассмотрим некоторые методические варианты их решения.

1. Известно, что, уделяя внимание только одному из видов речевой деятельности, мы иногда не обращаем внимания на остальные. По такому же принципу работают правила грамотного выбора и сочетания упражнений для развития речи. Выполняя одинаковые задания на использование грамматических конструкций, учащиеся младших классов, безусловно, овладевают новыми способами оформления предложений. Но дети часто теряются, когда встречаются с упражнениями на устное использование тех же самых конструкций. Это говорит о том, что ребёнка нужно в первую очередь научить формировать и высказывать мысли с помощью выученного материала, изначально вложить в его устную и письменную речь новую форму изложения информации, сделать её для ученика очень естественной и привычной для использования. Таким образом ребёнок не будет испытывать больших трудностей с разными типами практических заданий.

Для одновременного развития нескольких видов речевой деятельности можно рассмотреть те задания, выполняя которые ребёнок должен сначала прочитать и распознать, потом написать и в конце проговорить выученный материал. Если это новая грамматическая конструкция, её нужно подробно объяснить, обязательно почитать разные примеры с её использованием минимум из 3-4 предложений. Затем дети должны сами написать несколько вариантов предложений, чтобы медленно привыкнуть к новому способу оформления информации. В конце стоит использовать конструкцию в устной речи, чтобы окончательно закрепить теорию на практике.

Возьмем в качестве примера слово 也 (yě), с которым можно составить несколько предложений и впоследствии применять их в реальной жизни. Пример такого диалога:

– 李小, 你喜欢吃中餐还是西餐?

– 我比较喜欢吃中餐, 你呢?

– 我也很喜欢中餐!

Примеры со словом 在(zài):

1. 我妈妈在电影院工作;

2. 她在家里等你;

3. 王贝的东西在哪儿?;

2. Иногда преподаватели иностранных языков ориентируются только на один определённый вид упражнений, из-за чего потом дети не могут сосредоточить внимание на заданиях совершенно другого типа, не хотят воспринимать их. Если преподаватель в течение урока просит ответить на заданные им вопросы (на определённую тему), то он должен

научить учеников делать то же самое. Таким образом, дети учатся не только спрашивать, но и анализировать ответ, вести диалог, самим инициировать разговор и, что самое важное, преодолевать языковой барьер.

Изучая такие повседневные и актуальные темы, как, например, поход в магазин, преподаватель может провести занятие в игровой форме. Пример занятия: предварительно ознакомив детей с новыми словами, хорошим решением будет предложить классу разыграть ситуацию, главное условие которой является использование материала из пройденного урока. Дети могут задавать преподавателю и друг другу вопросы касательно вещей, которые они могут приобрести в магазине, узнавать минимальную информацию о вещах и ценах. Также желательно научить детей нескольким вариантам вопросов и ответов, с помощью которых они должны вести диалог. По мере развития игры можно попутно включать новые выражения и слова, которые в такой ситуации будут восприниматься детьми легко и без особых усилий.

3. Некоторые преподаватели ошибочно полагают, что для усваивания новой лексики достаточно научить детей заучивать слова. Многочасовое прописывание и заучивание иероглифов и новых слов каждый день однозначно повысит уровень письма у ребёнка, поможет ему быстрее узнавать новую лексику в тексте. Но если не приводить примеры и не уточнять контекст, в котором эти слова можно использовать, со временем заученный материал снова приобретет статус нового. Дело в том, что неиспользованная лексика практически не может прочно остаться в памяти ребёнка. Слова, выученные таким образом, имеют только «оболочку», но не обладают смысловой наполненностью и значимостью для детей. В такой ситуации нужно научить ребёнка находить предложения, в которых определённое слово можно использовать, просто и доступно объяснять различия между синонимами. Одновременно нельзя нагружать учащихся информацией, которую они не могут воспринять в силу возраста. Отличным и действенным способом будет посоветовать ученикам учить лексику вместе с выражениями, где она использована. Таким образом, со временем ребёнок научится сам чувствовать языковой контекст.

Возьмем в качестве примера слово 溫柔 (wēnróu), которое переводится как «нежный». По-русски мы можем сказать, как «нежный человек», так и «нежный шелк», что в китайском языке звучало бы странно и неестественно по отношению к материалу. Эти и другие особенности очень интересны и полезны детям, на них стоит делать акцент во время разбора новых слов.

4. Отсутствие прочных базовых знаний всегда негативно сказывается на всех видах речевой деятельности человека, изучающего иностранный язык. Незнание детьми ключей иероглифов или неумение различать тоны во время разговора создает определенный пробел, который со временем будет становиться больше, мешая процессу изучения китайского языка. Для преподавателя важно умело и дозированно преподносить детям материал, обязательно вводить задания на распознавание необходимой базовой информации. Стоит обратить внимание на подачу материала и логично составленный план по изучению новых тем.

Например, для того чтобы дети хорошо узнавали и произносили тоны, стоит повторять слова вместе с ними, чётко и медленно произносить каждый слог, после чего постепенно увеличивать темп речи и таким образом тренировать произношение. Обязательно прослушивать аудиозаписи, на которых записаны носители языка, читать детям вслух и предоставлять им такую же возможность, внимательно подходить к развитию речевых способностей каждого ребенка.

Можно выполнить следующее упражнение: сначала преподаватель читает ученикам четыре слога, отличие которых заключается только в разных тонах. Задача детей – прослушать эти слоги и по порядку назвать тоны, которые были прочитаны. Например, 捞 (lāo), 劳(láo), 老(lǎo), 酪 (lào) – 1 тон, 2 тон, 3 тон, 4 тон;

Для того, чтобы дети научились использовать эти слова в будущем, можно ознакомить их с языковым контекстом, в котором каждое из них употребляется. Ученикам нужно дать понять, что неправильное использование тонов может привести к путанице во время разговора с носителем языка, привести к курьезным и даже нелепым ситуациям. В таком случае дети обратят внимание на собственное произношение и правильность тонов.

5. Всем известно, что дети любят учиться через призму интересной и необычной дополнительной информации, так им легче запоминать новый материал и связывать его между собой.

Рассмотрим изучение фразеологизмов. Использование китайских фразеологизмов в повседневной речи – это очень сложная тема, которую нельзя изучать поверхностно. Но учитывая возраст учащихся младших классов, объяснять такие выражения стоит дозированно, понемногу, постоянно проводя различные запоминающиеся ассоциации.

Из простых в использовании и незамысловатых фразеологизмов, которым можно учить детей, полезными видятся следующие:

胆小如鼠 Трусливый как заяц – Из этого фразеологизма дети вынесут полезную лингвокультурологическую информацию о том, что и

в китайской, и в белорусской культурах заяц наделяется одинаковыми характеристиками.

狼吞虎咽 Глотать, как волк, пожирать, как тигр. Благодаря этому фразеологизму дети могут заметить, что волк в культурах двух стран ассоциируется с постоянным голодом и жадностью к еде. Также можно отметить, что тигр в культуре Поднебесной считается самым могучим и сильным животным из всех существующих в реальной жизни.

乐此不疲 получать удовольствие, радоваться (чему-л.); Пример: 我跟他在一起乐此不疲;

缘木求鱼 Взбираться на дерево в поисках рыбы (обр. тратить время впустую). Пример: 他学音乐真的是缘木求鱼!

一言为定 договориться, держать слово, сказано – сделано. Пример: 一言为定, 下次我们一起去吃个饭吧!

人山人海 народу видимо-невидимо, очень много людей; Этот фразеологизм самый простой в использовании для детей из всех вышеперечисленных: с ним очень удобно создавать предложения, также его легко запомнить, потому что он состоит из достаточно простых для детей иероглифов;

马马虎虎 кое-как, небрежно. Относится к самым простым для изучения детьми фразеологизмам. Пример: 马马虎虎的工作.

6. Как было описано в пункте 4, преподаватель должен постоянно контролировать произношение учащихся, помогать им четко и естественно произносить звуки, тоны, внимательно проговаривать слова и предложения. Ребенок должен понимать, что устная речь – не менее важный вид речевой деятельности, ему стоит уделять много внимания. Для этого можно предложить ученикам сочинить устный монолог на предложенную тему в качестве домашнего задания, придумать диалоги с новыми словами или разыграть сценки на уроке, используя пройденный материал.

7. Так как мы рассматриваем актуальные вопросы, которые могут появиться у преподавателей китайского языка младших классов, стоит исходить из психологических особенностей детей младшего школьного возраста. Маленькие дети не могут воспринимать информацию в очень больших объемах, им тяжело воспринимать материал только на слух, потому что так он плохо откладывается в памяти. С детьми постоянно нужно взаимодействовать, вести беседы, уточнять, все ли было понятно. Обязательно нужно давать детям возможность самим разговаривать, задавать вопросы. Преимуществом будет поощрять детей за вопросы, заданные преподавателю на китайском языке. Вопрос может быть неправильно составлен, но для ребёнка, особенно маленького, это будет

большим прогрессом. Использование изученного материала во время коммуникации будет полезно для развития устной речи и преодоления языкового барьера.

Существует огромное количество развивающих игр для детей, которые используют для обучения китайских дошкольников иероглифам. Например, преподаватель дает всем ученикам карточки, где изображены изучаемые предметы. Каждый ребенок должен записать название изображенных предметов транскрипцией и иероглифами, после чего по цепочке передать карточку своим соседям по парте и далее по всему классу. Это одновременно быстрый и эффективный способ проверки и интерактивизации учебной деятельности учащихся (знание слова, иероглифа, его значения и произношения).

Разнообразие методических приемов учебной работы с младшими школьниками неисчерпаемо. В нашей статье мы остановились лишь на немногих, наиболее очевидных аспектах. Методическая сокровищница обучающих приемов и форм работы, используемых для изучения различных языков, чрезвычайно разнообразна. Поэтому процесс ее обогащения непрерывный. Это связано не только с развитием самой методики, но и с изменением характера восприятия и переработки информации современными детьми, развитием средств передачи информации, изменением интересов и приоритетов у детей и многими другими факторами. И здесь особенно важно постоянно актуализировать весь методический инструментарий в соответствии с тенденциями реального времени.

汉语与跨文化交际 俄汉女性抱怨语的语用对比研究

Янь Мин Хуэй 闫茗会、Цзян Цюнь 姜群

Институт иностранных языков Даляньского политехнического университета, г. Далянь, Китай, 1063959831@qq.com

Институт иностранных языков Даляньского политехнического университета, г. Далянь, Китай, waloja5@163.com

抱怨语作为交际的重要内容，在日常生活中广泛使用。

一、受外界影响产生的抱怨语

1、受家庭的影响：主要话题围绕丈夫和孩子进行。

妈妈对孩子的抱怨：（1）Паша, не надо! Не ходи туда! Иди под дерево. Бесполезно. Илья не ходи в песочницу больше! Туда Паша

сходил. (选自俄剧《Мамачки》) 在这段话中母亲先告诉儿子不要去沙堆那里玩, 但孩子没听, 于是妈妈又抱怨了一句 *Бесполезно* (没用, 说了也不听), 还用了语气更加强烈的 *не ходи больше* 来命令孩子。与此同时, 妈妈还解释了原因 *туда Паша сходил* (巴沙在那撒尿了)。(2) *Раньше я очень хотела ребенка. Теперь я очень хочу спать. Раньше я разговаривала как все нормальные люди. А с рождением ребенка все нормальные люди перестали меня понимать.* (以前我非常想要孩子, 现在我非常想睡觉。以前, 我和正常人讲话没区别, 自从孩子一出生, 所有的正常人都理解不了我了。) 这段话中, 母亲通过 *хочу спать* (想睡觉) 和 *люди перестали меня понимать* (别人不理解我) 的“育儿式”讲话抒发抱怨之意。(3) *Нам сейчас мамусичка и папусичка сосочку дали* (粑粑麻麻这就给你拿奶咯), 这句话间接地表达出对养育孩子之艰辛的抱怨。中国母亲也会抱怨自己的孩子, 先晓之以理, 而后动之以情: 宝宝乖乖, 不可以这样做哦, 这样做是不对的。怎么这么不听话呢, 说了也不听! 这句话间接含蓄地表达了带孩子的艰辛。由此可见, 在照顾孩子, 尤其是照顾不懂事的小孩子时, 俄汉语中都存在母亲用成人对儿童谈话的一种保姆式语言 (*motherese*), 并因孩子不听话而产生直接或间接的抱怨用语, 且抱怨程度与孩子不听话的程度成递增趋势。

妻子对丈夫的抱怨: (1) 俄罗斯女性很注重对丈夫面子的维护, 很少在外人面前抱怨自己的丈夫: А: *Петрова, закроешь вообще конец или нет?* Б: *Ты чего? Тебе этого лузера жалко?* А: *Этот лузер, мой муж, и он меня очень сильно любит. И вообще он не лузер. Какого черта начала мериться с тобой мужьями? Знаешь, ты должна дожидаться своей кареты. А я поехала домой с любимым мужем.* (彼得罗娃, 你到底有完没完? 你口中这个潦倒的家伙是我老公, 而且他才不是潦倒的家伙! 干嘛一开始要跟你比老公。你就等着你的四轮马车吧, 我要和我心爱的丈夫回家)。这个语境是两个许久不见且关系一般的同学为了面子而攀比老公的对话。А 无法忍受 Б 诋毁自己的老公而放下面子勇敢承认这个贫穷且潦倒的人正是自己老公, 自己深爱着他, 而且在自己眼中老公很优秀。А 通过对老同学 Б 的抱怨 *Петрова, закроешь вообще конец или нет?*, 以及对自己的抱怨 *Какого черта начала мериться с тобой мужьями?*, 表达对老公真爱的同时也维护了老公的面子。(2) 在亲人或密友间可以敞开心扉, 吐诉苦水: А: *Мне кажется, что Костя стал относиться ко мне как-то по-другому, ну, менее внимательно что ли.* (我觉得科斯佳对我跟以前不太一样了, 对我没那么关心了。) 抱怨男朋友不殷勤了。Б: *А ты не загоняешься.* (是你想多了。) 已婚闺蜜回答。А: *Нет, ну правда, все как-то изменилось* (不, 真的, 什么都变了。) В: *Все понятно.*

Расслабился. (明白了, 他这是懈怠了吧。) 又一已婚闺蜜说: В: Теперь на диване будет брюхо отращивать. У меня также с Ромой было. И Цветы после свадьбы стал дарить гораздо реже. (马上他只会摊在沙发上变得大腹便便, 我和罗马也这样, 而且婚后他也不怎么送花了。) А: Вот, Костя тоже перестал дарить цветы. (没错, 科斯佳也不送花了。) 中国女性也有维护老公面子的类似行为, 如富家女嫁平凡汉时常对质疑者们说: 我老公就算没钱没势, 但是他肯努力上进, 最主要的是他爱我, 这就够了! 而那些刚结过婚的女性常对自己的闺蜜说: 怎么办? 感觉结婚以后我老公没有婚前那么听话了, 也没有之前会“来事”了。由此可见, 俄汉语中, 女性对丈夫的抱怨语的话题选择常与听话人之间的社会距离相关。一般情况下, 社会关系越密切, 话题越私密越贴近抱怨本身; 而社会关系越疏离, 话题越倾向于维护说话者的丈夫, 比起抱怨, 更多的则是赞扬。

2、受社会的影响: 主要话题有: 关于失业、工资、工作、失恋, 社交等。而说话人对这些话题的选择又受多种因素(如社会地位、社会距离、契约关系等)的制约[2, с.16]。就社会地位而言常有三种可能, 即一是说话人的社会地位高于听话人, 如老师与学生, 领导与下属; 二是说话人的社会地位低于听话人, 如学生与老师; 三是两者处于平等的社会地位, 如亲属、朋友、同事之间, 这些都会影响抱怨言语行为的实施[2, с.16]。与下级交谈时, 说话人往往采用强硬策略(жесткая стратегия), 多为祈使句, 多采用“警告”或“直接批评”的方式, 如老师和学生间的对话: Андрей вскинул возмущенно глаза на учительницу математики. А что я сделал? Та, не меняя тона, так сказала: Завтра приведешь родителей и весь разговор. «Зачем» и «почему» эти вопросы задаю здесь я, понял? (安德列对数学老师怒目而视: 我做什么了? 老师平静的说: 明天带家长来一起唠唠, 聊聊我在这里问你的这些问题的原因, 明白了么!) 平级交谈时, 说话人通常会采用相对直接的实施手段, 其程度比较强硬, 如女性朋友间闲聊时的“直接抱怨”: Девочки, а может сменить тему? А то 20 минут про калам как-то... (姑娘们, 换个话题好吗? 都说了 20 分钟粑粑了。) 该语境是两个带孩子的妈妈, 和她们大龄单身闺蜜一起聊天, 两个妈妈对孩子的健康状况展开一系列讨论, 使单身闺蜜对该话题产生了抱怨。两个妈妈长久的聊“孩子的粑粑颜色”, 忽略了单身闺蜜的心态, 违反了合作原则中的关联准则和礼貌准则。因而为达到交际效果, 闺蜜抱怨了一下, 结束该话题, 开始进行适合三个人的共同话题。当上级违反规则侵犯了员工的个人利益时, 说话人则会采用迂回策略(обходная стратегия), 即采用相对委婉的语气并借助奉承、恭维等手段, 其目的更倾向于委婉的表达对听话人的抱怨及不满, 并达到理想的

交际效果，如：**Вы красива выглядите сегодня, если бы...**（您今天看上去好美，要是能.....就好了。）当陌生人的行为违背公共法则，打扰到自身时，说话者一般采用礼貌策略[3]。在实际交往中，询问、请求总是含有使听话人完成某种请求的目的，用较礼貌式的询问、请求，一方面使听话人留有余地，另一方面则是，一旦听话人拒绝所提出的请求时，发话不至于失去面子，如：**Вы не можете потише?**（能请你们静一静吗？）**Извините, вы не можете говорить потише?**（对不起，请您能小点儿声吗？）**Будьте добры не так громко, пожалуйста!**（请您说话声不要这么大!）在中国，说话者在表达相关社会话题时同样也受上述因素的制约。如：（1）上课铃声响了，教室里还是一片喧闹，老师会大喊：“请大家安静！上课了！”；（2）发工资了，同事之间议论纷纷，这时一个人缘不错的同事抱怨道：大家快别提工资的事了，我这个月旷了几天班被扣了好多钱呢。如果对上级或对陌生人抱怨则常使用“您”、“请”等礼貌用语，如：（1）请您说话声音稍微小一点；（2）抱歉，打扰一下，您说话声音可以小一点吗？在对公司领导说抱怨语时，则常会采用赞扬的策略，先扬后抑，如：您的方案真的是太完美了，可惜我们的资金不太充裕啊。

二、受自身影响产生的抱怨语

1、对自身的失态、能力、心情、过错等的抱怨。对自身失态的抱怨，如：一个 30 多岁单身女性在经历数次相亲后终于发现了自己心仪的男子，于是一段语无伦次的自我介绍后她对男方说：**Я облежалась, наверное, да, сейчас? Выгляжу, как дура.**（我说胡话了是吧？像个傻瓜一样。）男方回复：**Ничего, нормально.**（没关系，还好。）接下来女方说：**Понимаешь, просто до твоего прихода, у меня было такое ощущение, что я провожу кастинг в кунсткамеру.**（知道么，在你来之前，我有种感觉，就像在人类学展览馆选美）。女方一方面用 **ты** 称男方以拉近彼此距离，另一方面用 **провожаю кастинг в кунсткамеру**，这样既隐晦的抱怨之前见到的相亲对象都是些奇奇怪怪的人，唯有这个男子最符合她的审美，又间接恭维了男方，进一步拉近了彼此的距离。对自身能力的抱怨，如：一位考试不及格的女孩子对男友说：**Мне так нужно тебе пожаловаться на то что плохо сдала экзамен.**（我考试考砸啦，特别想给你诉说一下[4, с. 201]）。中国女性也有类似的表达，如关于失态的：**А:** 我这都说了些什么啊，真丢脸，不好意思，让您见笑了。**В:** 没关系。又如关于能力的：可恶！这次又没及格，我要是之前多努努力就好了！

2、对自身的身体状况的抱怨。如一位刚生过孩子的母亲对自己身材的不满：**Ну и моя фигура. Такое чувство, что я живу в чужом теле и меня упорно из него не выпускают. Подруги говорят, что мне так даже**

лучше, но, видимо, я смотрю на себя другими глазами. (我的身材也是。我仿佛活在别人的身体里, 怎么也无法摆脱。闺蜜们说我这样更好看, 但我并不这么看。) 该母亲抱怨自己的身材就像 *в чужом теле и из него не выпускают* 以表达对生过孩子后身材走形的无奈。一位生病的女性对朋友说: *Болела я целую неделю, да и сейчас ещё плохо себя чувствую, голова болит и горло.* (我病了整整一个星期, 现在仍然感觉不舒服, 头和嗓子还疼。) [4, с. 201]。说话人在日常交际时, 言语中往往不直接出现 *жаловаться, поделиться* 等词义与“抱怨”直接相关的词, 而是在实施陈述等其他言语行为的同时, 间接实现抱怨的交际意图, 正如波斯佩洛娃[1, с. 184]。由此, 女性用 *целую, ещё* 等词表达间接表达出“怎么生病这么久还不好”的言外之意。中国女性同样对自己的身材抱怨良多: 啊啊啊! 我怎么又胖了, 腰仿佛水桶一样粗。真闹心!。抱怨自己生病: 唉! 病来如山倒, 好难受, 这样的日子什么时候是个头啊!

波斯佩洛娃曾说过: 抱怨语实际上是现实交际中的一种融合性言语行为, 因为它既反映某种客观现实, 也表现出说话人对这些客观现实的不满, 同时给说话人通报信息, 促使他采取相应措施[1, с.184]。因此, 就此类说话人对自身抱怨的言语行为, 听话人出于礼貌要给予必要的安慰或鼓励。这一点俄汉语都做得比较好, 如上述俄汉语抱怨事例中一方失态时, 另一方礼貌的表示谅解; 对考试失利者及生病者, 听话人也要给予适当的鼓励与安慰; 与此同时, 说话人也期望得到关注与原谅、鼓励。

三、汉俄抱怨语的语用对比

从俄汉女性抱怨语的对比来看, 两国女性的抱怨主题有很多相同之处:

1、家庭观相同, 即都会在外人面前维护丈夫的面子; 都更倾向于“女主内男主外”的思想; 女性带孩子的现象都较为普遍; 已为人母的女性带孩子或多或少地都会对孩子的不听话行为产生直接或间接的抱怨; 已婚女性日常生活的话题也都多围绕着丈夫和孩子展开; 用以一种保姆式语言 (*motherese*) 哄孩子, 且伴随着幸福感; 未婚女性渴望婚姻与家庭, 喜欢追求浪漫, 却又在心动的人面前显得拘谨紧张。

2、社会观相同: 即女性抱怨语的话题及语用特点均受社会地位、社会距离等因素的影响。在工作上都存在对下属、同事及上司的抱怨, 但抱怨的程度都因人而异, 对下属都常采用直接抱怨的手段, 对同事则按亲疏程度适当采取抱怨策略, 对上级则采用间接迂回的抱怨策略 (如赞扬策略)。社会距离的远近决定说话者的抱怨主题与语气, 关系越亲近, 话题越贴近生活且表达较为直接, 关系越疏远, 话题越远离生活且表达较为礼貌委婉。两种语言礼貌的表达都有陈述句和疑问句, 但一般情况

下俄语更倾向于疑问句式，如：Могли бы не...，而汉语则更倾向于陈述句式，如：请不要.....。

3、对自身状况的各方面抱怨，如：能力、心情、生病、考试失利等，则均体现出女性追求美丽，向往爱情的夙愿，夹杂在抱怨之中的言外之意都能表现出在女性在身心脆弱时含蓄地希望得到对方的关注与鼓励之意。

参考文献：

- [1] Пospelова А.Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно — интерактивная характеристика [А] // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка) [С]. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1992.
- [2] 徐晓丹. 俄语抱怨言语行为研究[D]. 东北师范大学, 2006.
- [3] 马晓华. 俄汉直接抱怨言语行为语用学礼貌策略分析[J]. 长春理工大学学报, 2009.
- [4] 周民权. 俄汉社会性别语言的语言对比研究 [M]. 北京: 北京大学出版社, 2014.

俄汉广告词汇差异对比

Чжан Вэй 张巍、Цзян Цюнь 姜群

*Даляньский технологический университет,
г. Далянь, Китай, 1556059253@qq.com*

*Институт иностранных языков Даляньского политехнического
университета, г. Далянь, Китай, waloja5@163.com*

随着世界经济全球化的不断推进，以及“一带一路”倡议的深入实施，我国与“一带一路”沿线俄语国家的关系日益密切，各领域、各行业的合作也日渐加强。在此背景下，广告（无论是经济广告，还是非经济广告）作为工矿企业、商贸公司或政府行政部门、社会事业单位，乃至个人为某种特定需要，通过一定形式的媒体，公开宣传自己的信息，介绍自己的产品的重要手段之一，是广大消费者和广大公众获得信息的便捷途径，使人们了解各种公告、启示、声明，以及商贸活动与动向的窗口。然而，因俄、汉语分属不同语系，在语言结构及表达方式上存在着较大差异，总结广告中的语言差异，规避各类语言错误和语用失误，无疑会对“民心沟通”，促进国家间、人民间的相互理解与深入交流、合作大有益处。

本文仅以经济广告为例，从对比、分析俄、汉语词语差异的角度来探讨俄、汉语经济广告中的词汇用法，即：就常用词和随机词两方面进行对比分析。对比常用词使用差异时，从词语选取和词语重复两个角度，

运用内部阐释法的对立分析方式，分析俄、汉语广告词语的差异；对比随机词使用差异时，从构词法出发，运用外部对比阐释法中的层次间阐释方式和分步法，从微观入手，把相邻层次的单位或者同一层次的更小单位用作语言学分析的单位，根据语言单位在语流中的分布状况来进行分类和研究，从而发现二者特点及差异。[1,c.28]

一、常用词汇差异对比

1、词汇选取

俄语广告：形容词比较级和最高级作为俄语性质形容词词形变化的手段之一，将其使用在广告中可以突出强调事物的特征，渲染其异于或高于其他同类产品的特质，从而引起消费者的兴趣，促进购买欲。通常在经济广告中会使用 *больше*、*выше*、*самый* 等词语，如：*Формат больше, Точность выше.*（佳能打印机），该广告语中用了 *больше*（更大）、*выше*（更高）两个形容词比较级，表现出了佳能打印机的尺寸和同类产品相比尺寸更大，清晰度更高，从而显示其在性能上的优势。再比如：*Всё самое важное о Бизнесе!*（《РБК daily》），这里用形容词最高级 *самое важное* 来表达该报纸的服务宗旨——报道关于商业领域的最重要、最新的时讯。在广告中使用最高级形式传达了该公司追求极致的理念。

汉语广告：在汉语广告中，通常也倾向于表现出产品的优势及其异于他类的特征，但是由于俄、汉语在表达方式上的不同，汉语则更经常通过副词（更、越……越……、超、很、就、只、仅等）来肯定商品价值，如：*来一瓶，好凉茶齐分享，瓶装更尽兴。*（何其正凉茶），这里用“更尽兴”意在强调瓶装的凉茶比听装的凉茶给人感官体验的不同，而这种体验是向好趋向的。再比如：*近年过节不收礼，收礼只收脑白金。*（脑白金），这里用副词“只”来表示该产品的唯一性，委婉地表明了该产品是其他产品无法替代的，这对于消费者来说有着独一无二的价值。

与此同时，广告的真实性原则要求广告语言不得言过其实，刻意夸大，在最高级的概念上，商家也无法给消费者明确的界定，因此，汉语广告中很少出现“最好”、“最快”等字眼。如果出现，一般须在前面加上“可能、也许”等词语，以缓和绝对的语气，如：*可能是大连最好喝的奶茶。*（《渴乐》奶茶店），这里使用了“最”，因此，为了避免对其他类似产品的贬低，在广告语中加入了“可能”一词，含蓄地说明了该奶茶的好喝程度，同时又保持了谦虚的态度。

2、词语重复差异对比

俄语广告：俄语广告中经常会出现词语重复的现象，一般分为两种情况：一是元音的重复[2,c.134]，即通过这种方式可表达惊叹、赞扬的情绪。例如：*Red bull окрыляяееееет!*（红牛饮料），这里重复

окрывать 中的元音 я 和 е 来增强广告中所要表达的红牛功能饮料振奋人精神的效果；二是关键词的重复，即顺序重复和交叉重复，其目的是有利于加深受众群体的印象，突出强调产品特征。例如：*Мой мир; мой стиль; мой ЕССО (ЕССО)*，这里重复了关键词 мой，后面分别搭配了 мир、стиль、ЕССО。由“我的世界”、“我的风格”引出“我的 ЕССО”。连续重复三个 мой 来突出强调 ЕССО 品牌以顾客为导向，注重自我风格的塑造，符合其品牌价值的效果。与此同时，词语的重复也增加了广告的音韵和谐。再比如：*Ваши деньги – это бумага. Наши бумаги – это деньги (финансовой организации)*，此广告语重复出现了 деньги 和 бумага 这两个词语，旨在说明该金融机构可以将“纸”变成“钱”，同时通过词语的交叉重复，突出对比，以此说明金融机构进行理财的价值。

汉语广告：汉语广告也经常出现重复的现象，其中包括单音字节的重复和词语的重复，后者与俄语词语重复相似，本文将重点阐述前者与俄语广告用语的差别。汉语广告中常使用 AA、ABB、AAB 式的音节重复，尤其在儿童产品的品名中表现的更为明显，即通过音节的重复可体现出孩童的天真浪漫以及单纯美好。例如：*我叫爽歪歪！我叫乳娃娃！15 种益生菌发酵！我要爽歪歪！天天爽歪歪！（爽歪歪）*。“爽歪歪”和“乳娃娃”是儿童饮品。这里用 ABB 式的字节重复，展现出对儿童说话时的耐心语气，因此，更容易让消费者在心理层面上接受。同时，ABB 式的音节朗朗上口，能够加深观众对于产品的印象。

值得一提的是，单音字重复的现象在汉语产品名称中也应用得较为广泛。例如：旺旺、小小酥等。由于俄、汉语的文字表达形式不同，因此，这种单字叠音的情况在俄语广告中无法实现。但是针对儿童产品或宠物产品，为了拉近与消费者的距离，达到缓和语气的目的，俄语中常用词语指小表爱的形式实现同等功能。例如：*Ваша киска купила бы Whiskas. (猫粮)*，这里 киска 是 киска 的爱称形式，这是站在宠物主人的角度，表达了对猫的喜爱之情，这种形式有利于同消费者产生情感的共鸣。与此同时，киска 与 Whiskas 发音类似，构成了音韵上的和谐之美。

二、随机词差异对比

在进行俄、汉词汇对比研究时，完全有理由，同时也必须把两种语言构词的对比考虑在内。[3,с.67]因此，提到构词法，就自然联想到随机词的产生。除了使用常规词语以外，俄、汉语广告中也通常根据各自的构词特点，结合产品特点，创造新词。

俄语广告：俄语广告随机词中涉及到的首要构词法是词缀构词法，包括前缀、后缀等。例如：常用的前缀包括 евро-、гипер-、супер-、мега-、сверх-、ультра-；后缀包括名词后缀-инг、-изм、-ость、-ленд 等，

很多词缀都来源于外语词，核心意思是褒义赞美的，以此展现商品优势的一面。例如：Camelot – ультрамодная обувь（鞋）；Новые супердышащие Huggies（婴儿纸尿裤），这两个例子分别用词缀 супер- 和 ультра- 构成派生词，展现出产品高品质的特点。再比如：Пепсизм – колализм（百事可乐），这里的 Пепсизм 一词是根据名词后缀 -изм 构成的一个新词，-изм 本身有“主义”的含义，这里和产品名称连用，意为“百事主义”，广告本身充满创意，暗含百事可乐引领潮流，形成独具魅力的一种主义，符合年轻人追逐新鲜事物的观念。

俄语广告随机语中涉及的第二类构词方式是复合构词法，指通过两个或两个以上的实词结合成新词。例如：Макси-качество, Мини-цена。（Максим 牌香烟），这句广告中，分别用了 максимум 和 качество, минимум 和 цена 组成 Макси-качество、Мини-цена。意为以最低的价格买到质量最好的产品。在运用复合构词法的同时，该广告中还用了对比的方式，将价格低和质量高进行对比，突出该香烟的性价比之高，以此促使消费者购买。

俄语广告语言中还有一类涉及的是缩略构词法，这是指把词组中的词干缩略并复合，构成复合缩略词。这类词语已经由于时间的推移，大部分被人们所接受和理解，已不完全属于随机词的范畴。例如：缩略词首——СП – Совместное предприятие（合资企业）；缩略音节——торгпредство – торговое представительство（商务代表处）；混合缩略词首和音节：КамаЗ – Камский автомобильный завод（卡玛汽车制造厂）；缩略词干和整词：Сбербанк – сберегательный банк（储蓄银行）。一般来说，缩略语在平面广告文案中介绍企业信息的部分应用的相对广泛。为了节省空间，增强语言的简洁凝练程度，企业名称或生产地址常用缩略语表示，如：адр. – адрес（地址）；г. – город（城市）。

汉语广告：从构词法角度观察汉语广告时发现，汉语广告像俄语广告一样也常用缀合构词法、合成构词法、缩略构词法，相同的地方不再赘述，但与俄语构词法所不同的是汉语有重叠构词法。除了上文提过的 AA、ABB、AAB 式的音节常规重复外，在随机词构成方面，汉语可通过不规范的重叠来创造新词[4,c.36]。例如：衣服从此贴贴服服（熨斗）。汉语原本应该为“服服帖帖”，但这里创造性的将其变成“贴贴服服”，与前面“衣服”的“服”字构成音律上的和谐。

综上所述，因俄、汉语语言结构和表达方式上的差异，俄、汉语广告用词有着鲜明的特点和差异。在词汇选取等表达方式上，俄语广告通常

用形容词比较级和最高级来描述产品的优势，而汉语则更倾向于用副词来说明；在常用词汇重复方面，俄语可通过元音的重复来表示对产品性能的强调，而汉语则通常运用叠音词来突出商品特点，拉近与消费者距离。因两种语言结构的差异，俄、汉语有着本质的不同。上述两个角度均是从词语本身出发，而研究词语对比，还应该充分考虑词语的构成，而从构词法的角度分析俄、汉语广告中随机词构成及使用的差异是一种研究方法。俄语广告的随机词主要通过词缀构词法、复合构词法，缩略构词法形成，且缩略词随时间推移，大部分已被人们接受，成为一种约定俗成的说法。词缀构词法和复合构词法则是汉语随机词构成的方式，与俄语所不同的是，汉语广告中常用不规范重叠构词法来构造新词。

参考文献：

- [1] 刘永红. 俄汉语对比方法论 [M]. 湖北：华中师范大学出版社, 2009.
- [2] 张会森. 俄汉语对比研究 [M]. 上海：外语教育出版社, 2008.
- [3] 杨云霞. 俄语广告中的语言游戏研究 [D]. 上海：上海外国语大学俄语语言文学. 2013
- [4] 杨凤仙. 汉语广告与英语广告语言特点之比较 [J]. 北华大学学报, 2000, (1): 41-44.

语言世界图景观与对外汉语教学 —以汉俄语为例

Чжан Синьюэ 张昕悦

*Даляньский технологический университет,
г. Далянь, Китай, nadasajiang@sina.com*

语言世界图景观对外语教学意义重大，起着方法论的作用。学好、教好一门语言，只学、只教语音、语法、词汇、修辞等是远远不够的，只有深入了解词汇的语义和语法背后的民族性格、民族文化及民族精神方可真正掌握一门语言。

一、汉、俄语言世界图景观在对外汉语教学中的意义

俄罗斯语言学家舒克申（Щукин）等认为：语言世界图景（Языковая картина мира）是在语言范畴内（一部分是在语言形式中）整体对该种语言现实构架、要素和过程想象的反映（Отражённые в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива

о строении, элементах и процессах действительности.), 是由语言反映出的人本身及周围所有现象 (Целостное изображение языком всего того, что существует в человеке, вокруг него.), 是通过语言称名实现的人、人的内心世界及周围世界和大自然的图景 (Осуществляемое средствами языковой номинации изображение человека, его внутреннего мира, окружающего мира и природы.) [1, с. 406-407]。我国学者吴国华教授对语言世界图景观的论述是: 语言世界图景是一个民族精神文化在语言中的结晶, 是该语言民族对现实世界的认识在语言中的集中体现, 换句话说, 语言中包含了该民族成员对现实世界的认识 (文化语义学, 2000)。

俄、汉语分属两个不同语系, 两种语言世界图景观存在较大差异, 因此, 对俄语国家学习汉语的学生应该兼收并蓄, 既要掌握语言学习中的“五会 (听、说、读、写、译)”本领, 又要深入到中华民族的世界观领域, 深入到中华民族的语言意识当中。经过多年的对外汉语教学实践, “建立所学汉语言的世界图景观能够促进学习者汉语个性的形成与提高”这一教学理念, 已被越来越多的汉语教师接受并应用。教师在教学中从初级阶段就循序渐进地引导学汉语的学生认识汉语言世界图景, 熟悉中国民族心理特殊性的文化和社会生活的特点, 使学生认识到, 学汉语的过程就是认识汉语言世界图景的过程, 是认识中国社会的过程。俄语国家的汉语学习者在习得汉语的过程中是以俄语语言世界图景和俄语为基础来接受汉语言世界图景的。因此, 在教学中, 不应该仅注重技能训练, 应该注重帮助学习者理解、掌握语言背后的意义 (即语言世界图景和文化世界图景), 这样才能培养出跨文化交际的合格人才。

二、汉、俄语言世界图景观在对外汉语教学中的应用

汉、俄语言世界图景观是呈现两个民族独特的认知模式和精神世界的载体, 就相同认知对象而言, 均会有相异的形成过程和解读方式。因此, 在以母语-俄语为对象的对外汉语教学中, 灵活运用比较的方法来揭示汉、俄语世界图景的异同是把语言世界图景观应用于教学实践的重要步骤。深入剖析、全面理解汉民族的思维习惯和文化精髓, 将汉、俄语言世界图景观与两民族的价值观有机地结合起来, 比较借鉴, 多维解读, 有意识地分析语言结构背后汉、俄语言世界图景的差异, 帮助学生建构汉语言世界图景具有迫切的必要性和现实性。

汉语言世界图景观涉及语言教学诸领域: 语法、词汇、修辞等。利用汉、俄语言世界图景观的语言意识, 培养汉语学习者迅速从汉语与母语 (俄语) 之间所存在的语言句式结构不同、语义范畴不同中找出原因, 掌握语言思维模式或定式的差异, 有效地进行汉语结构与母语 (俄语) 结构之间的转换。例如: 汉语结构常是“先因后果”, 而俄语的原因从属句常是“先果后因” (... , потому что...); 汉语语法无形态变化, 语句结构呈

松散性，在形式上没有过严的要求。汉语中许多看起来是并列句的句子，其实不是并列关系，而是主从关系。相比之下，俄语语法却有形态变化，词与词之间的关系有十分明确的形式展现，其句法结构也十分紧凑。

汉语言世界图景反映的是中国全民统一观念体系，是全体汉语使用者都必须接受的，必须遵守的约定俗成的法则。例如：汉语里使用两个不同的汉字（zhi：“指”和“趾”）表示“手指”和“脚趾”，而俄语里则用一个词“палец”+“рука”和“нога”来表示手指（палец руки）和脚趾（палец ноги）[2, с. 88]。

在教学中有意识地去引导学生考虑汉、俄两个民族思维模式的差异，采取相应的转换，以符合汉民族的思维习惯，习惯汉民族认识世界的方式（即不同的思维模式），从一个人际交往圈进入另一个人际交往圈，转换一种思维方式和习惯。这一学习过程即是能够在本民族语言思维模式与目的语思维模式之间进行自由切换过程，从而达到跨文化交际的顺畅。这样，教学才会达到事半功倍的效果。

参考文献：

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н., Словарь методических терминов. СПб: Златоуст, 1999
2. 刘宏，《俄语语言文化与跨文化交际》，外语教学与研究出版社，2018年

跨文化交际视域下的对外汉语教材建设

Чжао Лицзюнь 赵丽君

*Даляньский технологический университет,
г. Далянь, Китай, ljzhao@dlut.edu.cn*

汉语二语教学无论在教学还是科研上都取得了有目共睹的成就，不过它仍然具有很大的提升空间。当广大学者和教师千方百计解决语音、词汇、语法、语篇的教学难题后，发现教学效果还是存在一个不可忽视的缺陷，那就是学习者的跨文化交际能力还有待培养。例如，在中国长期留学的学生，见到老师，一直都是“老师好”的问候语，其他打招呼的方式很少见。又如，一个在中国毕业的本科留学生，见到老师仍然不知道起立。甚至有些学生刚来中国时毕恭毕敬，时间长了反而失了礼节。一些留学生来中国已经很长时间，却交不到中国朋友，社交仍局限于在本国人的交际圈内。有一些学生对中国文化一直持有“排异”态度，还有的

学到一些不良的交际观念和方式。跨文化交际能力直接影响到汉语国际人才培养质量，也影响到汉语学习者的语言生活。

跨文化交际能力随着汉语水平的提高会有一定程度的习得，但是，这不是必然的，表现出的差异也很大。这一能力的形成，基本按照文化知识的学习、文化接受、文化融入、跨文化交际的顺序。从第一关可能就会发生问题，而后面的几个阶段又受到主客观认识、经历、情感等因素的影响。作为教师，首先是对文化知识的教学，而这一工作要从教材开始，因为教材是教学的蓝本。汉语教材在跨文化交际能力培养中占据着重要的地位，决定着文化内容、文化的比重，制约着文化的教学方式、跨文化交际能力的培养方式。

跨文化交际教学存在两种不良倾向，一种是忽视言语能力，只重视跨文化这一方面，语言基础和言语技能基础差，难以实现交际目的；一种是忽视跨文化言语交际方面，学习者在文化认知、语用知识和跨文化交际方面不足。后者为主要问题。汉语教材除了要提供语言教学的知识和素材，还应该是汉文化认知蓝本。截至目前，我们有了汉字大纲、词汇大纲、语法大纲、功能大纲、情景大纲，唯独没有文化大纲。在中国文化“走出去”的大背景下，文化大纲的研制、文化教学体系的构建、中国文化与世界各国文化交流互动态势的重构，已是当务之急。[1,c. 149]

一、汉语教材中的文化与语言的关系

陈绂提出：“语言是文化的载体，文化是语言的管轨。”（邢福义）任何一个民族的语言无不承载并体现着该民族的文化特色，汉语当然也不例外。也正因为语言与文化的这种密不可分的关系，以语言教学为主要任务的汉语国际教育就势必包含文化教学的内容与特色。中华民族有着深厚的、绵延几千年的文化传统，其内容十分丰富。陈绂认为，在语言教学中应该体现出来的文化内容当然是多方面的，比如文化产品、文化习俗等等，但最应该体现出来的是“上层文化”，即“体现了中国人几千年来积累的知识智慧和理性思辨”的“富有特色的思想体系”，具体说来，就是蕴含在语言中的中华民族的哲学理念、思维惯式等，这才是我们中华文化的“脊髓”。他还认为：我们可以举出无数的例子说明在语法、词汇以及记录汉语的汉字中所蕴含的中华文化的特色：如汉语的语序、表达空间位置的顺序等规律法则；众多的“文化词语”以及一般词汇中的深层含义；具有强烈表意特点的汉字的具象形体，汉字具有的造字理据，体现了中华文化的特质，显现了我们中华民族的思维特点和深层次的哲学理念。[2,c. 154]这些都应该在某种程度上以不同的形式包含在语言教学之中，并以此来指导和丰富文化教学。

然而，目前的汉语教材本身文化内容的体量就微乎其微，又没有大纲要求和指导，何况上层文化、语言本身文化；但从另一个角度，从语言

着手进行文化内容建设，从汉语的表义形式（汉字、词汇、语音、语法、语篇）和汉语（字、词、语、文）所表达的内容这两个方面着手，正揭示了编写汉语二语教材文化内容的两条根本途径，是可行的办法，可以科学辨证地处理好语言与文化的关系。

二、汉语教材的文化内容现状

在文化大纲尚未研制的情况下，教材中的文化内容如何？以对外汉语本科系列教材《汉语教程》第二册（杨寄洲主编，北京语言大学出版社）为例，该课本的前言中几乎未涉及文化教学，只有注释一项提到“注释是对一些语言点和文化背景知识的说明”，亦提到教材中的生词、注释和语法说明“都是为课文服务的”，而课文“是课堂教学的主要内容”，“它是语法和词语的语用场”，“离开课文，语法将无所依凭”，教学的目的是“以语法为指导去学习课文”，“提高学生听说读写的言语技能和运用汉语进行社会交际的能力”。可见，本教材的编写以语言和言语教学为核心，文化内容乃课文涉及的附属、辅助内容。

即便如此，文以载道，课文总是要承载中国、中国人、中国事等内容的，文化内容必然出现在教材之中，经过发掘整理，这本教材的文化内容大致有九个方面：自然环境、生活、风俗、医学、艺术、社会、观念、语言、交际。尽管教材的编写理念以语言为宗，但是文化内容的体现是方方面面的；从跨文化交际角度看，文化内容若有若无，可有可无，蜻蜓点水，成为语言学习的附带品，师生往往注意不到这里有文化教学的内容，在伴随语言习得的过程中，文化内容的教与学是相当有限的。虽然汉语教材多种多样，不过《汉语教程》十分经典，它的编写具有相当的代表性和说服力。

三、汉语教材文化内容建设

《国际汉语教学通用课程大纲》前三级的文化意识目标与内容之中，文化知识方面的主要包括中国在中国文化、教育等方面对世界文化的贡献，中国文化、艺术等方面的历史及其对世界文化的贡献，汉语中最常用的成语故事和典故的文化内涵，汉语文化中的社会结构和人际关系如个人、家庭等，中国的交际礼仪与习俗，汉语文化中的语言交际和非语言交际功能等。[3, c. 17]对照这一标准，对外汉语教材在汉语文化的深度、广度、贡献度方面有待进一步开发，应从历史和当代两个方面分析中国文化在世界文化中的价值和贡献，使学生在语言习得之外，更有精神文化上的收获，理解文化学习和语言学习的关系——语言是文化的重要组成部分，并理解文化的多元性、动态性和相互渗透性，具有一定的跨文化意识和国际视野；此外，文化对语言的重要价值，汉语教材体现得不够充分，汉语语言如词汇文化内涵、社会结构、人际关系、交际礼仪与习俗等，应从表层深入下去，展示深层次的观念，使学生了解并理解，形

成积极的情感，从观念、知识、语言、行为四方面共同促进汉语交际方式的学习，提高汉语交际能力。

文化是比语言更高一级的范畴，语言教学是学生培养的一个部分，立足于学生发展的制高点，既要看到汉语教材中语言的本体地位，也要看到语言的文化价值。虽然国内外汉语教学有语言环境和教学目标的差异性，但是最终目的是一致的。处理好语言和文化的关系是汉语教材达到更高教育层次和水平的关键因素之一。文化不是语言的附庸，而是语言的内容、意义、价值和力量，没有文化的语言是没有灵魂和魅力的工具。过去汉语教材在语言本体教学上取得了丰富的经验，在此基础上完善文化内容，达到和语言互相促进，是一项进一步提高汉语教学站位、提高汉语教学品质的重要工作。

总的来说，汉语教材可以从以下几个方面进行文化内容的建设。第一，突出对中国在文化、教育、历史等方面所取得的、对世界做出贡献的成就进行总结归纳，整理提炼；第二，对中国社会生活的文化特征进行分析描写；第三，对已有教材的文化内容的时代性、典型性进行反思；第四，对跨文化交际研究成果进行总结梳理，指导汉语教材编写。第五，对以上文化内容进行整合，根据难度等级编入初、中、高级不同阶段的汉语教材。第六，设计文化内容的融入方式，包括如何与语言教学结合，如何呈现，如何发挥作用等。

文化的整理、文化大纲的制定、课程设计等都不是一朝一夕可以完成的，也不是可以一蹴而就的，广大对外汉语教师不能安于现状，不能消极等待，而应通过教学反思、实践、改革，通过行动自发地以跨文化交际观对教材内容进行建设改造，转变培养理念、教学设计，改善教学方式方法，增加跨文化交际演练，自下而上、实事求是地去培养国际学生的跨文化交际能力。为此，建议教师具体可从以下三方面来进行对外汉语教材建设。

第一，厘清对外汉语跨文化教学的文化范畴和主要内容，可参照上文提到的《国际汉语教学通用课程大纲》，对其中的跨文化交际知识、策略、能力，可根据国内外教学实际情况进行调整，可根据每一门课原有教材的主体内容进行文化内容和跨文化交际训练项目的匹配。比如在学习到中国人家里做客吃饭的话题时，除了教材上介绍的句式外，教师可以引入中国人吃饭常说的“您慢慢吃”的含义，介绍请客吃饭的习惯，包括到达主人家的时间、饭菜准备的量、菜的种类、主人夹菜、劝酒、敬酒、如何结束、做客时长、如何道别等，介绍餐桌上的礼仪和禁忌，如筷子的摆放、不适合的餐桌话题等。同时也请学生谈谈本国请客吃饭需要注意的问题，互相对比之后，可作情景演练，使学生能够完成汉文化背景下的特定的跨文化交际任务。这样一种建设性的教材处理，完全可

以转化为教材内容的一部分。

第二，明确进行跨文化交际能力培养分为不同阶段和不同层级，需进行不同阶段的汉语教材设计。按照语言文化习得的一般顺序，可以把汉语课堂的跨文化交际教学分为三个阶段。第一阶段，汉语语言教学中的文化背景教学，用于辅助语言教学，逐步培养学生的跨文化学习意识，这一阶段主要是语言学习初级到中级期间，是伴随语言教学进行的文化教学，文化多数融在语言之中；第二阶段，是汉语教学中包含着的文化思想、思维观念的教学，使学生理解汉语母语者所持有的对世界、人生、社会等的认识，深入理解汉民族的思维和文化，学习者因此得以提高语言理解力、思辨能力和跨文化能力，了解中国人交际方式、习惯、禁忌等，同时还会学习跨文化交际策略，通过实操掌握交际技能；第三阶段，进一步加深对汉文化的理解，了解中国传统文化价值观和现代文化观，理解具有一定深度的中国文学作品，对所学文化具有分析、对比、鉴别的能力，对优秀文化达到一定程度的认同，对非本族文化持宽容态度。

第三，根据跨文化交际能力培养目标，结合跨文化交际能力培养模式建设和编修汉语教材。

对国际学生的跨文化交际能力培养主要有以下三种模式。第一种模式是以言语交际训练为核心的分项目或综合的跨文化交际训练模式。第二种是以跨文化交际体系为框架建立的系统培养模式。这种模式以教学大纲为依据，有赖于课程建设，从意识到实践，全方位、系统化地培养学生跨文化交际能力。第三种是案例分析式或讲座式的教习模式，通过跨文化交际实例，使学生认识汉外文化的异同，习得跨文化交际知识，掌握一定的跨文化交际技巧。这种模式主要用于跨文化交际的专业课程教学。

第一种模式目前最适用于汉语二语课堂教学。然而，使用这种模式教学，跨文化交际能力培养仍然是边缘化的，这种零零星星的交际功能训练，不足以完成跨文化交际能力的培养。因此，在这一基础之上，在没有文化大纲和教学蓝本的情况下，教师应在语言教学内容基础上，对词汇、课文、练习的内容进行开发利用，对学生进行文化知识传授、跨文化交际技能训练，这本身就是对教材文化内容的建设，也是对跨文化交际教学的有益探索。在文化知识提炼、传授方面，要透过语言文化现象探索价值观、态度、信仰等文化观念，促进学生跨文化思维的发展，培养学生面对文化差异时的暂缓判断能力，这同时是学生跨文化意识发展的重要途径。我国文化历史悠久，博大精深，教师要不断加强自身学习，加深对本民族的历史、风俗习惯、价值观、交际规则等文化内涵的认识，构建自身扎实的跨文化交际教学的知识理论体系，这样才能引导学生了

解各国的价值观念、生活习惯，教师的知识、行为举止就是一本活的教科书。

教师不但要善于发掘教学点，丰富教学的文化内涵，还要进行跨文化交际训练。教师可以在教学过程中根据教学需要，挖掘和拓展相关知识，并与学生本民族文化对比，增强学生对于文化多样性的感知，在此基础上进行跨文化交际训练。比如在学习“代沟”这一话题时，可以让学生谈谈自己家庭或本国的代沟现状，演示与长辈或晚辈的沟通障碍、隔阂，分析原因，从不同角度对这一问题展开小组讨论，进行小组报告，开展全班讨论或辩论，对比不同文化背景下代沟问题的差异，做出客观评价，提出解决方案，进行模拟的代际交际演练，布置课外任务。这是对课文在跨文化交际方面的深化和延展，也引导学生将语言学习和生活实际、社会问题、文化观念、时代发展等联系起来，充分发挥教材的语言教学和文化教学价值，培养跨文化交际意识、能力，从而促进学生思维、语言、思想、文化、能力全面发展。这些跨文化交际环节就是对教材的实践性建设成果。

参考文献:

- [1] 刘利、陈媛等（2019）汉语国际教育知识体系的特色与构建——“汉语国际教育知识体系的特色与构建研讨会”观点汇编，世界汉语教学，第2期 c.149
- [2] 刘利、陈媛等（2019）汉语国际教育知识体系的特色与构建——“汉语国际教育知识体系的特色与构建研讨会”观点汇编，世界汉语教学，第2期 c.154
- [3] 国家汉办/孔子学院总部（2008）国际汉语教学通用课程大纲，北京：外语教学与研究出版社 c.17

俄语新闻标题句式的特点分析 --以俄新社网络新闻为例

Чжу Цю 祝菊、Ли Янчун 李艳春

*Даляньский технологический университет,
г.Далянь, Китай, 2311003782@qq.com
Даляньский технологический университет, г.Далянь, Китай*

一、引言

现如今，中俄两国交流与合作的领域不断拓宽，人们对俄罗斯信息的需求量不断增加。新闻是信息传播最有效、最快捷的方式，向人们介绍世界各地发生的大事小情。人们的日常生活充斥着各类新闻：经济、政

治、文化、体育等等。标题“居文之首，勾文之要”，常被喻为“文眼”和“窗口”。中国学者郑板桥曾说过：“作诗非难，命题为难；题高则意高，题矮则意矮，不可不慎也。”可见标题早就引起了人们的重视。[1,前言]对俄语新闻标题特点的分析、研究具有重要的现实意义和实用价值，为新闻标题的翻译实践提供理论借鉴，帮助读者更好地理解俄语新闻标题，迅速捕捉有价值的新闻信息，增加对俄罗斯的了解，促进中俄两国跨文化交际水平的提高和各领域的交流与合作。

本文选取俄新社近期（2019年）的网络新闻标题为例，分析俄语新闻标题句式特点。俄罗斯国际新闻通讯社（РИА）简称“俄罗斯新闻社”或“俄新社”，创建于1961年，是俄境内外提供信息时效性强、高水平的权威新闻媒体之一，其新闻题目较为规范，且信息量巨大，便于全面地分析出俄语新闻标题的句式特点。标题具有称名、信息、广告、表现力、区分等功能。这些功能由一定的句法手段实现。[1,c. 1]可见，对新闻标题句法结构的研究是了解标题功能，增强对标题理解的重要方式。

二、合作原则理论及标题的概念

1. 合作原则理论

“合作原则”是由美国著名语言哲学家格赖斯于1967年在哈佛大学的演讲中提出的。格赖斯认为，在人们交际过程中，对话双方似乎在有意无意地遵循着某一原则，以求有效地配合，保证会话的顺利进行。在合作原则之下，格莱斯细分出了体现合作交际的四条准则，即：量准则、质准则、关系准则和方式准则。

2. 标题的概念及功能

维基百科给标题(заголовок)做出以下定义：1.书、文章、文本章节的名称；2.（印刷）一行包含名称的文字，以特殊的方式排列，以突出和吸引注意力。[2]

从定义中我们不难体会到标题的重要作用。标题是读者了解一本书、一篇文章、一条新闻消息的窗口，是取舍的重要根据，这在新闻标题上的体现更为突出，在面对书和文章时通常先阅读前言、摘要再决定是否继续阅读，而择取新闻信息时往往是根据其标题。新闻标题可谓是新闻和读者之间的纽带，读者可以通过新闻标题来了解新闻，新闻可以通过新闻标题来宣传主题中心思想。一个好的新闻标题犹如画龙点睛，能使新闻事实本身锦上添花，能帮助读者对新闻进行选择性阅读，使其产生共鸣。[3,c. 37]

在如今这个网络信息时代，新闻网站众多，信息量巨大，俄语新闻标题呈现出独特而鲜明的特点，下面我们将从句法、语用角度进行具体分析。

三、俄语新闻标题的句式特点

（一）句法层面

1. 俄语新闻标题句式简单且多样

俄语新闻标题句式不复杂，常采用扩展的简单句结构，惯用的句式有陈述句、疑问句和感叹句等。扩展简单句，即为通过对定语、状语、同位语的使用，对简单句进行扩展。[3,с. 38] 扩展的简单句既能清晰地概括信息，减少因复杂句式结构导致的理解困难；又能完整地呈现新闻的核心内容，便于读者阅读和理解。

1) 陈述句

陈述句式是俄语新闻标题中一种十分常见的句式，新闻标题通过陈述新闻事实，使读者对所报道的事件一目了然，让新闻传播变得更加高效。[4,с. 50] 同时，陈述句更显正式和庄重，政治新闻中通常使用陈述式标题。如：*Ким Чен Ын завершил первый визит в Россию*（4月26日）（金正恩首次出访俄罗斯），其中，扩展成分“*в Россию*”（去俄罗斯）是对“*визит*”（访问）这一行为的补充，简洁、清晰地表达了“出访俄罗斯”之意，毫无赘余。

2) 疑问句

一些新闻作者为了设置一些悬念，激发读者的阅读兴趣，会在俄语标题中采用疑问句式。如：*Почему Запад ненавидит корпорацию "Роснефть"?*（4月25日）（为什么西方仇视俄罗斯石油公司？），采用疑问句可使读者对西方仇视俄罗斯石油公司的原因产生极强好奇心，激发读者继续阅读新闻的兴趣，表达效果要远好于 *Запад ненавидит корпорацию "Роснефть"*（西方仇视俄罗斯石油公司）这样的陈述句。疑问结构在标题中的语用潜力足够大，疑问句具有吸引读者注意力，影响读者情绪的语用功能，[5,с. 151] 在众多陈述式的新闻标题中能立刻抓住读者眼球，吸引读者继续阅读新闻信息。

3) 感叹句

在俄语新闻标题中也常常会使用感叹句。感叹句可以表达新闻作者的情感态度，增强感染力，感叹号的使用也能吸引读者的注意力。如：*Я вам покажу свой паспорт! Украина готовит "страшную месть" России*（4月26日）（我会向你们展示自己的护照！乌克兰正准备对俄罗斯进行“可怕的报复”）；*"Ищи где хочешь!" Газовая проблема разрывает Украину*（4月26日）（“搜索你想要的地方！”天然气问题撕裂乌克兰）。

这里感叹句的使用表达了一种坚决、强硬的态度，具有感染力，使读者阅读时仿佛听到强硬的呐喊，促使其继续阅读。

尽管简单句更加清晰、明了，俄语新闻标题中也会使用一些结构明晰的复合句，如：*Путин рассказал, сколько спал за последние дни*（4月27日）（普京讲述最近几天的睡眠时间）这一新闻的标题虽然使用了复合句，但结构简单，易于理解，同样是俄语新闻标题的常见类型。

2. 俄语新闻标题中的特殊结构

除了标准的陈述、疑问和感叹句式，俄语新闻标题中还会采用一些特殊的结构。称名结构、并列结构等等丰富了俄语新闻标题的样式，增加了新闻阅读的趣味性。

1) 称名结构

根据《苏联百科词典》(语言版)定义,称名是具有指称功能,即用来指称和划分事物,形成以词、词组和句子形式体现的事物概念的语言单位。称名结构的交际任务在于称名和描写报道对象的特点,它不同于通常行文中的称名句,是用名词(人称代词或数词很少)第一格或以名词第一格为中心的词组来对文章称名,在语法上不具备作为句子特征的述谓性,只指称文章。[1,с. 1] 称名结构表达信息不完整,极少单独作为俄语新闻的标题,通常与完整句子结合使用,以称名结构引发读者好奇心,用句子概括新闻核心内容,如:*Интересный собеседник. Как Путин встретился с Кимом*（4月25日）（一个有趣的对话者。普京如何与金正恩见面?）;*Кровь из носу. Врач рассказал правду о самой популярной лор-операции*（4月26日）（鼻子上的鲜血。医生讲述最流行的耳鼻喉科手术的真相）。这类标题既能体现新闻标题的概括性,又能引读者瞩目、阅读。

2) 并列结构

并列结构是由两个或两个以上的并列成分组成的,可以充当句子成分。和称名结构相似,并列结构也因表达的不明确极少单独作为俄语新闻的标题,常和句子搭配使用,如:*Чемпион, красавец, рэпер. Самые яркие кадры карьеры Максима Ковтуна*（4月24日）（冠军、美男子、说唱歌手。马克西姆·科夫顿职业生涯中最亮眼的镜头）,“*чемпион, красавец, рэпер*”（冠军、美男子、说唱歌手）由三个并列主语构成称名句,简洁、明了地总结了马克西姆·科夫顿的身份和人生经历,且几个名词的并列组合与汉语中的排比修辞相似,有增强语势之效,将读者瞬间带入到新闻信息的语境中。

3. 被动态在俄语新闻标题中的使用

俄语新闻标题一方面青睐使用主动语态，这样可以给读者一种直接感。另一方面，被动语态也频频亮相。[3,с. 38] 在俄语中，人们往往将表达的重点放在句子末尾，或使用被动句来突出事件主体。应用在俄语新闻标题中，被动句用以突出所报道事件的重点，吸引读者阅读，如：*Жена Ким Чен Ына не упоминается среди сопровождающих его в поездке в Россию*（4月24日）（在金正恩俄罗斯行的陪同者中，其妻子未被提及），在这一新闻标题中将妻子 *жена*（指“金正恩的妻子”）一词放在句子的开端，作为主语，说明了新闻信息主要与金正恩的妻子相关，帮助读者迅速捕捉信息重点，便于阅读。

（二）语用层面

俄语新闻标题具有鲜明而独特的语用特征，充分体现了格赖斯合作原则理论的量准则、质准则、关系准则和方式准则。

1.量的准则

格赖斯合作原则理论的“量准则”要求：所说的话既要满足，又不超出交际所需的信息量。例如：*Росатом открывает филиал в Саудовской Аравии*（6月10日）（俄罗斯联邦原子能机构将在沙特阿拉伯开设分公司），这一新闻标题仅用六个单词交待了事件的主体“俄罗斯联邦原子能机构”，内容“开设分公司”及发生地点“沙特阿拉伯”，表达简洁、明了且信息量丰富、完整，能满足向读者传达新闻核心内容的需要，充分体现了合作原则的量准则。

2.质的准则

格赖斯合作原则理论的“质准则”要求我们不要说自知是虚假的话和缺乏足够证据的话，即注重信息的真实性和依据性。“真实”是新闻的生命，新闻信息必须以事实为依据，客观、准确，如：*Курс евро опустился ниже 73 рублей*（6月11日）（欧元跌破73卢布），其中，73卢布这一数字信息来源于金融市场真实、可靠的汇率信息。俄语新闻标题向读者传达最真实、可靠的信息，充分体现了合作原则的质准则。

3.关系准则

格赖斯合作原则理论的“关系准则”指的是：说话要有相关性。新闻标题要准确地反映新闻信息的核心要义，不可避重就轻，随意拟定，例如：*МИД Китая ответил на угрозы Трампа ввести новые пошлины*（6月11日）（中国外交部回应了特朗普引入新关税的威胁），这一条新闻标题简明扼要地总结了新闻信息的核心内容，即：特朗普用引入新关税来威胁中国领导人习近平参加G20国家元首会议，对此，中国外交部作出了回

应。标题贴近新闻信息内容，为读者提供核心要义，充分体现了合作原则的关系准则。

4.方式准则

为达到交际目的还要遵循合作原则中的方式准则，即：说话要清楚、明了，避免晦涩、歧义，简炼，井井有条。新闻标题的拟定亦是如此，要表达清楚、简练、有条理，尽量不使用有歧义的词和不常用缩略语，少使用复合句，便于不同年龄、文化层次的读者阅读，例如：Медведев провел встречу с гендиректором Международной организации труда (6月11日)(梅德韦杰夫会见了国际劳工组织总干事)，该标题使用简单句，国际劳工组织采用了全称“Международная организация труда”，避免了使用缩略语造成的理解困难，表达清楚，明了，便于读者理解，充分体现了合作原则的方式准则。

四、结论

随着全球一体化进程的不断推进和网络技术的发展，信息的传播和扩散更加便利、快捷。新闻越来越成为增强国家间相互了解的重要方式，对新闻标题的研究具有重要意义。本文从句法、语用两个角度对俄语新闻标题句式的特点进行了举例分析，得出如下结论：句法层面，俄语新闻标题通常采用扩展的简单句和结构简单的复合句，惯用陈述句、疑问句、感叹句等句式；俄语新闻标题还会运用称名结构，并列结构及被动句式在俄语新闻标题中都有突出所报道新闻的重点之效。语用层面，俄语新闻标题充分体现了格赖斯合作原则理论的量准则、质准则、关系准则和方式准则。各种句式、结构的使用丰富了俄语新闻标题的类型，增强了感染力，吸引了读者的阅读兴趣，让新闻的传播更高效。本文仅对俄语新闻标题中常见的句式、结构进行了举例分析，希望为指导翻译实践，促进信息的传播，增强国家间的理解有所益处。

参考文献：

- 1.刘丽芬.《俄汉标题对比研究》[M].商务印书馆,2013.
- 2.维基百科 <https://ru.wiktionary.org/wiki/заголовок>
- 3.杨慧,陈平. 俄语新闻标题的特点分析[J]. 黑河学刊, 2013(06):37-38.
4. 柳娜. 俄语体育新闻标题的特点及翻译[J]. 现代交际, 2018(03): 50-51.
- 5.Я.Е. Каневская. Прагматический потенциал вопросительных конструкций в заголовке публицистического текста(на материале интернет-СМИ). -2016//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.rsuh.ru/jour/article/view/162/163>

读《我是女兵也是女人》看苏联女性贡献

Сунь Лихун 孙丽红

*Хэйхэский университет,
провинция Хэйлуцзян, г. Хэйхэ, Китай, 530591282@qq.com*

战争是集中展示一个国家物质力量和民族精神的舞台。反法西斯战争更是俄罗斯生死存亡的历史挑战，在这一关键时刻，富有自我牺牲精神的苏联女性挺身而出，无论是在日常生活中，还是在生产战斗中，为伟大的卫国战争的伟大胜利做出了巨大的贡献。苏联卫国战争是一场全民族的战争，女性在那场战争中所发挥的作用不仅成为苏联人民战胜德国法西斯的重要力量，而且为女性主义史研究提供了重要素材。

战争爆发后，在大部分男性奔赴前线的情况下，后方的生产和生活主要靠妇女来承担。不论是在工农业生产上还是在家庭生活中，广大苏联妇女表现了勇于付出的英雄主义气概。首先，女性成为维系家庭正常运转的核心力量，在战争形势下，国家处于战火中，家庭和社区的正常运转几乎等于国家的正常运转，由此可见当时妇女的伟大功勋；其次，数以百万计的苏联妇女投身到国家的各类工业部门中工作，以保证战争中苏联的物资供应；再次，集体农庄中的男子大部分都上前线了，女性承担了集体农庄里的主要劳动，她们成了农业生产中的决定性力量。由此笔者认为，从某种程度和角度说，苏联女性是伟大的卫国战争的象征，在卫国战争中，苏联妇女书写了浓墨重彩的史卷，展示了非凡的勇气和耐力，对亲人表现出极大的热情，对法西斯的仇恨，她们在卫国战争期间的战斗和劳动中建立了不可磨灭的历史功勋。

一、 苏联卫国战争时期的女兵

苏联并不是二战中组织女性上战场的唯一国家，在盟军军队中也有女性。但是，女性在军队中的角色或职责并不完全一样。在苏联共产党的号召组织下苏联女性经历了必要的军事培训并且成为了红军战士以后，妇女和女青年们同自己的丈夫，父兄们一起在苏联武装力量中的各种部队中服役。她们担任卫生员、通讯员、飞行员、坦克兵、机枪手、狙击手、游击队员等，甚至在一些最血腥的战役中，她们拿起武器和男人们一起战斗，所取得的战绩丝毫不输于男性，甚至在某些方面表现得更为出色。而盟军中女兵的职责大多仅限于在后方从事支援工作，如行政、医务、通讯、运输、机械修理等。

苏联卫国战争时期，数以百万计¹的苏联女性响应国家号召，积极应征入伍，并且在 1941—1945 年的卫国战争中许多女性成为苏联的英雄。为战胜敌人做出了巨大的贡献。时至今日，研究卫国战争中的苏联女兵，揭示其崇高精神和伟大贡献，既有历史价值，又有现实意义。

卫国战争期间苏联女兵从事兵种之多，参战人数数量之巨史无前例。苏联女兵展现了自我牺牲精神，以及爱国主义和英雄主义等优良品质，这些优秀品质是苏联卫国战争取得胜利的重要保证，亦是苏联女兵为世人敬仰的原因所在，更是后人研究苏联女兵的价值所在。

苏联女兵是卫国战争胜利的功臣。作为卫国战争的主要战斗力量之一，苏联女兵不愧“功臣”的称号。正是有了苏联女兵的参战，卫国战争才以更快的速度取得胜利，同时透出一抹靓丽的女性风采，为世人称道不已。

苏联女兵是苏联历史的创造者之一。风华正茂的女兵以年轻而美丽的生命所能付出的一切物质与精神全力以赴地投入旷日持久的卫国战争，书写了一曲曲震撼人心的爱国主义、英雄主义、集体主义的壮丽史篇。通过自身的行动，苏联女兵成为了历史的真正创造者。

苏联女兵的精神是苏联国家不屈不挠精神的体现。女人不喜欢战争。他们给世界的爱情、生活、未来。卫国战争时期数以百万计的年轻、美丽、温柔和倔强的、安静和活跃的，害羞的来自五湖四海的幅员辽阔的国家不同的家庭和儿童之家的女性一起捍卫自己的家园。为什么红军有这么多几乎 100 万女性军队？没有足够的男士吗？在战争开始的第一天年轻的姑娘们用自己积极从军的方式争取性别平等保卫祖国的权利。伟大的卫国战争不仅仅是决定人类命运的一个历史事件。在那些艰苦的年代里，社会主义国家人民所特有的那种思想上的道德上的和精神上的特点得到了最大程度的表现。

苏联女兵的精神是二战胜利的宝贵遗产。苏联女兵为保家卫国而战斗，为和平而战斗的精神值得广为宣传和赞扬，更值得后人铭记。这不仅是二战留给世人的宝贵遗产，更应该是人类的精神财富。

---

¹ Мурманцева В.С., Советские женщины в Великой отечественной войне 1941 - 1945. Москва мысль.1979. с. 196. 另外，还有一种说法是 1000 万苏联军队中大约有 80 万女兵。

二、 苏联卫国战争时期工业领域的女性

苏联卫国战争时期有数以百万计苏联女性响应国家号召，积极投身于工业生产，为战胜法西斯强敌做出了不可磨灭的贡献。苏联女工在工业领域劳动中所创造的业绩的精神是苏联国家不屈不挠精神的体现。卫国战争不仅仅是决定人类命运的一个历史事件。在那些艰苦的年代里，社会主义国家人民所特有的那种思想上的道德上的和精神上的特点得到了最大程度地表现。苏联妇女表现出的不屈不挠的精神，史无前例的英雄气魄，对社会主义祖国的无限忠诚与热爱充分表现出社会主义国家人民所特有道德上的和精神上的特点

虽然德国法西斯的突然袭击曾经一度让苏联人民陷入窘境，但苏联劳动人民在德军闪电突袭战的考验下，仍愿意忘我工作，只要有必要以满足前线的需要。人民的爱国主义，不因统治者的变迁而改变。苏联女工积极投入工业生产，和男性一道构筑了巩固的后方工业防线。

此外，苏联女工创造的历史也证明了人民群众是人类历史真正的创造者，而不是个别的英雄人物，也不是人类的一半——男性可以独立创造的。苏联女工用自己的行动参与挽救苏联，扭转苏联在世界大战中的不利局面，为世界和平作出了巨大的贡献。

在现有的女性主义史学研究领域中，笔者还没有见到有关女性主义史具有时代性的讨论，但是，从苏联卫国战争时期女性在工业领域贡献的历史事实看，这种时代性确实实是存在的。

苏联卫国战争时期女性在工业领域贡献的时代性表现在如下几个方面：

第一，苏联卫国战争时期女性在工业领域的劳动属于特殊情况下的劳动，这种特殊性主要表现在她们的劳动主要是为战争服务，劳动成果主要是供应战争使用。根据张建华在其《俄国史》一书中的介绍，战争结束时，苏联的军事实力和国际威望空前提高，被公认是世界上的第一流军事强国。战争结束时，苏联红军总人数 1140 万，作战飞机 16000 架，主战坦克 12000 辆，作战摩托车 67 万辆，火炮 1151 万门，军舰 1702 艘。¹如此规模的武器都是在战争中生产出来的，都是各种工厂相互协作制造出来的。这完全是战争造成的，是反法西斯战争的需要，是时代的产物。

第二，本文前面介绍，在十月革命前，俄国工人中至少有 43% 是女性，那么在苏联卫国战争时期，可以肯定工厂中女工人肯定超过了男性。这种情况同样是战争造成的，是时代的产物。

第三，从历史角度看，不论哪个国家，大凡在特殊国情的时候总要

---

¹ 张建华：《俄国史》，北京：人民出版社，2014 年，第 185 页。

出现一些不平凡的人物，不论是男人还是女人，这些人物无疑是时代的产物。苏联卫国战争时期的工业生产中，特别是重工业生产，即为前线部队生产武器装备的工厂，重体力劳动是肯定的，这本应该属于男性的工作，但战争的当时却成为以女性为主的工作。仅就这一点，就足以说明女性主义史应该研究其时代特殊性。

三、苏联卫国战争时期农业领域的女性

按照苏联学者安·米·潘克拉托娃在《苏联通史》第3卷的说法，苏联到1933年第二个五年计划开始实行，苏联已经开始“为完成社会主义建设而斗争”，农业集体化和工业化已经发展起来。德国法西斯发动的对苏联的侵略战争打断了苏联社会主义建设，但集体农庄和农场的生产已经达到相当规模的工业化程度。¹

卫国战争开始以后，苏联农业也开始纳入战时轨道。农民中的青年男子基本都上了前线，在土地上坚持劳作便成为老年男性和女性农民的工作。这样，苏联女性在农业领域开始发挥主导作用。

在俄罗斯历史上所有的战争中，农民的作用都是不可小视的，这中间包括农民妇女。他们在前线和后方都做出了很大的贡献，同时，他们也在战争中遭受了巨大的损失。在1941年至1945年间的伟大卫国战争中，农民们用自己的身躯维护了国家的独立和尊严。在前线和游击队中，苏联农民中的女性担任了战士、卫生员、医师；在后方防御工事的建设中，在工厂、矿坑和矿井里，集体农庄的田野上，苏联女性与男子并肩耕作，为战胜敌人建立了卓越的功勋。她们在与德国法西斯侵略者的斗争中表现了空前的英雄主义。苏联女性不惜一切力量抗击法西斯德国的侵略，有的甚至献出了自己的生命，以拯救自己的祖国。

农民阶级是武装部队补给的主要来源。集体农民的优秀子弟参加了苏军军队，走上前线。战争根本离不开农民，奔赴前线的不是父亲，就是儿子或孙子，甚至还有一个家庭中有数个男性参加了战争。因此，军队的组成基本上就是农民。在战争时期60%以上是村庄的居民。作为一个整体的国家，战争期间军队退伍农民数量共计到不低于1000万，农村平均每一年都贡献到军队和其它行业将近10%的健全村民。可见这场战争极大地影响了农民的数量、组成和生活水平状况。²到1945年初，

---

¹ [苏] 安·米·潘克拉托娃：《苏联通史》第3卷，北京：生活·读书·新知三联书店，1954年，第623—648页。

² Война и общество, 1941—1945: Коллектив авторов, Российская академия наук, 2004. Издательство "Наука", художественное оформление, 2004, С. 62.

农村 38%（1347 万）的有劳动能力人口走向前线 and 工厂，其中男性和女性分别占 1243 万和 104 万人，短时间内无法弥补农业生产中行家里手的严重缺失。农民家庭平均规模明显减少，1941—1945 年平均每户农民由 4.1 人减至 3.5 人，同期每户农民有劳动能力者由 1.9 人减至 1.2 人，而有劳动能力的男性由 0.9 人减至 0.24 人。到 1945 年初，每 4 户农民才有 1 名胜任劳动的男子。可见农村男性劳动力的极度匮乏。¹根据巴什基尔地区农业部门的资料 1942 年与 1940 年相比，有劳动能力的人在战争开始时减少了 36%，身体健全的男性农工的数目下降了 30% 以上。这种情况更严重的破坏了农村的人口比例，导致农村人口男女比例严重失调。在农村中人口性别比，1943 年年初，在农村成年人女性占 70% 以上。通过以上数据可以看出该地区农业生产主要力量自然而然地落到了女性的身上。到 1944 年，在共和国集体农庄的担任领导岗位的女性 1.0% 到 15.9%，会计人员从 6.6 % 至 46.5%，其中班组长团队领导人从 4.8% 至 36.0%，畜牧场的管理人员从 9.5 % 到 59.1% 生产。²

上述情况表明，战争开始以后，苏联农业劳动力十分匮乏，所缺少的不仅仅是农村的农业生产方面的劳动力，而且还缺乏各种其他方面的人员，包括领导人员、管理人员、会计人员等等。这些人员有些需要专业知识，有些需要专门培养，并不是任何人马上就能胜任的。在这种情况下，苏联农村妇女顶住压力，承担了许多繁重的工作。

笔者所了解的苏联妇女在卫国战争期间参加的农业领域的工作例证主要有如下几个方面：

1. 女性干部

战争开始以后，大部分农业劳动力都奔赴前线作战去了，据统计，当时苏联红军战士中有 60% 以上来自农村，由此可见农村男性的缺乏。特别是农村一些管理人员的缺乏显得尤为突出。战争初期，至少 60%—70% 的集体农庄主席和队长奔赴前线，造成农村严重缺乏真正懂业务有能力的干部。在全国选拔和培训集体农庄干部，尤其是妇女干部成为当务之急。1940—1944 年，女性集体农庄主席由 2.6% 增至 11.8%，女性会计从 10.1% 增至 56.4%，女性队长从 4.6% 增至 41.2%，畜牧场的女负责人从 16.1% 增至 49.2%，近 40 万妇女担任了集体农庄领导职务。女性成为农业生产主要的组织者，她们为农业生产的发展作出了重要的贡献。³

¹ Анисков В.Т., Крестьянство против фашизма 1941 -1945. Москва: Памятники ист. Мысли 2003, С. 369.

² Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной

безопасности. Екатеринбург. Институт истории и археологии УрО РАН. 2005, С. 113.

³ История советского крестьянства... Т. 3. , С. 225.

女性在战争期间充当各个级别、各种部门的领导干部的事例并不少见。例如在 1943 年，莫斯科省拉明斯克区格列博夫“曙光”集体农庄青年团员的活动获得了巨大的成就，而这个集体农庄领导层中就有许多女性干部，女青年团员们负责领导集体农庄的意义在当时就被人们所重视。女青年团员季娜依达·华西列夫娜·马吉娜被选为集体农庄主席，她很受农民爱戴，具有很高的威信。女青年团员瓦利雅·司徒洛娃掌握养禽场的工作。她为这一工作献出了她的全部力量。女青年团员尼娜及克拉芙迪雅·西沃威负责集体农庄折的统计工作。运输工作队完全由青年团员组成。女性农民在苏联最艰苦最危险的岁月中表现了对自己祖国无限的热爱。她们充分发挥了自己的组织才能与经济才能，以供给 900—1100 万红军官兵和平民的食品。集体农庄制度使苏联女农民解除了富农的奴役，在各方面都使她们与男子享有平等的权利。集体农庄制度在人类史上第一次使女农民参加了创造性的公共劳动，提拔了许多卓越的有才能的女性农民担任领导职务。她们对于国家利益具有高度的觉悟，对自己的祖国无限热爱，具有强烈的苏维埃爱国主义精神。女性农民在战争中担负着集体农庄生产的责任，正是这一精神的体现。¹

2. 女拖拉机手

在卫国战争期间，女拖拉机手具有十分重要的作用，因为要生产粮食就必须耕地、翻地、播种、收割等等，没有拖拉机是不行的。在 1943 年，全体集体农庄农民所完成的总劳动量中有百分之七十以上是由妇女来承担的。女性代替上前线去了的男人领导工作队，做拖拉机手、康拜因机手、汽车司机。在战争的第一年，女拖拉机手的数目增加了十倍，女康拜因机手及女汽车司机的数目增加了六倍，女拖拉机工作队队长的数目增加了九倍。1944 年，有 81% 的拖拉机和 62% 的康拜因机都由妇女驾驶，可是战前康拜因机手和拖拉机手中妇女只占百分之九。1944 年，后方共有 5585 只女子拖拉机队和包含女团员组成的 2 万多只拖拉机队参加生产竞赛，对确保东部地区，尤其是西伯利亚地区农业生产的正常运行帮助甚大。²

梁赞省雷布诺夫拖拉机站著名女拖拉机手青年团员达利亚·格尔马什的工作队，在拖拉机工作队竞赛中几次夺得全苏联的冠军。她创了劳动生产率的最高纪录。1942 年，这个工作队每一部轮带拖拉机翻耕了 1084 公顷，1943 年翻耕了 1318 公顷，1944 年翻耕了 1866 公顷，而在

---

¹ Война и общество, 1941—1945: Коллектив авторов, Российская академия наук, 2004. Издательство "Наука", художественное оформление, 2004, С. 55.

² Анисков В.Т., Крестьянство против фашизма 1941—1945. Москва: Памятники ист. Мысли 2003, С.109.

1945年翻耕了1903公顷。达利亚·格尔马什的名字传遍全国。集体农庄中千千万万的青年妇女都学习格尔马什及其女工友的卓越的榜样。政府给这位著名的女拖拉机手颁发了斯大林奖金。她的工作队收到数千封贺信。著名的女拖拉机手、共产党员普拉斯科维娅·尼吉梯奇娜·安格林娜的工作队，曾经英勇地辛勤劳动着。当战火蔓延到了她的故乡——乌克兰的斯塔罗·别雪沃村时，普拉斯科维娅·尼吉梯奇娜·安格林娜冒着炸弹爆炸的危险指挥大家往车厢中装载她的工作队的机器。她与工友们一同在哈萨克集体农庄工作了两年，帮助集体农庄收割庄稼。1944年春天，安格林娜同志回到斯塔罗·别雪沃村。她以极大的热情开展集体农庄生产的恢复工作。安格林娜工作队的每一台十五马力的拖拉机的耕作量都高于一千公顷。因此，政府授予安格林娜社会主义劳动英雄的称号。¹

3. 女性担任挤奶工和养猪工以及其他工种的工作

卫国战争爆发以后，集体农庄很善于动员自己的一切劳动潜力为战时服务，这中间包括对女性农民的动员和使用。当时，从事其他农业生产工作的集体农民更充分地利用他们的劳动时间，因而节约出一部分人力来参加收割工作。例如，挤奶女工以前挤12头乳牛，后来挤14头，饲养女工以前饲养25头牛犊，后来饲养40头，饲猪女工以前饲猪仔15头，以后饲养30头。虽然动员了大量集体农民参军去了，集体农庄经济中参加工作的人，数目并未明显减少，从全面来看，只减少了百分之七，而有些个别部门，甚至由于吸收妇女、老人及少年参加农业生产，增加了人数。农村女性成为农业最为重要的劳动力。妇女还担当了当起播种工、耙地工、收割工、养马员、养羊员和挤奶员等农业领域多个工种的工作。²

战争是对苏联人民物质力量和精神力量的全面考验。战争期间，大部分青壮年男性奔赴战场，女性自然成为维系家庭乃至国家正常运转的核心力量。苏联妇女响应国家号召，在农业生产部门中辛苦工作，为国家提供了基本的生活物资和工业原料，展现了爱国主义和英雄主义的优良品质。从一定程度上可以说她们也是卫国战争胜利的功臣，成为苏联历史的创造者，她们的行动改写了两性关系。誓死捍卫自己的祖国土地免遭敌寇侵略的决心，向来就是劳动农民的特征。但是，苏联农民对于捍卫祖国的事业，却从来没有像在伟大卫国战争年代中所表现的那样深沉而炽烈。这样强烈的爱国高潮，将一切都贡献给祖国的决心，对全民

---

¹ Анисков В.Т., Крестьянство против фашизма 1941—1945. Москва: Памятники ист. Мысли 2003, С.109.

² Анисков В.Т., Крестьянство против фашизма 1941—1945. Москва: Памятники ист. Мысли 2003, С.110.

利益的高度觉悟，都是乡村里史无前例的。这一切与苏联共产党的战时宣传组织密不可分。

苏联为反法西斯战争的胜利支付了高昂的代价，损失了大约 2700 万人，¹据估计超过 60%的受害者是农村人口。²毫无疑问，在二次世界大战不被最高苏维埃和军事领导人，特别是斯大林的错误和失败所累，国家所遭受的重创和受害者会低得多。不能否认的是共产党是伟大卫国战争时期苏联人民胜利的鼓舞者和组织者，她激励苏联人民投入到正义的解放战争中去，把苏维埃社会主义共和国变成一个统一的战斗阵营，号召国内所有的物质和精神力量来击溃法西斯德国侵略者的进攻。

由于东正教在苏联农民中有着千年的文化积淀，根据西方学者霍思金的介绍，在 1939 年以前，苏联政府不仅破坏了大量的东正教教堂，还迫害了东正教教徒。到二战初期，大约有 500 名主教、至少 40000 名东正教神职人员以及众多的信徒被杀或者投入监狱。在苏联卫国战争形势恶劣的情况下，斯大林在 1943 年放宽了宗教政策。³由此看来，在卫国战争之前，苏联共产党和政府的宗教政策十分不利于东正教在俄罗斯的存在和发展。

根据苏联学者的研究，在卫国战争之前，苏联有相当一部分人口信仰东正教，尤其是在农村地区，俄语里农民即可翻译为东正教教徒。在 1937 年人口普查中，约有 56.7%信徒即 5530 万，成人人口不信的人为 4220 万人。⁴

由于东正教文化对女性深深的吸引力，农村女性信徒众多，苏联共产党和政府及时调整战时的宗教政策，积极调动广大东正教教徒的积极性，借助东正教的影响，号召女信徒和深受东正教文化影响的女性一同反法西斯侵略，夺取反法西斯战争的伟大胜利。

反法西斯战争中苏联女性的贡献是有其思想根源的。俄罗斯民族的东正教文化传统是苏联女性贡献的重要源泉；苏联共产党的领导是女性贡献的重要支持因素；苏联女性在卫国战争中所表现出来的爱国主义、英雄主义、国际主义和英勇无畏的自我牺牲精神是俄罗斯女性精神的继

---

¹ Война и общество, 1941-1945: Коллектив авторов, Российская академия наук, 2004. Издательство "Наука", художественное оформление, 2004, С. 75.

² История советского крестьянства: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938-1945). М., 1987, Т. 3.; Война и общество, 1941-1945: Коллектив авторов, Российская академия наук, 2004, Издательство "Наука", художественное оформление, 2004, С. 75.

³ Geoffrey A. Hosking, Church, Nation and State in Russia and Ukraine, St. Martin's Press, New York, 1991, pp. 215-228, 转引自董小川:《现代欧美国家宗教多元化的历史与现实》。

⁴ Кульков Е.Н., Мировые войны 20 века. Москва: Наука, 2002, С.464.

承和发展。

战争的历史表明，俄罗斯（苏联）女性并不是弱势性别，她们与男性一起经受着战争的严酷考验，战争的胜利与俄罗斯女人的付出息息相关。由此看来，苏联女性在卫国战争中的贡献是不可忽略的。特别是她们在战争中所表现出来的那种自我牺牲精神、爱国主义情节、英雄主义气概，使人们深深感到苏联女性的伟大。

四、参考文献

- [1] Анисков В.Т., Крестьянство против фашизма 1941 -1945. Москва: Памятники ист. Мысл. [2] Мурманцева В.С., Советские женщины в Великой Отечественной войне 1941 – 1945. Москва мысль.1979.
- [3] Война и общество, 1941—1945: Коллектив авторов, Российская академия наук, 2004, Издательство "Наука", художественное оформление, 2004.
- [4] Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Екатеринбург. Институт истории и археологии УрО РАН. 2005.
- [5] История советского крестьянства: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938-1945). М., 1987, Т. 3.
- [6] Кульков Е.Н., Мировые войны 20 века. Москва:Наука, 2002.
- [7] Geoffrey A. Hosking, Church, Nation and State in Russia and Ukraine, St. Martin's Press, NewYork, 1991.
- [8] [苏] 安·米·潘克拉托娃：《苏联通史》第 3 卷，北京：生活·读书·新知三联书店，1954 年。
- [9] 傅树政，雷丽平：《俄国东正教教会与国家》，北京：社会科学文献出版社，2001 年。
- [10] 张建华：《俄国史》，北京：人民出版社，2014 年。

白俄罗斯汉语教学与发展研究与策略

Ван Юхун 王宇红, Ли Мейцзи 李梅子

*Китайский нефтяной университет, пров. Шаньдун, 266580, проспект
Чанцзянсилу 66., г. Циндао, Китай, van-vong@yandex.ru*

一、白俄罗斯高校的汉语教学情况

2015年5月中国国家主席习近平和白俄罗斯总统卢卡申科共同发表的《中华人民共和国和白俄罗斯共和国关于进一步发展和深化全面战略伙伴关系的联合声明》中指出,双方将在未来努力传播双方国家的文化和习俗,在双方国家创建文化中心,在白俄罗斯发展汉学研究。还将在白俄罗斯建立丝绸之路研究院、中白发展分析中心等教育机构,向白俄罗斯和周边国家传授开展两国项目合作的方法和技术等。中方将继续支持在白俄罗斯扩大汉语教学规模,完善孔子学院活动等。[1]截止到2017年底白俄罗斯已建立了4所孔子学院和7个孔子课堂。[2]

自1998年开始,白俄罗斯国立大学和明斯克国立语言大学开设了中文翻译专业。2001年白俄罗斯国立大学开设了中文师范专业,同年在白俄罗斯国立师范大学、戈梅利国立大学、维捷布斯克国立大学和格罗德诺国立大学开设汉语和中国文化课程。此外,汉语学习和中国文化研究还在白俄罗斯国立经济大学、莫吉廖夫国立大学、白俄罗斯国立农业科学院、白俄罗斯国际大学等高等教育机构中进行。2006年11月白俄罗斯教育部与中国国家汉语办公室签署了在白俄罗斯进行汉语教学方面的系列合作协议。2006年12月白俄罗斯国立大学的教育中心成立了白俄罗斯第一所孔子学院,之后相继在白俄罗斯建立了明斯克国立语言大学孔子学院和白俄罗斯国家技术大学孔子学院,后者更是中国在国际上建立的第一所技术型孔子学院。2015年11月在白俄罗斯国立体育大学建立了孔子课堂,孔子课堂以中国武术文化传播美誉白俄。此后2016年5月在白俄罗斯格罗德诺国立大学建立了孔子课堂。2017年11月在白俄罗斯戈梅利州成功建立了斯卡林纳国立大学孔子学院。2018年初在明斯克语言大学建立了白俄罗斯第一个汉语系,该系将成为培养国际经贸、国际关系和旅游等方面的汉语专业人才的基地,明斯克国立语言大学也开展了汉语教师培训工作。[3]

孔子学院和孔子课堂为两国多领域合作起到了重要的作用,可以说该机构是中白教育、文化、经济、体育等方面信息沟通、咨询、服务、合作的优质平台。

二、白俄罗斯中小学汉语教学情况

多年来白俄罗斯的孔子学院和孔子课堂在汉语教学和中国文化普及方面发挥着重要的作用。白俄罗斯首都明斯克市教育部门在中等教育机构大力推广汉语教学，2006年9月明斯克第23文科重点中小学一体化学校被选定为首批开设汉语教学的中小学之一，校方对此高度重视，学生的学习热情也日益高涨。截止到2017/2018学年，第23文科重点中小学一体化学校共有在校学生443人，其中学习汉语的学生人数为235，占学生总数的53%。自2006年起，白俄罗斯中小学汉语教学成效显著，无论是在教授汉语的中小学数量上，还是学习汉语的学生人数上都在急剧增加。而2015年汉语课程已经纳入白俄罗斯中升高考试体系中，一些白俄罗斯中小学的汉语学生还可以参加中考汉语课程考试。[4]

在文化教育方面，中国文化中心和白俄罗斯文化中心相继成立，白俄罗斯教育部将汉语列为其高考外语科目之一。[5, C. 121] 白俄罗斯教育部于2017年10月26日颁布了《2017-2022年汉语教学与研究体系国家发展战略》№648法令，以保障白俄罗斯各个专业领域的汉语人才需求。[6, C. 16] 该战略政策以五年为期，预计在计划期限内以汉语作为第一外语的中学生人数将达4万人。[7] 该战略在白俄罗斯地区大学和中小学展开，其人才培养的目标是培养发展两国经济合作的专家。[21] 在中国驻白俄罗斯大使馆教育处和白俄罗斯教育部以及联合国教科文组织驻白俄罗斯办事处的共同努力下在白俄罗斯每年都举行奥林匹克竞赛和中小學生汉语夏令营活动，有利于学习汉语的中小学学生进一步了解中国文化、学习汉语和应用汉语。不仅这样，中国政府对白俄罗斯切尔诺贝利核事故灾区200名青少年邀请赴中国疗养，增进了与中国小朋友的相互了解，结下了深厚的友谊。[9]

三、两国各方面的合作增加对汉语专业人才的需求

白俄罗斯位于丝绸之路在欧亚大陆经济带的枢纽位置，更是积极推进中国“一带一路”战略政策的忠实支持者。白俄罗斯致力于全方位发展同中国的战略合作伙伴关系，发展两国在投资、经贸、农业和创新领域的双边合作正在逐步加强。两国在多边场合也开展了富有成果的协作，中国的大力支持很大程度上帮助白俄罗斯巩固了在上海合作组织及“16+1合作”框架中的地位。[10] 为实现两国科学和教育合作，需要在各个领域培养与汉语知识有关的专家

最近几年两国通过传媒和智库的合作，务实合作“鼓与呼”的成效显著，为中国和白俄罗斯两国人民创造了良好的国际舆论环境。[11]

中白工业园投资吸引力不断增强，中国企业的在白俄罗斯的数量不断增加，科技、航空、军事、教育等方面的各方面的合作为广大汉语学习者提供了更多的工作机会和发展平台，同时也对白俄罗斯的汉语教学工作提出了更高的要求。语言、人才问题是制约两国文化合作的障碍，

两国联合培养专业人才可以通过政府间协议进行实施，从而解决语言、人才问题的障碍。应针对两国语言、文化、国情、法律以及市场知识方面进行培训，从而促进两国相互了解，丰富文化交流、培养和储备人才。

四、白俄罗斯汉语教学未来发展的建议

目前白俄罗斯的汉语教学发展迅速，但还没有完全达到普及，为了使汉语教学取得更高效的成果，建议从以下几个方面着手：

(一)、在各级教育机构中制定完善的汉语教学体系，根据学生年龄层次及兴趣，提供汉语选修课、必修课、兴趣课、中国国情课等多种教学方法；

(二)、教学对象主要有：各年级中小学生、汉语专业大学生、对汉语感兴趣的社会人士、有汉语需求的工作人员等，针对当地国情及不同人群、需求编写既科学又实用的汉语学习教材，并制定科学合理的教学大纲；

(三)、培养高素质的汉语教师队伍，汉语教师上岗前需经过专业的培训和相关的能力审核，建立汉语教师教育培训机制；

(四)、建立有效的管理机构及管理体系，规范汉语教学的各项工作，开展并加强各汉语教学单位的教学交流；

(五)、完善汉语教学设备，为汉语教学工作的顺利开展奠定基础；

语言是人类交流的重要工具，肩负着传递各国家政治、经济和文化信息、进行国际交流的重任。国务院副总理刘延东在中外人文交流工作座谈会上强调：要将人文交流理念贯穿对外交往各领域，实现学界、文化界、商界、媒体、智库等各行各业参与，加强与世界各国的互容、互鉴、互通，为构建人类命运共同体、共创人类社会美好未来注入更多正能量、暖力量。[12]所以白俄罗斯汉语教学事业关系着中白两国各方面的合作与发展，将成为两国实现全面战略合作伙伴的重要基石。

参考文献：

[1]. 中华人民共和国和白俄罗斯共和国关于进一步发展和深化全面战略伙伴关系的联合声明，人民日报，2015-5-11(2)

[2]. 孔子学院 2017 年度发展报告 [J]. 孔子学院总部 / 国家汉办 .2017: 65[EB/OL]. <http://www.hanban.org/report/2017.pdf>

[3]. 明斯克语言大学建立了白俄罗斯第一所汉语系 [EB/OL].<https://www.mslu.by/news/china>

[4]. 白俄罗斯塔斯社《白俄罗斯第一次将汉语作为中考考试科目》[EB/OL].<http://www.belta.by/society/view/minobrazovanija-belarusi-utverdilo-grafik-provedenija-tsentralizovannogo-testirovanija-152190-2015/>

[5]. 赵会荣，对中国与白俄罗斯关系的分析与思考[J]. 国外理论动态，2017 (11) : 120-127

[6]. Карпенко, И.В. Приветственное слово министра образования Республики Беларусь [С] , Развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере высшего

образования в рамках проекта «Пояс и Путь». 2017 (1):16-19

[7]. 白俄罗斯教育部《2017-2022 年将汉语教学与研究体系作为国家发展战略》预估五年增加学生人数 4 万：[EB/OL].[https:// news.rambler.ru/education/37899488-eksklyuziv-ya-gord-tem-cto-ot-imeni-svoey-strany-podpisal-soglashenie-s-kitaem-ot-sotrudnichestve-v-oblasti-prepodavaniya-kitayskogo-yazyka/](https://news.rambler.ru/education/37899488-eksklyuziv-ya-gord-tem-cto-ot-imeni-svoey-strany-podpisal-soglashenie-s-kitaem-ot-sotrudnichestve-v-oblasti-prepodavaniya-kitayskogo-yazyka/)

[8]. 白俄罗斯塔斯社《白俄罗斯制定汉语教学战略》人才培养目标 [EB/OL]. <http://www.belta.by/society/view/v-belarusi-razrabotali-strategiju-obuchenija-kitajskomu-jazyku-273289-2017/>

[9]. 习近平在白俄罗斯媒体发表署名文章，新华每日电讯，2015-5-9 (2)

[10]. 专访：白俄罗斯希望与中国继续加强各领域务实合作 [EB/OL]. http://www.gov.cn/xinwen/2018-05/26/content_5293913.htm

[11]. 张树华，世界政治新常态下的中白全面战略合作 [C]，проблемы сопряжения экономического пояса шекового пути азий европейского экомномичского союза, 2017: 22-26.

[12]. 刘延东在中外人文交流工作座谈会上强调：加强和改进中外人文交流推动构建人类命运共同体 [EB/OL]. <https://www.sinoss.net/2018/0208/81392.html>

html

浅析中国传统色彩在媒体语篇《延禧攻略》中的应用

琚群

随着时代的发展，中国传统文化备受关注。影视作品越来越注重对历史的还原，这成为现代影视发展中重要的方向。而《延禧攻略》一剧一经播出，便引起了观众对于中国传统色彩的热烈讨论，恰当运用的色彩让人耳目一新。

从大自然到人类社会，无一不被色彩充斥着，人类无法离开色彩填充的世界。人们利用色彩认识世界，表达情绪。中华文化博大精深，而中国传统色彩就是中华文化中最为璀璨的一部分。中国人对于色彩的应用早从仰韶文化时期就有体现，新石器的彩陶文化时就已出现黑、白、红三色，到了汉唐时期更有色彩丰富的丝绸制品。色彩跟随着时代的发展也在不断地发展，但中国传统色彩由于其形成的文化背景区别于其他色彩文化的形成，使其拥有一种独特的色彩文化魅力。《延禧攻略》打破了以往影视剧所惯用的鲜艳色彩，高度还原了历史中色彩的样貌。

1 中国传统色彩体系

色彩在不同民族、不同历史时期具有不同的文化内涵，受主流文化的影响并产生一定的作用，形成不同的色彩理念。中国传统色彩的发展离

不开中国传统文化的发展，在儒、道、教等多种思想碰撞下，经过长期的社会实践，逐渐形成了流传至今的中国传统色彩体系。

中国的色彩文化理论的形成早于西方色彩文化数千年，是吸取了中华千年文明历史文化的精髓而形成的理论体系。《尚书·洪范》中说：“一曰水，二曰火，三曰木，四曰金，五曰土。”五行学说认为世界万物都源于五行，五行相互作用。在人类生活和自然中常常利用五行学说去解释一些事物和现象，如董仲舒提出的四季的轮回和五行的联系，并指出：春生木，夏生火，春秋生土，秋生金，冬生水。

2 中国传统色彩在影视剧中的应用

媒体语篇是俄语媒体语言研究的基础和基本研究单位。现阶段，媒体语篇已逐渐成为媒体语言学、媒体修辞学、媒体文化学以及媒体教育学等语言、哲学、教育学等学科的基本研究范畴。也可以说，媒体语篇理论作为语篇理论的一个组成部分也正在逐渐从中剥离出来。这就要求我们在现代语言研究的背景下再次审视和界定这一语言现象。

在影视作品中，往往制作者会利用后期调色对整个作品进行一定的色彩处理，已达到他所期待的画面感。色彩作为影视作品中重要的艺术表现形式之一，他对于整部影视作品表达的情感起到重要作用。影视作品往往希望能够将观众带入故事中去，可以通过色彩营造出特殊的历史氛围和社会文化背景。如媒体语篇《延禧攻略》中，以中国传统色彩作为基调，高度还原历史上清代的色彩风格，为观众还原一个时代的故事。

影视剧《延禧攻略》能够在同类影视剧中脱颖而出，最重要的是其区别于其他影视剧色彩鲜艳的画面，其画面色彩设计为了符合历史上乾隆时期的色彩风格，在后期调色时基于绢本画作麦色底色的基调上，对于不同的时间、场景、故事、人物根据其特征进行调整，在保证画面固有色彩的基础上叠加其他色彩才形成最终我们看到的具有历史感的画面效果。

每一种色彩都有着其独特的表达，色彩包含的意义受其环境变化的影响。色彩在影视剧中可以淋漓尽致地雕刻出人物的性格特征，在体现人物的关系上也起到了重大作用。如在《延禧攻略》中在拍摄皇帝的养心殿时，画面色调加入了一定比例的明黄色，为了彰显皇帝九五至尊的地位；在拍摄皇后时，色调多采用杏黄色，皇后性格贤良温厚，杏黄色相较于明黄色来说更加温暖平和，在凸显人物地位的同时也符合人物的性格。在剧中性格发生变化最大的应当就是娴妃，在开篇时她心系皇帝，与世无争，所以画面多采用一些较为清丽的色调，当她经历家庭变故，

母亲自杀以及弟弟入狱后，她的画面加入了较为沉重的色调，从这里也能感受到人物的心理变化。

在媒体语篇中应用中国传统文化，对于文化传承和弘扬起到一定作用。当今社会，色彩文化的地位日益上升。世界各国对于自己的色彩文化都有一套建立在科学化基础上的理论体系，并不断随着社会的发展而发展。中国传统色彩文化相较于其他国家的色彩文化来说，虽然有深厚的历史却缺少符合现代社会色彩文化发展的条件。当代中国青年对于中国传统色彩缺乏了解，他们接受的美学教育多来自西方美术文化。将中国传统色彩与现代化表现手法相结合，探索并建立起完整的体系，将传统色彩文化进行现代化应用，进一步发展和传承中国传统文化。

白俄罗斯文化空间下的儒家概念解读

Юн Хао 袁昊

*Тяньцзиньский университет иностранных языков,
г. Тяньцзинь, Китай, 15122554565@163.com*

引言

自《周易》产生以来，虽然中国社会经历了上百次的朝代更迭，但是中国人的基本价值观念保持了相对的稳定性，并且以儒家为代表的各个思想流派在数千年的中华文明发展历程中并不是一成不变的，而是随着时代的变化，随着所处社会环境的变化，顺应统治者和人民的需要，与不同学说兼容，不断更新变化自身的内涵，并且对中华民族的民族性的形成产生了深远影响。本文选取了主要儒家概念作为研究对象，从术语学角度对其进行解读，运用深度翻译的方法对这些概念的对外翻译进行阐释，并且通过对白俄罗斯学者的研究成果分析儒家思想的对外传播情况。

儒家概念解读

本文从术语学角度对儒家主要概念进行研究的意义在于：“术语作为重要的‘科学工具’之一，不仅承载、传播专业知识，还具有参与科学认知、开发新知识的启发功能”。[1, c.21] 儒家术语作为重要的中国传统哲学和道德思想的承载者，最重要的功能在于保存和传承文化信息，形成中华民族有别于其他民族的世界观和价值观，在中华民族看待世界和改造世界的过程中起到重要的指导作用，并且会随着实践的发展不断丰富自己的内涵。

根据库兹金（Кузькин Н. П.）在“术语的实质问题”一文中提出对术语的特征的界定：“术语在术语系统内部是单义的，没有同义术语；准确；有系统属性，即与术语系统中的其他术语相关联；准确指示所对应系统中的客体；便于构成派生术语；符合语言的构词规律；简洁；没有感情色彩和表现力”，[2, с.140-141] 本文选择了儒家主要道德原则“三纲五常”中的“五常”：仁、义、礼、智、信。“五常”是中国传统价值体系中的精髓部分，在中华文明数千年的发展过程中，起到了维护社会稳定、规范人们行为的作用，是我们需要继承和发扬的部分。因此，本文将会探讨这五种儒家术语的内涵以及相应的俄语译法，分析可能存在的问题，并给出我们的建议。

首先，“儒家（конфуцианство）”很明显也是一个术语，但是笔者对这一译名提出一些质疑。术语翻译的重要原则就是内涵的一致性，虽然“конфуцианство”是译者按照俄语构词法原则创造出的一个新词，具有术语的特点，但是该译名与“儒家”本身的内涵似乎并不一致。“конфуцианство”一词的词根是“конфуци-”，要指出的是，虽然孔子是儒家学说的创立者，但是在儒家诞生之初，其主要目的是为了恢复旧的周礼体制，只有经过后期一批儒家代表人物，诸如孟子、荀子、董仲舒、程颐、朱熹、陆九渊、王守仁等的不断完善发展，儒家的思想体系才能逐渐建立并且成为中华民族价值体系的重要组成部分。当然，我们不能否认孔子的重要性，但是也不能忽视其他代表人物的贡献，并且一个价值体系的建立并不是几个人就能完成的，人民群众的作用也不可掩盖，因此，为了让术语“儒家”的译名更加合理地指代它的涵义，本文建议参照术语“道家（даосизм）”的译法，将“儒家”也采取直接音译并添加后缀的方法，翻译成“жусизм”。

接下来，我们将会具体分析一下儒家的“五常”这五种术语，因为这五种术语属于中国独特的哲学观点，很难在俄语中找到相应的等值词汇，这类哲学术语的翻译属于文化翻译，而既然是文化翻译就必然涉及文化信息的转换问题，而译者需要了解的不仅仅是字面意思，更重要的是像外国读者传达内容更加丰富的文化信息。但是由于来自不同民族的人所处的文化环境不同，要想获得和原语者对文本的理解是非常困难的，所以本文尝试用深度翻译（thick translation）的方法，对这些术语进行解析。深度翻译是美国翻译理论家奎姆·阿皮亚（Kwame Appiah）提出的，在他看来，深度翻译是指翻译文本中，添加各种注释、评注和长篇序言，将翻译文本置于丰富的文化和语言环境中。[3, с.427] 为了使儒家“五常”术语实现语境化的目的，我们在翻译的时候需要向外国读者介绍五种术语产生的时间背景、发展的脉络、术语的内涵以及提出的目的。

儒家的“五常”思想的渊源源自孔子关于仁义礼智等伦理道德观念的

论述，而“五常”这一概念的正式提出源于西汉时期董仲舒的《春秋繁露》一书，他认为，仁、义、礼、智、信是处理君臣、父子、夫妻、上下尊卑关系的基本法则。而“五常”内涵真正形成还要归功于南宋的理学家朱熹，他将“五常”作为社会关系之间的准则。需要指出的是，虽然“五常”思想对儒家道德观的形成起到了积极的促进作用，但是在封建社会，“五常”存在的主要目的还是维护封建宗法等级体系和社会统一。因此，在进行每个术语的翻译之前，有必要就上述内容加上一段类似语境的文字：Понятие «пять незыблемых правил» происходит от высказываний Конфуция (551 – 479 до н.э.), но тогда он еще не упоминал о таком термине, как «信 (синь)». Данное понятие официально было выдвинуто в книге Дун Чжуншу (179 – 104 до н.э.) (основоположник ортодоксального конфуцианства) «Обильная роса летописи Чунью» (*идеологический трактат философа Дун Чжуншу*) в эпоху династии Западная Хань (206 г. до н.э. – 24 г. н.э.). Дун Чжуншу рассматривал эти пять принципов как основу для поддержания отношений феодальной иерархии. Наибольший вклад для формирования понятия «пять незыблемых правил» внес Чжу Си (1130 – 1200 гг), выдающийся конфуцианский философ династии Сун и основатель китайского неоконфуцианства. Следует отметить, что в древнем Китае основная цель формирования «пяти незыблемых правил» заключалась в том, чтобы поддерживать патриархальный строй феодального общества.

在进行“五常”各个术语具体分析的时候，由于这五个术语的内涵经过数千年的发展，与它们诞生之初以及封建时代已经有所不同，而且在现代社会在对待这些术语时，我们需要更加重视它们内涵中对中华民族价值观构建起到积极意义的部分。下面我们就对这五个术语进行逐一分析。

1、仁 (Жэнь)

按照《哲学百科词典 (Философский энциклопедический словарь)》的译法，“仁”就是“человеколюбие”。“仁”是儒家思想的核心。早在孔子时期，就已经有了对“仁”的系统论述。孔子认为，“仁”就是“爱人”，而最典型的体现就是“亲亲 (любовь к родным)”，所以才有了孝悌是仁的根本的说法 (Основа «жэнь» – почтение к родителям и старшим братьям)。孟子对“仁”的思想进行了进一步的发展，他提到：“仁也者，人也。合而言之，道也”，大致意思就是，仁是人作为人成为人的最本质的属性，是人道的根本 (Жэнь является отличительной чертой человека и основой человечности)。而在朱熹看来，“仁”就是内在的“爱心”，但是这种爱并不是没有差别的爱，他强调爱的差异性，首先在家庭中做到孝悌，然后对上尽忠，对他人尽责 (Жэнь

представляет собой внутреннюю любовь. Но это не любовь ко всем без отличий. Чжу Си считал, что любовь – это прежде всего почтение к родителям и старшим братьям в семье, а уже затем преданность вышестоящим лицам и ответственность за свои поступки по отношению к другим людям). 按照 Ушаков 词典的定义, “ человеколюбие ” 的意思是 “ любовь к людям, милосердие ”. 所以, 尽管 “ человеколюбие ” 在一定程度上反映了 “ 仁 ” 的内涵, 但是 “ 仁 ” 更加强调差异性, 这是 “ человеколюбие ” 所不能表达的。

2、义 (И)

《哲学百科词典》中将 “ 义 ” 翻译成 “ справедливость ”. 要注意的是, 在儒家思想中, “ 义 ” 的内涵与俄语 “ справедливость ” 的意思并不一致. “ 义 ” 的基本涵义是 “ 应当 ”, “ 义者, 宜也 ”, 也就是说, 传统意义上, “ 义 ” 就是 целесообразный, 即人的行为一定要符合规范, 能做的就做, 不能做的就不做. 而 справедливость 的意思是 “ 公平, 正义 ”, 这只是 “ 义 ” 的内涵的一方面, 所以建议将 “ 义 ” 翻译为 “ целесообразность ”. 关于 “ 仁 ” 和 “ 义 ” 的关系, 孟子有一句很恰当的描述, 他曾说道: “ 仁, 人之安宅也; 义, 人之正路也 (Жэнь как комфортный дом для человека, а И как правильный путь к этому дому) ”. 他经常感慨, 为什么很多人有这么好的房子不去居住, 有这么好的道路不去走, 社会上 “ 仁义 ” 堪忧。

3、礼 (Ли)

按照 “ 哲学百科词典 ” 的译法, “ 礼 ” 就是 “ благонаравие ”. 古代中国所谓的 “ 礼 ” 是一系列非常繁杂的规则, 比如说国家典章制度、宗教仪式、社会习俗、礼仪规范 (В древнем Китае понятие «Ли» имело множество смыслов: оно могло быть законами, системами правил, религиозными ритуалами, обычаями и нормами поведений.). 因此, 实际上 “ 礼 ” 就是 « нормы во всех аспектах жизни страны и человека ».

4、智 (Чжи)

《哲学百科词典》中用 “ знание ” 来表示 “ 智 ”. 儒家思想中是这样理解 “ 智 ” 的: 智者, 知也, 无所不知也. 明白是非、曲直、邪正、真妄 (Чжи означает «знать, знать всё». Человек должен знать, что правильно, что справедливо и что истинно). 此外, “ 智 ” 除了用作动词, 还能表示作为名词的 “ 知识 ”. 所以, 在这里将 “ 智 ” 翻译为 “ знание ” 是合理的, 因为 “ знание ” 既能作为动词 “ знать ” 的动名词 (отглагольное существительное) 的形式, 也能表示抽象名词 “ 知识 ”.

5、信 (Синь)

《哲学百科词典》中并没有对 “ 信 ” 的翻译, 但是我们可以根据这个

汉字的构成窥探这个术语最初的涵义。“信”由两部分组成——“人”和“言”，所以“信”在早期的涵义就是“别人说的话”。因为在上古时期还没有纸，所以很多经验和知识都需要靠言传身教，而且这些知识和经验都是别人通过努力或者付出很多代价才换来的，因此儒家认为，如果一个人缺乏“智”，那么就需要相信并学习他人正确的经验。所以，“信”的意义就是“доверие”。

通过上述分析可以发现，大部分术语经过翻译之后会造成部分文化信息的缺失，或者翻译成外语之后会丧失术语的形式。如今在对待中国特色术语翻译的问题上，有一种观点认为可以采取音译的方式，这当然不失为一种解决办法，但是也会遇到很多问题，比如上面提到的术语“义”，如果音译为“И”，难免会对外国读者造成困扰。此外，汉语里存在着不计其数的同音异性异义词，所以，在翻译中国特色术语时还是要做到具体问题具体分析。

儒家思想在白俄罗斯的传播现状

如今，中华文化在海外传播最成功的载体就是孔子学院。目前在白俄罗斯包括即将在布列斯特设立的孔子学院在内一共开设了 5 所孔子学院，除了孔子学院之外还有两个孔子课堂，学员超过两万人。孔子学院和孔子课堂已经成了白俄罗斯民众学习汉语和了解中华文化的最佳选择。要指出的是，虽然孔子学院以孔子命名，但是孔子学院并不是单单传播儒家思想的机构，孔子在某种程度上已经成了中华文化传播的名片。当然，作为中华文化的重要组成部分的儒家学说，必然会成为孔子学院课程和活动不可避免的话题。

当前中国的迅速发展吸引了不少白俄罗斯学者对中国传统文化的浓厚兴趣，其中一些学者开始在儒家学说中寻找“中国现象”的原因。比如白俄罗斯国立大学哲学教授 Румянцева Т. Г. 在论文《Конфуцианство как основа консерватизма (уважения к традициям прошлого) социальной жизни Китая (儒家作为中国社会尊重传统的基础)》中就提到“中国改革的过程伴随着对传统的反思，必须将儒家优秀学说与中国的现实情况相结合”。(Целью такого переосмысления является необходимость приведения конфуцианской доктрины в соответствие с новейшими реалиями современного китайского общества.) 作者还认为，儒家思想对于现代市场经济的指示在于“儒家思想总是将道德摆在利益之上 (Система конфуцианства всегда славилась умением поставить нравственные начала выше хозяйственного меркантилизма.)”。[4, с.301]

此外，也有学者将目光转向中国政治文化中的儒家思想的影响。比如，Сидорейко Иван Васильевич 在论文《Конфуцианство и современная политическая культура Китая (儒家和现代中国政治文化)》中分析了现

代中能够过政治文化形成的因素，认为儒家思想对这一过程产生了重要影响。作者认为：“儒家价值观符合现代社会模式和民主特点（Насколько конфуцианские ценности соответствуют этосам общества модерна и демократии.）”。[5, с.58] Мельников Адам Петрович 在论文《Политическая культура Китая (中国政治文化)》也分析了中国政治文化中的传统文化影响，作者阐释了道家、佛教和儒家三个思想学派的主旨思想，列举了作者认为的儒家思想的精华部分：“宽容、爱世、中庸之道、对长辈的尊重、成熟的人道主义思想以及人本思想（С конфуцианством неразрывно связаны такие добродетели, как терпение, миролюбие и умение найти компромисс; предпочтение «золотой середины» во всем; неизменное благоговение перед предками, пожилыми людьми, а также зрелый гуманизм, ставящий человека в центр вселенной.）”。[6, с.3-4]

结语

儒家思想作为中国传统价值体系的重要组成部分，对中华民族的民族性的形成产生了深刻而长远的影响。本文从术语的角度分析了儒家主要概念，研究了它们的译名，发现了一些存在的问题，并且给出了相关的建议。术语翻译对于文化的传播影响重大，如果文化术语的译名与术语内涵本身不符，会造成外国读者的误读，也对中国声音的对外传播不利，因此我们要严肃对待这一问题。

儒家思想不仅在国内受到广泛关注，在白俄罗斯学界也吸引了不少注意力。当今中国的快速发展让白俄罗斯学者开始在中国传统思想中寻找答案，其中，儒家不可避免地成为了这些学者的关注重点，学者们将儒家思想精髓与中国现代政治相结合，得到了不少珍贵的研究成果。

参考文献

- [1] 吴丽坤. 2009. 俄罗斯术语学探究[M]. 北京: 商务印书馆.
- [2] Кузькин, Н. П. К вопросу о сущности термина[J] / Вестник ЛГУ. Л., 1962. No. 20. Вып. 4.
- [3] Kwame Anthony Appiah. Thick Translation[A] / in “The Translation Studies Reader” Lawrence Venuti[C]. Routledge, 2000.
- [4] Румянцева, Т. Г. Конфуцианство как основа консерватизма (уважения к традициям прошлого) социальной жизни Китая[A] / сб. Научных трудов. Вып. 9. Минск, БГУ, 2011. -с.294-301.
- [5] Сидорейко, И. В. Конфуцианство и современная политическая культура Китая[J] / Журнал международного права и международных отношений. МОО «Развитие». 2008. No.3.
- [6] Мельников, А. П. Политическая культура Китая[A] / Вестник Брестского университета. УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина».

基础俄语课程信仰教育实施手段研究

曹海艳(大连)

随着中俄两国关系的历史发展进程，俄语教学在新中国的发展已有几十年，经历了从最初的繁荣到没落，再到近年来的蓬勃发展。随着中国“一带一路”发展战略的提出以及与 21 世纪以来中俄战略合作关系的不断升级和加深，中俄之间的政治、经济和文化交流逐渐深入，为我国俄语教育和教学的发展奠定了坚实的基础。根据全国高校思想政治工作会议和全国教育大会等重要会议明确指出了高校肩负的历史使命，并一再强调高校思想政治工作的重要性问题，认为这项工作关系到高校培养什么样的人、如何培养人以及为谁培养人这个根本问题。同时，要求教师要坚持教书与育人相统一，要立德树人。那么如何将国家的教育方针运用到教学实践中去是一个亟需思考和解决的问题。本文拟以中国高校俄语专业基础阶段的《基础俄语》课程为例，探讨信仰教育实施的手段和方法等问题。

1. “信仰教育”概念的内涵与外延

一般而言，信仰指对某种思想或宗教及对某人某物的信奉和敬仰，并把它奉为自己的行为准则。宗教信仰是信仰中的一种，指信奉某种特定宗教的人群对其所信仰的神圣对象（包括特定的教理教义等），由崇拜认同而产生的坚定不移的信念及全身心的皈依。目前世界上存在基督教、印度教、佛教、伊斯兰教、犹太教等主要宗教，每一种宗教的教义、教规都各不相同，拥有着数量不等的信众。在历史上时有因宗教信仰的不同而发生激烈的冲突和斗争的情况。实际上，任何宗教的产生和发展都与一定的历史环境密切相关，能够体现出某一民族或群体特定历史条件下的内在精神价值观念等深刻内涵，并且它具有随着时代的发展而不断得到丰富的特点。可以说，“宗教不只是外显的迹象，它其实是人类生活的核心。要了解一个民族，不能不认识其信仰”[1,c. 1]。

人的价值观的形成是一个渐进的过程，在现实生活中我们的所见所闻是一个人价值观的“果”，而真正需要探究的则是形成这一结果的“因”。在长期以考试为导向的教育体制中，我们不自觉地忽视了对学生的道德、人格、情感培养部分的教育，高分并不能说明一切，而知识也不完全等

---

* 本文系大连理工大学 2019 年度教育教学改革立项项目《基础俄语课信仰教育实施手段研究与实践》（项目编号：YB2019085）的阶段性成果。

同于智慧，似乎也没有办法转化成为智慧，它没有办法解答有关信仰的问题。当今社会的物化、商品化过程是飞速的、令人震惊的，物质消费成了人们共同的价值观念。面对着这所谓“世风日下，人心不古”的时代境况，当代的教育工作者该如何自处，如何在教育工作的实践中与之对抗？又是否有能力与之对抗？这是一个严肃而深刻的问题。

人类社会已经进入到多元的时代，但是由于重商主义、唯利是图等价值观的影响，它同时又有向单一转化的趋向，而价值的单一化则是我们应该警醒的。如何对抗单一化的社会，我们认为，通过有效和合理的教育可以与之抗衡。不过首先我们要弄清楚，人应该具有哪些能力才能有力量与之对抗呢？我们认为，第一点就是需要内省的能力，而内省的能力的获得是需要教育的。“如果我们用‘因果’的概念来看这些问题，要改变‘果’就要改变‘因’，如果我们对于‘因’无能为力，这个‘果’也是理所当然”[2,c. 59]。拥有丰富的生命，也拥有丰富的人性，其中包含着一个人可以被当成人看待的意义与价值。不过信仰本身只是一个过程，进行信仰教育的目的不是追求某个看得见摸得着的终点，而是经过自身的内省和思考，甚至怀疑，进而培养出一种思辨能力。这是第二点。当今教育体系中存在的最大的毛病就是过于重视“结果”，唯高分论，急功近利，忽视思辨过程在个人成长和发展过程中的重要作用。批判性思维能力的获得离不开文化母体的滋养，人类一切优秀的文化传统和精神文化都可以成为滋养源。因此，“如何在生活中找回信仰，并把信仰导回心灵的本质，是现代社会当务之急”（2, P 83）。

严格地说，“信仰”是一个相对比较宽泛的概念，与一般的具有严格和完整体系的宗教是有区别的。它没有明确的教规、教义和特定的仪式等，它并非单一性的，可以与哲学相关，也可以是道德的实践力量，亦或是一次审美体验，美的完成……如若将其孤立，那就会变得非常危险。在本文中，我们这里所说的“信仰教育”与反省、内省、思考、怀疑息息相关，归根结底，实质上就是一种思辨能力的培养问题。结合当前我国的教育方针政策和教育的实际情况，“信仰教育”的内涵极为丰富，外延广泛，主要以包含爱国主义精神和中华民族的，乃至人类一切优秀的文化传统在内的精神文化和人类文明为根本，以培养有道德、有思想、善于内省、思考和怀疑的，具有积极的思辨能力的当代大学生为目的。

2. “大俄语”背景下的“信仰教育”现状

结合当前社会发展的趋势，我国的俄语教育教学领域出现了“大俄语”的发展趋势。所谓的“大俄语”指的是以俄语为中心，以此作为基础出发点，学术研究范围和视野不再仅限于俄语本身，而要不断拓展，向着人文、经济、贸易、技术合作的各个领域，向着更大的空间和地域延伸和发展。在这一理念的指导下，我国学者们认真总结了当前俄语教学中专

业课时数不足、教学方法较为落后、师资队伍水平亟待提高等现状，并积极为俄语未来的发展出谋划策，强调与时俱进，积极推进国际化以及加强特色发展的重要性等。

总的来说，当前我国在俄语教育教学方面的研究成果颇丰，呈现出与时俱进的发展趋势。具体的研究方向主要有以下三方面：

第一，探讨俄语课堂教学的方法。研究者们针对目前教学中存在的教学形式僵化，学生处于被动的状态等现状，积极探索新的教学方法。例如，有研究者提出体验式教学方法，转换了师生角色，激发了学生学习的自觉性和主动性，培养了学生不断创新的思维和意识。最近几年，各高校俄语专业不断推出“微课”、“金课”等在线课程，不断丰富教育教學的手段和方法，可谓力争与时俱进。

第二，注重文化渗透对语言学习的影响。针对我国俄语教学中一直存在的偏重语法知识和发音规则的现象，语言学习与文化和实践脱节等问题，研究者们指出，应该在俄语教学中广泛使用文化导入策略，通过文化讲座、典故引入法、词汇代入法等方法使学生对俄语的认知上升到语言和文化关系的层面。“语言文化相辅相成，相互影响，对目的国语言的数量掌握同时，对其文化的了解和研究是必不可少的”[3,c. 67]。与此同时，注重加强学生对中国文化的學習，并设置相关课程。

第三，“一带一路”背景下复合型俄语人才培养问题的探讨。该问题就研究内容而言，涵盖了从探讨复合型俄语人才培养的内涵、意义到探索创新人才培养的途径等诸多领域；就研究方法而言，多数学者偏向定性研究，定量研究较少。就培养模式而言，主要有“俄语+专业”双学位或辅修、“俄语+英语”的多语种复合以及“俄语+区域国别”的俄罗斯学培养模式。从复合型人才培养评价体系、个性化复合俄语人才培养模式、复合型人才培养新方向等多方面展开深入研究，可以为俄语人才培养提供借鉴。有研究者指出，“要尊重外语教学的特殊性和规律性……使学生在保证外语基本技能水平的同时，相关知识也能相应地提高”[4, c. 6]。

通过上述梳理我们发现，目前我国俄语教学者已经能够紧密结合当前国际发展大趋势以及国家发展战略，认真思考和着力培养与时俱进的、适应现代社会人才需求的俄语专业人才。特别是在注重对学生的人文素养培育和思想政治教育方面进行着积极的思考，但是与此同时，对于当代大学生的信仰教育的研究关注度不高，并且只停留于问题表面而未能进行深入的思考和探讨，对在教学实践中与之结合的具体方法研究的不足，我们的研究将试图寻找合理的、有效的方法将信仰教育融入到思想政治工作中去，寓教于思，寓教于行。

3. “信仰教育”在基础俄语课程中的应用

社会的发展和进步，要求教育培育出具有独立思考的个人，而缺乏

思想教育的引导，则使这一任务变得更加艰巨和遥不可及。因此，如何在教育当中一步步让思辨能力的种子在个人的内心深处生根发芽，进而建立稳固的基础是教育者工作的重中之重。换句话说，就是着力培育青年人的人文与精神的美。在下文中我们将以中国高校俄语专业本科基础阶段的《基础俄语》课程为例进行信仰教育实施手段和方法的探究。

3.1 《基础俄语》课程教材简介

据统计显示，目前我国设有俄语专业的高校所使用的大多是采用由外语教学与研究出版社出版的《东方大学俄语》（东方新版）系列教材，全套书共 8 册，其中 1—4 册适用于基础阶段，后 5—8 册适用于基础阶段。这是一套在《高等学校俄语专业教学大纲》指导下编写的教材，指导思想是：“以扎实的语言基本功训练为基础，将词汇知识学习与技能训练相结合，提升学生的语言质量，强化训练学生灵活运用所学语言知识的能力，提升他们的言语交际能力，发展语篇交际能力，全面提高学生的语言水平。”（5, P 2）由此可见，该书的主要内容集中于学生对俄语语言知识的学习和听、说、读、写等技能的提高之上，而相应地对对于学生的人文素养、审美品位以及思辨能力的培养则重视不足，这不能不说是一种缺失。我们将以《东方大学俄语（新版）学生用书. 4》为例，尝试进行以“信仰教育”为目的的教学方法和手段的探索。

《东方大学俄语（新版）学生用书. 4》一书共设有 12 课，每课由 1—3 篇课文组成，课文总词数约有 1100—1400。每课由引言开篇，简要概括该课主题，提领相关背景信息和学习要求。课后设置了一定数量的练习题和围绕课文的各种思考题、讨论题和辩论题等。可以说，内容丰富，形式多样。“旨在提升学生的语篇交际能力，引导他们进行独立思考并准确地完成富有逻辑性的连贯语表达，培养他们分析问题和解决问题的能力、思辨能力和严谨的科学精神”[5,c. 3]。但遗憾的是在实际教学过程中，由于课时所限、教师个人能力和知识、教学方法等方面的限制，本书编写者的良好目的并未能很好地得到实现。

3.2 《基础俄语》课程上的“信仰教育”

我们以《东方大学俄语（新版）学生用书. 4》的第一课《俄罗斯性格》（«Русский характер»）为例。《俄罗斯性格》是苏联时期著名作家阿·托尔斯泰的短篇小说，讲的在反法西斯战争中一个普通战士的一段“平凡”的故事。其中包含着强烈的爱国主义精神和人性之美。围绕着这篇文章，“信仰教育”的实施方法具体如下：

第一，语言层面。（1）以俄语语言的基本知识为基础，总结积极词汇。

名词：война, Первая мировая война, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, патриотизм, подвиг, орден, победа, фашисты,

герой, товарищ, лейтенант, солдат, снаряд, танк, госпиталь, медсестра, полк, генерал, инвалид, немец, повязка, поклон, сражение, рукав; 动词: воевать, выручить, отступить, загораться, выжить, виднеться, ощупывать, отворить, схватить; 形容词: военный, неторпливый, ненаглядный, суровый; 词组: русский характер, военная служба, вернуться в полк, схватить за руку, не в себе, дать слово, поклон от кого, старший лейтенант, говорить о том и о сем, просить у кого прощения 等等。

(2)相关的语法知识: 集合数词 (собирательные числительные) (变格、用法) 以及双部句主要成分的表示法 (主语、谓语的表示法)。

第二, 文学层面。俄罗斯“战争文学”介绍。

苏联战争文学的发展, 继承了 19 世纪俄罗斯文学描写战争的现实主义传统。列夫·托尔斯泰的《塞瓦斯托波尔故事》首开俄国战争文学的先河。

从 20 年代到二战后初期, 苏联战争文学着重从塑造英雄、建树功勋, 即人在战争中的积极作用的角度去描写战争。主要有: 20 世纪 20 年代, 涌现出描写苏联国内战争的三部“里程碑式”的作品: 富尔曼诺夫的《恰巴耶夫》(1923)、绥拉菲莫维奇的“革命战争的史诗”《铁流》(1924)、法捷耶夫的《毁灭》(1926) 以及肖洛霍夫的《静静的顿河》、尼·奥斯特洛夫斯基的《钢铁是怎样炼成的》和法捷耶夫的《青年近卫军》等。

20 世纪六七十年代, “全景性”小说也得到长足的发展, 出现了一大批描写苏联卫国战争广阔画面的长篇巨著, 无论是思想内容上或是艺术风格上, 都有别于四五十年代的“全景性”作品。这类作品重要的有邦达列夫的《热的雪》、西蒙诺夫的《生者与死者》、恰科夫斯基的《围困》和斯塔德纽克的《战争》等。

80 年代的苏联战争文学在“开放体系”的引导下, 继承了 70 年代文学的史诗性倾向, 道德、哲理倾向和心理探索倾向, 出现了题材融合的趋势。代表性作品有邦达列夫的《岸》和《戏》等。

第三, 思辨能力的锻炼: 课后讨论练习。

在学习过课文之后, 我们可以设置相关发展和培养思辨能力的思考问题:

(1) О чем говорится в рассказе «Русский характер»?

(2) Чем отличается русский характер?

(3) Человек в войне.

4. 结论

语言是文化的载体, 语言的学习离不开目的语国的历史文化背景, 同时也不能忽视学习者所植根的文学传统。我们强调的信仰教育重在培养人在道德、身体、知识、技能、智力、精神、灵魂和创造性等方面都

有所发展，成为一个真正的人，一个具有尊严和价值的人。简言之，我们进行的信仰教育的目的是“培养信仰、希望、爱的道德品质”[6,с. 338]。

参考文献:

- [1] 史密斯. 人的宗教[M]. 刘安云译. 海口: 海南出版社, 2013.
- [2] 蒋勋. 生活十讲[M]. 武汉: 长江文艺出版社, 2017.
- [3] 章自力, 许宏. 俄语教学理论与实践探索[Z]. 广州: 世界图书出版广东有限公司, 2017.
- [4] 刘利民. 中国的俄语教育: 传承与发展[J]. 中国俄语教学, 2017, (1).
- [5] 史铁强. 东方大学俄语(新版)学生用书. 4[Z]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2010.
- [6] Чеснокова Н.В. Опыт исследования воспитания веры, надежды и любви в педагогической науке[J]. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009, (1).

СОДЕРЖАНИЕ

Хмельницкий Н.Н. Китай-Беларусь: от диалога к сотрудничеству 3

КИТАЙСКО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

<i>Аксёничкова-Бирюкова А.А.</i> Сопоставительный анализ русских, белорусских и китайских фразеологизмов с компонентами <i>душа</i> и <i>сердце</i>	4
<i>Аксёничков-Бирюков С.Ю.</i> Соматические фразеологизмы в русском и китайском языках	10
<i>Ван Цяоши.</i> Текстовая скрепа «и последнее» и её перевод на китайский язык	14
<i>Бабкина П.С.</i> Непрямая коммуникация в сфере политической деятельности (на материале китайского и русского языков)	20
<i>Бакумова Е.В., Котельникова Н.Н.</i> Городская эпиграфика с позиций переводов (на материале городов Тяньцзинь и Волгоград)	26
<i>Ду Цзюань.</i> Словообразовательный потенциал и его интерпретация в русском и китайском языкознании	31
<i>Зданчук Н.В.</i> Белорусские товарные знаки на рынке Китая (на материале базы данных ВОИС).....	38
<i>Коваль В.И.</i> О внутренней форме белорусской этнофраземы <i>спаць у шапку</i> в связи с восточнославянскими и китайскими «шапочными» ритуалами.....	44
<i>Сунь Бовэнь.</i> Речевые формулы выражения просьбы в русском и китайском деловом общении.....	52
<i>Ціхановіч К.В.</i> Граматычнае асваенне кітайскіх тапонімаў у беларускай мове (на матэрыяле перакладной паэзіі)	60
<i>Фоменков И.Н., Фоменкова М.А.</i> <i>丝</i> ‘шёлк’ – слово и концепт в китайской лингвокультуре (на фоне европейских языков).....	67
<i>Холево А.С.</i> Косвенный перевод и порождаемые им переводческие несоответствия (на примере переводов прозы В.Быкова с белорусского на китайский язык)	76
<i>Чэн Тин.</i> Структура и способы изучения лингвокультурного концепта	82
<i>Касюк Н.С., Цзян Цюнь.</i> Новая общественно-политическая и экономическая лексика в китайском языке и её перевод на русский язык.....	91
<i>Лю Бо, Лю Юнь.</i> Современное представление концепта “бездельник” в русскоязычных СМИ.....	96
<i>Лю Бо, Ван Синьди.</i> Представления о фатализме в русском языковом сознании на материале пословиц	106
<i>Лю Бо, Луань Сьюй.</i> Гендерный аспект концептуального анализа лексем “мужчина” и “женщина” в толковых словарях русского языка	116
<i>У Нань, Лю Бо.</i> Концепт “любовь” в стихотворениях современного китайского поэта Сюй Чжимо	123
<i>Холево А.С.</i> Передача звукоподражательных единиц при переводе художественных текстов с китайского на русский язык.....	128

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, СВЯЗИ

<i>Латцёнак І.Б.</i> Характер развіцця беларуска-кітайскіх літаратурных узаема сувязей у галіне мастацкага перакладу	139
<i>Багдановіч І.Э.</i> Кітайскія матывы ў беларускай паэзіі 1920-х гг.: паэма “Шанхайскі шоўк” Алеся Дудара і іншыя творы	143
<i>Шахназарян Н.М.</i> Мировоззренческая картина мира современного писателя Китая и Беларуси (на материале Нобелевской речи Мо Яня и Светланы Алексиевич)	156
<i>Букатая А.М.</i> Своеобразие историзма в новейшей китайской прозе	170
<i>Жуковец В.В.</i> Китайская проза в Беларуси: рецепция и общая характеристика	179
<i>Крылова С.И.</i> “Извечное одиночество души”: Франц Кафка и Цань Сюэ	191
<i>Баравік М.А.</i> Роля нумералогіі ў традыцыйнай кітайскай паэзіі на прыкладзе творчасці Лі Бая	198
<i>Альшэўская А.С.</i> Реинкорнация в романе Мо Яня «Устал рождацца і ўміраць»: специфика создания образов-персонажей	208

КИТАЙ И БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И СТРАНОВЕДЕНИЕ

<i>Морозов А.В., Морозова Т.А.</i> Межкультурный диалог в процессе взаимодействия Республики Беларусь и Китайской Народной Республики	219
<i>Шахаб В.В.</i> Беларуская мова ў Кітаі як краіназнаўчы рэсурс	225
<i>Власюк Ю.Л., Ли Цзиньминь.</i> Сотрудничество Национального исторического музея Республики Беларусь с Китаем: выставки и другие культурные мероприятия	229
<i>Фу Сюэин, Прохоров С.В.</i> Мифологические опекуны дома в традиционной культуре белорусов и китайцев: общее и особенное	238

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

<i>Грынько С.Д.</i> Метадалогія і практыка рэалізацыі педагагічнага патэнцыялу музея пры навучанні кітайскіх студэнтаў мове	246
<i>Дылевская В.Ю.</i> Формирование умений сравнительного анализа поэтического текста в иностранной аудитории	254
<i>Игнатович Т.В.</i> Использование интерактивных приложений в курсе РКИ (элементарный и базовый уровни)	257
<i>Праскаловіч В.У.</i> Эўрыстычныя метады пры навучанні кітайскіх студэнтаў беларускай мове як замежнай	262
<i>Саматя І.Н.</i> Обучение чтению как способ развития русской речи китайских студентов	269
<i>Саніковіч І.М.</i> Формирование социокультурной компетенции китайских студентов при работе с текстами русских сказок о животных	274
<i>Скворцова Н.Н.</i> Семантика русского императива в аспекте усвоения её носителями китайского языка	280

<i>Рубаник Т.В., Тянь Хуэй.</i> Отбор публицистических текстов для обучения китайских студентов РКИ в Республике Беларусь на основе выявления их методического, лингвострановедческого и воспитательного потенциала.....	293
<i>Татьяненко М.А.</i> Концепция и структура ЭУМК по учебной дисциплине «Восточный иностранный язык (китайский) (вводный уровень).....	299
<i>Шантарович С.А.</i> Обучение лексике иностранных студентов.....	305
<i>Шахаб К.С.</i> Актуальные вопросы методики преподавания китайского языка для учащихся младшей школы.....	310

汉语与跨文化交际

闫茗会、姜群 俄汉女性抱怨语的语用对比研究.....	317
张巍、姜群 俄汉广告词汇差异对比.....	322
张昕悦 语言世界图景观与对外汉语教学—以汉俄语为例.....	326
赵丽君 跨文化交际视域下的对外汉语教材建设.....	328
祝菊、李艳春 俄语新闻标题句式的特点分析--以俄新社网络新闻为例.....	333
孙丽红 读 看苏联女性贡献.....	339
王宇红, 李梅子 白俄罗斯汉语教学与发展研究与策略.....	348
琚群 浅析中国传统色彩在媒体语篇中的应用.....	351
袁昊 白俄罗斯文化空间下的儒家概念解读.....	353
曹海艳 基础俄语课程信仰教育实施手段研究.....	359

Научное издание

**КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ,
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Материалы
международной научной конференции**

Минск, 17–18 мая 2019 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *С. А. Володько*

Подписано в печать 06.12.2019. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 20,6.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.